

В.Н.ВИНОГРАДОВ

РУМЫНИЯ

В ГОДЫ

ПЕРВОЙ

МИРОВОЙ

ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

В. Н. Виноградов

РУМЫНИЯ
В ГОДЫ
ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ



Издательство «Наука»

Москва 1969

Автор анализирует внешнеполитические планы румынских правящих кругов, показывает «двойную игру» правительства И. Брэтиану накануне вступления Румынии в войну. В книге прослежено обострение классовых противоречий и развитие революционного движения в этот период. Используя новые румынские и советские материалы, автор показывает огромное влияние Октябрьской революции на соседнюю Румынию.

В начале XX в. Балканы полностью оправдывали свою мрачную славу порохового погреба Европы. Аннексия Австро-Венгрией в 1908 г. двух славянских провинций, Боснии и Герцеговины, привела к крупному международному конфликту, правда, не переросшему в военный. Но вскоре беспокойный полуостров окутался дымом сражений. В 1912 г. Болгария, Сербия, Черногория и Греция, разгромив совместными усилиями турецкие войска, вернули захваченные турками еще в средние века земли. Мир и согласие, однако, недолго царили между союзниками. Перессорившись, они в следующем году прибегли к самому неразумному из аргументов при решении споров, а именно к оружию. На этот раз в конфликт вмешались и румынские правители, чтобы удовлетворить свои захватнические поползновения.

Вторая балканская война не разрешила, а еще более углубила и запутала политические и экономические противоречия на полуострове. Поэтому, когда 28 июня 1914 г. сербский студент Гаврила Принцип убил наследника австрийского престола Франца Фердинанда,— что было сочтено великими державами подходящим предлогом для развязывания мировой войны,— никто не сомневался, что правители прочих, помимо Сербии, балканских государств не останутся в стороне и воспользуются начавшейся схваткой для осуществления своих замыслов.

В настоящей работе предпринята попытка показать основные моменты истории Румынии в годы первой мировой войны: планы и расчеты руководителей ее буржуазии и помещиков, антивоенную борьбу пролетариата и его политического отряда,

социал-демократии, его позицию по вопросам войны, мира и революции.

Разумеется, румынская реакция, вступая в войну, не предвидела тех результатов, к которым она приведет: быстрому разгрому румынских войск, оккупации большей части страны неприятелем, полной неспособности правительства справиться с создавшимся положением, голоду и эпидемиям, и — как венец всего этого — возникновению в стране революционной ситуации.

В монографии анализируются особенности начавшегося в 1917—1918 гг. в Румынии под воздействием Февральской и особенно Великой Октябрьской социалистической революции в России революционного процесса: кризис в «верхах»; массовое движение рабочих и крестьян, его размах и требования; дальнейшее размежевание реформистского, центристского и революционного течений в социал-демократической партии; зарождение в недрах последней коммунистических групп и их эволюция к ленинизму; обстоятельства внутреннего и внешнего порядка, тормозившие перерастание революционной ситуации в революцию.

Автор выражает сердечную признательность своим коллегам из Институтов всеобщей истории, славяноведения и балканистики АН СССР, Библиотеки им. В. И. Ленина и МГУ, советы и помощь которых позволили завершить работу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕЖДУ ДВУМЯ
ЛАГЕРЯМИ

**СТРАНА
ИСТОРИЧЕСКИХ
КОНТРАСТОВ**

Румынский капитал поздно вступил на историческую арену. Во Франции лионские ткачи уже сражались на баррикадах; в Англии распространилось великое пролетарское движение чартизма, а в Дунайских княжествах капитализм еще только зарождался. Поэтому после революции 1848 г. и образования Румынии в 1859—1862 гг. буржуазия здесь стремилась наверстать «упущенное».

В объединении сил с помещиками она видела залог своего классового господства и была готова ради создания общего фронта против рабочих и крестьян оставить сильнейшие пережитки средневековья в сельском хозяйстве. Так возник союз бывших революционеров со столпами полуфеодальной помещичьей реакции, коалиция представителей торгового, банковского и промышленного капитала и латифундистов. Румыния превратилась в страну исторических контрастов. Железные дороги строились по последнему слову тогдашней техники. Бухарест стал «маленьким Парижем», в портах Констанце, Брэиле, Галаце возводились гигантские элеваторы, в нефтеносной долине реки Праховы высились лес вышек — и тут же рядом крестьянин ковырял землю дедовским плугом, жил в курной хате и одевался, как его предки триста лет назад, при Миахе Храбром.

Аграрная реформа 1864 г., разбив цепи личной зависимости, привязала крестьян к помещику не менее прочными экономическими узами. Малоземелье деревни явилось основой, на которой складывались отношения между ними. Накануне первой мировой войны из 1130 тыс. крестьянских дворов 477 тыс. имело до 2 га земли и еще 441 тыс. — 2—5 га. Если учесть, что 5 га составляли, при экстенсивном ведении хозяйства, минимум, необходимый для покрытия потребностей средней семьи, то окажется, что почти 920 тыс. семей бились в тисках земельной нужды. К ним надо прибавить еще почти 370 тыс. безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. И на этом фоне совсем скромно выглядят другие цифры: 162 тыс. дворов с достаточными наделами (5—10 га) и 49 тыс. зажиточных хозяйств

с участками в 10—50 га¹. Всего на долю мелкого землевладения (наделы до 10 га) приходилось 3154 тыс. га, среднего (10—50 га)—696 тыс. и крупного —3977 тыс. га² Кучка помещиков (7,8 тыс.) имела больше земли, чем миллионная масса крестьянства. Горстке латифундистов, всего тысяче земельных магнатов с угодьями в тысячу и более гектаров, принадлежало 2 млн. га, или более четверти обрабатываемой площади страны.

Три четверти крестьян, не будучи в состоянии прокормить семью на собственном участке, должны были или арендовать боярские земли, или наниматься к тому же боярину на работу. Так появилась переходная между феодальным и капиталистическим способами производства отработочная система. При всем разнообразии форм существо ее сводилось к тому, что земли крупных собственников обрабатывались крестьянами своим инвентарем и рабочим скотом. «А идти в кабалу приходится мужику потому,—писал В. И. Ленин,—что помещик отрезал себе лучшие земли, посадив мужика на «песочек», загнав его на нищенский надел»³.

Пользуясь нехваткой земли у крестьян, бояре усиливали эксплуатацию до пределов, затмивших прежнюю барщину. Рента непрерывно возрастала. Со времен средневековья она называлась десятиной («дижмой»). Когда-то это название соответствовало действительности. В начале XX столетия арендатор, как правило, отдавал землевладельцу половину собранного урожая. Плата за взятую в аренду землю деньгами или трудом возросла за последние тридцать лет прошлого века в два, а то и в три раза. Но и этим не ограничивались обязанности по отношению к ненасытному землевладельцу. Контракты крестьян с помещиками никогда не состояли из одного пункта. Изобретательность помещиков и их прислужников, казалось, не знала границ. Чего только не встречалось в арендных договорах! Сохранился обычай подносить помещику обязательные «подарки» на рождество и пасху. Существовала плата за охрану урожая на арендованной земле (хотя никому в голову не приходило его охранять). Арендатор «возмещал» помещику заранее запланированные убытки, нанесенные посевам грызунами, птицами, бродягами и т. д.

Деревня нищала. Средний доход крестьянской семьи (учитывались дворы с участками до 10 га) составлял 120 лей в год. Средний доход поместья — 24 700 лей⁴.

¹ По данным *Agricultorii și repartizarea pământului cultivat în 1913*. Buc., 1915, p. 24—25, 10.

² Данные на начало XX в. (подсчеты по различным категориям землевладения производились в разные годы).— *Anuarul statistic al României*, 1909, p. 215.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 130.

⁴ G. D. Sreanga. *Grundbesitzverteilung und Bauernfrage in Rumänien*, 1. Teil. Leipzig, 1907, S. 40. Лей по довоенному курсу равнялся трети тогдашнего русского рубля.

При подсчетах жизненного уровня крестьян буржуазные статистики полностью исключали из их пищевого рациона сливочное масло как непозволительную роскошь. Хлеб на крестьянском столе появлялся не часто. Обычная пища — мамалыга, приправленная растительным маслом, овощами, а то и ничем. Мясо подавалось к столу по праздникам. Молоко и брынзу крестьяне старались продать.

Но даже кукурузы у подавляющего большинства деревенских семей не хватало до нового урожая. От недоедания, от употребления в пищу гнилого зерна развивалась мучительная болезнь пеллагра, ставшая бичом румынских бедняков. В нередкие засушливые годы голод гнал сотни тысяч мужчин, женщин и детей из сел в города.

Отработочная система, однако, постепенно изживала себя. Она неизбежно вела к разорению крестьянства, к сокращению прослойки «справных хозяев», имевших и рабочий скот и инвентарь, с помощью которых обрабатывались помещичьи земли. Бедняк, все достояние которого составляла пара натруженных рук, заменить их не мог. Кулак на кабальные отработки не шел.

Поэтому помещики волей-неволей обращались к капиталистическому найму. Солидная цифра батраков (почти 225 тыс. в 1913 г.)⁵ указывает на появление в деревне значительной прослойки «свободной» рабочей силы. Тысячи локомотивов, молотилок, сеялок, жаток, косилок и других сельскохозяйственных машин⁶ у крупных землевладельцев служат свидетельством того, что капиталистическое производство теснило отработочную систему.

Но главной ареной, где действовал капитал, был город. Объединение Дунайских княжеств в 1859 г. создало для него сравнительно емкий внутренний рынок, аграрная реформа 1864 г. нанесла удар феодальным отношениям (хотя, как видно, и не искоренила их до конца), в ходе войны 1877—1878 гг. с помощью России была завоевана государственная независимость и порваны узы вассалитета, привязывавшие Румынию к Турции.

За всеми этими процессами пристально следили в европейских столицах. Открывался новый рынок сбыта и капиталовложений.

Начиная с 70-х годов сложилась исключительно благоприятная обстановка для германской экономической экспансии в румынские земли. Франция, пользовавшаяся здесь значительным влиянием, потерпев в 1870 г. поражение в войне с Пруссией, временно выбыла из строя как немецкий конкурент на

⁵ «Agricultorii și repartizarea pământului cultivat în 1913», p. 10.

⁶ Точные цифры (1905 г.): 4,5 тыс. локомотивов, 5,9 тыс. молотилок, 11,5 тыс. сеялок, 7,5 тыс. жаток и т. д. («Anuarul statistic al României». 1909, p. 176—179).

Балканах. 5-миллиардная французская контрибуция оплодотворила промышленность вновь созданной Германской империи. Бисмарк торжествовал победу своей политики объединения Германии «железом и кровью».

В Румынии он имел способного и старательного агента в лице самого владетельного князя (а с 1881 г.— короля) Карла I Гогенцоллерна.

Любопытна история водворения этого отпрыска боковой ветви прусского королевского дома в Румынии. Чуть ли не до тридцати лет он тянул офицерскую ляжку в драгунском полку и, надо полагать, со временем вышел бы в генералы. Но неожиданно в его судьбе произошел перелом. В 1866 г. «чудовищная коалиция» румынских бояр и реакционной буржуазии свергла с престола князя Александра Иона Кузу, чья склонность к реформам пришлась ей не по вкусу, и спешно искала кандидатуру на вакантное место. Ее взоры устремились в Германию, где имелись «безработные» князья, и выбор в конце концов остановился на Карле Гогенцоллерне-Зигмарингене.

Время было тревожное. Назревала австро-прусская война. Поэтому свежеепеченный румынский князь (и в то же время прусский гвардейский капитан) пересек Австрию под чужим именем, имея при себе легкий багаж из двух чемоданов, и вскоре высадился на левый, румынский берег Дуная. Так началось его почти 50-летнее царствование, которое румынская социалистическая печать по справедливости называла временем нищеты, рабства и позора.

На всю жизнь сохранил Карл преклонение перед прусской военной системой. Солдат в грубых высоких сапогах и в каске с шишаком символизировал в его глазах непобедимость. Но заскоружные феодальные предрассудки, реакционность политических взглядов, юнкерское высокомерие и спесь, ненависть к самому слову «демократия» не помешали ему приспособиться к новой эпохе, эпохе бурного развития капитализма. За импозантной внешностью короля и безукоризненными светскими манерами скрывался пронырливый делец-финансист.

Карл исправно выполнял обязанности посредника германского капитала в Румынии. Через его руки проходили колоссальные займы, предоставляемые немецкими банкирами, он же создавал благоприятную обстановку для германских капиталовложений. В этой азартной игре расчетливый король не забывал и о себе. Когда в 1914 г. было вскрыто завещание Карла, оказалось, что его личное состояние перевалило за сто миллионов франков (находившихся в значительной части в Германии). Из них на всякие благотворительные нужды для «любимой страны» и «возлюбленного народа» он оставил 12 млн⁷. Остальное пере-

⁷ «Lupta zilnică», 1.X 1914.

шло к прижимистым родственникам, приумножившим богатства «основателя династии».

С помощью Карла и его помощников Румыния была отдана на поток и разграбление иноземцам.

Надо оговориться, что нет возможности установить общую сумму зарубежного капитала. Отсутствуют данные об иностранных депозитах в румынских банках, недвижимости, о кредитах, открытых румынским гражданам или предприятиям в зарубежных банках, и даже о капитале фирм, принадлежащих подданным других государств. Статистика охватывает только иностранные вложения в румынские акционерные компании.

Их доля в общем капитале колебалась от 27% в цементно-керамической и 31% в пищевой до 94—95% в нефтяной, электрической, сахарной и некоторых других отраслях промышленности⁸. Средняя же цифра превышала накануне первой мировой войны 80%.

Распределение иностранного капитала⁹

Государство	Капитал (в млн. лей)	% от капитала
Германия	120,8	23,22
Австро-Венгрия	74,9	14,39
Голландия	98,0	18,84
Англия	97,0	18,65
Бельгия	56,7	10,90
Франция	38,8	7,40
США	25,0	4,81
Италия	7,5	1,44
Прочие	1,5	0,29
Всего:	520,2	100,0

Первое место среди иноземных хищников принадлежало немцам. На их долю приходилась почти четверть вложений. А вместе с Австро-Венгрией Германия имела около 200 млн. лей видимых инвестиций. Учитывая же недоступные для статистики вклады, указанную сумму нужно, по мнению авторитетных румынских экономистов, по крайней мере удвоить¹⁰.

Помимо ограбления страны, так сказать, в розницу, с помощью банков, заводов, фабрик, мастерских, транспортных компаний и т. д., существовали «оптовые» формы грабежа румынского государства. Мы имеем в виду иностранные займы

⁸ «Contribuții la istoria capitalului străin în România». Buc., 1960, p. 31.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 32.

румынскому правительству, обращавшиеся в государственный долг, выплаты по которым вытягивали из страны огромные средства. Общая сумма долга (почти исключительно иностранному капиталу) достигала астрономической цифры в 1715 млн. лей¹¹.

На плечи налогоплательщика — рабочего, крестьянина, ремесленника, служащего — была взвалена вся тяжесть погашения и выплаты процентов по долгам. В 1913/14 финансовом году она составила кругленькую сумму в 85,6 млн. лей¹². Для сравнения укажем, что весь доход государства тогда равнялся 529,6 млн. лей¹³.

И в области займов Германия шла впереди. Из общей приведенной выше цифры выплаты на ее долю приходилось больше половины — 46,3 млн. (Однако тут на пятки немцам наступали французские кредиторы, получившие 37,8 млн. лей).

В. И. Ленин с полным основанием поместил Румынию в первом ряду государств, финансово зависимых от германского капитала¹⁴.

Партнером иноземных финансовых и промышленных магнатов по угнетению румынских рабочих и крестьян выступала «отечественная» буржуазно-помещичья олигархия. Британский экономист Дэвид Митрани писал о некой «катавистической» тяге состоятельных румын к земле¹⁵. Эта тяга действительно существовала, но объяснялась она не зовом крови и не любовью к родной природе и деревенским пейзажам, а причинами чисто материального свойства. Земля покупалась потому, что отработочный труд крестьян приносил громадные доходы. Кроме того, обладание имением давало тот вес в обществе, который одним звоном монет приобрести было невозможно.

Границу между помещиками и крупной буржуазией в старой Румынии трудно провести. В обе крупные партии, национал-либеральную и консервативную, входили и те и другие, хотя основная масса буржуазии поддерживала либералов. Страх перед выступлениями крестьян и рабочих заставлял помещиков и капиталистов держаться друг за друга, что не исключало взаимной вражды, соперничества и противоречий.

Богатство, власть и влияние в стране оказались поделенными между несколькими кликами, ведущими между собой непрерывную борьбу. Либеральная фразеология сочеталась у них с махровой реакционностью, с беспощадным угнетением рабочих,

К. К. Гринвальд. Румыния (экономический очерк). Пг., 1917, стр. 113. Данные на 1 апреля 1916 г.

¹² N. Xenopol. La richesse de la Roumanie. Buc., 1916, p. 67.

¹³ К. К. Гринвальд. Указ. соч., стр. 111.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 412—413.

¹⁵ D. Mitranu. The Land and the Peasant in Rumania. London — New — Haven, 1930, p. 543.

с готовностью залить страну кровью ради укрепления своего господства. «Так народились в Румынии шарлатанский либерализм и капитализм, уникальный по своему отталкивающему двуличию»¹⁶, — писала рабочая газета «Лупта зилника». Бесстыдный грабеж государства, скандальное использование власти для личного обогащения, кричащие злоупотребления — все это производилось под аккомпанемент либеральных речей.

Ведущая роль в когорте румынской олигархии принадлежала «династии» Брэтиану. Выходцы из захудалого провинциального валашского боярства, они превратились в некоронованных властителей страны. Ион Брэтиану-старший в течение двенадцати лет (1876—1888 гг.) почти без перерывов возглавлял правительство и под конец пользовался таким влиянием, что его именовали визирем. В начале XX в. на политическую арену вступили три его сына, Ион-младший, Винтила и Константин. Первое место среди них по уму, изворотливости и способности улавливать настроения румынской буржуазии и помещиков занимал старший. В 1907 г., будучи министром внутренних дел, он «прославился» варварским подавлением восстания крестьян и необычайно возвысился в глазах румынской олигархии. В 1909 г. он возглавил либеральную партию, а в следующем году сформировал свой первый кабинет.

В «племени» Брэтиану существовало своего рода разделение труда. Глава Ион официально не участвовал в финансовых и торгово-промышленных комбинациях. «Делами» занимались братья — Винтила и Константин (Дину) и родственники — И. Никулеску-Доробанц, И. Пилат и другие. Семейство Брэтиану породнилось с богатейшими фамилиями Штирбеев, Костинеску, Столожану¹⁷.

Винтила Брэтиану состоял членом советов Румынского банка, Сельской кассы (10 млн. лей), военно-промышленного общества Говора — Калиманешти (5 млн. лей), компаний морской (20 млн. лей) и речной (7 млн. лей) навигации, Трамвайного общества в Бухаресте. Но, главное, он был управляющим Национального банка страны.

Официальный капитал этого учреждения (12 млн. лей) дает слабое представление об его истинном могуществе и влиянии на хозяйственную и политическую жизнь страны. Достаточно сказать, что различные промышленные и торговые фирмы дисконтировали в банке векселя на 846 млн. лей. Он имел монопольное право на выпуск бумажных денег и на все время войны был освобожден от выплаты долгов. Дивиденды акционеров составляли в 1910 г. 34%, а через три года поднялись до 42%. Акции номинальной стоимостью в 500 лей продавались на бир-

¹⁶ «Lupta zilnică», 27.XI 1915.

¹⁷ «Lupta zilnică», 29.XI 1915.

же по 6 тыс.¹⁸ Это была цитадель, с высоты которой либералы держали под прицелом всю экономику страны.

Если один из братьев премьера сосредоточил в своих руках контроль над промышленностью, то другой, Дину, «посвятил себя» земледелию. Он был директором общества Сельского земельного кредита, членом совета Банка по развитию виноградарства, треста ресторанов, заседал в правлении бумажной фабрики «Летя» и т. д. Но из всех его многочисленных должностей основным являлся пост в обществе земельного кредита. Около 3400 аграриев заложили в нем свои имения; их общая задолженность достигала 488 млн. лей¹⁹. Любой помещик, стремившийся получить ссуду, не мог миновать семейства Брэтиану. Национальный банк и «общество» превратились в вербовочные пункты либеральной партии. Вокруг них кормились сотни чиновников.

Партийная верхушка с успехом удерживала эти «крепости либерализма». Консерваторы отводили душу, именуя Национальный банк «первым жульническим притоном столетия».

С семейством Брэтиану в либеральной партии соперничала группировка, объединявшаяся вокруг министра финансов Эмиля Костинеску. Это был выходец из мелкой буржуазии. Он начал свой путь со скромной должности корректора газеты «Ромынул». Знавший его в молодые годы великий поэт Михаил Эминеску сказал однажды, что умственный багаж Костинеску ограничивался тем, что могут дать четыре класса лица и курсы игры на скрипке.

Отсутствие образования Костинеску компенсировал ненасытной жадой обогащения, необычайной даже в румынских условиях того времени, и умением выходить сухим из воды при самых подозрительных комбинациях. Политикан и делец слились в его лице неразрывно. Пуская в ход деньги, он пробирался к власти, а власть использовал для обогащения. Долгое время Костинеску слыл маклером германского капитала, участвуя в операциях немецких банков²⁰. Когда же румынская буржуазия начала подумывать об освобождении от излишней опеки, Костинеску превратился в ярого поборника «национальной промышленности». Он был апостолом картелей в индустрии, основателем объединений по производству цемента и извести, одним из главарей треста сахарных заводов. Костинеску явился пионером

¹⁸ «Lupta zilnică», 27. XI, 3. XII 1915. Процветали и другие общества, в которых хозяйничали либералы. Так, акции Сельской кассы, выпущенные по 500 лей, продавались накануне войны по 1725 лей; Румынского банка (600 лей) — по 840. Владельцы бумажной фабрики «Летя» получили в 1913 г. 25% прибыли («Lupta zilnică», 3. XII 1915).

¹⁹ «Lupta zilnică», 29. XI 1915. О деловой активности Винтилы и Дину Брэтиану см. также «Porocul», 25. XII 1915.

²⁰ АВПР, ф. Политархив, 1902 г., д. 668, л. 112.

введения «новых форм» зарплаты: на его предприятиях часть заработка выдавалась фишками, которыми расплачивались в фабричных столовых, где скверная пища продавалась по высоким ценам²¹.

Подобно другим выскочкам из мелкой буржуазии, Костинеску, разбогатевав, поспешил приобщиться к помещичьему классу. Он приобрел имения в уездах Констанца, Брэила, Пятра-Нямц. Позднее он продал одно из них нефтяной компании «Стяуа Ромына» якобы для разведочных работ. Но поскольку никаких изысканий там не проводилось, сделка, по общему мнению, была фиктивной и являлась замаскированной взяткой. Общее состояние Костинеску оценивалось в 60 млн. лей²².

В азартной погоне за золотым тельцом консерваторы отстали от своих либеральных соперников. Но было бы грешно называть их неудачниками по части всевозможных финансовых комбинаций.

Приведем несколько примеров.

В старом боярском семействе Филипеску отец Николае занимался политикой и выколачиванием дохода из своих обширных поместий. Сын Григораш состоял в совете директоров металлообрабатывающих заводов Деланэ-Бельвиль (Плоешти), и в правлении банка «Мармораш и Бланк». Наконец, проворный Григораш подвизался и на государственной службе в качестве чиновника министерства общественных работ²³.

Не устоял перед соблазнами богатства знаменитый писатель Барбу Делавранча. Он заседал в административном совете румыно-французской нефтяной фирмы «Коломбия» (5 млн. лей), те же услуги он оказывал немецкому капиталу, на этот раз в качестве члена совета компаний по снабжению Бухареста газом и электричеством с капиталом в 20 млн. лей. Он занимался еще и торговлей, будучи председателем акционерного общества экспорта и импорта²⁴.

Но вне конкуренции в консервативных кругах по своим «деловым качествам» шел руководитель партии консерваторов-демократов Таке Ионеску²⁵. Этот англизированный джентльмен и — во время войны — один из самых ревностных сторонников Антанты²⁶ состоял в восьми акционерных обществах в качестве

²¹ «Lupta zilnică», 5, 6.XII 1915.

²² «Lupta zilnică», 5.XII 1915. До вступления в правительство Костинеску состоял членом 14 административных советов. Крупные посты в правлениях различных обществ занимали два его сына и брат («Porogul», 25.XII 1915).

²³ «Lupta zilnică», 13.XI 1915; «Porogul», 13.XII 1915.

²⁴ Ibidem.

²⁵ В 1907 г. консервативная партия раскололась. От нее отделилось буржуазное крыло, образовавшее особую партию во главе с Т. Ионеску.

²⁶ Интересно, что смолodu Ионеску, тесно связанный с австро-германским капиталом, стоял за ориентацию на центральные державы (см. Ionescu T. La politique étrangère de la Roumanie. Buc., 1891).

члена правления, крупного пайщика или адвоката; в семи из них германский и австро-венгерский капитал занимали господствующее положение. Главварь антантофилов председательствовал в обществе «Электрика» (капитал — 8 млн. лей), главное правление которого находилось в Германии, заседал в правлениях лесопромышленных фирм «Дражна» (6 млн. лей) и «Висица» (4 млн. лей) с австро-венгерским капиталом. Он же являлся членом руководства банка «Кредитул ромын» (20 млн. лей), связанного с австрийским «Люддер-банком»²⁷ Дирекция банка так стремилась залучить влиятельного деятеля, что преподнесла ему даром акции основателя, хотя, по правилам, каждый член правления должен был внести залог в 30 тыс. лей.

Наконец, Ионеску играл большую роль в банке «Марморош и Бланк» (капитал — 20 млн. лей, прибыль в 1913 г. — 3,5 млн. лей), тесно связанного с венгерскими, немецкими и французскими финансовыми кругами.

От «Румынского кредита» и банка «Марморош и Бланк» тянулись нити к нефтяной, текстильной, маслобойной, кондитерской, хлопчатобумажной, сахарной, металлообрабатывающей промышленности, к страховым компаниям, обществу элеваторов и даже к сети пивных в Бухаресте²⁸

В Румынии акционерные общества и банки стремились заручиться поддержкой влиятельных политиков, не останавливаясь перед большими затратами. «Великий европеец», как подобо-страстно именовали Таке консервативные газеты, шел по повышенному тарифу: две нефтяные компании, «Стяуа Ромына» и «Ромына американа», платили ему 60 тыс. лей лишь за то, что он числился у них юрисконсультom.

Перед Таке недаром гостеприимно распахивались двери всевозможных правлений и административных советов. Щедрой рукой раздавал он приближенным национальные богатства Румынии. Его приход в правительство сравнивали с разливом Нила — такой поток жизненных благ в виде государственных заказов, пенсий и тепленьких местечек низвергался на связанных с Таке Ионеску людей.

Продельывал он и операции покрупнее. Так, будучи министром финансов, он заключил (в 1908 г.) с сахароварами конвенцию, в результате которой цены на сахар в Румынии резко подскочили. В конвенции был прямо заинтересован банк «Марморош и Бланк», крупным пайщиком которого Ионеску состоял.

Один из современных памфлетистов, Э. Белдиман, так характеризовал типичного румынского политика тех дней: если у него в юности и были «прекрасные чувства», то он давно выбросил этот «бесполезный багаж» за ненадобностью. Этот человек

²⁷ «Lupta zilnică», 20, 26.XI 1915; «Poporul», 13.XII 1915.

²⁸ «Lupta zilnică», 20.XI 1915.

«не верит ни во что, совести не ведает, стыда не имеет; его единственная цель — возвыситься, чтобы обогатиться»²⁹.



Корыстные цели иностранного и отечественного капитала самым пагубным образом сказывались на экономике страны. Она развивалась однобоко. Росли предприятия легкой и в еще большей степени — пищевой индустрии, дававшие быстрый и верный доход. Во все возрастающей степени выкачивалась из страны нефть — ее добыча за первые семь лет нашего века утроилась и перевалила за миллион тонн. А металлургия и машиностроение отсутствовали (не считая литейных мастерских и ремонтных предприятий). Государство «собственными силами» не могло изготовить даже вилки.

Промышленная перепись проводилась в Румынии к описываемому времени лишь однажды, в 1901—1902 гг., да и то частично, охватив лишь обрабатывающие отрасли. Все же мы воспользуемся этими несколько устарелыми данными, ибо общая тенденция развития не изменилась и к началу мировой войны.

В «Промышленной анкете» 1901—1902 гг. значилось 625 предприятий, которые условно можно назвать крупными, с общим числом рабочих и служащих в 40 тыс. человек и капиталом в 250 млн. лей. Из них на первом месте стояла пищевая индустрия (191 предприятие, 10,5 тыс. человек, почти 111 млн. лей капитала). В металлообрабатывающей промышленности всех направлений, начиная с арсеналов и доков и кончая мастерскими по производству гвоздей и болтов, числилось 75 предприятий 7,5 тыс. рабочих и служащих, в нее было вложено около 30 млн. лей³⁰. В графе химическая индустрия, в которой мирно уживались рядышком нефтеперегонные заводы и клеесварни, соответственно — 105 предприятий, 2900 человек, 3,5 млн. лей³¹.

Основой крупной промышленности продолжала оставаться легкая и пищевая. Металлообрабатывающая только зарождалась; станкостроение отсутствовало. И даже если учесть 235 крупных предприятий по добыче нефти, угля, соли с 6,5 тыс. рабочих³², общая картина не изменится.

Перейдем теперь к важному вопросу о численности и росте румынского рабочего класса в начале нынешнего столетия. Представить себе этот процесс не так-то просто: подводит статистика. В дополнение к указанной «Анкете» приходится пользоваться разрозненными данными о налогообложении капи-

²⁹ E. Beldiman. *Schițe și impresiuni din grelele vremuri*. Buc., 1918, p. 13.

³⁰ Они должны были насчитывать 25 человек персонала, располагать механическим двигателем в 5 и более лошадиных сил или иметь капитал свыше 50 тыс. лей.

«Ancheta industrială din 1901—1902», v. I, Buc., 1904, p. 6. Общие сведения содержатся также в «Anuarul statistic al României». 1909, p. 528—529.

³² «Ancheta industrială din 1901—1902», v. I, p. 6.

талистов, о профессиональных занятиях населения, обследованиями экономистов. Румынские ученые — Н. Н. Константинеску, Тудор Пол и Ольга Константинеску провели большую работу по критическому отбору и обобщению отдельных фактов и цифр. Их данными мы в основном и воспользуемся³³.

Рабочие (тыс. человек)	1901—1902 гг.	1913—1914 гг.
В обрабатывающей промышленности	89,8	197,6
в том числе крупной	37,3	55,3
Добывающей	6,5	14,5
Прочих	10,9	10,9
Транспорте		40,6

Таким образом, за десять с небольшим лет численность рабочих удвоилась. Это — высокие темпы роста. Особенно стремительно шел этот процесс в добывающей (практически нефтяной) промышленности. Появился новый отряд крупнопромышленного пролетариата и в обрабатывающей индустрии. Однако в этой отрасли цепко держалось за свои позиции ремесло. Накануне мировой войны, как и в начале столетия, лишь немногим более трети рабочих обрабатывающей промышленности трудилось на предприятиях, числившихся по румынской статистике крупными.

Специфика румынских условий той поры способствовала затягиванию разорения ремесленников. Поместья, даже в условиях полуфеодальной обработки, приносили большие доходы. Это мешало притоку капиталов из сельского хозяйства в промышленность.

Высокие таможенные пошлины в определенной степени ограждали местные изделия от иностранной конкуренции; сохранению позиций ремесла способствовала также дешевизна сырья и рабочих рук.

Румыния была в то время страной деревень, сел и небольших городов, где жители окраин продолжали заниматься сельским хозяйством. И это обстоятельство накладывало определенный отпечаток на развитие промышленности. Нужда диктовала населению непритязательность и устойчивость во вкусах. Его жизнь мало отличалась от жизни предков: самая неприхотливая пища; самая простая, а в селах — почти сплошь национальная одежда.

Посмотрим, в каких отраслях мелкое производство оказалось

³³ Данные за 1901—1902 гг. см. «Ancheta industrială din 1901—1902», v. I, p. 6; за 1913—1914 гг.: «Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România pîna la primul război mondial». Buc., 1959, p. 345; N. N. C o n s t a n t i n e s c u, V. A x e n c u i c. Capitalismul monopolist în România. Buc., 1962, p. 7.

наиболее устойчивым. Для этого за отсутствием более свежих данных придется обратиться к переписи 1901—1902 гг.

Прежде всего речь идет о сравнительно развитой пищевой индустрии. Ясно, например, что с точки зрения рентабельности было бессмысленно строить крупные хлебопекарни в заштатных городках и местечках, во множестве рассеянных по стране. Их продукция не нашла бы сбыта. И цифры подтверждают это: из 1482 хлебопекарен лишь 9, расположенные в крупных городах, относились к разряду крупных. Та же картина в мукомольной промышленности. В Румынии существовало 61 крупное мукомольное предприятие, 11 средних и 5630 крестьянских мельниц.

Приблизительно такое же положение сложилось в керамической промышленности. На 13 кирпичных заводов приходилось 2225 гончарных мастерских. Если же учесть, что во всех этих мастерских работало 2485 человек, станет ясно, что обычно гончар выступал и как хозяин, и как работник.

Или возьмем металлообрабатывающую промышленность. Что скрывалось под этой вывеской?

Число предприятий здесь превышало 10 тыс., из которых всего 102 было оснащено мотором. Зато существовало почти 7700 кузниц и мастерских тележников. О масштабе этих предприятий может дать представление тот факт, что в среднем на каждое из них, помимо владельца, приходилось по $\frac{1}{3}$ работника³⁴.

В городах металлопромышленность была представлена жестянщиками, лудильщиками и слесарями (941 мастерская — из них лишь 3 крупные — почти 2 тыс. персонала)³⁵.

Существовала в Румынии особая отрасль промышленности, занимавшаяся плетением любимых в народе цыновок. Почти 2200 мастерских было занято этим делом. Сотни и тысячи сапожников в городах и особенно в деревнях шили опинки — род лаптей из сыромятной кожи, грубые, но дешевые.

Крупнопромышленный пролетариат составлял лишь половину общего числа рабочих, занятых в промышленности и на транспорте, а другую представляли подмастерья и ученики с их неизжитой мелкобуржуазной идеологией, с мечтой «выбиться в люди», обзавестись собственным «делом», и пережитками патриархальщины. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние десятков тысяч владельцев мелких, а иногда и крошечных предприятий³⁶, живших порой хуже и работавших дольше «фабричных», но упорно причислявших себя к «собственникам» и считавших себя выше «неимущего» рабочего.

Рабочий класс пополнялся в основном из обанкротившихся ремесленников и разорившихся крестьян.

³⁴ «Anchetă industrială din 1901—1902», v. I, p. 28, 30.

³⁵ Ibid., p. 28.

³⁶ В 1901—1902 лишь в обрабатывающей промышленности — 62 тыс. таких владельцев (Ibid., p. 6).

370 тыс. безземельных семей в деревне являлись постоянным резервом рабочей силы. Пришельцы приносили с собой груз мелкобуржуазных заблуждений, неустойчивость, склонность бросаться из одной крайности в другую и восприимчивость к буржуазным идеологическим влияниям.

Значительная часть рабочих, даже в крупной индустрии, не порывала с сельским хозяйством. Тысячи грузчиков, сезонников и водников приходили на железные дороги и в порты из деревень. В долине Праховы, основном нефтепромышленном районе страны, едва ли не большинство рабочих составляли поденщики из окрестных сел.

Всем этим полупролетариям-полукрестьянам, бывшим ремесленникам и разорившимся мелким хозяйчикам еще предстояло перевернуться в фабричном котле. Рабочий класс Румынии находился в процессе становления, и это накладывало свой отпечаток на его борьбу.

Румынская буржуазия не могла похвастаться ни колониями, ни обширным рынком сбыта для своих товаров. Зато к ее услугам была армия обездоленных, безземельных крестьян, многие из которых не находили применения своим рукам в деревне, и тысячи разоренных ремесленников. Это определяло низкий уровень заработной платы в стране³⁷

Расходы на питание (хлеб, растительное масло, сахар, овощи) семьи из четырех человек составляли ежедневно в Бухаресте — 2,84, в Галаце — 3,08, в Яссах — 2,75 лей³⁸. В этот рацион не включены ни сливочное масло, ни вино, ни фрукты, ни любимые в народе халва или рахат. Самый скромный уровень, самый необходимый минимум питания; и на это уходило приблизительно 3 леи в день. Но ведь нужны были средства на одежду, обувь, транспорт, школу и жилище. А на окраине Бухареста комнату с кухней можно было снять за 25 лей в месяц.

Две трети пролетариев (получавших до 3 лей в день) бились в тисках самой откровенной и жестокой нужды. Доктор К. Попеску, обследовавший состояние здоровья рабочих фабрики стекла в Азуге, обнаружил, что в их питании не хватает ни жиров, ни углеводов. В «Рабочем календаре» на 1910 г. появилась статья под характерным заголовком: «Едят ли рабочие досыта?». Автор приходил к неутешительному выводу: холостяк с заработ-

³⁷ По данным на 1911—1912 гг., относящимся к добывающей, крупной обрабатывающей промышленности и железным дорогам, охватывающим почти 75 тыс. человек

до 2	лей в день	получали	около 25 тыс.
2—3	»	27,1	»
3—4	»	10,7	»
4—5	»	6,2	»
5—6	»	3	»
свыше 6	»	3	»

(«Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România». Buc., 1959, p. 398).

³⁸ Ibid., p. 413.

ком до 80 лей в месяц еще может позволить себе подобную «роскошь»; что касается семейного рабочего, да еще имеющего детей, его удел — недоедание.

Румыния была одной из немногих стран Европы, где буржуазии удалось «счастлииво» избежать каких-либо серьезных уступок рабочим в области социального законодательства. Преград эксплуатации по сути дела не существовало. В законе 1894 г. был записан уникальный по своему лицемерию пункт о том, что взрослый рабочий-мужчина — хозяин своих рук и своего рабочего времени; на этом основании государство устранялось от вмешательства в отношения между «равноправными сторонами» — капиталистами и рабочими. Последние «свободно» могли делать выбор между голодной смертью и фабричной каторгой.

На предприятиях ничего не делалось для облегчения условий труда. На шахтах с их бедными месторождениями угля штреки не превышали в высоту 1 метра; забойщики рубили уголь, стоя на коленях, а иногда и лежа. На нефтепромыслах перед войной в среднем каждый год происходило до 300 аварий, нередко приводивших к смерти. На металлообрабатывающем заводе «Вольф» в Бухаресте ежегодно треть рабочих становилась жертвой несчастных случаев. Никаких мер по охране труда не принималось.

В 1910 г. на фабрике ткацких станков «Кромптон» в Бухаресте произошло подряд несколько аварий. В связи с этим встревожился митрополит и прислал на фабрику трех священников. Они принялись изгонять чертей из машин. Затем один из них обратился к рабочим с призывом не грешить и, главное, не слушать социалистической пропаганды, которая, по его словам, являлась источником всех зол на земле и каким-то образом была связана и с несчастными случаями. Закончил он советом побольше поститься. Одна из работниц не выдержала и заявила священнику, что постится и без того достаточно, и не худо было бы, чтобы попустились и сильные мира сего³⁹. За подобную дерзость она была уволена.

Нужда, сопровождавшая пролетария с колыбели до гробовой доски, толкала его на борьбу. Но слабая классовая сознательность, малый опыт, груз мелкобуржуазных иллюзий, расплывчатость по десяткам тысяч предприятий делали его восприимчивым к оппортунистическим и анархо-синдикалистским веяниям и мешали организации.

В. И. Ленин указывал на два источника оппортунизма: влияние мелкобуржуазной массы и рабочей аристократии. Первый был характерен для XIX столетия; второй начал проявляться в полную меру в XX в. Разумеется, эта общая закономерность допускает отдельные отклонения в ту или иную сторону. В Румы-

³⁹ См. «Din istoricul farmării...», p. 386

нии, как нам кажется, перед 1-й мировой войной еще не исчерпал себя первый фактор.

Только в 1905 г., в бурные дни первой русской революции и подъема румынского рабочего и крестьянского движения, в стране были созданы устойчивые профсоюзы. Число их членов достигло в 1906 г. 7 тыс.⁴⁰ Но затем промышленный кризис, репрессии и идеологические маневры правящих кругов (вроде создания корпораций, в которые входили как хозяева, так и рабочие) нанесли профсоюзному движению большой урон. Накануне войны лишь 5200 человек, всего 2% общего числа занятых на производстве, входили в профсоюзы⁴¹.

В нелегкой обстановке приходилось действовать социал-демократам. Первый этап развития партии (1893—1899 гг.) закончился распадом после того, как буржуазные элементы, вставшие у руководства, совершили открытое предательство и переметнулись к либералам. Лишь в 1910 г. партию удалось восстановить. Но она оставалась небольшим организованным звеном в пролетарской массе: социал-демократов насчитывалось (1915 г.) 827, из них более половины проживало в Бухаресте. Партия была разбита на 16 секций. Кроме нее, существовали организации молодежи (9 кружков, 439 участников) и женщин (73 члена)⁴².

Цепкость, с которой реформизм удерживал свои позиции, объяснялась не только внутренними причинами, но и влиянием концепций лидеров II Интернационала и тем, что среди социалистов маленькой Румынии в течение десятилетий насаждался своего рода культ германской социал-демократии. Успехи немцев казались блистательными. Сотни тысяч членов партии, миллионы сторонников на выборах, внушительное число мандатов в рейхстаге, многолюдные демонстрации во время съездов — все это производило огромное впечатление. Собственная деятельность на этом ослепительном фоне представлялась незначительной и будничной. Румынским социал-демократам трудно было разобраться во внутренней слабости немецкого движения и тем более понять оппортунистическое перерождение его вождей. Берлин пользовался репутацией Мекки социал-демократии.

Все это оказалось благодарной почвой для теорий, разработанных Константином Доброджану-Геря, — человеком, сыгравшим крупную роль в распространении марксистских идей в стране, а затем превратившимся в идеолога реформизма.

Социализм — в корне отличная от капитализма экономическая и общественно-политическая система, требующая полного

⁴⁰ I. Iacoș, V. Petrisor. Crearea și activitatea sindicatelor din România în anii 1905—1906.— «Analele», 1962, № 1, p. 91.

N. Copoiu. Din istoria organizațiilor profesionale ale clasei muncitoare din România în anii 1910—1914.— «Studii», 1962, № 4, p. 816—817.

⁴² «Lupta zilnică», 17.X 1915.

изменения нравов и морали. Все это мыслимо, писал Геря, только в «процессе органического, постепенного перерастания капиталистического общества в социалистическое»⁴³. В этом суть вопроса — эволюция, а не революция. Если социал-демократия «с помощью какого-то чуда, насильственной революции, заговора и т. п.» захватит власть, она не продержится и 24 часов и либо переродится, либо падет, «ибо не развились еще необходимые объективные и субъективные условия». Самый разговор о революции Геря считал праздным занятием и утверждал, будто «социал-демократия единодушна в осуждении путчистско-революционной тактики, как дурной, смехотворной и абсурдной»⁴⁴. Немцы, писал он, «изобрели специальный издевательский термин для такого рода тактики, объявив ее революционным путем, где слово «путч» означает смесь блефа и смехотворной инсценировки»⁴⁵.

Все это было повторением взглядов немецких оппортунистов. Но Геря не ограничился этим. Он дал глубоко ошибочную оценку основных этапов развития своей страны. Многочисленные пережитки феодализма помешали ему оценить в должной мере успехи капитализма: «... Мы еще не вышли из средневековой стадии развития и должны вступить с распушенными парусами в буржуазно-капиталистическую эпоху», «мы находимся в преддверии капиталистической социальной революции, мирной, но все же революции»⁴⁶, — утверждал он. Существовавший в Румынии строй он назвал «неокрепостничеством», при котором к феодальному базису привязана буржуазная правовая и политическая надстройка. По Геря, надо базис привести в соответствие с надстройкой. Буржуазии отводилась роль гегемона в этом процессе. Пролетариат следует за ней. Что же касается социал-демократии, то она должна быть не просто умеренной, а, если так можно выразиться, умеренной в квадрате: в отличие от западной социал-демократии ей следует придерживаться легальной тактики не только по тактическим, но и по принципиальным соображениям⁴⁷, поставив во главу угла борьбу за претворение в жизнь существующих законов.

Переход к социализму отодвигался на время, вообще никакому учету не поддающееся. Правда, Геря не снимал его совершенно с повестки дня. Он утверждал, что существует закон, по которому отсталые государства находятся в орбите передовых, и «вся их жизнь, развитие и социальные движения определяются жизнью и движениями передовых стран»⁴⁸. Наступит день, ког-

⁴³ C. Dobrogeanu-Gherea. Post-scriptum sau cuvinte uitate.— «Viitorul social», mai 1908, p. 268.

⁴⁴ Ibid., p. 269.

⁴⁵ Ibid., p. 267.

⁴⁶ C. Dobrogeanu-Gherea. Neoiobăgia. Buc., 1910, p. 420.

⁴⁷ «Viitorul social», mai 1908, p. 274.

⁴⁸ Ibid., p. 256.

да социализм придет с Запада, где могуч пролетариат и сильны его партии.

Подобные взгляды усыпляли румынский рабочий класс, отвлекали внимание от жгучих классовых столкновений у себя на родине, тормозили образование союза с революционным крестьянством, отучали рассчитывать на собственные силы.

Руководители рабочих — Штефан Георгиу, И. К. Фриму, Алеку КонстантINESКУ, М. Г. Бужор, преданные своему классу революционеры, занятые по горло деятельностью по сколачиванию профсоюзов, проведению стачек, борьбой за социальное страхование и введение демократического законодательства о труде, в своей практике выходили далеко за рамки «легализма», но не были еще в состоянии дать бой реформистам по теоретическим вопросам.

Отражая требования пролетариата, съезд партии в 1910 г. принял программу, основанную на принципах классовой борьбы и пролетарского интернационализма. Он провозгласил целью партии обобществление средств производства, уничтожение эксплуатации человека человеком. Для этого, указывалось в принятой программе, партия стремится к завоеванию государственной власти. В этот документ были включены такие важные пункты, как требование всеобщего избирательного права, свободы собраний и стачек, равноправия женщин, 8-часового рабочего дня.

Однако реформистское влияние на съезде сказалось вполне отчетливо. Съезд исходил из того, что социализм наступит в отдаленном будущем и ему будет предшествовать длительный период капиталистического развития. О диктатуре пролетариата, о союзе с крестьянством ни в прениях, ни в документах съезда не упоминалось. Всеобщее избирательное право выставлялось в качестве главного политического требования. Его поддерживали и руководители левых. Ограниченное значение лозунга для них еще не стало очевидным. Своего оформленного крыла они даже не пытались создать. По некоторым важным вопросам, например о соотношении экономической и политической борьбы, в среде самих левых не существовало согласия. Алеку КонстантINESКУ и Штефан Георгиу склонялись к анархо-синдикализму и ратовали (больше, правда, в теории) за нейтральность профсоюзов. Другие, выступая против этого глубоко ошибочного тезиса, настаивали на руководящей роли партии по отношению ко всем рабочим организациям.

Съезд не выработал сколько-нибудь полной программы по аграрному вопросу⁴⁹, и это было в румынских условиях той поры упущением, последствия которого трудно переоценить.

⁴⁹ «Desbaterile Congresului de Constituire al partidului social-democrat si ale Congresului sindical». Buc., 1910.

Всего за три года до съезда, весной 1907 г., страну охватило восстание крестьян, которое современники сравнивали то с русской пугачевщиной, то с Жакерией во Франции XIV в., то с Великой крестьянской войной начала XVI столетия в Германии. Против «врага внутреннего» была двинута 140-тысячная армия, с зверской жестокостью подавившая движение. Целые села были превращены в руины огнем артиллерии. «Зачинщиков» расстреливали на глазах у согнанных односельчан. Устраивались массовые порки. Десятки тысяч людей, от стариков до почти детей, оказались в темницах; тюремных помещений не хватало; под места заключения использовались конюшни, склады, артиллерийские полигоны.

11 тысячами убитых и замученных заплатило румынское крестьянство за попытку сбросить полуфеодалное помещичье ярмо.

Рабочие всем сердцем откликнулись на движение крестьян. Они не ограничивались проведением демонстраций солидарности и требованиями прекратить расправы. В некоторых городах рабочие действовали совместно с повстанцами, а группа социалистов во главе с М. Г. Бужором призвала солдат «не стрелять в тех, кто страдает, в товарищей по труду, в братьев, сестер или родителей». Но в целом социал-демократы, скованные догмами II Интернационала, тогда еще не поняли, что союз с деревней — ключ к успеху.

Шаг вперед был сделан в годы, предшествовавшие первой мировой войне. В манифесте «Хотим полной экспроприации!» (1914 г.) СДП высказалась за ограничение земельной собственности 100 га. Правда, даже эта программа не могла удовлетворить крестьян: те требовали раздела поместий и передачи участков им в собственность, социалисты же строили планы создания государственного фонда и сдачи земли в аренду.

Левые в партии постепенно набирали силы. Это сказалось в том, что им удалось дать отпор сторонникам безбрежной децентрализации, осудить беспринципное участие некоторых партийных деятелей в буржуазной печати, отстаивать значение политической борьбы в столкновениях со сторонниками анархо-синдикализма⁵⁰.

Мысль о совместной борьбе пролетариев городов и трудящихся деревень преследовала румынских правителей как кошмар. За год до империалистической войны в Бухаресте вышла книга «Государственные кризисы 1901—1907—1913 гг.». Автором ее был видный либерал, брат руководителя партии, бывший мэр Бухареста Винтила Брэтиану. Он предупреждал: «Неорга-

⁵⁰ См. А. К. Мошану. Борьба двух течений в рабочем движении Румынии накануне 1-й мировой войны.— «Балканский исторический сборник», Кишинев, 1968.

низованное восстание 1907 г. могло бы найти организацию в городах, и, следовательно, принять в будущем характер не восстания, а революции»⁵¹.

Либералы полагались на старое римское правило «разделяй и властвуй» и приложили немало усилий для того, чтобы воспрепятствовать слиянию рабочего и крестьянского движения в единый поток.

В 1908—1910 гг., тотчас после восстания и под его влиянием, была проведена серия аграрных реформ. Были запрещены откровенно грабительские формы отработки; сделана попытка воспрепятствовать наиболее вопиющим злоупотреблениям помещиков; приняты меры для усиления кулачества, в котором румынские помещики и капиталисты видели свою опору в деревне⁵².

Эти половинчатые мероприятия не разрешили аграрного вопроса. По-прежнему большая часть сельскохозяйственной площади находилась в руках помещиков, которые использовали полуфеодалный отработочный труд крестьян; по-прежнему $\frac{4}{5}$ крестьянских хозяйств не могли прокормить семью на своих участках земли⁵³.

Иначе и не могло быть. Буржуа-либералы были слишком тесно связаны с помещиками, чтобы всерьез посягнуть на интересы последних. Они лишь латали старый строй, и призрак крестьянских волнений не покидал политического горизонта Румынии.

Тревожно было в городах. Лишь в первые месяцы 1914 г. было зарегистрировано 45 стачек⁵⁴. Самым крупным из этих выступлений явилась стачка трамвайщиков столицы. Трамвайное общество Бухареста занимало особое место в системе акционерных компаний. Держателями акций были виднейшие руководители либеральной партии и сам король. Поэтому когда рабочие выступили за сокращение смен, продолжавшихся по 16 часов, на них обрушился весь аппарат подавления. Власти действовали по нехитрому полицейскому шаблону: спровоцировать беспорядки, а затем «обеспечить» восстановление спокойствия.

10 июля на мирную демонстрацию стачечников накинута банда пьяных громил и переодетых полицейских. Когда началась драка, в дело вступила рота жандармов, предусмотрительно оказавшаяся поблизости. Двадцать рабочих получили серьезные ранения от ударов дубинами, камнями, штыками и прикладами⁵⁵. Через три дня в столице состоялась 8-тысячная де-

⁵¹ V. Brătianu, Crize de stat 1901—1907—1913. Buc., 1913, p. 26.

⁵² «Monitorul oficial», 1907—1908, д. 7905—7919.

⁵³ «Agricultorii și repartizarea pământului cultivat în 1913». Buc., 1915, p. 24—25.

⁵⁴ «Lupta pentru refacerea și dezvoltarea mișcării muncitorești între 1900 și 1917». Buc., 1956, p. 51, 53.

⁵⁵ «România muncitoare», 13.VII 1914.

монстрация солидарности с бастующими, закончившаяся схваткой с погромщиками⁵⁶.

Воспользовавшись «беспорядками», власти перешли в наступление. Трамвайное депо было окружено частями второго егерского батальона. У ворот установили две пушки, а в само депо ворвались жандармы; избили и арестовали многих рабочих⁵⁷.

Но и такими мерами сломить стачечников не удалось. В знак солидарности прекратил работу персонал трамвая в Галаце, потребовав введения 10-часового рабочего дня, увеличения зарплаты, выплаты двойного вознаграждения за сверхурочное время. Их примеру последовали работники городского транспорта Брэилы⁵⁸. В городах шли демонстрации. В воскресенье 19 июля многотысячное шествие двинулось по центральной улице столицы Каля-Викторией. На них со штыками наперевес, набросились солдаты отборного полка Михай Витязь. Группа манифестантов была атакована кавалерией с саблями наголо, до 300 человек было арестовано, 50 получили ранения.

И все же предпринимателям и властям пришлось капитулировать перед стойкостью рабочих. В депо Бухареста ввели резервную смену, условия труда стали лучше. Одержали успех и стачечники в Галаце⁵⁹.

Наращение классовой борьбы вызывало глубокую тревогу в господствующей клике. В правительстве произошла очередная смена декораций. Еще в начале 1914 г. консервативный кабинет Т. Майореску уступил место национал-либералам под руководством И. Брэтиану⁶⁰. Те немедленно заговорили об аграрной реформе и введении всеобщего избирательного права.

Из высказываний главы кабинета И. Брэтиану и его сторонников в парламенте ясно, что планируемые мероприятия не выходили за рамки приемлемого для помещиков и нужны были в основном как плацдарм для развертывания широкой демагогической кампании. В тронной речи короля⁶¹ в начале марта 1914 г. указывалось, что реформы должны осуществляться в духе «социальной гармонии»⁶². Либеральное правительство заранее выдавало помещикам вексель в том, что их интересы всерьез затронуты не будут.

Но твердолобые консерваторы туго поддавались на уговоры и пугали аграриев страшными последствиями посягательства на принцип частной собственности. «Собственность — самый святой фактор прогресса. Экспроприация (!)... затронет святое чувство

⁵⁶ «România muncitoare», 15, 17.VII 1914.

⁵⁷ «România muncitoare», 15, 17.VII 1914.

⁵⁸ «România muncitoare», 20.VII 1914.

⁵⁹ «România muncitoare», 27.VII 1914.

⁶⁰ АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 699, л. 6.

⁶¹ В Румынии программа правительства излагалась в тронной речи.

⁶² АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 699, л. 57.

труда, заменив его жаждой чужого имущества», — разглагольствовал бывший министр Мишу Константинеску. Ему вторил лидер партии Александру Маргиломан: «Мы безумцы, мы собственными руками роем себе могилу...» А писатель Барбу Далавранча добавлял: «Экспроприация — горящий факел в руках сумасшедших»⁶³.

Трудно сказать, во что бы вылились разногласия между различными группировками в правящих кругах.

Надо учитывать сложность социальной структуры в стране. Буржуазия, включая крупную, была заинтересована в дальнейшем развитии капиталистических отношений в деревне. Значительные прослойки среднего и мелкого капитала, интеллигенции, собственнического крестьянства являлись питательной средой буржуазного радикализма. Но, что характерно для предвоенной Румынии, либералам в общем удавалось держать их под своим влиянием. Много раз в партии возникали диссидентские группировки; случалось, появлялись и самостоятельные политические формирования, обычно быстро сходявшие со сцены. Однако прочной буржуазно-демократической организации, способной соперничать с двумя «историческими» партиями, создать не удавалось. Объяснялось это и солидарностью собственников перед призраком социализма, и мерами по развитию национальной промышленности, проводимыми либеральной партией, и стремлением последней создать себе в деревне опору в лице кулачества, и умелыми маневрами ее руководства, которое высказывалось (разумеется, «в принципе») за демократические преобразования и в критические моменты шло на уступки демократическому движению.

С другой стороны, действовали описанные выше факторы, заставлявшие крупный капитал ставить превыше всего свой союз с помещиками. Поэтому и в 1914 г. скорее всего дело завершилось бы компромиссом между ними. Предвоенный кризис изменил ход событий. Внимание с внутренних вопросов переключилось на внешнюю политику.

⁶³ «Universul», 29.IV 1914.

ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС

1914 г.

И РУМЫНИЯ

Планы и расчеты правителей

В правящих сферах Румынии весть о сараевском убийстве встретили с чувством опасения¹. В Бухаресте понимали, что австро-сербский конфликт лишь первая зарница громадного пожара. Но вместе с беспокойством возникла надежда — не настал ли тот единственный случай, когда, присоединившись к одной из коалиций, можно будет добиться территориального расширения?

Румынская олигархия оказалась в положении путника на развилке двух дорог.

В течение веков исторические судьбы румынского народа были тесно связаны с Россией. Восемь раз вступали русские войска в пределы Дунайских княжеств во время войн с Турцией, длившихся полтора столетия. Вынашивавшиеся (но неосуществленные) царизмом захватнические по отношению к Османской империи планы не должны заслонять того факта, что Россия сыграла большую роль, помогая балканским народам, в том числе румынскому, сокрушить твердыню турецкого могущества. Завершение этой вековой борьбы наступило для румын в 1877—1878 гг., когда в совместной с Россией войне против Османской империи была завоевана государственная независимость.

А спустя всего пять лет, в 1883 г., подпись румынских государственных деятелей появилась под тайным договором, связавшим Румынию с Тройственным союзом² (Германия, Австро-Венгрия, Италия), направленным против России и Франции.

Arhiva institutului de studii istorice și social-politice de pe lângă C. C. al P. C. R., f. 104. C. Argetoianu. Pentru cei de mâine, p. IV (№ 1), p. 378.

² Подробнее см. А. С. Ерусалимский. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968 (глава «В борьбе за гегемонию в Европе»); P. Ostwald. So find es an. Die diplomatische Vorgeschichte des ersten Weltkrieges, Teil III: Rumänien und der Dreibund. Baden-Baden, 1957; E. Diaconescu. România și marile puteri după congresul de la Berlin până la 1914. Iași, 1937; L. Ciâldea. La politica esterna della Romania nel quarantennio prebellico. Bologna, 1933.

Чем объяснить такой внешнеполитический поворот? Как могло случиться, что государство, добившееся своей независимости при поддержке России, вскоре оказалось в стане ее потенциальных противников?

Румынские правители знали, что в Петербурге не расстались с планами овладения черноморскими проливами, Босфором и Дарданеллами. Мысль о том, что дорога из России в Турцию ведет через Румынию, не покидала их ни на минуту. Они предпочитали, чтобы ключи от Босфора, через который шел основной румынский экспорт, лежали в кармане слабеющих турецких властителей. Водворение же царизма в Константинополе, казалось румынской олигархии, будет равнозначным его полному господству над экономической жизнью Румынии.

Существовала и другая, более глубокая причина, способствовавшая внешнеполитической переориентации Бухареста, а именно — собственные планы территориальной экспансии.

Румынская буржуазия всегда делала ставку на сильного. А таковым в 80-е годы рисовалась Германская империя, находившаяся в зените своего могущества. Союз держав центра, казалось, надолго стал преобладающей группировкой в Европе. Франция еще не оправилась от разгрома 1870 г. и не дерзала бросать вызов победителю. Ее военное сотрудничество с Россией даже не намечалось.

Присмотрев для начала Бессарабию, а по возможности и побольше, румынский премьер Ион Брэтиану-старший отправился в Берлин к Бисмарку — вербоваться в союзники.

Прием он встретил сдержанный. «Железный канцлер» решительно осадил визитера, когда тот начал строить «румынские воздушные замки» насчет территориальных приобретений в России. В непосредственный союз он вступать не пожелал, а направил своего собеседника в Вену, где и был заключен австро-румынский договор, к которому Германия присоединилась отдельным протоколом.

По требованию канцлера из текста было изъято упоминание о России, — «иначе у румын всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистско-завоевательных вождедений, простирающихся до Днестра и дальше, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона», — писал он одному из своих сотрудников³.

Присоединившись к договору, Бисмарк достиг сразу трех целей: становился своего рода арбитром в австро-румынских делах; вербовал себе на службу румынскую армию на случай конфликта с Россией (обезопасив себя от участия в столкновениях, спровоцированных румынами); надолго гасил территориальные при-

³ См. А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 203.

тязания Бухареста к Австро-Венгрии,— не надо забывать, что в пределах Габсбургской монархии проживало до трех миллионов румын.

Политические связи с центральными державами дополнялись растущим влиянием немецкого капитала в Румынии. Король, все симпатии которого были на стороне Германии, имел поддержку значительных кругов помещиков и торговой буржуазии, кровно заинтересованных в сбыте там продовольствия и сырья.

Даже в начале XX столетия политическим и военным наблюдателям казалось, что румынская лодка прикована прочной цепью к австро-немецкому кораблю. Убеждение это было столь велико, что в 1912 г. штаб Одесского военного округа писал с полной определенностью: «Не подлежит сомнению, что в случае войны с Россией Австрия и Румыния будут действовать заодно»⁴. Однако на самом деле это было не так.

Экономическое проникновение не только сближает, но и порождает центробежные тенденции. Среди крупной румынской буржуазии, оттеснившей помещиков на второй план в рамках общей коалиции, постепенно менялось соотношение сил — промышленники и финансисты, не столь заинтересованные в австро-немецком рынке, теснили торговцев. Чем тверже утверждался австро-немецкий капитал в Румынии, тем более глубокими становились размышления его румынских партнеров, видевших, как немцы снимают сливки от ограбления «родного» народа, и росло стремление увеличить причитающуюся им долю, а в умах рождалось множество вопросов: нельзя ли добиться более выгодных условий сотрудничества? Не стоит ли использовать для этого капитал французский, бельгийский, голландский, североамериканский, спекулируя на его противоречиях с австро-немецким?

Финансовая зависимость от держав центра не вызывала в Бухаресте никакого восторга. Стоило хоть немного проявить самостоятельность, как следовал нажим. Во время второй балканской войны⁵ Румыния заняла неуютную Вена и Берлину позицию и в ответ банки с австро-немецким капиталом перестали давать ссуды. Тогда же румынские правители обнаружили, какое неудобство представляет для аграрной страны флот, способный перевезти лишь 5% экспорта зерновых⁶.

Но больше всего их озабочивала жалкая роль «отечественного» капитала в нефтяной промышленности. Сам Винтила Брэтиану выступил в 1912 г. с брошюрой о политике государства

⁴ ЦГВИА, ф. 2000, Главное управление генерального штаба (ГУГШ), оп. 1, ф. 3092, л. 42. Казалось, что факты подтверждают этот вывод: в феврале 1913 г. договор с Австро-Венгрией был вновь подтвержден.

⁵ См. стр. 37—38.

⁶ Th. C. A s l a n. Pregătirea economică, financiară și socială a României față de evenimentele actuale. Buc., 1915, p. 3—4.

в нефтяном вопросе. Он предлагал использовать находившиеся во владении казны нефтеносные земли исключительно как сферу приложения местного капитала⁷.

Бросить открытый вызов иностранным монополиям в Бухаресте не решались. Государственные мужи ограничивались мелкими операциями: использовали конкуренцию при сдаче в концессию недр, распределении правительственных заказов, противопоставляя друг другу соперников и стараясь выговорить себе условия повыгоднее. Что касается участия румынского капитала в добыче нефти, то он не смог выдержать азартной погони за прибылью и уступил более чем скромные позиции, занимаемые в 1905 г. Доля участия капиталистов различных стран изменилась следующим образом (в %) ⁸:

	1905 г. Общий капитал — 150,8 млн. лей	1914 г. Общий капитал — 403,6 млн. илей
Немецкий	64	27
Англо-голландский	8,7	48
Американский *	3	6
Франко-бельгийский	4	8,6
Итальянский	5	1,8
Румынский	14,3	8,1

* Небольшие размеры американского капитала могут ввести в заблуждение насчет действительного могущества фирмы «Ромыно-американ», контролировавшей 31,4% производства нефти в стране. Дело в том, что она действовала как филиал «Стандард ойл» и пользовалась практически неограниченными финансовыми возможностями.

Таблица ясно показывает, что у германских акционеров крепко пощипали перья. И вообще, вопреки многословным уверениям в дружеских чувствах и традиционной верности Гогенцоллернам, в румыно-германских отношениях повеяло холодком. Местная буржуазия все более тяготилась немецкой опекой.

Однако противоречия с Германией не шли ни в какое сравнение с той резкой враждебностью, которая все чаще проявлялась в отношениях с другим участником блока центральных держав — Австро-Венгрией.

В лоскутном государстве Габсбургов компактными массами проживало в Трансильвании, Южной Буковине и Восточном Банате румынское население, состоявшее в основном из крестьян, подвергавшихся не только экономической эксплуатации, но и жестокому национальному гнету.

Было время, когда официальный Бухарест старался не раздувать, а тушить разногласия с Австро-Венгрией и не поднимал

⁷ См. N. Xenopol. *La richesse de la Roumanie*. Buc., 1916, p. 58.

⁸ N. N. Constantinescu, V. Axenciuc. *Capitalismul monopolist în România*. Buc., 1962, p. 213.

трансильванский вопрос. Но союз с центральными державами оказался бесплодным. Захват Бессарабии оставался мечтой, а после создания русско-французского военного блока его осуществление стало проблематичным. А тут рядом проживало несколько миллионов «единоплеменников». Казалось, что сама судьба указывает путь территориального расширения.

Объединение с Трансильванией отвечало национальным устремлениям румын по обоим склонам Карпатских гор, и правящие румынские круги были не прочь воспользоваться этими законными чувствами. Сами они никогда не забывали, что с присоединением этих земель территория и население страны почти удваивались; сеть железных дорог выростала в три раза; добыча угля увеличивалась в пять раз; оснащенность промышленности машинами — в 2, 3 раза⁹.

Какие возможности открывались перед румынскими правителями! Миллионы новых налогоплательщиков, металлургические предприятия Ресицы и Хунедоары, подобных которым не было в «старых» областях, шахты Анины, золотоносные рудники в Карпатских горах — все это переходило к ним в случае крутого изменения внешнеполитического курса и перехода на сторону Антанты.

Победа над Германией открывала перед румынской буржуазией соблазнительные перспективы обогащения. Она надеялась под тем или иным предлогом забрать принадлежавшие немцам, австрийцам и мадьярам предприятия не только в пределах «Старого королевства», но и в Трансильвании, прекратить платежи долгов и наложить руку на суммы, которые раньше выкачивались германскими монополиями. Глубоко прав румынский историк И. Георгиу, указавший на экономические корни антантофильских настроений румынской буржуазии, стремившейся «захватить у Австро-Венгрии промышленные районы Трансильвании и Баната, устранив германский капитал из румынской промышленности и заполучить фабрики и заводы в Румынии, принадлежавшие немцам и австро-венграм»¹⁰. С наступлением войны, мечтал депутат парламента Г. Беческу-Сильван, «находящиеся у нас австро-германские капиталы уже не смогут уплыть в Австрию и Германию; их агентов и посредников... засадят в тюрьму... После 35 лет экономического рабства у Австро-Германии, мы, быть может, с помощью божьей, вступим в непосредственные связи с Западной Европой и даже, не встречая препятствий со стороны германских финансистов, появимся за морями...»¹¹

⁹ «Contribuții la istoria capitalului străin în România». Buc., 1960, p. 22.

¹⁰ «Studii și referate privind istoria României». Partea II-a. Buc., 1954, p. 1457.

¹¹ Gh. B e c e s c u - S i l v a n, Război sau neutralitate. Buc., 1915, p. 13. В случае войны, подтверждал видный авторитет либералов по финансово-экономическим вопросам Т. К. Аслан, «надо принять меры для секвестра ино-

Веские доводы внутривосточного порядка также склоняли румынских правителей к выступлению в союзе с Тройственным соглашением. Олигархия должна была заботиться о тыле. С этой точки зрения война с Австро-Венгрией была предпочтительнее войны с Россией. Нерешенность национального вопроса на Балканах¹² она думала обратить себе на пользу. В Трансильвании, как и в самой Румынии, проявлялась тяга к объединению румынских земель. Буржуазия и помещики надеялись воспользоваться этим в своих интересах и выступить перед общественностью в маске патриотов, ратующих за осуществление национального идеала в ходе войны против Австро-Венгрии.

Но объединение румынских земель замышлялось по-империалистски. Правящий Бухарест мечтал в то время ни много, ни мало как о господствующем положении на Балканах, о превращении в своего рода арбитра между небольшими государствами беспокойного полуострова¹³. В числе территорий, привлекавших взоры бояр, находились земли, населенные не только румынами, но и украинцами, сербами и венграми. Немного позднее, в декабре 1915 г., эти настроения выразил сенатор Г. Добреску. В речи, исполненной великодержавного чванства, он провозгласил «право» румынских правителей на преобладающую роль на Балканах¹⁴. А его коллега Тома Ионеску, ректор Бухарестского университета и брат известного политика, объявил, что Трансильванию следовало бы занять ради ее стратегического и экономического положения и природных богатств даже в том случае, если бы румынское население там не преобладало¹⁵.



В Берлине и Вене долгое время не отдавали отчета в серьезности и глубине вырисовывавшихся противоречий с Румынией. Дипломаты, загипнотизированные внешней, формально-дружественной стороной отношений, слали успокоительные донесения. Германский кронпринц Вильгельм сетовал в своих мемуарах: Кидерлен-Вехтер «прожил десять лет посланником в Бу-

странных обществ, чья деятельность направлена против интересов государства» (Th. C. Aslan. Pregătirea economică, financiară și socială a României față de evenimentele actuale. Buc., 1915, p. 27).

¹² В. И. Ленин писал, что «громадные (по сравнению со всем числом представителей данной нации) количества румын и сербов живут вне пределов «своего» государства, что вообще «государственное строительство» на Балканах в направлении буржуазно-национальном не закончилось даже «вчерашними», можно сказать, войнами 1911—1912 годов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 355)

¹³ См. V Liveanu. 1918. Din istoria luptelor revolutionare din România. Buc., 1960.

¹⁴ «Desbaterile Senatului», 1915—1916, p. 22.

¹⁵ Ibid., p. 38.

харесте и не смог сделать правильную оценку наших с ней отношений. Яркий пример того, как наша дипломатия бродила в потемках...».

В 1909 г. кронпринц посетил румынскую столицу и, как все авторы мемуаров, проявил большую проницательность, обнаружив, что лишь старый король по-дружески относился к Германии. Однако Кидерлен-Вехтер, ставший статс-секретарем министерства иностранных дел, добродушно пожурил неопытного принца, сказав, что это лишь «дурной сон». Он, Кидерлен, знает румын, как свои пять пальцев, и ручается за их верность: «Мы ведь их опекуны»¹⁶.

Бывший германский канцлер Бюлов в своих воспоминаниях обрушивался на «хронические изъявления самодовольства» официальных кругов, закрывавших глаза на действительное положение вещей. Он рассказывал о своей встрече в Риме незадолго до войны с известным рымынским деятелем Пестре Карпом, который сказал: «В моем лице вы видите последнего надежного друга Тройственного союза, который еще остался в Бухаресте»¹⁷.



Рано или поздно нарастающие румыно-австрийские противоречия должны были прорваться наружу. Это случилось в 1912—1913 гг., во время балканских войн. Габсбургская монархия прекратила поддержку агрессивных устремлений румынской буржуазии и открыто встала на сторону Болгарии. Возникла «угроза» резкого усиления этой страны и нарушения державшегося на волоске балканского равновесия. Союз балканских государств, нанесший в 1912 г. поражение Турции, дал трещину. Болгарские войска напали на своих вчерашних товарищей по оружию — сербов. Разгорелась братоубийственная война, в которой на сторону Сербии, Греции и Черногории встал и недавний неприятель — Турция.

Румынская олигархия, мечтавшая о гегемонии на Балканах, не могла остаться в стороне, пока соседи сводили счеты и округляли владения. Румынские войска вторглись в Болгарию и без всякого сопротивления дошли почти до Софии — болгары никак не ожидали нападения с севера и оставили здесь лишь слабые пограничные заслоны.

8 июля в Бухаресте был подписан договор, по которому к Румынии отошла болгарская Южная Добруджа, крепость Силистрия и районы Добрич-Балчик на правом берегу Дуная¹⁸. Во

¹⁶ Вильгельм. Мемуары германского кронпринца. М.— Пг., 1923, стр. 97.

¹⁷ Б. Бюлов. Воспоминания. М.— Л., 1925, стр. 418.

¹⁸ С. М. Petrescu. Istoricul campaniei militare din anul 1913. Buc., 1914, p. 28—29.

вновь присоединенных областях немедленно был введен жесточайший полицейским режим, население лишено избирательных и прочих гражданских прав. И все это под флагом подготовки к «мирному и безболезненному слиянию с новым отечеством»¹⁹.

Даже людям, далеким от политики, стало ясно, что заседавшие в Бухаресте «миротворцы» завязали новый узел противоречий. Посланники «великих держав» в Афинах, Белградс, Софии и Бухаресте начали крупную дипломатическую игру — шла вербовка союзников в подготовляемой мировой войне.

Такова была обстановка, когда в Бухарест в начале 1914 г. прибыли новый русский представитель С. А. Поклевский-Козелл и военный атташе полковник Семенов. Оба сразу почувствовали разительную перемену довольно неприветливого для их предшественников политического климата в румынской столице²⁰. Обоим поразила подчеркнутая доброжелательность встречи. Создалась благоприятная обстановка для выяснения позиции Румынии в случае «чрезвычайных обстоятельств».

Русские дипломаты с удовольствием слушали рассуждения своих собеседников о свободе рук, считая это показателем того, что сами румыны с договором 1883 г. мало считаются. В Бухаресте делались намеки на нейтралитет и даже пока еще очень туманные упоминания о более благоприятной позиции²¹.

Случай проверить эти предварительные выводы и впечатления представился во время свидания Николая II с румынским королем в Констанце в начале июня 1914 г.²² Пока монархи обменивались тостами и Николай II вел беседы по шпаргалке, заранее составленной министром иностранных дел С. Д. Сазоновым²³, сам Сазонов, находившийся в свите царя, зондировал почву в переговорах с Брэттиану. Последний заверял: «Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты»²⁴. На прямой вопрос собеседника, каково будет отношение Румынии к австро-русскому конфликту, Брэттиану ответил, что все будет зависеть от обстоятельств. Царский министр пришел к выводу, что румынское правительство не считает себя связанным договором. Союз с Австро-Венгрией фактически был мертв. Сазонов писал в докладной записке царю: «Румыния постарается

¹⁹ См. Проект организации государственной власти в Южной Добрудже.— АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 699, лл. 77—80.

²⁰ Там же, л. 15; ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3126, лл. 8, 15.

²¹ АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 699, л. 14.

²² См. Б. Б. Кросс. Констанцское свидание.— «Уч. зап. Шуйского пед. ин-та», вып. VIII. Шуя, 1959.

²³ См. «Международные отношения в эпоху империализма» (далее — МОЭИ), сер. III, т. III, стр. 221—224. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II, 9.VI (27.V), 1914.

²⁴ См. МОЭИ, сер. III, т. III, стр. 387.

присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды»²⁵⁻²⁶.

Ничего конкретного Констанца не дала²⁷. Впрочем, русская дипломатия других результатов и не ожидала²⁸. Она была удовлетворена и тем, что положение по сравнению с предыдущим круто изменилось и в борьбе с державами центра за привлечение Румынии у Антанты появились серьезные шансы на успех.

■

Что касается отношений Румынии с Австро-Венгрией, то тут вырисовывалась пропасть. Гнет, которому подвергались соотечественники в Трансильвании, вызывал в Румынии протесты. Положение особенно обострилось в месяцы, предшествовавшие мировой войне. Переговоры представителей трансильванской румынской буржуазии с премьер-министром Венгрии графом И. Тиссой о расширении прав румынского населения зашли в тупик. В Бухаресте после этого произошла антиавстрийская демонстрация при постановке пьесы О. Гоги «Господин нотариус». В Крайове были арестованы австрийские шпионы. В качестве ответной меры будапештское правительство запретило ввоз румынских газет и журналов²⁹.

В начале мая произошел еще один инцидент, показавший всю остроту противоречий. В Бухарест прибыл епископ Мангра из Трансильвании. Румын по происхождению, он некогда активно участвовал в национальном движении, но затем переметнулся на сторону венгерского правительства. Мангра явился в Бухарест на заседание румынской академии, членом которой он состоял. Однако студенты и публика встретили незадачливого академика такими криками негодования, что ему пришлось поспешно ретироваться³⁰.

В подобных условиях война на стороне Австро-Венгрии означала для господствовавшей в Румынии клики новые внутривнутриполитические осложнения. Внешними успехами румынские правители хотели укрепить свое положение в стране. Совместные действия с Австро-Венгрией могли дать лишь обратные результаты.

Впрочем, трудно избавиться от впечатления, что во влиятельных румынских сферах не без тайного удовлетворения наблюдали за разрастающимся конфликтом с Венгрией. Правительство палец о палец не ударило, чтобы побудить к уступкам в пользу

²⁵⁻²⁶ МОЭИ, сер. III, т. III, стр. 388.

²⁷ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3130, л. 78.

²⁸ МОЭИ, сер. III, т. III, стр. 223.

²⁹ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3130, лл. 75—76.

³⁰ АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 699, л. 97.

трансильванских румын упрямого Тиссу и его коллег. Подобные уступки привели бы к разряжению обстановки. Румынская же буржуазия мечтала о другом. Ее могли удовлетворить лишь территориальные приращения, на что мадьярское правительство не шло. Позднее стало известно письмо Тиссы австро-венгерскому посланнику в Бухаресте графу Оттокару Чернину: венгерцы будут стрелять по всякому, кто попытается отнять хотя бы квадратный метр венгерской территории»³¹, причем под венгерской территорией подразумевалась и Трансильвания. Чернин пришел к выводу: «Заставить Венгрию пожертвовать частью своей территорией можно было разве с помощью оружия»³². Будапештское правительство своей негибкостью и непреклонностью толкало румынскую буржуазию к Антанте, и эта буржуазия была не прочь выступить в роли «освободителя» Трансильвании и «объединителя» румынского народа.

Париж и Петербург стремились воспользоваться открывающимися благоприятными возможностями. Во время балканских войн Франция оказала серьезную поддержку захватническим устремлениям румынской олигархии. Не забыли здесь и о том, что золото способно открыть многие двери. Еще в 1908—1910 гг. парижские банкиры участвовали в предоставлении этой стране двух займов на общую сумму в 200 млн. лей. В 1913 г. бухарестские эмиссары вновь появились на парижской бирже. Правительство Франции отнеслось к их миссии весьма благосклонно. Но на этот раз финансисты заупрямились: партнер не казался им достаточно надежным^{32а}.

Правящий Петербург действовал иными методами. В конце 1912 г. Каролю I вручили русский фельдмаршальский жезл — в память о совместных действиях двух армий в 1877—1878 гг. Это вызвало сенсацию в дипломатическом мире: никто не подозревал за румынским Гогенцоллерном полководческих дарований; поражало и то, что в русской столице ждали чуть не сорок лет, чтобы оценить его заслуги. Вопреки распространились слухи о предстоящем бракосочетании молодого принца Кароля с одной из великих княжон, впрочем не подтвердившиеся.

Коронный совет в Синае

Вскоре после сараевского убийства первый министр Ионел Брэтиану сказал в одном доверительном разговоре, что желает войти в зал мирной конференции «под руку с победителем»³³. Но кого и когда брать под руку — было совершенно неясно.

В густом пороховом дыму, окутавшем Европу, трудно было

³¹ О. Чернин. В дни мировой войны. Пг., 1923, стр. 119.

³² Там же, стр. 118.

^{32а} М. Н. Ропс. *Relațiile româno-franceze (1900—1914)*. — «Studii», 1969, № 1.

³³ С. Stere. *Marele războiu și politica României*. Buc., 1918, p. 230.

разглядеть, на чью сторону клонится успех, и даже те политики и журналисты, которые прослыли вскоре самыми деятельными сторонниками Антанты, выступали пока в пользу осторожности.

Издатель двух наиболее распространенных в Румынии газет, «Адевэрул» и «Диминяца», Константин Милле, горевал: «И так плохо, и этак худо». Как бы не просчитаться и «сесть не в ту телегу»³⁴. Жаль, что нельзя с математической точностью предсказать исход войны. Бездействуя же, рискуешь тем, что все места вокруг стола мирной конференции будут заняты.

Глава партии консерваторов-демократов Таке Ионеску объявил, что является сторонником «лояльного и окончательного нейтралитета»³⁵. Газета «Епока», в недалеком будущем самый активный из антантофильских органов, перепечатала обращение Национального румынского комитета Трансильвании с призывом к соплеменникам без колебаний поддержать апостольского монарха Франца-Иосифа³⁶. Выжидательную позицию занимал и владелец этой газеты, один из столпов консервативной партии Николае Филипеску.

«Печать избегает нападков на Австрию»,— передавал Поклевский в июльские дни³⁷, и подобная сдержанность говорила сама за себя.

Откровенных германофилов, сторонников немедленного вступления в войну, насчитывалось немного. Их возглавлял престарелый консерватор Петре Карп, человек, считавший, что Румыния слишком далеко ушла вперед по пути социального прогресса (!). Он третировал народ, заявляя: «плебс» — не нация: «нация — это мы, ее представители». В политической жизни, по его мнению, должна была принимать участие узкая прослойка «избранных»: «В Румынии,— говорил он,— политикой должны заниматься люди с доходом по крайней мере в 40 тыс. лей в год»³⁸. Однако в условиях обострения классовой борьбы бескомпромиссная реакционность Карпа оказалась неприемлемой и для многих его старых сторонников. Он утратил прежнее влияние и ушел с поста главы партии.

Большинство прогермански настроенных консерваторов-аграриев во главе с шефом партии Александру Маргиломаном не решалось настаивать на немедленном вступлении в войну. Они рассчитывали на то, что германский меч сам рассекает гордиев узел сомнений румынских правителей и широкие слои буржуазии и помещиков, оставив колебания, бросятся в объятия Берлина и Вены.

³⁴ «Adevărul», 1.VIII, 10.IX 1914.

³⁵ «Viitorul», 1.I 1916.

³⁶ «Ероса», 21.VII 1914.

³⁷ Телеграмма от 20.VII 1914.— АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 46, л. 26.

³⁸ C. G a n e, P. P. Carp și locul său în istoria politica a țării..., v. I. Buc., 1936, p. 97, 156.

Официальный Бухарест после сарасвского убийства напоминал потревоженный муравейник. В обстановке всеобщей сумятицы, среди самых разноречивых слухов, политических интриг и светских сплетен хлопотали дипломаты готовившихся к схватке держав. Немцы и австрийцы пустили в ход «тяжелую» артиллерию — два кайзера оказывали на короля нажим. Франц-Иосиф требовал, чтобы Карл приказал «своей» армии немедленно выступить против России³⁹. Вильгельм всерьез рассчитывал на то, что румынскому отпрыску Гогенцоллернов удастся вовлечь свою страну в войну без каких-либо обещаний со стороны австро-германцев⁴⁰. Поэтому кайзер лично вписал в подготовленный для него текст телеграммы Карлу слова о выполнении договора без всяких условий.

В России и Франции отдавали себе отчет в том, что громадные германские и австро-венгерские капиталовложения в румынскую промышленность и колоссальные закупки зерна обеспечивают центральным державам соответствующее влияние в Бухаресте. Здесь знали, как старательно король внедрял в правящих классах Румынии веру в непобедимость германской армии; знали, что значительная часть румынского офицерства прошла военную подготовку в Германии и преклонялась перед прусской военной системой. Опасение, что румынские руководители устремятся в лагерь центра, не проходило в Париже и Петербурге. В потоке противоречивых сообщений от посланника и военного атташе в Бухаресте, консулов в Яссах, Галаце и Констанце и из штаба Одесского военного округа и впрямь было трудно разобраться.

Сазонов нервничал, сетовал на «беспримерное коварство»^{41–42} румынского премьера и готовился к наихудшему.

Царившая в высших российских сферах неуверенность отразилась в телеграмме министра иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому от 18 июля 1914 г.: «Имеем положительные данные, указывающие на возможность даже вооруженного выступления Румынии вместе с Австрией против нас»⁴³. Посланнику велено было на всякий случай подготовить вывоз архивов.

Разведки Поклевского приводили к самым неутешительным результатам: Брэтиану не скупясь на дружеские излияния и объявляя себя поборником Антанты, вдруг вспомнил, что власть в Румынии осуществляется коллегиальным органом,

³⁹ Biblioteca centrala de stat, Filiala N. Bălcescu, Fond Brătianu, pachet XVIII, № 89; «Osterreich-Ungarns Aussenpolitik von dem Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. I, № 10873.

⁴⁰ «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch». Charlottenburg, 1919, Bd. IX, № 472.

^{41–42} МОЭИ, сер. III, т. V, № 165.

⁴³ МОЭИ, т. V, № 341.

правительством, и упорно ссылаясь на необходимость консультаций с королем, своими товарищами по кабинету и лидерами оппозиции. До тех пор Поклевский по справедливости полагал, что премьер мало считается со своими коллегами. Уклончивые ответы посланник расценивал как свидетельство нежелания связывать себе руки. В Петербурге разделяли его мнение и решили, что привязать Румынию к Антанте можно лишь путем щедрых обещаний.

Уже 16 июля Поклевскому было поручено намекнуть, пока еще достаточно туманно, что Россия «не исключает возможных выгод для Румынии — за ее участие в войне»⁴⁴. На другой день последовала гораздо более определенная инструкция обещать Трансильванию⁴⁵.

Одновременно румынские правители, очутившись в положении разборчивой невесты, получили предложение и с другой стороны. Австро-германский блок был готов щедро оплатить участие Румынии в войне, разумеется, чужими территориями: Брэтиану была предложена Бессарабия. Румынский премьер не выразил никакого восторга по этому поводу. По его мнению, Бессарабию было трудно захватить и вдесятеро труднее удержать⁴⁶. Даже в случае военного успеха держав центра его не прельщала мысль о том, что в дальнейшем придется жить бок о бок с оскорбленным российским колоссом. Прочным данный захват мог быть, по мнению Брэтиану, лишь в случае расчленения России; но в то, что это государство удастся растащить по кускам, в Румынии мало кто верил. Центральный блок «прирезал» к Бессарабии еще и Одессу, но тоже без успеха. Так началось дипломатическое сражение за Румынию, длившееся два года.

Иностранные представители с нетерпением ожидали результатов коронного совета, назначенного на 21 июля.

Заседание в королевском замке Пелеш в Синае открыл Карл, зачитавший текст договора 1883 г., связывавший Румынию с центральными державами. Он заявил, что в войне будут победители и побежденные. «Но, несомненно, нейтралы окажутся в числе побежденных» (т. е. прогадавших). Король высказался за немедленное выступление на стороне держав центра⁴⁷.

Может показаться странным, — зачем понадобилось знакомить присутствующих с документом тридцатилетней давности?

⁴⁴ МОЭИ, т. V, № 216.

⁴⁵ Там же, № 280.

⁴⁶ См. Ф. И. Нотович. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. I. М.—Л., 1946, стр. 245.

⁴⁷ О коронном совете см. G. Fotino. Une séance historique du conseil de la couronne. — «Revue de deux mondes», 30.VIII 1930, p. 533. Фотино имел возможность ознакомиться с архивом участника совещания И. Г. Дуки.

Но на то были свои причины. Договор был заключен и сохранился в глубокой тайне. Под ним стояли подписи лишь короля и одного министра, а с его содержанием были знакомы только главы правительств и начальники генерального штаба. «Опасаясь реакции общественного мнения и цыганских прав румынской прессы, «Карл Мудрый» держал трактат в секрете», — писал в своих мемуарах К. Аржетояну⁴⁸. Характерно, что в оригинале слова «Карл Мудрый» не только взяты в кавычки, но и написаны по-немецки. Аржетояну с явной насмешкой употреблял эпитет, бывший в ходу у немецких биографов Карла.

Договор 1883 г. не утверждался парламентом и его юридическая законность была поэтому сомнительной. Наконец, по букве этого документа взаимопомощь предусматривалась лишь в случае нападения на одного из участников договора. Представить же хищную германскую и австро-венгерскую армию в виде «жертвы агрессии» было по меньшей мере затруднительно. Существовало еще одно обстоятельство, подрывавшее значение договора: габсбургские войска напали на вчерашнего союзника Румынии — Сербию, территориальную целостность которой она обязалась сохранять по Бухарестскому мирному трактату 1913 г. Невозможно было совместить это с обязательствами по отношению к Германии и Австро-Венгрии⁴⁹.

Но суть дела заключалась не в юридических тонкостях и верности подписанным договорам. Когда ей было выгодно, румынская буржуазия пренебрегала формальными обязательствами. Так случилось и на сей раз. Пути Австро-Венгрии и Румынии разошлись, и с договором 1883 г. перестали считаться. Аржетояну полагал, что у короля в руках оказались ничего не значащие клочки бумаги. В таких же выражениях (хотя с чувством сожаления, а не насмешки) отзывался о договоре граф Чернин⁵⁰.

После речи короля в совете наступило глубокое молчание. Его прервал Теодор Росетти, самый старый из присутствовавших на совещании экс-премьеров. Он заявил, что нет причин, обязывающих Румынию немедленно выступить.

Третьим выступил Карп, ринувшийся в поддержку короля. Он выдвинул главный аргумент германофилов: «Зачем колебаться? Победа Тройственного союза обеспечена...» С настроениями в стране Карп считаться не желал: «Мне говорят об общественном мнении. Оно меня совершенно не интересует. Долг государственного деятеля — управлять этим мнением, а не подчиняться ему»⁵¹.

⁴⁸ С. Argetoianu. Pentru cei de mine, p. 347.

⁴⁹ A. Marghiloman. Note politice, v. I, Buc., 1927, p. 226.

⁵⁰ О. Чернин. В дни мировой войны, стр. 93.

⁵¹ G. Fotino. Op. cit., p. 534—536.

Однако его голос прозвучал одиноко. Официальный руководитель консерваторов Александру Маргиломан высказался за нейтралитет. И. Лаховари, М. Грэдиштяну (консерваторы), Таке Ионеску (консерватор-демократ) выступали в том же духе⁵².

После них слово взял Брэтиану. Он рекомендовал занять выжидательную позицию: «Война будет долгой; подождем, как развернутся события. Нам еще представится случай сказать свое слово»⁵³. Карп вступил в полемику с Брэтиану. Пока они спорили, прибыла телеграмма, подтверждавшая нейтралитет Италии. Позиции сторонников выжидания усилились.

Король сделал последнюю попытку воздействовать на собрание и в туманной форме намекнул на возможность отречения. Убедившись, что это не подействовало, он сдался.

После совещания было опубликовано краткое коммюнике, в котором говорилось о необходимости усилить военные меры по охране границ. Русский посланник, комментируя заседание коронного совета и принятое на нем решение, указывал, что оно не означало определенного нейтралитета, а свидетельствовало о желании занять выжидательную позицию⁵⁴.

Решение совета соответствовало настроением основных кругов румынской буржуазии и помещиков.

Германофилы, главным образом, аграрии, сбывавшие в Германию значительную часть румынского экспорта, надеялись на молниеносные победы держав центра. «Блицкриг» должен был прояснить обстановку. Выжидание их вполне устраивало. Румыния являлась бы предметом ухаживания с обеих сторон. Открывались возможности выгодного сбыта, в чем были заинтересованы не только торговцы и промышленники, но и помещики.

Профранцузски настроенные круги буржуазии и помещиков тоже не торопились. Характерным для их настроений в первые дни войны было высказывание Н. Филипеску. Незадолго до Марны, под впечатлением немецких успехов на Западном фронте, он заявил Аржетояну, с которым ехал в одном купе из Бухареста в Синаю: «Если так пойдет дальше, надо изменить политику: раз нельзя забрать Трансильванию, надо взять по крайней мере Бессарабию»⁵⁵. Антантофильские настроения румынских правителей были весьма условны.

В архивном фонде семейства Брэтиану сохранилась набросанная карандашом на оборотной стороне бюллетеня румынского агентства «Agence roumaine» за 21 июля 1914 г. инструкция

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibid., p. 538.

⁵⁴ МОЭИ, т. V, № 503.

⁵⁵ C. Argetoianu. Op. cit., p. 363.

послу в Берлине Бсддиму⁵⁶. На тексте есть пометка о том, что в выработке депеши участвовали король, председатель палаты депутатов Ферекиде, шефы партий консерваторов Маргиломан и консерваторов-демократов Таке Ионеску. В ней сообщалось о результатах коронного совета. Подчеркивалось, что Румыния намерена поддерживать действия Германии и будет вести военные приготовления в той мере, в какой это будет возможно, не навлекая угрозы русского нашествия. В инструкции в тоне извинения указывалось, что немедленное выступление, учитывая настроения общественности, предпринять невозможно. Далее сообщалось, что Болгарии предоставляется полная свобода действий в отношении Сербии. Прежний союзник по второй балканской войне, таким образом, выдавался с головой. Явно желая обезопасить свой тыл от нападения болгар и натравить их на Сербию, румынские правители (уже для австрийских ушей) расписывали выгоды, которые этот шаг мог бы принести габсбургской монархии. Австро-Венгрия, по заявлению Брэтиану, могла снять значительные силы из района Дуная, компенсировав их болгарскими.

Премьер заботился о том, чтобы в Вене не угасала надежда на присоединения Румынии. Через неделю после коронного совета начальник австрийского генштаба получил запрос от своего румынского коллеги — предпринимать ли развертывание войск в районе Яссы — Ботошани? Обрадованный австриец немедленно направил в Бухарест приглашение пожаловать на деловые переговоры^{56а}.

Никто не приехал. Запрос был типичным образчиком румынской «игры на двух столах».

Брэтиану, несомненно, вел двойную игру, прикидываясь перед Поклевским антантофилом и выставляя себя в Берлине сторонником центральных держав и пытаясь обмануть обе стороны. Однако в это время он вводил в заблуждение дипломатию центра.

Болгария в войну не вступила. В Софии считали, что самым благоразумным будет переждать первые схватки, осмотреться и решить, у кого больше шансов на успех. Вене пришлось убедиться и в том, что расчеты на болгаро-сербскую стычку, о которой так соблазнительно говорил Брэтиану, в данное время построены на песке. Никакие австрийские дивизии на Дунае не освободились. Более того, габсбургские войска были вышиблены из Белграда сербскими солдатами, что, конечно, ни в какой степени не способствовало укреплению авторитета центральных держав в Бухаресте и Софии. Что касается воен-

⁵⁶ Biblioteca de stat. Filiala N. Bălcescu, Fond Brătianu, Pachet XVIII, № 83.

^{56а} Feldmarschall Conrad. Aus meiner Dienstzeit, Bd. 4. Wien — Leipzig — München, 1923, S. 191.

ных приготовлений против России, то, выждав некоторое время и убедившись, что до германской победы еще далеко, румынское правительство решило воздержаться от концентрации войск на русской границе⁵⁷.



Первая реакция австро-германской дипломатии на решение коронного совета была самой искренней. Чернин выразил сожаление⁵⁸. В Вену он писал, что Бухарест стремится выиграть время: если чаша весов склонится к державам центра, он выполнит свои союзные обязательства; если же произойдет обратное, настанет время осуществления популярного в Румынии лозунга раздела габсбургской монархии⁵⁹. Резолюция Вильгельма II на полях депеши своего бухарестского представителя: «Союзники отпадают от нас уже до войны, подобно гнилым яблокам. Полный провал германской, а также австрийской дипломатии»⁶⁰ лучше всех документов говорит о чувстве гнева и раздражения, охватившем Берлин и Вену.

Однако предпринять они ничего не могли.

Хитрый Брэтиану, желавший обеспечить себе возможность возвращения в лагерь центра в случае решающих побед последнего, решил перестраховаться и заручиться у австро-германской дипломатии свидетельством о хорошем поведении. По его настоянию посланники двух держав, Вальдхаузен и Чернин, 22 июля от имени своих правительств заявили, что считают решения коронного совета отвечающими дружеским отношениям и впредь рассматривают Румынию как свою союзницу. Отказать в такой справке о лояльности австро-германская дипломатия не сочла возможным, ибо не могла заставить румынских правителей изменить политику.

В ближайшие же дни после совета Чернии и Вальдхаузен зачастили во дворец в тщетной надежде, что с помощью короля удастся направить внешнюю политику Румынии по более благоприятному руслу⁶¹. Своими домогательствами австро-германские дипломаты доводили престарелого монарха до рыданий и, по признанию Чернина, приблизили его конец⁶². Эта лихорадочная деятельность сама по себе показывала, что ничего похожего на чувство удовлетворения в Берлине и Вене не испытывали.

Карл старался как мог. Этот холодный и высокомерный человек, который даже министрам подавал при прощании один палец, принялся усиленно обхаживать влиятельных политиков,

⁵⁷ Подробнее о русско-румынских отношениях после коронного совета см. гл. IV.

⁵⁸ Biblioteca de stat. Filiala N. Bălcescu, Fond Brătianu, Pachet XVIII, № 83.

⁵⁹ «Cartea roşie austro-ungara». Buc., 1917, № 7.

⁶⁰ Ф. И. Нотвич. Дипломатическая борьба..., стр. 68.

⁶¹ О. Чернин. В дни мировой войны, стр. 106.

⁶² Карл умер в сентябре 1914 г.

склонявшихся к Антанте. Его вера в непреодолимую мощь Германии не знала границ. Он говорил, что час немецкой победы недалек, и можно даже назвать день, когда войска вступят в Париж. Мир не будет тяжелым для Франции. От нее не потребуют территориальных жертв. Было бы преступлением не воспользоваться войной. Усилия, которые потребуются от Румынии, будут ничтожно малы по сравнению с результатами⁶³. В ответ он слышал вежливые отговорки.

Русская дипломатия одно время серьезно считалась с тем, что Карл попытается спровоцировать пограничные инциденты, и, чтобы не давать повода, просила генеральный штаб не концентрировать войска на румынской границе⁶⁴. Опасения оказались необоснованными.

В целом же решения коронного совета вызвали в Париже и Петербурге вздох облегчения⁶⁵. Договорные отношения Румынии с Тройственным союзом были сломлены. Возникла надежда, что Румыния не остановится на полпути и, начав с отказа от поддержки центра, кончит присоединением к противоположной группировке. Дипломатия Антанты перешла в наступление.

Первые антивоенные выступления пролетариата

Война пришла в Румынию незваной, но вовсе не неожиданной гостьей. Конфликты 1912—1923 гг. явились своего рода сигналом о приближении мирового пожара; они показали расстановку сил не только на мировой арене, но и в рабочем движении балканских стран.

Румынские буржуа и помещики, которые не желали сложить руки наблюдать, как соседи перекраивали карту полуострова, не имели возможности прикрыть свои захватнические замыслы национальными лозунгами. Им приходилось действовать с позиций откровенного и грубого насилия.

Румынский пролетариат противопоставил неумолимой жадности «своей» буржуазии волю к миру. В октябре — ноябре 1912 г. в стране прошли митинги протеста. На самом крупном из них, состоявшемся 18 ноября в Бухаресте, приняли участие 10 тыс. человек. Затем рабочие продемонстрировали по улицам с пением Интернационала и призывом: «Долой войну!»⁶⁶.

⁶³ С. Argetoia пи. Op. cit., p. 394—397.

⁶⁴ ЦГВИА ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3130, л. 120.

⁶⁵ Там же, л. 201.

⁶⁶ N. Soroiu. Poziția clasei muncitoare din România față de războaiele Balcanice.— «Analele», 1956, p. 61. В. И. Ленин в своих тезисах «К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов» писал: «Против вмешательства в балканскую войну других держав... Война войне! Против всякого вмешательства! За мир! Таковы лозунги рабочих» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 198).

Тогда же выявилось и размежевание сил пролетариата по вопросу о войне. Руководство социал-демократической партии старалось удержать антивоенное движение на уровне «легального» протеста. Оно провозглашало: «Да здравствует демократия!», «Да здравствует всеобщее избирательное право!», доказывая, что иначе правительство не преминет обрушиться на рабочих с репрессиями, и это помешает развертыванию движения за реформы.

Революционное крыло не собиралось ограничиваться этими скромными рамками. Его позиция полнее и ярче всего отразилась в манифесте⁶⁷, выпущенном группой социалистов из Плошты во главе с крупным деятелем партии и пламенным трибуном Штефаном Георгиу. Манифест требовал провозгласить войну войне и объявить бойкот мобилизации. В нем говорилось: «Когда вам будут петь: «Родина требует... родина хочет», — заткните шарлатанам глотку заявлением: «Родина — это мы, рабочие, производители всех общественных богатств, и мы знаем лучше, чем кто-либо, что надо делать». «Пока мы будем покорными, нас будут использовать как пушечное мясо, и пушки будут греметь. Если мы откажемся, пушки замолкнут»⁶⁸.

Это был открытый вызов легальной тактике. Правда, авторы заявления, выступая за отказ от военной службы, игнорировали возможность использования оружия на службе революции. Но манифест был проникнут боевым духом. Штефан Георгиу и его товарищи оказались в тюрьме, а руководство партии поспешило отмежеваться от их смелого заявления.

После того как Румыния оказалась вовлеченной во вторую балканскую войну, исполком партии, осудивший ее, не обмолвился ни единым словом насчет тактики рабочих, объявив лишь, что поднимает «знамя братства, мира и цивилизации».

Митинги протеста состоялись в Бухаресте, Галаце, Плоешти, отмечались случаи братания между румынскими и болгарскими солдатами. Но антивоенное движение не успело развернуться, как действия на фронте прекратились и был заключен грабительский для Болгарии Бухарестский мир. На рабочем митинге в румынской столице он был клеймен как «триумф сильного над слабым и попрание принципа национальностей»⁶⁹.

С июня 1914 г. для румынского пролетариата началась пора серьезных и тяжелых испытаний. Провоцирование европейского конфликта вызвало в его среде взрыв негодования. «Кровь сотен тысяч убитых не высохла еще на полях сражений, стоны отчаяния слышны в разрушенных и покинутых жителями городах, в опустевших селах, вырываются из груди людей, разоренных и лишившихся работы; вдовы и сироты ходят по деревням и горо-

⁶⁷ Вышел двумя изданиями.

⁶⁸ «Documente din mișcarea muncitorească, 1872—1916», Buc., 1947, p. 576.

⁶⁹ N. C o r o i u. Op. cit., p. 71.

дам, ища пристанища и возможности залечить свои раны»⁷⁰, — говорилось в манифесте исполкома социал-демократической партии, провозгласившем лозунги: «Долой войну! Требуем нейтралитета! Да здравствует мир!»⁷¹.

19 июля на крупном антивоенном митинге рабочие со всей решительностью выступили против «политики вражды, завоеваний и убийств, проводимой государствами, против империализма и милитаризма, разоряющих народы, задерживающих развитие цивилизации, угрожающих возвратом к варварству»⁷².

10 августа собрался чрезвычайный конгресс партии и профсоюзов. Он указал в своей резолюции: «Вместе с социалистическими партиями всех стран мы провозглашаем, что лишь с уничтожением капитализма и заменой его социалистическим обществом человечество избавится от катастрофы, которая покроет его позором, разорит и погрузит в печаль»⁷³. Конгресс выразил солидарность «с социалистами всех стран, которые выполнили и выполнят свой долг до конца»⁷⁴.

Резолюция отразила как горячую преданность делегатов делу социализма, так и царившую среди них неясность и прямое непонимание смысла происходивших в европейском социалистическом движении событий. Об этом красноречивес всяких слов говорило полное умолчание о расколе II Интернационала и о предательстве руководства германских, французских, бельгийских социалистов.

В дни июльского кризиса 1914 г., когда в европейских столицах лихорадочно работали телеграфные аппараты, отстукивая роковые вести о готовящейся войне, среди румынских рабочих и социал-демократов было распространено мнение, что долгожданный час революции пробил. «Наши товарищи могут не сомневаться: Интернационал выполнит свой долг до конца»⁷⁵, — писала газета партии «Ромыния мунчитoare».

Пресса воюющих сторон сообщала всевозможные небылицы о происшествиях в лагере противника. Румынские социалисты, принимая желаемое за действительность, с неоправданным доверием относились к этим газетным уткам. На страницах «Ромыния мунчитoare» публиковались всякого рода фантастические сообщения. Так, 31 июля появилась заметка о том, что Фридрих Эберт бежал из Германии в Цюрих с кассой социал-демократической партии⁷⁶, что Карл Либкнехт расстрелян, а все руководство немецкой социал-демократии арестовано. В следующем но-

⁷⁰ «Documente din mişcarea muncitorească», p. 604.

Ibid., p. 607.

⁷² Ibid., p. 608—609.

⁷³ Ibid., p. 611.

⁷⁴ Ibid., p. 612.

⁷⁵ «România muncitoare», 31.VII 1914.

⁷⁶ Ibidem.

мере был помещен портрет Либкнехта и краткие биографические данные. Тут же указывалось, что информация о его смерти недостоверна, но вполне правдоподобна⁷⁷. Еще через несколько дней первая страница газеты украсилась портретом «убитой» Розы Люксембург⁷⁸. И уже всякие границы переходила «информация» «о революции в Париже». В сообщении были красочно описаны «колоссальные баррикады» на улице Сен-Оноре, «бои» на Елисейских полях и на улице Лафайетта...»⁷⁹.

Эти слухи прожили недолго. Германские социал-демократы первыми проголосовали за военные кредиты, растоптав решения Штутгартского (1907 г.) и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала. Их примеру последовали французы. Миллионы рабочих в Германии, Франции, Англии, Бельгии и других странах, обманутые «вождями», отправились на фронт. Крах II Интернационала стал совершившимся фактом.

Социалистам государств, оставшихся пока в стороне от военных действий, пришлось в сложнейшей международной и внутренней обстановке намечать линию поведения.

Нелегкие проблемы встали перед румынскими социал-демократами. Правительство не афишировало подготовки к войне. Официально коронный совет высказался за вооруженное выжидание. В газетах получил широкое распространение термин «нейтралитет», хотя ни в одном официальном документе он не фигурировал. Это сбивало с толку, притупляло бдительность, сеяло у неопытных в политике людей сомнения в необходимости антивоенной борьбы.

Румынская буржуазия всегда жонглировала несколькими шарами. Влиятельная группировка, склонявшаяся к Антанте, использовала нерешенность национального вопроса на Балканах, то обстоятельство, что миллионы румын проживали в Трансильвании, Восточном Банате, Южной Буковине, входивших тогда в состав Австро-Венгерской монархии, и среди них, как и в самой Румынии, существовало понятное стремление к объединению всех румынских земель. Значительные слои мелкой буржуазии и интеллигенции вполне искренне поддерживали проантантовый курс. Крестьянство в общем держалось пассивно, ограничиваясь отдельными проявлениями стихийного протеста. Если по многим вопросам внутренней жизни существовала возможность объединения демократических сил, то в борьбе против войны поляризация сил была полной: класс выступал против класса. Наконец, румынскому пролетариату предстояло преодолеть оппортунистические тенденции в собственной социал-демократической партии, сказывавшиеся и по вопросу о войне.

⁷⁷ «România muncitoare», 3.VIII 1914.

⁷⁸ «România muncitoare», 7.VIII 1914.

⁷⁹ Ibidem.

ОЛИГАРХИЯ И ВОЙНА

Споры о том, когда и к кому примкнуть

Основная часть румынской буржуазии и помещиков не была настолько загипнотизирована германской мощью, чтобы без раздумий ринуться в лагерь центра. Поставив целью оказаться в числе победителей при любом исходе войны, она решила повременить, что, однако, не исключало острых разногласий в правящих кругах по внешнеполитическим вопросам. Два года, вплоть до самого вступления в войну, прошли под знаком «политики и гешефтов». Споры переросли обычную форму парламентских дебатов и газетных статей и выплеснулись на улицу.

Довольно скоро обрисовались три течения: одно — самое многочисленное и влиятельное — во главе с премьер-министром держалось осторожно и не хотело связывать себе рук до решающего момента; второе состояло из германофилов; в третье входили лица, склонявшиеся к Антанте.

Брэтиану со времени июльского кризиса 1914 г. ни разу не высказался публично по вопросам внешней политики. Он не снизошел до того, чтобы объяснить свое молчание в парламенте, демонстрируя полное безразличие к «избранникам народа». Он предупредил лишь, что это не означает ни одобрения, ни порицания выступающих ораторов¹. Советник русской миссии Б. Арсеньев жаловался, что Брэтиану носит «маску авгура, которому одному известны пути, имеющие привести отечество к его заветным целям»². Газеты оппозиции нарекли его сфинксом. На одной из карикатур премьер был изображен в окружении жаждавших «действия» людей. Брэтиану же, в ночной пижаме и с огромным будильником в руках, говорил: «Господа! Сейчас без пяти минут десять, а в десять, что бы ни происходило, я иду спать».

¹ «Desbaterile senatului», 1914—1915, p. 21—22; «Desbaterile adunării deputaților», 1914—1915, p. 16, «Desbaterile senatului», 1915—1916», p. 7.
АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 701, ч. 1, л. 24.

О замыслах правительства можно было, однако, судить по высказываниям контролируемых им газет и сторонников кабинета.

Брат премьера (Винтила) в самом начале конфликта выступил с докладом: «Интересы Румынии в настоящей войне»³. Суть его рассуждений такова: не надо бросаться очертя голову в поединок, в котором Румыния может быть сразу сокрушена. «Инстинкт самосохранения и уроки прошлого», по словам В. Брэтиану требовали, чтобы Румыния не была с самого начала вовлечена в битву⁴. Надежды на быстрое завершение войны или скорое истощение противников несбыточны. Результаты будут зависеть от общего исхода, а не от частных успехов или поражений. Поэтому нельзя поддаваться настроениям минуты, а надо ждать подходящий момент⁵.

Развивая эту мысль, Винтила Брэтиану по прошествии нескольких месяцев призывал не обращать внимания на соблазны, рассуждать здраво, не строить иллюзий насчет продолжительности войны⁶, тогда как ошибки могут помешать Румынии сыграть свою роль (т. е. прицепиться к колеснице победителя).

Минул год — ожесточенные бои продолжались на всех фронтах. Ни один из противников не мог одолеть другого. Румынское правительство еще больше уверилось в правильности своей тактики выжидания. 17 февраля 1916 г. газета «Вииторул», выражая точку зрения премьера и его окружения, заявляла: «Лишь сейчас противники наши (оппозиция.— В.В.) начинают понимать, что настоящая война требует большого напряжения и времени и что государственный деятель не должен находиться под влиянием момента»⁷. Сторонники правительства в парламенте оперировали подобными аргументами, сдабривая их изрядной долей лести премьеру. «Не может быть ни одного румынского сердца, ни одной румынской души, обладающих способностью здраво рассуждать, которые не возносили бы благодарности богу за то, что во главе страны стояло правительство Иона Брэтиану!»— восклицал в подобострастном восторге сенатор Г. Прокопиу⁸. Ему вторил депутат Г. Беческу-Сильван, умилявшийся тем, что правительство не желает объяснять мотивов своего поведения. Молчание, заявлял он, «дает нам гарантию серьезного и глубокого проникновения в нужды страны (!)... Пусть правительство работает и дальше в том же духе»⁹.

Последние могики старого пронемецкого курса сплотились

³ V. I. Brătianu. Interesele României în actualul război. Buc., 1914.

⁴ Ibid. p. 24.

⁵ Ibid., p. 30—31.

⁶ V. I. Brătianu. Pentru conștiința națională. Buc., 1915, p. 86—90.

⁷ «Viitorul», 17.II 1916.

⁸ «Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 27.

⁹ Gh. Becescu Silvan. Politica externă a guvernului. Plocești, 1916, p. 18.

вокруг Петре Карпа. Это были главным образом аграрии, связанные с Германией и Австро-Венгрией тесными коммерческими узами. Однако их доводы особого впечатления не производили. Было бы, разумеется, соблазнительно воспользоваться каким-либо тяжелым для русских случаем, рассуждал проф. Базилеску. Удар в спину их армии, писал он, даст в руки центральных держав ту победу, которая с таким постоянством убегает от австрийцев.

А что дальше? При победе и оккупации Бессарабии — враждебность России, страны, население которой через 50 лет, по мнению Базилеску, достигнет 250 миллионов. И за эту малособлазнительную возможность надо расстаться с надеждой на объединение с Трансильванией!¹⁰

Страх перед последствиями собственной победы в союзе центром был так велик, что даже Карп считал желательным занять лишь Южную Бессарабию с тем, чтобы в северной части обосновались австрийцы¹¹. Союз с Австро-Венгрией мыслился им на основе совместной защиты захваченного.

Премьер-министр Брэтиану полагал, что присоединение Бессарабии имеет ценность только в том случае, если австро-германскому блоку удастся захватить другие русские области. Но ни он, ни наиболее влиятельные круги румынской буржуазии не верили в это. Проекты расчленения России, создания «Королевства Украины», которое находилось бы в вассальной зависимости от империи Габсбургов, казались многим несбыточной и «странной фантазией»¹². Связывать свою судьбу с Австро-Венгрией, в скором распаде которой они были уверены и в наследники которой стремились попасть, казалось им бессмысленным¹³. Крайние же сторонники держав центра договаривались до того, что следует отказаться от независимости и войти на федеральных началах в Австро-Венгрию, осуществив таким путем «объединение» с Трансильванией¹⁴.

В центре германофильской пропаганды был пресловутый русский жупел. Славянская опасность скандировалась на все лады. Для избавления от этой угрозы, утверждали германофилы, все средства хороши. Хищная габсбургская держава изображалась в виде тихой заводя, где малые народы укрывались от «реакционного автократизма и захватнического панславизма»¹⁵. Поэтому-де ее сохранение — жизненная необходимость для всех населяющих ее наций¹⁶.

¹⁰ «Universul», 12.X 1914.

¹¹ A. Marghiloman. Note politice. Buc., 1925, v. I, p. 230.

¹² G. Diamandy. România și conflictul european. Buc., 1914, p. 17—18.

¹³ См. стр. 33—36.

¹⁴ A. Corteanu. Războiul european și interesele noastre. Buc., 1915, p. 41; C. Stere. Discursul d-lui Take Ionescu. Iași, 1916, p. 48.

¹⁵ «Moldova», 1.I 1916.

¹⁶ «Moldova», 10.I 1916.

В Румынии знали, что чехи, словаки, поляки, румыны, украинцы, хорваты, босняки, герцеговинцы, далматинцы только и мечтали о том, как бы избавиться от габсбургской опеки. Речи германофилов поэтому не производили должного впечатления.

Разговоры об агрессивных замыслах царизма и запугивание «казацким господством» потеряли свою остроту, ибо прямых захватов в Румынии царская Россия осуществлять не собиралась. Сказывалась слабость царизма. «Россия перестала быть опасной», — указывал позднее Ионел Брэтиану¹⁷.

Заявления румынских сторонников центра о том, что германский меч и немецкая организованность все сметут на своем пути, Россия рассыплется и останется лишь подбирать куски, — не выдерживали испытания временем. Блицкриг, провозглашенный в доктрине уже к тому времени покойного генерала Шлиффена, провалился. Во влиятельных кругах румынской буржуазии крепло убеждение в том, что она вступила на правильный путь.

Нешуточной потерей для центральных держав явилась смерть в сентябре 1914 г. румынского короля. Старый Гогенцоллерн был опытным политиком, и даже Брэтиану чувствовал себя перед ним, по словам мемуариста, «просто Ионелом»¹⁸. Новый король Фердинанд, ограниченный, слабовольный и тщеславный, оказывал мало влияния на государственные дела. Страсть Фердинанда к галунам, блестящим пуговицам и прочим агрибутам мундира давала обильную пищу фельетонистам и карикатуристам¹⁹.

Германофильские убеждения Фердинанда не интересовали никого, даже его собственную жену, королеву Марию, англичанку по происхождению, внучку королевы Виктории и горячую сторонницу Антанты. Влияние Брэтиану при «Нандо» резко усилилось.

Однако у германофилов был довод, производивший в политических сферах Бухареста серьезное впечатление. Как только речь заходила об опасности утверждения двуглавого орла в Константинополе и проливах²⁰ и превращении Черного моря в «русское озеро», румынские помещики и буржуазия настораживались. В глубокие размышления поверг их царский манифест о войне с Турцией (октябрь 1914 г.), где говорилось о необходимости решить историческую проблему Черного моря²¹

¹⁷ Из меморандума, представленного румынским правительством Парижской мирной конференции в 1919 г. (Arhiva ministerului de externe (МЛЭ) 71/914 E 2. Pacea generală (diverse), II, p. 255).

¹⁸ С. Argetoianu. Op. cit., p. 403.

¹⁹ «Adevărul», 31.V 1916.

²⁰ «Desbaterile adunării deputaților», 1914—1915, p. 17—18; «Moldova», 3, 14.I 1916.

²¹ «Universul», 26.X 1914.

Вокруг этого вопроса возникла дискуссия.

Главное для Румынии — выход к морю, твердили германофилы. Без него, если пути экспорта окажутся перерезанными, и Трансильвания не нужна²². Вопрос, быть или не быть Румынии, будет решаться в Петербурге, как только царизму удастся осуществить свои планы.

В идеале всех без исключения румынских политиков устроил бы переход проливов в собственные руки. Однако это, как писал Аржетояну, лежало за пределами осуществимого²³. Надо было приспособляться к сложившейся обстановке и решать вопрос реалистически. Нельзя воображать, «что мы, румыны, центр вселенной и можем диктовать свою волю в Европе»²⁴, предупреждала газета «Епока». Если смотреть на вещи трезво, указывал тот же Аржетояну, следует признать, что Румыния не в силах помешать царизму утвердиться в Стамбуле, независимо от того, будет ли она в числе союзников или противников. Выступление на стороне Антанты увеличит шансы на благоприятное решение вопроса: с союзником, как никак, будут считаться больше, чем с врагом или «нейтралом». Можно будет попытаться сыграть на расхождениях в лагере Согласия и придумать вместе с Италией какую-нибудь комбинацию, например попытаться объявить Стамбул открытым городом²⁵.

С живейшим интересом следили в Бухаресте за начатой в феврале 1915 г. галлиполийской операцией англо-французских вооруженных сил. По незадачливому замыслу Уинстона Черчилля, в то время — британского морского министра, армия и флот Антанты начали штурмовать укрепления, охранявшие подступы к Дарданеллам. В Бухаресте сразу отметили, что Россия осталась в стороне. Там ни на мунуту не сомневались, что все это происходит неспроста и, разумеется, не потому, что союзники решили помочь царизму и преподнести в дар ключи от проливов²⁶. В румынской столице крепло убеждение, что «владычица морей, Британия, не откажется в пользу России от своих интересов в восточных водах... Урегулирование вопроса о проливах должно быть европейским, а не русским»²⁷. Конечно, русский колосс не потерпит чужаков в раю, рассуждала самая влиятельная в Румынии газета «Универсул», но существует же Великобритания. Она добьется для себя участия в управлении

²² «Moldova», 1.III 1915; I. F. Filitti. *Politica externă a României și atitudinea ei în conflictul european*. Buc., 1915, p. 58.

²³ «Епока», 21.III 1915.

²⁴ «Епока», 2.II 1915.

²⁵ «Adevărul», 19, 20.XI 1914.

²⁶ «Universul», 19.II 1915.

²⁷ С. Кirițescu. *Istoria războiului pentru întregirea României*, ed. II-a, v. I, p. 129.

проливами и будет держать в руках неприятных конкурентов; «важно, чтобы и для нас нашлось местечко под солнышком»²⁸.

Сообщения из дипломатических кругов подтверждали эти надежды. Итальянский посланник Фашиотти заявлял, что черноморские проливы будут заняты англичанами, а оккупант всегда имеет слово в решении вопроса²⁹. На то же уповало румынское правительство. На коронном совете, созванном в августе 1916 г., перед самым вовлечением страны в войну, Брэтиану заявил: «Англия в течение сотен лет навязывала свою точку зрения и не допустит чьей-либо гегемонии...» Его поддержал председатель палаты депутатов Мишу Ферекиде: «Свобода проливов — вот формула будущего»³⁰, — провозгласил он.

В итоге главная карта в игре германофилов — вопрос о черноморских проливах — оказалась битой. Их пропаганда мельчала и вырождалась в унижительное для национального достоинства преклонение перед всем немецким и в оскорбительные нападки на Россию и русский народ³¹.

Время шло, а мировой схватке, казалось, не было конца. Вера в магическую силу немецкого духа и меча улетучивалась. Призывы «Молдовы» проглотить не только Бессарабию, но и украинские территории, вплоть до Буга³², не производили на румынскую олигархию впечатления. В ее среде крепло течение, склонявшееся на сторону Антанты.

Как отмечалось, на коронном совете 21 июля не прозвучало ни одного голоса в пользу совместного выступления с Англией, Францией и Россией. Однако стоило русским войскам проникнуть в Карпаты, а французам — нанести удар немецкой армии на Марне, как многие румынские политики обнаружили в своих сердцах давнюю и прочную привязанность к «латинской сестре», Франции, к старейшей демократии мира — Великобритании и неистребимую любовь к делу мировой цивилизации, попираемой ордами «тевтонских варваров».

Осторожная, исподволь агитация в пользу держав Согласия началась еще в августе. 4 августа маститый историк Александру Ксенопол выступил со статьей «Ни в коем случае не с Австрией», в которой предупреждал, что вооруженный захват какой-либо части русской территории «поставит нас перед лицом вечной угрозы»³³.

²⁸ «Universul», 11.VII 1915.

²⁹ A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 412.

³⁰ Ibid., v. II, p. 150, 152. Румынские деятели не знали о существовании договора (1915 г.), по которому Англия и Франция уступали проливы России.

C. Stere. Marele războiului și politica României. Buc., 1918, p. 30; «Moldova», 13.V 1915.

³² «Moldova», 31.V 1915.

³³ «Adevărul», 4.VIII 1914.

Это высказывание еще не выходило за рамки решений коронного совета. Позднее Ксенопол потребовал присоединения к Согласию, обрушился на правительство за бездеятельность⁶⁴, вспоминал о большой положительной роли России при освобождении Румынии от турецкого ига: «...Наша независимость выросла и созрела под русской защитой и с ее помощью расцвела на болгарских полях в 1878 г.»⁶⁵.

Первого сентября в газетах появилось сообщение о французской победе на Марне — на следующий же день руководитель антантофилов Николае Филипеску высказался за вступление в войну. Еще через два дня промелькнуло сообщение, что все австрийские войска отправлены на фронт и Трансильвания беззащитна⁶⁶. Тогда же в Бухаресте, Яссах и других городах начались манифестации в пользу выступления на стороне Антанты. Участвовали в них главным образом студенты — сынки состоятельных родителей, лицеисты, чиновники, мелкая буржуазия, люди свободных профессий. Нередко руководители воинствующей антантофильской оппозиции вербовали на свои собрания люмпен-пролетариев, людей без определенных занятий. Существовало что-то вроде таксы — четыре леи за участие в демонстрации.

Со страниц газет начали раздаваться призывы: «Пересечем Карпаты! Пробил час освобождения братьев!»⁶⁷ 14 сентября в кампанию деятельно включился Филипеску. В этот день он выехал из королевской летней резиденции Синаи в Бухарест. Уже на перроне в Плоешти его поджидала толпа сторонников с криками: «Долой нейтралитет!» В столице он был принят в объятия интервенционистами и препровожден на Университетскую площадь, где с пьедестала статуи Михая Витязя обратился с призывом осуществить национальный идеал⁶⁸.

Правда, на заседании исполкома консервативной партии, одним из руководителей которой Филипеску являлся, он сказал, что был «вовлечен» в демонстрацию. Нескромные люди-де разгласили его частные высказывания и ему осталось лишь «терпеть» происходившее вокруг⁶⁹ Возможно, охлаждение его пыла

⁶⁴ «Adevărul», 8.IX 1914.

⁶⁵ «Adevărul», 20.XI 1914. Правда, почтенный академик «забыл» при этом, что ранее он иначе освещал вопросы русско-румынского сотрудничества, пытаясь бросить тень на большую помощь, оказанную Россией при образовании румынского государства, и зловеще предупреждал: «...Союз с русскими при каких бы то ни было обстоятельствах... явился бы безумием, за которое придется дорого платить» (A. D. Xenopol. *Reșboiăele dintre Ruși și Turci și înfrîngerea lor asupra țării române*, v. II. Iași, 1880, p. 372).

⁶⁶ «Adevărul», 1, 2, 4.IX 1914.

⁶⁷ «Adevărul», 31.VIII, 7.IX 1914; «Ероса», 5, 14.IX 1914.

⁶⁸ C. Argetoianu. *Op. cit.*, p. 384—390.

⁶⁹ A. Marghiloman. *Op. cit.*, v. I, p. 265—267.

объяснялось приездом нового германского посланника фон Буше, который открыто угрожал, что в Трансильвании румынские войска встретят немцев⁴⁰.

Отступление австрийцев под натиском русских войск к Кракову (сентябрь 1914 г.) сопровождалось усилением проантантовской агитации в Румынии. Сторонники Согласия объявили: «Сегодня мы говорим правительству: хватит! Завтра мы скажем: вон!»⁴¹. В агитацию оказалось вовлеченным духовенство. Митрополит угро-влашский Геннадий возвестил королю, что Австро-Венгрия стоит на краю могилы, а Германию обуяла гордыня, господь бог решил наказать ее за это, и румынским правителям следует принять участие в намечаемой акции божественного провидения⁴².

В октябре была создана особая организация «Национальное действие»⁴³, вобравшая в себя сторонников Антанты самых разнообразных политических оттенков. 24-го числа того же месяца столичные интервенционисты двинулись к дому Филипеску с песнями: «Пробудись, румын!» и «Под наш стяг!»⁴⁴. Спустя несколько дней профессора Бухарестского университета направили королю меморандум с призывом вынуть саблю из ножен⁴⁵.

Одновременно антантофилы произвели первую пробу своих сил на международной арене.

В Италию отправились депутаты Джордже Диаманди (рenegат от социализма) и К. Истрати,— разумеется, «без ведома» Брэтиану. Итальянские правители так же выжидали и торговались, так что собеседники нашли общий язык. Диаманди дал интервью журналистам, заявив, что после серьезных поражений Германии и Австро-Венгрии Италия и Румыния «в высших интересах цивилизации и человечества» (!!!) должны присоединиться к Антанте⁴⁶.

Однако не демонстрации на авансцене определяли подлинный курс антантофильского крыла буржуазии и помещиков, а трезвый подсчет ресурсов борющихся сторон.

Три вещи нужны для войны: люди, хлеб и деньги⁴⁷, и всего этого гораздо больше у держав Антанты, рассуждал личный ор-

⁴⁰ АВПР, ф. СА, 1914 г., д. 531, л. 55.

⁴¹ «Ероса», 15, 17, 20, 24.IX 1914.

⁴² «Adevărul», 7.IX 1914.

⁴³ «Viitorul», 1.I 1916; «Ероса», 29.X 1914.

⁴⁴ «Universul», 25.X 1914.

⁴⁵ «Ероса», 29.X 1914.

⁴⁶ «Universul», 16.X 1914. В сентябре 1914 г. было заключено итало-румынское соглашение о взаимных консультациях по вопросам, связанным с войной; в феврале 1915 г. был подписан даже договор о взаимопомощи. Никаких реальных последствий эти акты не имели: Рим и Бухарест не доверяли друг другу (G. E. Torrey. The Rumanien — Italian Agreement of 23 September 1914.— «The Slavonic and East European Review», July 1966).

⁴⁷ «Ероса», 2.III 1915.

ган Филипеску, газета «Епока». Ошиблись те, кто предсказывал молниеносную кампанию и быстрое торжество прусского капрала. С провалом пресловутого «блица» шансы воюющих нельзя было даже назвать равными, ибо преимущества явно были на стороне Согласия.

Руководители оппозиции поддерживали тесные связи с военными кругами и, в частности, с самым авторитетным из генералов Александру Авереску, который выступал и как публицист. Он, без подписи, поместил серию статей в газетах, взвешивая силы и ресурсы воевавших. Авереску отдавал должное организованности, бессловесному подчинению, царивших в вермахте, и характерной для его стратегии ставке на наступление⁴⁸. Однако гипертрофированный наступательный дух, присущий армии, являлся, по мнению Авереску, «источником не только большой силы, но и крупных разочарований»⁴⁹, ибо мог повлечь быструю смену настроений и упадок духа после первых же неудач, тогда наступит время подсчета сил, которых у Антанты больше⁵⁰. Авереску считал время самым страшным противником центральных держав⁵¹. И оно действительно все отдаляло торжество.

Постепенно антантофильское крыло румынской буржуазии и помещиков пришло к мысли, что победа не может выскользнуть из рук Антанты. Отдельные успехи противной стороны могли отсрочить наступление этого события, но не изменить общего хода войны. Видный историк проф. Йорга сравнивал германский милитаризм с быком на арене, погибающим, бросившись на шпагу матадора⁵².

Считая победу Антанты бесспорной, ее сторонники в Румынии опасались, как бы осторожный Брэтиану, увлекшись дипломатическим торгом⁵³, не упустил время. Филипеску определил курс премьера формулой: «Обманем всех и вступим в войну после победы, но перед заключением мира»⁵⁴. Он считал подобные расчеты утопическими: кто будет считаться с запоздалыми союзниками, предъявляющими к тому же большие требования? Поэтому, чтобы не прогадать, он предлагал занять все те территории, на которые распространялись притязания румынской олигархии.

Антантофилы в высшей степени были подвержены политической болезни, которую можно назвать миробоязнь. За каждым крутым поворотом военных операций им чудился конец войны

⁴⁸ A. Averescu. *Notite zilnice din războiu 1914—1916 (Neutralitatea)*, v. I. Ed. I-a, Buc., 1927, p. 34.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 180—181.

⁵⁰ *Ibid.*, 160—180.

⁵¹ *Ibid.*, p. 20.

⁵² «Universul», 21.XI 1915.

⁵³ См. гл. 5.

⁵⁴ «Еросса», 26.IV 1916; АВПР, Политархив, 1916 г., д. 704, л. 49.

и связанных с нею надежд. Осень 1914 г., пока еще не началась позиционная война, доставляла им особенно много беспокойства. «Общественность» (под которой следует понимать не трудящихся, твердо выступавших против войны, а «верхние» несколько тысяч и находившиеся под их влиянием буржуазные и мелкобуржуазные слои) пребывала в состоянии непрекращающегося ажиотажа. Волнение достигло предела, когда русская армия под водительством генерала Брусилова вступила во Львов⁵⁵. Габсбургские войска откатывались, неся тяжелые потери. В Бухаресте хорошо знали, что целые полки, укомплектованные трансильванскими румынами, перестали существовать⁵⁶. Казалось, русским осталось нанести поверженной Австро-Венгрии последний решительный удар.

Возбуждение румынских сторонников Согласия росло не по дням, а по часам. В Трансильвании — совсем немного войск, писала газета «Адевэрул». Румыния могла бы одолеть их с «минимальными жертвами, почти без борьбы». Быть может, этической точки зрения не слишком красиво нападать на вчерашнего союзника; зато с практической — очень удобно⁵⁷. Созванное 10 ноября «Национальным действием» собрание ознаменовалось крупным скандалом. На него явились рабочие-социалисты, чтобы дать отпор рьяным сторонникам вступления в войну. Когда владелец двух крупнейших газет «Адевэрул» и «Диминяца» Константин Милле, в молодости ходивший в социалистах, вздумал говорить «от имени демократии», его прервали. Вспыхнула драка. Избив социалистов, «патриоты» отправились на Каля Викторией. Здесь их остановил отряд пехоты и кавалерии и жандармы. Произошла стычка⁵⁸.

Тем временем успехи держав Согласия сменились тяжелыми неудачами. Русским пришлось покинуть Буковину, эвакуировать Львов, отойти от Карпатских гор. И пыл румынских поклонников Антанты охладел. Неверно было бы изображать их сторонниками войны во что бы то ни стало.

Оппозиция активизировалась лишь в периоды, когда военное счастье, по ее мнению, повертывалось лицом к Четверному согласию. Эти круги упрекали правительство в том, что оно упустило «момент» взятия Львова русскими войсками, а впоследствии — «момент» вступления Италии в войну и еще ряд моментов^{59–60}, но вели себя смирно, когда положение складывалось

C. Argetoianu. Op. cit., p. 420—424.

⁵⁶ T. V. Pasațian. Jertfele românilor din Ardeal, Banat, Crișana, Satmar și Maramureș în războiul mondial. Sibiu, 1923.

⁵⁷ «Adevărul», 19.XI 1914.

⁵⁸ «Universul», 11.XI 1914.

^{59–60} «Ероча», 3.II 1916; речь Аржетояну в сенате 3.XII 1915 г. («Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 17).

благоприятно для германских империалистов и их союзников либо на фронтах устанавливалось известное равновесие.

Зима 1914/15 г. прошла поэтому для румынских политиков «спокойно». Антантофилы, убедившись, что окончания войны не видно, перестали волноваться.

4 декабря 1914 г. в дебатах при обсуждении ответа на тронную речь короля Таке Ионеску без всяких оговорок принял предложение правительства — не поднимать вопросов внешней политики, доверив это дело целиком Брэтиану⁶¹. По его мнению, после «развода» (т. е. выхода Румынии из группировки центральных держав) нужно несколько месяцев, чтобы осмотреться, взвесить, на чью сторону клонится успех, и вступить в «новый брак» (иными словами, войти в Антанту)⁶². Один из самых убежденных антантофилов, Константин Милле, утверждал в декабре 1914 г.: «Мы не можем примкнуть ни к одной из нынешних группировок, ибо не можем предугадать исхода войны...»⁶³

Вдохновитель проантантовской пропаганды в стране Н. Филипеску занимал сходную позицию. В начале войны он, по собственному признанию, испытывал сильные колебания, ожидая обещанного немцами «молниеносного удара»⁶⁴. Даже в октябре Филипеску заявил, что не требует немедленного выступления, а настаивает лишь на интенсивной подготовке к войне, чтобы можно было воспользоваться первым же благоприятным случаем для вмешательства⁶⁵.

В феврале 1915 г. в газетах появились заголовки: «Знамена союзников на фортах Дарданелл»⁶⁶. Началась печально-знаменитая операция по высадке англо-французских войск на Галлиполийском полуострове с целью захвата черноморских проливов. В Румынии не подозревали, какой трагедией обернется замысел Уинстона Черчилля, и что через несколько месяцев последний корабль союзников покинет турецкие воды, а в прибрежном песке останутся навеки тысячи солдат.

Дарданелльская операция воодушевила румынских сторонников Согласия. Филипеску в запальчивости призывал короля или короноваться в Альба-Юлии⁶⁷, или лечь костью на поле брани. Новым сигналом к бряцанию оружием послужило взятие русскими войсками в марте месяце крепости Перемышль. Газе-

⁶¹ «Desbaterile adunării deputaților», 1914—1915, p. 29.

⁶² T. I o n e s c u. Pentru România mare, p. 53.

⁶³ «Desbaterile adunării deputaților», 1914—1915, p. 17.

⁶⁴ N. P o l i z u - M i c ș u n e s t i. Nicolae Filipescu. Buc., 1936, p. 87.

⁶⁵ Ibid., p. 101, 122.

⁶⁶ «Universul», 18.II 1915.

⁶⁷ Древний город в Трансильвании. Коронация в Альба-Юлии означала объединение Трансильвании с румынской короной. См. «Universul», 17.II 1915.

та «Епока» провозгласила: «Сейчас!». Началась публикация статей под общим заголовком «Вероломная Австрия». Участились демонстрации⁶⁸.



В самый разгар этих бурных событий разразился кризис в консервативной партии.

Размежевание по вопросам внешней политики не совпадало в Румынии с делением на партии. И среди консерваторов, и среди либералов обнаружились германфильские и проантантовские группировки и колеблющиеся. От партии либералов откололись откровенно прогермански настроенные деятели во главе с Константином Стере. Однако острых разногласий в этой политической организации, где буржуазное крыло доминировало над помещичьим, не наблюдалось. Брэтиану крепко держал в руках власть, склонявшиеся к Антанте элементы во главе с министром финансов Эминески Коктинеску не доводили дела до разрыва.

Небольшая, буржуазная по составу партия консерваторов-демократов стояла на проантантовской позиции⁶⁹.

Иное дело — консерваторы, политический оплот крупнейших землевладельцев. Надо учесть, однако, что в Румынии капиталист и помещик переплелись так тесно, что их трудно отделить друг от друга. В партии существовало и сильное буржуазное крыло. Все это порождало множество разных тенденций и нюансов, то действовавших во взаимосвязи, то вступивших в острые столкновения.

После начала войны в партии образовался водораздел: люди, симпатизировавшие державам центра, сплотились вокруг официального лидера Александру Маргиломана; оппозиционеры, склонявшиеся все больше к Согласию, встали под руководством Николае Филипеску. Оба «вождя» ненавидели друг друга. Ни один не желал переступить порога дома другого, и встречи организовывались «посредниками» в парке.

С сентября 1914 г. на заседаниях исполкома консерваторов начались столкновения⁷⁰. В ноябре, после взятия русскими войсками Львова, соперничество Маргиломана — Филипеску дошло до предела. Разногласия удалось кое-как замазать лишь потому, что Маргиломан не высказывал открыто своих прогерманских симпатий. Договорились действовать, «как Италия», причем

⁶⁸ «Ероса», 11, 17.III 1915.

⁶⁹ В ноябре 1914 г депутаты и сенаторы этой партии единодушно высказались (в принципе) за выступление на стороне держав Согласия (АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 701, ч. 1, л. 20).

⁷⁰ Biblioteca centrală de Stat. Filiala N. Bălcescu, fond Brătianu, pachet XVIII, № 58; «Universul», 3, 4.XI 1914; «Ероса», 4, 5, 11.XI 1914; A. Marghilom a n. Op. cit., v. I, p. 280.

одни надеялись на выступление последней, другие — на ее нейтралитет. Горячие головы среди интервенционистов освистали Маргиломана на улице и выбили стекла в его доме. Тот обвинил Филипеску в науськивании. Их с трудом примирили (внешне). Группа деятелей, выступившая против раскола, уговорила лидера произнести примирительную речь. На банкете 12 декабря 1914 г. он сделал это, заявив в самых общих выражениях, что стоит за осуществление национального идеала⁷¹.

Непрочный мир продолжался до апреля, когда ободренные успехами Антанты на фронтах, ее румынские сторонники начали новый натиск. 21 апреля этого месяца в исполкоме консерваторов произошла жаркая схватка; за доверие лидеру высказалось 32 человека, 27 человек — против, 3 — воздержались⁷².

Новое обострение произошло в связи с вмешательством Италии в войну. По Бухаресту шли манифестации, когда 18 мая открылись заседания исполкома консерваторов.

В зале клуба вокруг зеленого стола собрались вершители судеб партии. Шум стоял страшный. Выступали по десять человек сразу, стуча по столу кулаками. Сторонники Филипеску кричали: «Долой Маргиломана! Долой правительство!». «Маргиломановцы» не оставались в долгу. В конце концов лидер со своими приспешниками покинул заседание⁷³.

Филипеску немедленно объявил о «дезертирстве» шефа. Тут же временным главой партии был провозглашен Янку Лаховари, все «достоинства» которого исчерпывались тем, что он был стар, немощен и служил достаточно удобной ширмой.

Но решающее сражение разыгралось на созванном в пожарном порядке конгрессе партии (19 мая). С раннего утра возле дома, где он должен был происходить, собрались две толпы. Одну составляли сторонники Филипеску, другую — Маргиломана. Еще до открытия конгресса началась драка. Противники «аргументировали» палками, швыряли друг в друга камнями и тухлыми яйцами. Кто-то выстрелил из револьвера. Полиция, как водится, опоздала: к ее приходу «филипескианцы», которых было больше, обратили в бегство «маргиломановцев»⁷⁴.

Не менее агрессивно вели себя сторонники Филипеску на самом конгрессе. С вечера сотня молодцов под видом рабочих оккупировала помещение и организовала охрану, чтобы «противник» не захватил зал. Старика Лаховари подняли с постели на рассвете, и он заблаговременно занял председательское кресло. По обе стороны от председателя разместились «выдающиеся вожди».

⁷¹ С. Argetoianu. Op. cit., p. 432—470.

⁷² «Universul», 22.IV 1915; АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, № 37.

⁷³ С. Argetoianu. Op. cit., p. 650—685.

⁷⁴ «Universul», 21.V 1915.

Появившемуся Маргиломану с большим трудом удалось пробиться к трибуне.

Говорить ему не дали. Вспыхнула драка, в которой ни одна из сторон не могла одолеть другую. Чтобы прекратить разразившийся скандал, руководители обеих фракций уединились в боковую комнату и решили опубликовать две резолюции с различным толкованием событий⁷⁵. Газета «Епока» верно определила их сущность, заявив: «Господин Маргиломан вышвырнут из руководства»⁷⁶. Ничего хотя бы отдаленно похожего на обычную процедуру смены шефа партии не произошло. Сторонники Маргиломана уверяли, что им удалось, собрать 200 подписей под резолюцией доверия шефу партии⁷⁷. (Всего на конгрессе присутствовало 362 делегата.) Противники, как ни жонглировали цифрами, пришли к выводу, что 180 человек подписали резолюцию, а 182 — выступили против⁷⁸. Партия была расколота⁷⁹. Аржетояну сожалел лишь, что она не умерла с достоинством, «по-боярски», а развалилась с шумом, «по-цыгански»⁸⁰.

Казалось, что теперь сторонники Согласия с удесятеренными силами развернут интервенционистскую кампанию. На деле получилось наоборот. После прорыва войск Макензена под Горлицей (конец мая) ориентировавшиеся на Антанту политики совсем присмирели.

Началась трагическая для русских войск летняя кампания 1915 года. Ощущая острую нехватку артиллерии, снарядов и патронов, они откатывались назад, расплачиваясь за отсталость царской России, нехватку снаряжения, взяточничество и воровство в интендантстве миллионами убитых, раненых и пленных.

Положение на фронте было таково, что генерал-квартирмейстер русской армии Данилов заявил: «Стратегия может быть теперь совсем упразднена. Единственным занятием наших войск может быть — отбиваться чем можем, как можем и где можем. Надежда только на утомление германцев, на случай и на св. Николая чудотворца»⁸¹.

Попав в беду, царизм бросился на поиски союзников; выступление Румынии казалось желательным. Натолкнувшись на отказ Бретиану⁸², русская дипломатия попыталась разжечь

⁷⁵ С. Argetoianu. Op. cit., p. 687—690; АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, л. 48—50; «Universul», 21.V 1915.

⁷⁶ «Ероса», 20.V 1915.

⁷⁷ «Universul», 21.V 1915.

⁷⁸ «Ероса», 22.V 1915.

⁷⁹ Менее чем через месяц Лаховари умер; во главе двух консервативных партий стали Филипеску и Маргиломан (АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, лл. 53, 54, 55, 57).

⁸⁰ С. Argetoianu. Op. cit., p. 711.

⁸¹ МОЭИ, сер. III, т. VIII ч. I, № 107.

⁸² См. гл. 5.

искру энтузиазма у оппозиции. Но сердца румынских антантофилов словно окаменели. «Друзья», — сообщал русский посланник Поклевский, — находятся «в угнетенном и боязливом состоянии», не дают германским интригам отпора и ждут «бодрящего успеха на фронтах»⁸³.

Их пропаганда не прекратилась, но со страниц газет исчезли боевые кличи, а широковещательные декларации не содержали даже отдаленного намека на конкретную дату выступления. Образцом служило обращение вновь созданной «Юнионистской федерации». Она призывала отринуться от «эфемерных партийных споров», открыть «священную книгу прошлого», «вдохновиться примером предков» и т. д.⁸⁴ «Универсул» острожно покаялась в прежних антантофильских грешках: казалось, центральные державы окружены; казалось, «русский каток» раздавит Австро-Венгрию. Но все произошло наоборот: «Мы, как и государства Четверного согласия, неверно оценили силы сторон». Румынское правительство — единственное, которое «благоразумно и предусмотрительно» судило о вещах⁸⁵.

Глубоким унынием всяло от отправленного в мае 1915 г. письма бухарестского корреспондента Петроградского телеграфного агентства Янчевецкого⁸⁶. Германия связала «своими капиталами и кредитом в банках румынскую промышленность, аристократию, политических деятелей и землевладельцев».

«...Сейчас аристократия столько зарабатывает от немцев, что боится вступить в войну, чтобы не лишиться сразу притока немецкого золота». Король и наследник — убежденные Гогенцоллерны. Королева любит светские удовольствия и не может противостоять «германской гидре». «... Румынское общество, тщеславное и развращенное, раболепствует перед двором. Нет ни одной расположенной дружески к России газеты. Даже «Адеврел» и «Диминяца» «напечатали столь враждебные нам статьи, что напортили русским интересам более, чем вся германофильская печать... Немцы полили золотым дождем румынскую печать, которая вся заговорила против нас»⁸⁷.

Филипеску под каким-то благовидным предлогом уклонился от царского приглашения посетить русскую армию⁸⁸. Его агитация приняла новое направление: он громил правительство за военную неподготовленность (что способствовало продолжению политики выжидания)⁸⁹.

⁸³ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 1.VIII 1915 г. — АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, л. 68.

⁸⁴ АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 72, л. 83.

⁸⁵ «Universul», 16, 14.VII 1915.

⁸⁶ Позднее — известный писатель, автор исторических романов В. Ян.

⁸⁷ Копия письма от 15.V 1915 г. — АВПР, ф. Секретный архив (СА), 1915 г., д. 539, лл. 13—16.

⁸⁸ Там же, лл. 30, 32.

⁸⁹ Там же, лл. 37—38.

Сейчас «все за мир», — писала выходящая в Галаце рабочая газета «Попорул». Интервенционисты свернули знамена и даже вспоминают, что Христос поплатился распятием за попытку установить мир между людьми⁹⁰.

И лишь в октябре 1915 г., обнаружив что Россия не вышла из строя, Филипеску «объявил войну» правительству. Возобновились демонстрации и митинги в Бухаресте, Яссах Турну-Северине, Крайове, Каракале, Плоешти, Бузэу и Брэиле⁹¹ с горячими речами и резкими выпадами по адресу «презренного лгуна» Брэтиану.

Голоса настроенных сочувственно к Согласию группировок румынской буржуазии и помещиков становились увереннее и тверже: при всей кажущейся эффективности немецкого наступления 1915 г. оно не достигло цели. Русская армия не была разгромлена. Она сохранила силы и готовилась к отпору. В полемике со сторонниками ориентации на Германию антантофилы одерживали верх. Германия, рассуждала газета «Акциуня», могла победить в 1914 г. одним путем, а именно, бросившись всеми силами на кого-либо из противников и выведя его из строя. Подобные планы провалились. Кольцо, сжимавшее центральные державы, не было прорвано. В результате отчаянных усилий его удалось лишь кое-где расширить⁹². Публицист И. Тановичану писал в газете «Адевэрул»: «Германия не может избежать грозящей ей катастрофы; организация и отвага ее армии, отчаянные усилия дипломатии, помощь союзников могут только отсрочить, но не устранить поражения»⁹³. «Германская непобедимость отошла в область предания», — отмечал в своем дневнике один из руководителей румынской армии, генерал Авереску⁹⁴. Это мнение разделяло и правительство. Подводя итоги 1915 г., либеральный официоз «Вииторул» указывал, что на Западном фронте немцам за 12 месяцев не удалось сдвинуться с места. На Восточном — успехи были заметнее. Но, многозначительно отмечала газета, «царская империя располагает, после всех понесенных потерь, огромным резервом солдат». «Россия, почти парализованная в июле — августе (1915 г. — В. В.), сейчас вновь обрела способность действовать»⁹⁵. Было ясно, что в правительственных кругах оценивали положение в пользу Антанты.

Высказывания газет, проводивших прогерманскую линию, терялись в хоре антантофилов. Их доводы насчет немецкой орга-

⁹⁰ «Poporul», 25.XII 1915.

⁹¹ ЛВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 72, лл. 88—91.

⁹² «Acțiunea», 19.I 1916.

⁹³ «Adevărul», 14.I 1916.

⁹⁴ А. А в е р е с к у. Notițe zilnice din războiu, v. I, p. 113.

⁹⁵ «Viitorul», 1.I 1916.

низованности, способной привести к победе, звучали в 1914 г. гораздо убедительнее, чем в 1916 г. Эти органы печати никак не могли объяснить, почему же за 17 месяцев германский меч так и не смог разрубить кольцо врагов.

Призывы нанести наконец решающий удар⁹⁶ повисли в воздухе, и пассивность австро-германских войск на востоке подтверждала мнение тех, кто считал, что стратегическая инициатива, хотя и медленно, переходит в руки Антанты.

Будучи не в силах найти достаточно «веские» аргументы для оправдания рекомендуемого ими курса, два самых оголтелых германофила, К. Стере и П. Карп, обращались к примерам столетней и более давности; газета П. Карпа «Молдова» опубликовала фальшивое «Завещание Петра Великого»⁹⁷; а Стере, чтобы «доказать» извечную агрессивность России, углубился даже в дебри русского народного творчества и объявил, что припев к некоторым песням («Эй, Дунай, мой Дунай») будто бы свидетельствует об этом⁹⁸.

Маргиломан держался осторожнее. Он заявлял о необходимости тщательного и спокойного изучения вопроса и обещал не чинить препятствий правительству⁹⁹. Правда, он призывал румынские правящие круги «бросать взгляд на восток»¹⁰⁰, выдавая тем самым свою сокровенную надежду на то, что в конечном счете Румыния выступит против России. Но предлагать это как курс действий, руководитель консерваторов не решался, понимая, что у него окажется мало последователей. В качестве практической политики он считал нужным продолжать вооруженное выжидание, намеченное коронным советом 21 июля 1914 г. Поскольку Маргиломан исключал возможность выступления вместе с Антантой, подобная тактика объективно могла привести к промедлению до конца войны и к потере намеченных приобретений. А этого основная масса помещиков и буржуазии боялась больше всего.

Однако «момент» все не наступал. После поражения и оккупации всей Сербии в конце 1915 г. антантофилы стали держаться еще осторожнее. Один из их видных представителей, сенатор Добреску, заявил: «Либеральная пресса обвиняла г. Филипеску в том, что он стоит за войну любой ценой. Мы отвергаем это обвинение»¹⁰¹.

В начале февраля 1916 г. Филипеску отправился в Россию. Перед отъездом он был принят королевой Марией. Точки зрения собеседников сошлись полностью: раз Румыния позволила ок-

⁹⁶ «Moldova», 10.II 1916.

⁹⁷ «Moldova», 19.IV 1916.

⁹⁸ «Desbaterile adunării deputaților», 1915—1916, p. 77.

⁹⁹ «Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 57.

¹⁰⁰ «La politique», 2.III 1916.

¹⁰¹ «Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 20.

ружить себя кольцом австро-германо-болгарских войск, остается выжидать и постараться обмануть немцев в отношении будущей политики. Королева закончила этот любопытный разговор следующими словами: «Думаю, что никто лучше Брэтиану не сумеет сыграть эту роль»¹⁰².

В России румынский гость держался настолько осторожно, что там так и не уяснили, чем же его точка зрения отличается от взглядов премьера. «Во всех своих суждениях г. Филипеску высказал большую умеренность и сдержанность и, в сущности, не сообщил ничего нового»¹⁰³, — гласила запись о его беседе с министром иностранных дел Сазоновым.

Комментируя миссию главаря румынских антантофилов, либеральный официоз «Вииторул» с насмешкой указывал, что петербургские морозы, видимо, подействовали освежающим образом на его горячую голову¹⁰⁴. А генерал Авереску с раздражением писал: «И кастраты не могли бы вести себя смирнее»¹⁰⁵.

Воистину, сторонников войны любой ценой, во что бы то ни стало в румынских правящих кругах не обнаруживалось. Хорошо разбиравшийся в пружинах политического механизма К. Аржетояну утверждал, что, попади руководители антантофилов в правительство, они стали бы проводить одинаковый с Брэтиану курс¹⁰⁶.

Подготавливая исподволь выступление своей страны, они не упустили из виду и «идеологической» стороны своего союза с царем. В проантантовской прессе появились статейки о том, что царизм не так уже плох и даже склонен к демократическим переменам.

«Вся Русь сейчас, — объявляла «Адевэрул», — как гранитная скала»¹⁰⁷. Реакционеры одумались и считают, что родина должна развиваться по пути демократии. Изменился-де даже Пуришкевич.

Жалко и смехотворно звучали дифирамбы Николаю II румынских «демократов». 19 февраля 1916 г. в газете «Акциуня» появилась статья под громким заголовком «Революция». «Революцию» автор усмотрел в том, что царь лично отправился открывать заседание Думы, вместо того чтобы, как это водилось раньше, принять депутатов во дворце. Подавленный «величием» свершившейся перемены, журналист бормотал: «Этот акт имеет столь большое значение, что ныне трудно даже предвидеть все последствия».

¹⁰² N. Polizu - Micșunești. Niculae Filipescu, p. 22.

¹⁰³ Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. Запись от 16.II 1916 г. — «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 15.

¹⁰⁴ «Viitorul», 19.II 1916.

¹⁰⁵ A. Averescu. Op. cit., v. I, p. 124.

¹⁰⁶ C. Argetoianu. Op. cit., p. 416.

¹⁰⁷ «Adevărul», 22.III 1916.

Не обошлось и без стараний приделать царю крылышки «миротворца». «Ла Румани», орган Таке Ионеску, оповестила своих читателей, что с момента вступления на престол Николай II проявлял намерения, отличные от воинственных традиций предков, и жаждал облагодетельствовать человечество миром. Тщетно, однако, он предлагал разоружение. Немцы не пошли на это, и царю пришлось отказаться от прекрасных мечтаний. После начала войны «современный Нерон» (то бишь Вильгельм II) пытался заигрывать с Николаем, но самодержец отверг эти заигрывания «с царственным презрением»¹⁰⁸.

В конце мая 1916 г. обстановка в Румынии резко изменилась: началось знаменитое наступление русского Юго-Западного фронта под руководством Брусилова.

Румынские газеты приводили ошеломляющие цифры австрийских потерь. «Епока» завела даже специальный «Календарь агонии Австрии»¹⁰⁹. Октавиан Гога, в то время один из руководителей национальной румынской партии в Трансильвании, писал: «Австрийская навозная куча, которая так долго отравляла воздух, разбросана русскими штыками, войска ценбруинского старца (Франца-Иосифа.— В. В.) бегут на фронте в 300 км...»¹¹⁰ «Бесспорно, русское наступление придало федералистам храбрости, а многих колеблющихся вывело из оцепенения», — отмечал в своем дневнике генерал Авереску¹¹¹.

На повестку дня вновь встал вопрос о выступлении. Если в марте сторонники Антанты утверждали: час еще не пробил, — то в конце апреля уже с тревогой задавали себе вопрос: можно ли дальше ждать и понадобятся ли русским запоздалые союзники?¹¹²

В мае воинственная кампания достигла апогея. Правительство обвинялось во всех смертных грехах. «Мы преданы и проданы!»¹¹³ — восклицал проф. Тома Ионеску. Культурная лига объявила, что начинает общенациональное движение за вступление в войну¹¹⁴. 4 июня на митинге «Унионистской федерации» раздавались открытые призывы к немедленному походу¹¹⁵. 19 июня состоялось собрание интервенционистов в бухарестском зале «Дачия»¹¹⁶.

Происходившие в то время бурные заседания венгерского парламента, на которых раздавались настойчивые призывы

¹⁰⁸ «La Roumanie», 6.XII 1916. 26 июня 1916 г. хвалебную статью о царе поместил официоз правительства «Viitorul».

¹⁰⁹ «Ероса», 6.VI 1916.

¹¹⁰ «Ероса», 29.V 1916.

¹¹¹ A. A v e r e s c u. Op. cit., v. I, p. 131.

¹¹² «Ероса», 27.III 1916; «Adevărul», 29.IV 1916.

¹¹³ «Adevărul», 18.V 1916.

¹¹⁴ «Ероса», 29.V 1916.

¹¹⁵ «Acțiunea», 5.VI 1916.

¹¹⁶ «Ероса», 21.VI 1916.

оппозиции к миру, довели беспокойство румынских антантофилов до крайности¹¹⁷.

Их газеты выражали опасение, как бы правительство, «проспавшее» столько «подходящих моментов», и на этот раз не прозевало благоприятную конъюнктуру. На одной из карикатур Брэтиану был изображен в виде полуодетой и полусонной одалиски, которую усиленно обхаживают немцы.

Разумеется, премьер-министр не спал. Он действовал и заканчивал длительный торг с Антантой¹¹⁸.

Румынская олигархия сделала выбор.

Спекулятивная лихорадка во внешней торговле

Война принесла румынским помещикам, большой группе промышленников, крупным экспортерам зерна и сырья поистине сказочные барыши. Прошло несколько месяцев после того, как в Сербии прозвучал первый выстрел, а в Вене за вагон пшеницы предлагали 4400 франков, т. е. в два с половиной раза больше того, что он стоил раньше в Бухаресте¹¹⁹. Германские и австрийские охотники за продовольствием, нефтью и бензином рыскали по Румынии, суля цены, от которых у местных дельцов захватывало дух. За июль — август 1914 г. одни лишь австрийцы вывезли 7 тыс. вагонов зерна¹²⁰.

Но все это не должно скрывать тех трудностей и «узких мест», с которыми столкнулась румынская олигархия в области внешней торговли. Сидеть меж двух стульев всегда неудобно. А именно в таком положении пребывало правительство Брэтиану в течение двух лет. Ветер военных успехов заносил ладью румынской политики то в одну, то в другую сторону. Антанта, с которой усиленно заигрывали бухарестские правители, не удовлетворялась платоническими заверениями в дружбе и грядущей поддержке. Она требовала более убедительных доказательств и, в частности, ограничения торговли с противником¹²¹.

С другой стороны, внутреннее положение в самой Румынии, исчезновение самых необходимых для трудового населения товаров¹²², крайнее обострение нужды и лишений масс несколько охлаждало торгашеский пыл олигархии. Она не решалась выгрести из амбаров и вывезти из страны последнее зерно. Принимавшиеся время от времени декреты о запрете или ограниче-

¹¹⁷ «Ероса», 28.VI 1916.

¹¹⁸ См. гл. 5.

¹¹⁹ «Universul», 14.XI 1914.

¹²⁰ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 200, оп. I, д. 3131, л. 63. См. также д. 3130, лл. 63, 134, 144, 286; АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., оп. 470, лл. 46, 48.

См. многочисленные материалы: АВПР, ф. СА, 1914—1915 гг., д. 534, 535; ф. Канцелярия, 1914 г., д. 75-б.

¹²² См. гл. 4.

нии экспорта того или иного вида продукции сопровождалась обычно ссылками на потребности внутреннего рынка и многословными декларациями насчет заботы о нуждах народа.

Наконец, существовали чисто технические трудности. До войны вся внешняя торговля Румынии была направлена лицом к морю: ее экспорт более чем на $\frac{9}{10}$ шел водным путем¹²³. Фрахт на морских и речных судах обходился в семь раз дешевле железнодорожного.

В портах Дуная и Черноморского побережья все было приспособлено для экспорта: доки, пристани, причалы, склады, амбары, элеваторы, нефтехранилища. Через Брэилу, Галац, Сулину и Констанцу можно было пропустить 2 тыс. вагонов с грузом в день¹²⁴. А к трансильванской границе вело пять плохо оборудованных однопутных железнодорожных веток. Две из них были вскоре перерезаны военными операциями. По оставшимся трем (через Паланку, Предьял, Кыйпени) можно было пропустить от силы 300 вагонов и 150 цистерн ежедневно¹²⁵. К тому же железнодорожный парк Румынии едва-едва покрывал минимум внутренних перевозок¹²⁶: насчитывалось всего 13 тыс. вагонов и платформ и 600 паровозов «на ходу». Опыт же первых недель войны показал, что, проскочив за стрелки австро-венгерских пограничных станций, румынские вагоны «пропадали» где-то на стальных путях Центральной Европы и домой уже не возвращались¹²⁷. Видя катастрофическую убыль железнодорожного состава, румынское правительство вынуждено было запретить экспорт в румынских вагонах. Зерно, продовольствие, сырье сваливались на пограничных станциях в ожидании подвижного состава из Германии и Австро-Венгрии, который подавался с перебоями, в недостаточном количестве¹²⁸. Осенью 1914 г. поступало всего 200—350 вагонов в день, а весной следующего года — совсем ничтожное количество, 10—15 ежедневно¹²⁹. На маленьких затерянных в Карпатах пограничных станциях, оборудованных разве что камерами для хранения небольшой клади, с угрожающей быстротой росли запасы.

¹²³ Данные 1910 г.: сушей — 280 тыс. т; морем — 4200 тыс. т («Universul», 26.X 1914).

¹²⁴ «Lupta zilnică», 26.III 1915.

¹²⁵ «Desbaterile senatului», 1914—1915, p. 134.

¹²⁶ «Румынские железные дороги, — жаловался сенатор Епашеску на заседании 4 февраля 1915 г., — в нормальное время с большим трудом могут перевезти урожай. Что же делать сейчас, когда станции забиты зерном урожая 1914 г... и через пять месяцев надо будет вывозить новый, имея всего три, максимум четыре пропускных пункта?» («Desbaterile senatului», 1914—1915, p. 104).

¹²⁷ «Убыль» составила тысячу вагонов («Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 169).

¹²⁸ «Universul», 12.XI 1914.

¹²⁹ «Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 169.

У станций Предял, Кыйшени, Паланка вдоль путей выросли горы зерна прямо под открытым небом. Пшеница, рожь, овес мокли под дождем, промерзали от морозов, портились и гнили.

Хотя внешне- и внутривполитические соображения заставляли правительство Брэтиану стеснять свободу вывоза, ему приходилось считаться с напором аграриев и экспортеров зерна, требовавших полной свободы спекуляции на международном рынке, и с настойчивыми домогательствами Германии и Австро-Венгрии, не останавливавшихся перед открытыми угрозами.

Под действием этих сложных и противоречивых факторов внешняя торговля Румынии в годы выжидания и лавирования (август 1914 г.— август 1916 г.), если ее изобразить графически, представляется извилистой кривой с быстрыми взлетами и стремительными падениями экспорта.



Осенью 1914 г. даже серьезным политическим наблюдателям казалось, что в блоке центральных держав скоро выпадет самое слабое австрийское звено... Пал Львов, и вскоре в древние Карпаты вступили люди в серых шинелях и высоких папахах, русские солдаты армии генерала Брусилова.

Все это не могло не сказаться на внешнеторговой политике. С конца сентября начались «стеснения» в экспорте, еще через месяц появилось решение о запрете вывоза некоторых видов продовольствия и сырья под предлогом заботы о народе¹³⁰.

Румыния, объявил министр финансов Костинеску, кишит перекупщиками зерна и нефти. «Дерзость их не знает предела». Правительство решило прекратить вывоз пшеницы, муки из нее, фуража, фасоли и некоторых других товаров, не распространяя это на уже купленные запасы. Бензин будет экспортироваться лишь в обмен на военное снаряжение из Германии и Австро-Венгрии. Экспортеры, конечно, будут недовольны этими мерами, «но интересы семи миллионов румын, которые хотят есть, для нас бесконечно дороже дурно понятых интересов немногих тысяч аграриев и торговцев зерном»¹³¹.

Каковы же были итоги торговли за первые месяцы войны? Официальные данные выглядят следующим образом¹³²:

¹³⁰ A. M a g h i l o m a n. Op. cit., v. I, p. 344.

¹³¹ Интервью Костинеску было опубликовано в «Universul» 9.XI 1914 г. на 2-й странице. А на 4-й сообщалось, что он же разрешил грузить на суда хранившееся в Брэиле зерно.

¹³² «Universul», 21.III 1915. Необходимо подчеркнуть, что эти цифры касаются лишь официального вывоза. Потоки зерна и других товаров, вывозившиеся в обход запретов, нередко при попустительстве министерства финансов, никакому учету не поддаются.

	январь— июль 1914 (7 месяцев)	август — декабрь 1914 (5 месяцев)
	в тыс. т	
Зерно	1700	250
Мука	73	37
Нефть	523	133
Лес	69	1

«Стеснения» действовали всю первую половину следующего года¹³³. Брэтиану продолжал дипломатический торг с Антантой и не решался бросить ей вызов, открыто снабжая хлебом и нефтью неприятеля, переживавшего жестокие затруднения с продовольствием и стратегическим сырьем. В Румынии скопилось 200 тыс. вагонов урожая 1914 г. В следующем году сбор хлебов превзошел все ожидания. Амбары помещиков и торговцев зерном ломились от запасов¹³⁴. Изменилась и военно-политическая ситуация. Откатившись далеко на Запад, русские войска залечивали полученные весной и летом раны. Дележ «австрийского наследства» откладывался на неопределенный срок. На протесты русских дипломатов можно было не обращать внимания. И румынские правители широко открыли закрома своей страны для австро-германской военщины.

В конце июля 1915 г. совет министров снял все преграды вывозу зерна¹³⁵. В дальнейшем, чтобы как-то урегулировать вопрос с транспортом и обеспечить приток средств в казну, нужных для производства вооружения и содержания армии, правительство создало «Центральную комиссию для покупки и вывоза хлебных злаков», наделив ее широкими полномочиями.

Она получила монопольное право на сделки по продаже хлеба, которые могли производиться либо непосредственно самой комиссией, либо, с ее санкции и под ее контролем, синдикатами землевладельцев (помещиков) и народными банками¹³⁶. Комиссия распределяла между экспортерами железнодорожные вагоны, как румынские, так и австро-германские, устанавливала

¹³³ АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, лл. 70—72. За 11 месяцев 1915 г. было вывезено 470 тыс. т зерна (по сравнению с 1840 тыс. т за соответствующий период предыдущего года) (АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, л. 101).

¹³⁴ Осенью — 660 — 700 тыс. т.— АВПР, ф. СА, д. 546/564, л. 11.

¹³⁵ «Moldova», 30.VIII 1915; АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, лл. 70—72; ф. СА, 1915, д. 546/564, л. 14. Пошлины составляли 500 лей на вагон кукурузы, 700 — на вагон кукурузной муки, 3000 лей на вагон фасоли («Desbaterile adunării deputaților, 1914—1915, p. 499).

¹³⁶ Народные банки охватывали главным образом кулаков и середняцкую верхушку деревни.

максимальную цену на различные виды зерна внутри страны и минимальную — для вывоза за границу, получала в свою пользу комиссионные в размере 1% со всех заключенных сделок¹³⁷.

Несколько улучшились транспортные возможности: в Предае и других пограничных пунктах были сооружены дополнительные подъездные пути и построены складские помещения. Их пропускная способность возросла до 1 тыс. вагонов ежедневно. Еще несколько сот можно было переправить гужом¹³⁸.

Но дело с поставкой вагонов из-за границы не клеилось; немецкий генштаб метался от одного фронта к другому, транспорт с крайним напряжением сил занимался переброской войск. Вместо обещанных ежедневно Румынии 250 вагонов не поступало и сотни¹³⁹.

Отчаянно мешали развитию румынского зернового экспорта будапештские правители¹⁴⁰. Чем меньше было зерна в Австро-Венгрии, тем больше поднимались на него цены, тем выше были доходы венгерских земельных магнатов. Они готовы были умирить голодом Вену, лишь бы обеспечить себе выгодный сбыт.

Начало 1916 г. ознаменовалось заключением крупнейшего контракта с Англией на продажу 80 тыс. вагонов зерна¹⁴¹. Это была необычная сделка: поскольку все пути сообщения с Британскими островами были перерезаны, поставки откладывались до конца войны; пока что зерно «замораживалось» на румынских складах¹⁴². Подобная же операция (хотя и меньшего масштаба) была проведена с бензином¹⁴³. Его закупки достигли 82 тыс. тонн.

Германия и Австро-Венгрия не отставали от соперников. Соглашения между комиссионерами этих стран и румынскими экспортёрами предусматривали на отправку громадное количество зерна (190 тыс. вагонов)¹⁴⁴. Пользуясь благоприятной конъюнктурой, румынская сторона вздула цены до 3,2 тыс. лей за вагон. Помимо этого, правительство выговорило вывозную пошлину в золоте в свою пользу.

¹³⁷ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 2.XII 1915 г. — АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, лл. 101—102; «Desbaterile senatului», Sesiunea 1915—1916, p. 685; «Desbaterile adunării deputaților», Sesiunea 1915—1916, p. 1093.

¹³⁸ АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 703, л. 11.

¹³⁹ «Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 171.

¹⁴⁰ АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 703, лл. 12—13.

¹⁴¹ АВПР, ф. Политархив, 1916 г., д. 704, лл. 2—4; ф. СА, 1915 г., д. 546/564, лл. 12—13.

¹⁴² Вывезти зерно в Россию союзники отказались. См. АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 570/590, лл. 7, 9, 11.

¹⁴³ АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 546/564, л. 4; ф. СА, 1916 г., д. 567/587, л. 50.

¹⁴⁴ Из них 140 тыс. вагонов в Германию и 50 тыс. вагонов в Австро-Венгрию («Relații agrare și mișcări țănănești în România». Buc., 1967, p. 187).

Весной 1916 г. аграрии и вся связанная с экспортом зерна армия торговцев и перекупщиков подводили радостные итоги¹⁴⁵:

Вывоз (в тыс. т)		
	январь — март 1915 г.	январь — март 1916 г.
Зерно всех видов	159,4	705,1
Мука	3,5	92,1

К тому же имелись еще не реализованные контракты на продажу сотен тысяч вагонов зерна.

В Румынии развернулась настоящая торговая война между странами Согласия и центральными державами. В ответ на удачную австро-германскую операцию с мукой «Бюро британик» (организация, представлявшая английские капиталы) нанесло соперникам удар. Оно согласилось выплатить мукомолам громадную, в 15 млн. франков, премию за то, чтобы в течение шести месяцев не выпускать из Румынии муки. Правда, корреспондент Петроградского телеграфного агентства Янчевецкий выражал сомнение в том, что игра стоит свеч, подозревая, что мука будет отвезена тайком: «Практичные и ловкие румыны, не стесняющиеся в средствах, ведут двуличную игру, стараясь использовать обе стороны»¹⁴⁶.

Британское правительство попыталось использовать и иную форму борьбы, а именно: торговый бойкот фирм, связанных с противником. Посланнику в Румынии Барклаю предложили составить «черный список». Но из этого ничего не получилось: Барклай сообщил, что пришлось бы бойкотировать чуть ли не весь румынский торговый и банковский мир¹⁴⁷.

В разгар этих операций Румыния вступила в войну. Страсть к наживе и продажность расцвели в буржуазно-помещичьих кругах пышным цветом в период, когда военные заказы сыпались дождем и по стране рыскали агенты воюющих держав, скупая зерно, нефть, бензин и скот. Развернулась разнузданная оргия вокруг золотого тельца.

На конец 1915 г. в Румынии насчитывалось 430 акционерных обществ (банковых, промышленных, страховых и торговых) с общим капиталом в 722 млн. лей и 44 иностранные компании с капиталом в 251 млн. лей¹⁴⁸. Чистая прибыль (по официаль-

¹⁴⁵ «La politique», 10(23), VI 1916.

¹⁴⁶ АВПР, ф. СА, 1914—1917 гг., оп. 467, д. 532, л. 14.

¹⁴⁷ Там же, л. 16.

¹⁴⁸ Многие из обществ являлись румынскими лишь по названию, в них безраздельно господствовал иностранный капитал.

ным и, как правило, преуменьшенным данным) составляла 12% для банков, 14% — в промышленности и 8% — в торговле. Доходы страховых компаний не приводились. Однако было известно, что они достигали 25% и даже 50% ¹⁴⁹.

Трудности с сырьем, а по временам и с вывозом, приводившие к спаду производства, перекрывались ростом цен почти на все товары. Лучшее всего подтверждает это положение в нефтяной промышленности. Ее владельцы никак не могли пожаловаться на отсутствие спроса. Напротив, австро-германские маклеры охотились за нефтью и бензином, пожалуй, даже с большей настойчивостью, чем за зерном. Но румынским нефтепромышленникам мешала внешняя политика собственного правительства.

Затянувшийся флирт Брэтиану с Антантой требовал определенных жертв и с румынской стороны. Не следует думать, что Англия, Франция и особенно Россия, у которой вытягивали одну уступку за другой, стали бы смотреть сквозь пальцы, как клявшиеся им в дружбе румынские правители заливают горячим баки немецких и австрийских военных машин. Нет, с их стороны следовали настойчивые протесты и напоминания о том, что потенциальные союзники так не поступают.

Торговля нефтью не прекратилась; но в какой-то мере Брэтиану вынужден был стеснить ее. Бензин переправлялся обычно в обмен на вооружение, боеприпасы и медикаменты из Германии. Нередко цистерны с «запрещенным» к вывозу бензином заливались сверху «разрешенным» керосином. А чаще экспорт производился втихомолку от Антанты. В ответ на представление ее посланников Брэтиану изображал изумление, огорчение и досаду, сетовал на свою неосведомленность, короче говоря, разыгрывал нехитрую комедию, что для такого опытного «артиста» было делом несложным, и обещал принять меры. Дальше все следовало по-старому: вывоз, протесты, объяснения, обещания. За первый год войны державам центра было переправлено 617 тыс. т горючего ¹⁵⁰. Любопытно, что наполовину английская компания «Роял Дач Шелл» участвовала через подставных лиц в снабжении противника важнейшим стратегическим сырьем.

Однако совершенно игнорировать «стеснения» было бы ошибочно. Добыча нефти сокращалась, экспорт падал, нереализованные запасы росли ¹⁵¹.

¹⁴⁹ Напр., «Дачия-Ромыния» на 4,6 млн. капитала получила в 1914—1915 гг. 2,26 млн. прибыли («Lupta zilnică», 18.XI 1915). Данные о высоких прибылях отдельных компаний приведены «Lupta zilnică», 13, 27, 28.II, 29.IV, 19.V 1915.

¹⁵⁰ Г Р а в а ш. Из истории румынской нефти. М. 1958, стр. 75. Союзники скупили 80 тыс. т бензина.

Г. Р а в а ш. Указ. соч., стр. 75. Напомним, что нефтепромышленность на 94% находилась в иностранных руках. Поэтому от снижения экспорта несли ущерб в первую очередь они, а не румынские капиталисты.

Годы	Добыча	Экспорт	Запасы
(в тыс. т)			
1913		1036	—
1914	1810	—	—
1915	1588	440	—
1916	899	—	899

Но спекулятивный рост цен приводил к тому, что нефтепромышленники получали все более высокие прибыли¹⁵².

Данные о доходах крупнейшей компании «Стяуа ромына» (германский капитал) (в млн. лей):

1914 г.	7,5
1915 г.	8,5
1916 г.	13,9

Биржа процветала. Акции крупнейших банков поднимались в цене. «Прибыли 1915 г. значительно превышают прошлогодние», — с удовлетворением констатировала газета «Ла политик», приводя курсы акций более чем десятка крупнейших финансовых учреждений¹⁵³. Впереди шел Национальный банк страны. Его прибыли достигли 11,16 млн. На акцию номинальной стоимостью в 500 лей пришлось 225 лей дивиденда¹⁵⁴. Не удивительно, что ее рыночная цена в двенадцать раз превышала номинал.

Купались в золоте помещики, торговцы, владельцы предприятий пищевой промышленности, связанные с вывозом зерна, скота, сельскохозяйственного сырья.

Экспорт служил отправной точкой для всевозможных спекулятивных операций. Дело в том, что правительство, опасаясь недовольства населения в связи со стремительным вздорожанием жизни, пошло на установление максимальных внутренних цен на ряд продуктов¹⁵⁵.

Муниципалитеты многих городов, т. е. практически те же помещики, промышленники и торговцы, не преминули воспользоваться этим обстоятельством: они скупали зерно по более низким, внутренним ценам якобы для нужд города и переправляли его за границу по высоким экспортным расценкам. Оппозиционные газеты опубликовали длинный перечень городов, муниципалитеты которых участвовали в подобных постыдных опера-

¹⁵² Г. Р а в а ш. Указ. соч., стр. 76.

¹⁵³ «La politique», 5(18). I 1916.

¹⁵⁴ «La politique», 20.I (2.II), 11(24).II 1916.

¹⁵⁵ См. стр. 89—90.

циях. Списки возглавляла примария Бухареста, сбывшая таким образом 800 вагонов зерна ¹⁵⁶.

Вывоз зерна по железным дорогам являл собой спекулятивную Панаму. Нехватка подвижного состава приводила к тому, что каждый экспортер, пользуясь продажностью руководящего железнодорожного персонала, старался сбыть свой товар вне очереди. Управление железных дорог превратилось в огромную барышническую контору. Невероятные размеры царившего там взяточничества стали притчей во языцех. В печать попало несколько особо вопиющих случаев злоупотреблений: так, начальник станции Рыул-Вадулуй договорился со своим венгерским коллегой, и они, за соответствующую мзду, переправляли зерно через границу, деля барыш «по-братски» ¹⁵⁷.

Но министр общественных работ К. Ангелеску, в ведении которого находились железные дороги, на все обвинения беспомощно разводил руками. Дело ограничилось смещением 50—60 человек ¹⁵⁸, на место которых пришли новые мздоимцы.

С началом войны в Румынии началось стремительное сокращение поголовья скота. Правительство вынуждено было запретить его экспорт. Но эта мера несколько не облегчила положения — скот «исчезал». По данным статистики, всего за год количество голов крупного рогатого скота и овец уменьшилось на 700 тыс. ¹⁵⁹ Объяснялось это широкой контрабандой скотом. Оппозиция громко выражала удивление по поводу того, что пограничники и таможенники, обнаруживавшие в случае надобности большую проницательность, никак не могут поймать медленно бредущих через границу коров. Ответа на свои недоуменные вопросы депутаты так и не получили ¹⁶⁰.

Во время войны у румынских дельцов появилась еще одна разновидность наживы, а именно, взятки за пропуск военных

¹⁵⁶ «Ероса», 19.IV 1916.

¹⁵⁷ Выступление министра общественных работ К. Ангелеску в сенате 23.I 1916 г. («Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 109, 172).

¹⁵⁸ Ibid., p. 173.

¹⁵⁹

Официальные данные (в тыс. голов):

Годы	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
1914	2105	3400	833
1915	1966	2824	802
	—139	—576	—31

(Arhivele Statului Bucureşti Preşedinţia, Consiliului de miniştri, 1916, № 23, f. 29. О вывозе скота см. также f. 27—31, 42—44).

¹⁶⁰ «Lupta zilnică», 15.XII 1915.

материалов из Германии и Австро-Венгрии в Болгарию и Турцию. Официально подобные грузы считались военной контрабандой, подлежали задержке и возврату по месту отправки. Но с властями всегда можно было «договориться».

Сообщения о германской военной контрабанде потоком шли в Петроград из миссий в Бухаресте и Софии, от военных агентов, из штаба Одесского военного округа, от консулов в различных городах. В совокупности эти сведения занимают десятки архивных папок. Не все в них достоверно. Однако можно с уверенностью сказать, что транспортировка грузов носила размеры, оправдывающие тревогу ставки.

Поклевский регулярно протестовал. Обычно он добивался заверения, что «сигнал» будет учтен и груз задержат. Иногда это выполнялось; но чаще оружие и боеприпасы все же доставлялись по месту назначения¹⁶¹. Даже в дни наибольших стеснений немцы, пускаясь на всевозможные хитрости, провозили через Румынию немало военных грузов. Ни с того, ни с сего в Турцию начал поступать в большом количестве «фарфор»; вероятно выросли поставки «пива», причем в подозрительно тяжелых бочках. Однажды такой транспорт проконтролировали. Он состоял из снарядов. Через границу проходили вагоны-холодильники с двойным дном. В санитарные поезда грузили стратегическое сырье. Крупную радиостанцию перевезли через Румынию под видом оборудования для цирка¹⁶².

Дипломатический багаж достиг сказочных размеров. Курьеры везли десятки чемоданов и баулов. Случалось, что носильщики при погрузке, — по просьбе русских представителей, сопровождаемой щедрыми «чаевыми», — роняли чемоданы, да так, что те раскрывались. И тогда на земле оказывались ценнейшие военные материалы¹⁶³.

Антанта в свою очередь требовала, и не без успеха, чтобы дружественные декларации Брэттану подкреплялись чем-то более существенным, например содействием в перевозке ее военных грузов. В Рени, у самой румынской границы, обосновалась особая «экспедиция» капитана I ранга Веселкина для транспортировки снаряжения в Сербию по Дунаю. Румынский премьер обещал «закрывать глаза» на эту деятельность, а власти просили, чтобы не компрометировать их в глазах немцев и австрийцев, делать остановки ночью и в малозаметных местах¹⁶⁴. Был слу-

¹⁶¹ Материалы о контрабанде см. АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 701, ч. 1; ф. СА, 1914 г., д. 530, 533, ч. 1; 1915 г., д. 540/558, 545/563, 551/569; ф. Канцелярия, 1914 г., д. 75-а, 75-б; ЦГВИА, ф. 2000, д. 3133, 3136 и др.

¹⁶² АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 545/563, лл. 52, 53, 55; ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 141, л. 28; ф. 2000, д. 3135, л. 167.

¹⁶³ АВПР, ф. СА, 1915, д. 545/563, л. 167.

¹⁶⁴ Материалы об экспедиции — АВПР, ф. Канцелярия, 1914, д. 46, 756; ф. СА, д. 558/576; ЦГВИА, ф. 2003, д. 2.

чай, когда русских предупредили о готовящемся нападении на флотилию¹⁶⁵.

В особенно тяжелые для сербов моменты румыны содействовали и русским перевозкам по суше. По предложению Брэттиану грузы переправлялись под прикрытием Красного Креста¹⁶⁶. В конце 1915 г., незадолго до разгрома Сербии, когда коммуникации вот-вот могли быть перерезаны, сгруженное в греческих портах и предназначавшееся для России снаряжение было перевезено в румынских вагонах¹⁶⁷.

При прямом содействии местных и военных властей организовывались побеги русских солдат, пробиравшихся в Румынию из австрийского плена и интернированных, согласно международному праву, в особых лагерях¹⁶⁸. Был случай, когда часовой, не подозревавший, насколько тонкую политику ведет его правительство, открыл огонь по «беглецам» и убил одного из них. Военное министерство выразило в связи с этим сожаление.

Министерство финансов Румынии превратилось в контору по выдаче разрешений на экспорт «запрещенных» для вывоза товаров. Так, некто Софроние получил у Костинеску санкцию на пропуск 600 вагонов фасоли, заплатив за это 300 тыс. лей. Затем цена возросла: за вывоз вагона фасоли нужно было дать «кому следует» уже 1 тыс. лей. «Скупые» просители уходили с пустыми руками: торговый дом Дрейфуса предложил, например, «комиссионные» в 600 тыс. лей, а с него требовали миллион, и сделка расстроилась. По слухам, сын министра Раду нажил на поставке вагонов 500 тыс. лей¹⁶⁹.

Целые состояния возникали из воздуха и связей. Некий Барон из Фокшан, имевший «руку» в военном министерстве, заключил контракт на поставку 200 вагонов овса, хотя у него за душой, что называется, не было ни гроша. Он поступил просто: получив аванс, он скупил овес у крестьянского общества (у которого чиновники не желали приобретать зерно), заплатив на 220 лей за вагон меньше цены, предложенной министерством¹⁷⁰. «Покровительство» влиятельных лиц принесло Барону 44 тыс. лей прибыли при минимальных расходах.

Сказочные возможности обогащения на экспорте, импорте, военных поставках, общественных работах привели к тому, что, как писал в своем дневнике Аржетояну, «лишь люди невероятно стойкие, либо глупцы»¹⁷¹ не оказались вовлеченными в общий поток.

В это время, по свидетельству Белдимана, все служило пред-

¹⁶⁵ АВПР, ф. СА, д. 534, ч. II, л. 68.

¹⁶⁶ АВПР, ф. СА, д. 547/565, л.л 35, 37.

¹⁶⁷ Там же, л. 29.

¹⁶⁸ Там же, лл. 31, 34.

¹⁶⁹ См. A. M a r g h i l o m a n. Op. cit., v. I, p. 344, 379, 491.

¹⁷⁰ «Ероса», 16.II 1915.

¹⁷¹ C. A r g e t o i a n u. Op. cit., p. 549.

метом купли-продажи: «зерно и политическая совесть, разрешения на экспорт и государственные секреты, вагоны и газеты с большим тиражом»¹⁷².

В широко развернувшихся спекуляциях участвовали как сторонники правительства, так и оппозиционеры. Но последние все же чувствовали себя «обиженными» и «обойденными», ибо у правительства имелись многочисленные дополнительные пути для обогащения своих сторонников вроде распределения военных заказов.

С началом войны военные поставки, в обход существовавшего закона, перестали сдаваться с торгов. Под покровом тайны военное министерство превратилось в грандиозную кормушку, где расхищались собранные с рабочих и крестьян миллионы. Из-за крайней спешки и «снисходительности» приемщиков все поставлялось самого низкого качества и по самым высоким ценам: шинели и шаровары — из скверного сукна разнообразных цветовых оттенков; патронташи выкрасили ядовитой краской, испортившей кожу; сорок тысяч полушубков вместо сукна покрыли хлопчатобумажной тканью. Медикаменты покупались в аптеках по розничным ценам¹⁷³. «Щедрые бакшиши раздаются при предоставлении заказов, при приеме поставок, при переводе денег»¹⁷⁴, — писала социал-демократическая газета «Лупта zilnică».

Изредка в печать проникали потрясающие подробности о происходивших злоупотреблениях. Так, стало известно, что военное министерство, во главе которого стоял по совместительству премьер-министр Йонел Брэтиану, купило химический завод «Блау-гаэ» за полмиллиона лей дороже его стоимости¹⁷⁵.

Припертый к стене, премьер признал, что при покупке завода было переплачено «всего» 127 тыс. лей, и наотрез отказался предоставить в распоряжение парламента материалы о сделке, ссылаясь на «государственную тайну».

Попытка Филинеску подвергнуть критике военные приготовления правительства привела к любопытной перепалке. Премьер уколол его напоминанием о том, что его собственный сын, Григораш, заседал в компании «Делонэ — Белльвиль» рядом с немцем Ханенфогелем, а его приятель, князь Валентин Бибеску, пользуясь нехваткой взрывчатых веществ, продаст правительству толуол по цене, в сто раз (!!) превышающей довоспную¹⁷⁶.

¹⁷² E. Beldiman. Schițe și impresiune din grelele vremuri. Buc., 1918, p. 22.

¹⁷³ «Lupta zilnică», 14.I, 12, 25, 22.X 1915.

¹⁷⁴ «Lupta zilnică», 14.I 1915.

¹⁷⁵ «Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 92, 94. Одним из главных акционеров фирмы являлся родственник Брэтиану, префект столичного уезда Ильфов Никулеску-Доробанц. По другим данным, правительство переплатило 700 тыс. лей («Lupta zilnică», 18.XII 1915).

¹⁷⁶ Ibidem.

Всякий раз, когда поднимался вопрос о хищениях, правительство скрывалось в густой пелене секретности: нельзя расследовать, нельзя показывать досье — военная тайна, могут раскрыться стратегические замыслы генерального штаба.

Король вздыхал: «Знаю, что воруют. Воруют везде»¹⁷⁷. Выходило, что ловить казнокрадов было некому.

Правительство получило в 1914—1916 гг. несколько займов у Национального банка, слывшего по справедливости семейной вотчиной Брэтиану, на общую сумму в 400 млн. лей. В результате этих операций чистая прибыль банка превысила 16 млн.¹⁷⁸

Громкий скандал разразился вскоре после заключения контракта о продаже немцам и австрийцам зерна. Как выяснилось, один из руководителей румынской делегации, Сечеляну, оформлявший сделку, взял в пользу крупнейших аграриев «комиссионные» в размере нескольких миллионов лей. Объяснения министра финансов Костинеску в парламенте звучали жалко: немцам продавали и крестьянский, и помещичий хлеб. Второй был лучше, и благодарные покупатели (по собственной инициативе!) вручали Сечеляну надбавку в 300 лей за вагон¹⁷⁹.

Сечеляну поругали в прессе и парламенте. Но помещики встали за жулика горой, и он остался при всех чинах, должностях и, разумеется, при награбленных деньгах.

Соперники скрежетали зубами, видя, как либералы хозяйничают в экономике страны. «Мы находимся перед лицом самой превосходно организованной банды воров, которая существовала, существует и будет существовать в мире», — жаловалась газета «Адевэрул»¹⁸⁰. Особенно доставалось главе правительства. «Ион Брэтиану — подлец», — возвещала газета «Епока» в одной из передовых. Она рисовала премьера как существо неспособное, упрямое, надменное, как «деспота от контрабанды», по уши увязшего в грязных гешефтах. Самой прочной традицией кабинета газета считала традицию покровительства ворами. По ее мнению, румынский премьер явился бы гораздо более подходящей кандидатурой для Петропавловской крепости, чем бывший русский военный министр Сухомлинов, посаженный туда за вопиющие злоупотребления¹⁸¹.

Это не мешало оппозиции поддерживать крупнейшие экономические мероприятия правительства, вроде выпуска военного займа (1916 г.)¹⁸². В данном случае интересы всех группировок румынского капитала сходились полностью.

¹⁷⁷ A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 554.

¹⁷⁸ «Ероса», 16.III 1916. О крупнейшем займе 1915 г. в 200 млн. лей см. «Ероса», 26.II 1915.

¹⁷⁹ АВПР, ф. Политархив, 1916 г., д. 104, л. 16; «Ероса», 29.I 1916.

¹⁸⁰ «Адевэрул», 16.III 1916.

¹⁸¹ «Ероса», 4.I, 1.IV, 1.V 1916.

¹⁸² «Адевэрул», 19.IV 1916.

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном виде торговли, который переживал бурный расцвет, а именно о торговле совестью. Перья журналистов резко поднялись в цене, державы Согласия и центра старались отбить друг у друга влиятельнейшие органы печати. Последние же, пользуясь обстоятельствами, продавались направо и налево.

У Германии и Австро-Венгрии имелись в Румынии прочные пропагандистские позиции. Их колония насчитывала шестьдесят тысяч человек. На немецком языке издавались газеты «Букарестер тагеблатт» и «Румэнишер ллойд», в политическую «независимость» которых никто не верил. В первые же дни войны на немецкие деньги были основаны две новые газеты, — «Зиуа» и «Цара» и куплены еще две — «Сяра» и «Минерва»¹⁸³. Но и этого, считали в Берлине и Вене, было недостаточно. В конце 1914 г. в Бухарест прибыл некто Сакс с целью прибрать к рукам влиятельную «Адевэрул». Граф Чернин испугался, что может разразиться громкий скандал¹⁸⁴, и затея в столь грубой форме была оставлена. Однако, судя по отчету того же Чернина о развитии пропаганды держав центра, удалось найти пути более осторожного проникновения в редакции «враждебной» печати. В этом документе говорится, что за полгода войны, до 6 февраля 1915 г. австро-венгерская и германская миссии израсходовали на подкупы, взятки, подачки и прессу 7,2 млн. лей. На газеты «Сяра» и «Минерва» ушло 3,85 млн. лей; немало денег перекочевало в карманы владельцев кинотеатров, чтобы они показывали фильмы, рисующие в выгодном свете австро-германскую военщину. Содержание особого «Румыно-немецкого информационного агентства» обошлось в 124 тыс. лей. Любопытно, что в списке газет, получивших субсидии, числились «Универсул» (35 тыс. лей) и орган правительственной партии «Вииторул» (14 тыс. лей). Не побрезговали взять деньги и антантофилы из издаваемых Милле «Адевэрул» и «Диминяцэ» (43 тыс. лей) Наконец, выделялись средства на оплату демонстрантам и даже румынским полицейским!¹⁸⁵

Из держав Согласия лишь Франция могла тягаться по степени пропагандистской «вооруженности» с центром. В Бухаресте выходило несколько газет на французском языке, среди сотрудников которых было много французов, осевших в Румынии и хорошо знакомых с местной обстановкой. В военные годы с берегов Сены на берега Дымбовицы хлынул поток парламентариев

¹⁸³ С. А. Поклевский — Нератову, 18.V 1915. В донесении содержится характеристика румынской прессы.— АВПР, ф. Полигархив, 1915 г., д. 702, лл. 39—45.

¹⁸⁴ Чернин — Бурнану, 1.XII 1914 — Отдел рукописных фондов (ОРФ) Института истории, ЭР VII, оп. 1, д. 1, № 3, стр. 389.
Bemerkungen zu den in Bukarest für politische Zwecke gemachten Ausgaben,— ОРФ Института истории, ЭР, оп. 1, № 39, 1915, стр. 56—64.

и деятелей культуры и искусства, громивших «тевтонское варварство» и распространявших в Румынии семена «латинской культуры». Россия в этом смысле не могла угнаться за союзницей. Лишь летом 1916 г. в Галаце вышло несколько номеров «Газета политика ши литерара», издававшейся «при содействии» Веселкина, ставшего к тому времени адмиралом¹⁸⁶. Однако этот приятель Николая II, интриган, мот, пьяница и казнокрад, хотя и человек большой энергии, потерпел на идеологическом поприще бесславное фиаско. Поклевский, компенсируя отсутствие «собственных» органов печати, вместе со своими коллегами отсчитал немало денег в услужливо протянутые руки газетчиков¹⁸⁷. Предметом особых забот служили издаваемые Константином Милле «Адевэрул» и «Диминяцэ», которым было предоставлено, по ходатайству Таке Ионеску, 80 тыс. франков «взаймы» без возврата¹⁸⁸. Деятели румынской прессы, писал Поклевский, «привыкли к подачкам и не умеют работать даром» (!). Поэтому он испросил (и получил) еще один кредит в сто тысяч рублей (263 тыс. франков), а в феврале 1916 г., при посредничестве того же Таке Ионеску, взял на свое содержание крупнейшую газету «Универсул»¹⁸⁹.

По мере того как переход правительства на сторону Антанты делался все очевиднее, жизнь дипломатов Австро-Венгрии и Германии в Бухаресте становилась все горше. Местные антантофилы старались насолить им, как только могли. «Политика» проникла даже на подмостки кабаре; красотки расхаживали по сцене с флагами Англии и Франции; двух кайзеров, Вильгельма II и Франца-Иосифа, изображали в неподобающем виде¹⁹⁰. В миссии поступали оскорбительные письма. Случалось и похуже. У графа Чернина объявился лютый враг, некий Ион Стурдза, систематически отравлявший дипломату жизнь. Он огласил в газетах письмо, в котором именовал Чернина представителем «страны лжецов, воров и преступников», и вызвал его на дуэль. Судя по дипломатической переписке, Чернин рвался в бой; однако начальство в Вене рассудило иначе и запретило посланнику смыть оскорбление кровью. Брэтиану, которому Чернин пожаловался на своего обидчика, придумал средство, как избавиться от зловредного Стурдзы. Последнего призвали на военную подготовку и загнали в захолустный гарнизон¹⁹¹. Оппозиционная румынская печать нарекла Стурдзу мучеником...

¹⁸⁶ ЦГВИА, ф. 2000, д. 3157, лл. 35, 36.

¹⁸⁷ По подсчетам Поклевского, к июню 1915 г. французы израсходовали 100, итальянцы — 30 тыс. франков, англичане — 500 фунтов стерлингов.

¹⁸⁸ Поклевский — Нератову 9.V 1915 г.— АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, лл. 53-а—53-б.

¹⁸⁹ Материалы об этом — в подборке документов «Положение дел в Румынии. Из тайных документов МИД. Подкуп прессы». — «Правда», 19.I 1918.

¹⁹⁰ ОРФ Института истории, ЭР VII, оп. 1, д. 1, № 39, 1915, стр. 72—73.

¹⁹¹ Там же, стр. 72, 81. См. также ЦГВИА, ф. 2003, д. 2, л. 27.

ТРУДЯЩИЕСЯ И ВОЙНА

Обострение нужды и лишений народных масс

С началом войны румынскую экономику стало лихорадить. И в этом не было ничего удивительного.

Война прервала старые экономические связи. Германские, австрийские, французские, английские сталеплавильные фирмы, загруженные военными заказами, не обращали внимания на свою румынскую клиентуру¹. Настал сырьевой голод. Металлопромышленность Румынии вступила в полосу длительного и тяжелого кризиса. Предприятия работали с недогрузкой, мелкие мастерские разорялись десятками. Безработица тяжело ударила по пролетариату. Чуть ли не с первого дня войны в рабочей прессе замелькали сообщения о бедствиях, обрушившихся на трудящихся. В феврале 1915 г. газета «Лупта зилникэ» подвела печальные итоги: на металлообрабатывающих предприятиях Бухареста из 3600 человек сохранили работу лишь 1150².

По иным причинам, но не лучше было положение в сравнительно развитой в Румынии деревообделочной промышленности, продукция которой в значительной степени шла на вывоз. С началом военных действий спрос на румынский лес резко упал, — в охваченной войной Европе строительство прекратилось.

Начало боев как бы перерезало связи румынских деревопромышленников с Западной Европой. Уже 27 июля появились сведения об увольнении рабочих с фабрик Марина Гане, Лаку и Блана, «Сильва»³. Затем начался массовый расчет на фабриках Геца, Лесселя и Дюрера⁴. В Карпатских горах замер шум ле-

¹ На долю воюющих государств приходилось 87,6% румынского импорта («România muncitoare», 31.VIII 1914).

² «Lupta zilnică», 8.II 1915.

³ «România muncitoare», 27.VII 1914; на фабрике Гане из 260 человек осталось всего 40 («România muncitoare», 10.V 1914).

⁴ «Lupta zilnică», 18.XII 1914; 28.III 1915.

соразработок. 10 тысяч человек, занятых в лесной, деревообрабатывающей промышленности, оказались не у дел⁵.

Но наибольшие бедствия переживало трудовое население портовых городов: Брэилы, Галаца, Сулины, Констанцы, через которые проходил почти весь румынский экспорт. Когда на Дунае и Черном море развернулись военные операции, здесь наступил мертвый сезон. Подсчитывали уже не число безработных, а число тех, кому удалось найти себе занятие: так, в порту Брэилы из 6 тыс. рабочих к февралю 1915 г. трудилось всего 1600 человек⁶.

В особом положении находилась нефтяная промышленность.

Ее владельцы не могли пожаловаться на отсутствие покупателей. Но сложные внешнеполитические маневры Брэтиану приводили к сокращению вывоза. На добыче это падение сказалось меньше, чем можно было ожидать. Нефтепромышленники, пользуясь громадной емкостью хранилищ, создавали запасы. Свертывались в первую очередь разведочные и буровые работы. И все же безработица затронула и эту отрасль. Тревожные сигналы поступали из Кымпины, Морени, Филиешти, Байкони и других мест⁷. К декабрю 1914 г. было уволено до 3 тыс. мастеров, бурильщиков, механиков, электриков, подсобников⁸.

Даже военная промышленность, несмотря на лихорадочные усилия правительства, работала в первые месяцы с перебоями из-за нехватки сырья⁹.

Правительство заседало, обсуждая бедственное положение предприятий¹⁰. Толку от этого было мало. Правда, парламент выделил 35 млн. лей на общественные работы, что породило ожидания, никак не соответствовавшие скромным размерам суммы. Пресса гадала, как же будут использованы средства. Ее любопытство так и не было удовлетворено: кредит «исчез» весь без остатка. Предать гласности, на что были израсходованы деньги, объяснял либеральный официоз «Вииторул», значит раскрыть стратегические замыслы генерального штаба¹¹.

В целом по стране «избыток» рабочей силы уже в августе 1914 г. достиг 100 тыс. человек¹², и так продолжалось всю зиму и следующую весну.

В феврале 1915 г. профсоюзы провели широкое расследование положения рабочих. Число уволенных было потрясающим.

«România muncitoare», 12.VIII 1914.

⁶ «Lupta zilnică», 24.II 1915.

«Lupta zilnică», 14.XII 1914.

⁸ «Lupta zilnică», 22.XII 1914.

⁹ «Lupta zilnică», 29.I 1915.

¹⁰ Arhivele Statului București, Fond Presedinția Consiliului de miniștri, № 29, f. 28, 29, 30, 35, 36.

¹¹ «Lupta zilnică», 29.XI 1915.

¹² «România muncitoare», 19.VIII 1914. Ручаться за полную достоверность этой цифры нельзя, ибо статистики безработицы не велось.

Так, в Бухаресте на 516 предприятиях из 12,5 тыс. рабочих осталось всего 5 тыс. человек.

На большом митинге протеста против войны, голода и нищеты (22 февраля 1915 г.) приводились следующие данные о безработице: в Бухаресте — 67%; в Галаце — 57%; в Брэиле — 85%. Заработная плата упала на одну треть¹³, стоимость жизни возросла в громадной степени.

В дальнейшем положение с сырьем несколько улучшилось. Сказались результаты деятельности комиссии по закупке стратегического сырья и военных материалов. Безработица частично рассосалась, хотя и оставалась значительной. Этому способствовали интенсивное производство оружия и снаряжения, а также такое «оригинальное» средство, как периодические призывы рабочих в армию.



Внутренний рынок не остался безучастным к внешнеторговой спекулятивной горячке, к перебоям в импорте отдельных видов товаров и сырья. Продукты «исчезали», цены ползли вверх.

Булочники не желали продавать хлеб по «нормальной» стоимости. Правительству на первых порах казалось неудобным поддаваться их грубому натиску. В ответ хозяева пекарен и хлебных лавок начали прибегать к «забастовкам». В Плоешти их «военные действия» возглавил генерал (!) — правда, в отставке, Папазоглу. Трудовое население осаждало примарии, требуя прекратить спекуляцию. Видя бездействие или неэффективность мер, предпринимаемых администрацией, рабочие, ремесленники, домашние хозяйки, мелкие служащие переходили к более активным формам протеста, включались в кампанию борьбы против голода, войны, нищеты, проводившуюся под руководством социал-демократической партии.

С октября 1914 г. перебои в снабжении городов хлебом стали систематическими. 14-го числа этого месяца подобное положение привело к крупным инцидентам в Брэиле. Возмущенное население не захотело платить «надбавку» к ценам, введенную булочниками, которые к тому же прекратили выпекать самые дешевые сорта, потребляемые беднотой. Две тысячи человек, рабочие, ремесленники, мелкие чиновники и торговцы, устроили демонстрацию у здания примарии¹⁴.

Делегация рабочих указала примарю Филотти, что ему, помещику и экспортеру, должно быть известно, что склады в городе забиты зерном, что хлеб хранится в доках, на баржах, погружен на пароход «Карпаты». Но Филотти, писала газета

¹³ «Lupta zilnică», 24, 25.II 1915.

¹⁴ «Universul», 16.X 1914.

«Лупта зилникэ», видимо, был склонен рассуждать, как мадам Помпадур: «Если нет хлеба, пусть народ питается пирожными»¹⁵.

22 октября «хлебный кризис» поразил столицу. Перед закрытыми дверями булочных толпились возмущенные горожане. Вскоре, испугавшись возможного разгрома магазинов, хозяева сняли замки. Но хлеба в продажу поступило на треть меньше нормы.

В муниципалитете делегация пскарей и булочников вела переговоры с примарем Эмилем Петреску, требуя санкционировать увеличение цен. Тот, расхрабрившись, пригрозил, что силой заставит продавать хлеб населению по прежним ценам. Газеты объявили «твердость» Петреску выше всяких похвал¹⁶.

Булочники в качестве первой контрмеры начали добавлять в муку мякину и выпекать хлеб «уменьшенного» формата, — за ту же цену покупатель получал буханку на 200 г, а у наиболее «предприимчивых» продавцов и на 250 г меньше прежнего веса¹⁷.

Впрочем, вскоре «сопротивление» столичных властей было сломлено. Началось своеобразное «соревнование» между булочниками различных городов, кто набьет больше цену. В борьбе с потребителем они одерживали успех за успехом. Вслед за Брэилой вести о росте цен пришли из Хуши, Ботошани, Пятранямца, Плоэшти, Силистры, Текуча и многих других мест. В Бухаресте «облегченную» буханку продавали по 40—45 бань (вместо прежних 25)¹⁸.

Одновременно происходило невиданное подорожание других, самых необходимых для бедноты продуктов, — кукурузы, фасоли, картофеля, риса, лука, молока, мяса, растительного масла¹⁹.

Правительство, опасаясь роста недовольства населения, пошло в апреле 1915 г. на введение «максимальных» цен на многие продукты, в том числе на пшеницу, кукурузу и изделия из них. Но цены были установлены на уровне, значительно превышавшем довоенный, — власти открыто расписались в капитуляции перед спекулянтами²⁰. Так, в Бухаресте мука грубого помола подорожала с 15—20 бань за килограмм до 25—30. Цена на чай увеличилась на 30%, на овощи — вдвое. Однако на деле продукты продавались по расценкам, по сравнению с которыми завышенный «максимум» казался верхом скромности и умеренности. Простаки из примарии полагают, писала рабочая газета «Лупта

¹⁵ «Lupta zilnică», 19.X 1914.

¹⁶ «Universul», 23.X 1914.

¹⁷ «Lupta zilnică», 9.XII 1915.

¹⁸ «Lupta zilnică», 6.XI, 13.XII, 1914; 4.II, 5, 21, 28.III 1915.

¹⁹ «Lupta zilnică», 7.XII 1914; 21.III 1915.

²⁰ «Situația clasei muncitoare din România 1914—1944». Buc., 1966, p. 37. Данные о «максимумах» см. «Lupta zilnică», 5, 14, IV, 17.V, 19, 26.VI 1915.

зилникэ»²¹, что стоит развесить на многотерпеливых стенах и заборах списки цен, и потекут молочные реки в кисельных берегах. На самом деле после установления «максимума» продовольственные товары начали исчезать из свободной торговли, зато процветала торговля из-под полы²².

Плохо было с мясом. Блюда из него не часто появлялись на обеденном столе рабочей семьи и до войны; в деревне говядина, свинина и баранина считались предметом роскоши и потреблялись в праздники. Широкий вывоз скота, законный и контрабандный, повел к тому, что, несмотря на высокий «максимум», мясо временами исчезало из продажи. Были введены специальные постные дни — сперва два, потом три в неделю, — но и в «разрешенное» время мясо было трудно достать в магазине.

Совсем скандально обстояло дело с продажей сахара. Несмотря на «законную» дороговизну, — он продавался по 1,25, а затем 1,35 лей за килограмм, — его почти невозможно было найти. Изредка примарии спускали в торговую сеть тонну-другую сахара. И тогда разыгрывались сцены вроде той, что произошла 4 июня 1915 г. в Бухаресте.

Здесь муниципалитет, снабдив сахаром своих служащих и распределив его среди лиц, «оказавших услуги» либеральной партии, решил пустить остаток в «свободную» продажу по 5—10 кг в одни руки.

К 8 час. утра перед складами, где происходила выдача, выстроилась десятитысячная толпа народа. «Подступы» охранялись вооруженными жандармами. Пропустив несколько сот человек, они перекрыли вход и спешно стали строить нечто вроде баррикады, чтобы остальные не проникли во двор. Возмущенная толпа ринулась вперед, жандармы действовали прикладами, в воздух полетели палки и булыжники²³.

Осенью 1915 г. министр внутренних дел Василе Морцун провел с примариями крупнейших городов совещание. Затем он укатил пир. «Ели примарии изысканные блюда, — писала «Лупта зилникэ», — пили примарии шампанское, слушали примарии музыку, — и все это для того, чтобы показать свое живейшее желание добиться снижения стоимости жизни»²⁴. Газета поздравляла министра с изобретением нового средства борьбы с дороговизной.

Изредка власти с невероятным шумом конфисковывали несколько бутылей с подсолнечным маслом, сотню-другую яиц. Это преподносилось в правительственных органах как крупный «успех» в борьбе со спекуляцией, хотя, конечно, не оказывало ни малейшего влияния на рост цен. Весной 1916 г. кукурузная мука

²¹ «Lupta zilnică», 23.IX 1914.

²² «Ероча», 5.IV 1916.

²³ «Lupta zilnică», 7.VI 1915.

²⁴ «Lupta zilnică», 22.X 1915.

продавалась по 30—40 бань за кг вместо «узаконенных» 20, за сахар, добытый из-под полы, платили 2 леи («максимум» составлял 1,35 леи); свинина стоила на рождество 4 леи за кг, т. е. вдвое выше номинала²⁵. Не лучше обстояло дело с бакалейными товарами.

Рост цен не ограничился продовольствием: увеличилась и квартирная плата²⁶, и стоимость дров и керосина, одежды и обуви, тканей и галантерейных изделий. Жена рабочего со страхом переступала порог магазина. «Лупта зилникэ» писала, что даже покупка катушки ниток превратилась в проблему для жителей бедных пригородов.

Во всех городах парадные кварталы богачей разительно отличались от соседствовавших с ними жалких трущоб, где ютились семьи рабочих, ремесленников, мелких служащих, разносчиков, лотошников и просто людей без определенных занятий. Пример являла столица, «маленький Париж», как любила называть его офрануженная румынская знать.

В больших центральных магазинах можно было приобрести по сказочным ценам все повинки сезона, в ресторанах предлагали богатый выбор изысканных блюд. Пройдите по улице Подул Могошоаей, писал корреспондент «Лупта зилникэ», и вы услышите шуршание шелков, почувствуете тонкий аромат духов, увидите роскошные коляски и автомобили²⁷.

До войны румынские помещики и капиталисты проводили значительную часть своего времени в Париже, Вене, Риме, Карловых Варах, Ницце и оставляли там немалую часть своих доходов. В охваченной военным пожаром Европе подобные возможности уменьшились. Приходилось развлекаться, так сказать, в домашних условиях. Рестораны, бары, увеселительные места ломились от посетителей, по вечерам Каля Викторией и другие центральные бухарестские улицы превращались в выставку дамских туалетов, на модных курортах, в Констанце и Синае, как грибы после дождя, выросли пансионаты, гостиницы и игорные дома.

А в сотне шагов от центра начинались трущобы. Бухарестские рабочие кварталы Флоряска, Порумбару, Грозавешти, Лупяска, по признанию либерального официоза «Вииторул», являли картину самой откровенной нужды.

Сравнительно небольшой тогда город Констанца служил одновременно морскими воротами Румынии и фешенебельным курортом. И если порт Констанцы вымер, то в увеселительных местах — ночных клубах, кафешантанах, казино — продолжалась буйная, разгульная жизнь. По ночам гремела музыка, вино

²⁵ «Acțiunea», 2.III 1916; «Desbaterile adunării deputaților», 1915—1916, p. 524.

²⁶ За первые полгода войны — на 20—30% («Lupta zilnică», 17.III 1915).

²⁷ «Lupta zilnică», 2.VII 1916.

лилось рекой, деньги сыпались дождем — владыки Румынии развлекались.

И рядом — пролетарские кварталы, пораженные «самой ужасной и мучительной нищетой, которая медленно, но верно отнимает у человека здоровье и саму жизнь»²⁸.

Положение так напоминало пир во время чумы, что неловко стало даже не отличавшимся совестью румынским парламентариям и, — невиданное дело! — было решено ввести налог на азартные игры. Во время обсуждения выяснилось, что один лишь игорный притон в Синае за 2 месяца 1916 г. «выручил» около двух миллионов лей²⁹.

Ворчала оппозиционная пресса. «Возмутительно, что наша сельскохозяйственная страна, которая позволяет себе такую роскошь, как продажа десятков тысяч вагонов зерна... осталась без хлеба», — писала газета «Акциуня». 31 марта 1916 г., когда в Бухаресте исчезли хлеб и мясо, она обратилась к правительству с ироническим поздравлением³⁰. «Голод стучится в двери нашего аграрного государства», — жаловалась другая газета, «Епока»³¹.

Зашевелились парламентарии. Невероятно, восклицал генерал Шмелц, но в Румынии «нет пшеницы, нет муки, нет хлеба»³². Но их робкие запросы правительство, располагавшее и в сенате, и в палате депутатов вымуштрованным большинством, пресекало в зародыше. Когда в палате депутатов Г. Добреску предупредил об опасности «нового 1907 года», Брэтиану в раздражении вскочил и, ударяя кулаком по столу, закричал, что, когда вся Европа воюет, позволительно, чтобы и Румыния пострадала от последствий войны³³.

Тяжелое положение в промышленности, безработица, постоянная неуверенность в завтрашнем дне у тех, кто сегодня еще имел заработок, позволяли предпринимателям завинчивать пресс эксплуатации до предела. В 1915 г. заработная плата, по выборочным данным, упала на 10—40% даже по сравнению с низким довоенным уровнем³⁴.

Жалкие зачатки социального законодательства не служили для капиталистов препятствием. Если существовало правило о предоставлении рабочим одного выходного дня в неделю, то пример в его нарушении подавало само правительство: на государственной табачной фабрике в Бухаресте персонал, состоявший в основном из женщин и детей, работал в годы войны без

²⁸ «Lupta zilnică», 2.VII 1916.

²⁹ «Desbaterile adunării deputaților», Sesiunea 1915—1916, p. 1022; «Desbaterile senatului», Sesiunea 1915—1916, p. 634—635.

³⁰ «Acțiunea», 2, 31.III 1916.

³¹ «Епока», 1.V 1916.

³² «Desbaterile adunării deputaților», 1915—1916, p. 524.

³³ «Acțiunea», 19.III 1916.

³⁴ «Analele», 1958, № 2, p. 94.

отдыха³⁵. Столь же легко и безнаказанно обходился запрет нанимать на предприятия детей до 12 лет. В мастерских, на фабриках и заводах было полно малышей по 10, 8 и даже 7 лет.

Продолжительность рабочего дня в общем осталась прежней, в среднем 10—12 часов³⁶.

На плоештинской консервной фабрике труд продолжался, с двумя перерывами, с 6 час. утра до 8 час. вечера. Лишь несколько квалифицированных рабочих получали здесь ежемесячно от 70 до 150 лей. Остальных нанимали (и расплачивались с ними) поденно. Сегодня они не знали, будут ли иметь работу завтра,—и это при убогом дневном вознаграждении в 2—2,5 леи. Семилетним ребятишкам платили сущие гроши — от четвертака до полтинника за изнурительный дневной труд³⁷

Плотники в Ботошани т р е б о в а л и, подчеркиваем это, введения рабочего дня с 6 утра до 7 вечера с двумя часовыми перерывами. Другими словами, они д о б и в а л и с ь права трудиться по одиннадцать часов в день³⁸.

А вот что говорилось в корреспонденции из Галаца. На местной кондитерской фабрике «Греерул» были заняты в основном юноши, девушки и много детей до 10-летнего возраста. Работали по 10 и больше часов. Первым платили 0,9—1,8 леи в день, вторым — 0,9—1,4. Часть заработка выдавалась натурой — дровами, картофелем, капустой, и, как водится, по завышенным ценам. Вентиляция в помещениях не была оборудована, духота царила ужасающая. Мастера прибегали к побоям. Случались и насилия над женщинами³⁹.

Мимо произвола, царившего на сахарных заводах, не могла пройти даже не склонная к критике буржуазная пресса. Влиятельнейшая из газет «Универсул» поместила серию статей под заголовком: «Варварский трест». На заводе в Рóмане, писал корреспондент, смена продолжалась 12—18 часов. Некоторые проводили все это время в наклонном положении, вдыхая раскаленный воздух. Пользуясь постоянным безденежьем рабочих, администрация выдавала им авансы не деньгами, а фишками. Ими можно было расплачиваться в заводской столовой, где скверные обеды подавали по дорогим ценам. Можно было обменивать фишки на деньги, но с потерей 20—30%⁴⁰.

Работу на государственном «Арсенале» в буржуазной печати называли каторгой⁴¹.

³⁵ «Lupta», 28.V 1916.

³⁶ «Situația clasei muncitoare din România», p. 25.

³⁷ «România muncitoare», 10.VII 1914.

³⁸ На сахарном заводе в Джурджу работа летом длилась с 5 час. утра до 9 час. вечера («România muncitoare», 10.VII 1914).

³⁹ «Lupta zilnică», 17.XII 1914.

⁴⁰ «Universul», 13.XI 1914.

⁴¹ «Universul», 20.X 1915.

Охраны труда не существовало. В августе 1915 г. на бумажной фабрике «Летя» произошел взрыв — погибло 8 рабочих⁴². На фабрике Макса Фишера в Галаце за два месяца произошло 12 несчастных случаев⁴³. Но все оставил позади страшный взрыв на государственном пороховом заводе в Дудешти, когда погибло 18 человек и многие получили тяжелые ранения и ожоги⁴⁴.



Можно подумать, что самому массовому производителю хлеба в стране, крестьянству, сказочно благоприятная конъюнктура на рынке принесет выгоду. На самом деле это было не так. По единодушному мнению печати, общественности, парламентариев, самого правительства⁴⁵, спекулятивная горячка обошла стороной румынскую деревню. Два обстоятельства объясняли это, казалось бы, совершенно непонятное явление.

Нищета румынской деревни вошла в поговорку. Не только бедняки, но и многие середняки жили «в кредит». Уже весной, когда заканчивались запасы кукурузы, они залезали в долги к помещикам, кулакам, корчмарям. Расплата производилась либо трудом, либо продуктом, причем с уплатой ростовщических процентов. Поэтому большинству крестьянских дворов было нечем торговать: после уплаты налогов и погашения задолженности зерна у них едва хватало до нового урожая. Товарное производство вели лишь кулаки и середняцкая верхушка.

С началом войны положение трудовых слоев деревни еще более ухудшилось. Правительство, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства, поспешно собрало недоимки. Военная подготовка достигла размеров тайной мобилизации; вместо обычных 100 тыс. человек, под знаменами находилось 300—500 тыс. Сотни тысяч здоровых мужчин отрывались от труда и загонялись на 2—3 и больше месяцев в казармы. В единственной газете, которая откликалась на жалобы призванных в армию резервистов, «Лупта zilnică» десятками печатались письма угнанных в армию крестьян. «Со слезами на глазах» (такова была обычная форма крестьянских обращений) жаловались они на казарменную муштру и издевательства офицеров и унтеров.

Когда в ноябре 1915 г. один депутат из уезда Васлуй сообщил Брэтиану о том, что некоторые его избиратели провели в казармах уже по 10 месяцев, премьер «изумился» и обещал заняться этим «казусом»⁴⁶. Однако и после этого трудно было сказать, где молодые крестьяне проводят больше времени — в поле или на учебном плацу.

⁴² «Universul», 18.VIII 1915.

⁴³ «Universul», 22.IX 1915.

⁴⁴ «Situația clasei muncitoare din România», p. 30.

⁴⁵ «Viitorul», 6.IV 1916.

⁴⁶ «Lupta zilnică», 21.XI 1915.

В селах начиная с осени 1914 г. с минуты на минуту ждали объявления войны. По недавнему опыту балканской кампании 1913 г. крестьяне знали, что у них будут реквизированы лошади, забран урожай, поля останутся незасеянными, а семьи голодными. Страх перед войной преследовал их. И они с лихорадочной поспешностью продавали первому встречному скупщику не только скудные запасы, но и необходимое им самим зерно и, случалось, даже семенной фонд.

Осенью 1914 г. спекулянты платили в селах по 8—9 лей за центнер овса (вместо обычных 12—14), по 15 лей — за пшеницу (раньше — 18—20 лей) и по 15—18 лей за фасоль (до войны — 25—30 лей⁴⁷). Кукуруза сбывалась еще дешевле — всего за 7 и даже 5 лей за центнер⁴⁸.

Весной 1915 г. из деревень стали поступать тревожные сигналы. Из 4 тыс. жителей села Байа (уезд Сучава) лишь у 200—300 оставалось кукурузы на 2—3 месяца, а цена поднялась до 30 лей за центнер⁴⁹. Доктор Лупу предупреждал, что сельское население охвачено беспокойством, могущим перерасти в «опасные волнения»⁵⁰.

Несколько депутатов внесли законопроект о запрете вывоза кукурузы. Не тут-то было! Крупные экспортеры, жонглируя цифрами, объявили, что кукурузы «достаточно». Предостерегающие крики с мест «Вспомните 1907 год!» их не остановили. Министр финансов Костинеску, слывший первым в стране жуликом, поклялся расправиться со спекулянтами⁵¹. На том дело и кончилось.

Сенатор Брэташану рассказал, что давно не посещал деревень своего уезда Романаца, а побывав, был потрясен царившей там нуждой. Крестьяне не в силах купить опинок — кожа «исчезла», и они стоят 10—12 лей пара⁵².

Весна 1916 г. принесла во многие села голод. В марте на имя директора народных банков поступила телеграмма из уезда Фэлчиу: «Прикажите немедленно отправить кукурузу. У крестьян лопнуло терпение. Нужда велика». Отнюдь не склонная к мягкосердечию румынская сигуранца (охранка) докладывала: «Положение крестьян — критическое»⁵³.

Правительственный официоз «Вииторул» простодушно изумлялся феноменальной выносливости крестьян: «Это поистине фантастично; лишь удивительная жизнеспособность нашего на-

⁴⁷ «Lupta zilnică», 7.XII 1914.

⁴⁸ «Dezbaterile adunării deputaților», 1914—1915, p. 272.

⁴⁹ Ibid., p. 288.

⁵⁰ Ibid., p. 497.

⁵¹ Ibid., p. 466—470, 495.

⁵² Опинки — род кожаных лаптей.

⁵³ «Колониальная политика и национально-освободительное движение». Кишинев, 1965, стр. 9.

рода избавила его до сих пор от полного вырождения при таком питании»⁵⁴. Крестьянин, идя весной по пашне за плугом, не знал, дадут ли ему допахать полоску, или он окажется завтра в казарме во власти румынских держиморд и скалозубов. Призывы продолжались по 2, 3 и больше месяцев⁵⁵.

«Крестьяне в отчаянии, — писал офицер, по понятным причинам не пожелавший раскрыть своего имени.— Их задерживают (в армии) месяцами, без права навестить дом, откуда поступают тревожные вести о нищете и болезнях»⁵⁶. «Ропот запасных по поводу изнурительных занятий принимает угрожающий характер», — передавали в Петербург русские военные наблюдатели⁵⁷.

Резервисты третьего каларашского полка сообщали в редакцию «Лупта зилникэ», что в 1914 г. находились в течение 90 дней под знаменами: «Военные занятия продолжаются с утра до ночи... С нами обращаются хуже, чем с тюремными узниками», — писали они в газету «Лупта зилникэ»⁵⁸.

В 17-м мехединцом полку командир первой роты капитан Каменица своей властью учредил дисциплинарный трибунал из фельдфебеля, сержанта и солдата под собственным председательством. «Суд» был скорым и неправым. «Судьи», вынеся «приговор» от десяти палочных ударов и больше, тут же сами приводили его в исполнение⁵⁹.

Сигналы о казарменном вандализме поступали из многих уголков страны⁶⁰. Некоторые солдаты, не выдержав издевательств, кончали жизнь самоубийством.

В деревнях царило глухое недовольство. Учитель П. Фонеску сообщал из коммуны Бэлэчану (уезд Арджеш), что среди крестьян все чаще раздавалось пожелание, чтобы «господь бог внушил императорам мысль о замирении»⁶¹.

Не всегда антивоенные настроения в селах выражались в такой смиренно-фаталистической форме.

Корреспондент «Лупты» М. Браду рассказывал, что, попав в деревню, он спрашивал себя, не занесло ли его по ошибке в какое-нибудь отдаленное, обойденное цивилизацией азиатское или африканское захолустье. Маленькие домики, окруженные полуразвалившимися изгородями. Хлевы пришли в ветхость.

⁵⁴ «Viitorul», 12.VII 1916.

⁵⁵ См. сообщения из 60-го полка Турну-Мэгуреле, 40-го полка Кэлугарень, 8-го полка Бузэу, 78-го полка Брэила и др. «Lupta zilnică», 22.V, 26.VI, 12.X, 25.X, 23.XII 1915.

⁵⁶ «Lupta zilnică», 27.V 1915.

⁵⁷ Шишкевич — в Огенквар (отдел генерал-квартирмейстера).— АВПР, ф. Секретный архив (СА), 1914 г., д. 530, л. 194.

⁵⁸ «Lupta zilnică», 29.V 1915.

⁵⁹ «Lupta zilnică», 9.X 1915.

⁶⁰ «Lupta zilnică», 15.X, 11.XI, 20.XII 1914; 22.VIII, 5, 24.IX, 17.XI, 5.XII 1915.

⁶¹ «Lupta zilnică», 14.I 1915.

В хатах самая откровенная нищета. Взрослые и дети спят вповалку на одной кровати, на каком-то тряпье. Все ходят босиком, Один из собеседников сказал Бладу: «В течение полутора лет нас таскают с одного призыва на другой. Нас бьют, оскорбляют и мучают. А жены и дети пропадают дома от голода. Никто о них не заботится. Сборщик налогов не знает пощады. Пока я на границе стирал в кровь ладони, роя траншеи, он продал мое небольшое домашнее имущество». Закончил крестьянин многозначительным намеком: «В 1907 г. была лишь помолвка, а свадьба состоится в 1916 г.»⁶².

Крестьяне, особенно из пригородных сел, нередко посещали организуемые социалистами антивоенные собрания. 23 ноября 1914 г. Нае Андрееску из коммуны Спатару де Жос (уезд Арджеш) заявил под аплодисменты присутствующих: «Можно спросить любого солдата-крестьянина, и тот заявит, что он против войны!». Пусть милитаристы составят полк. Крестьянские парни с охотой сразятся с ними и, будьте уверены, зарядят винтовки настоящими патронами⁶³.

Попытки антантофилов раздуть в деревнях «патриотическую» искру кончались провалом. Предвыборные выступления их ораторов крестьяне слушали с «каменными лицами»⁶⁴.

Среди резервистов, в основном крестьян, росло желание разобратся в сложившемся положении. В мае 1915 г. сотни солдат расквартированного в Бакэу 17-го полка обратились к начальству за разрешением присутствовать на социалистическом митинге. Перепуганное командование, чтобы прервать их контакты с революционно настроенными рабочими, спешно переправило полк в отдаленный и глухой Биказ⁶⁵. Были случаи, когда солдаты говорили участникам антивоенных демонстраций, что не собираются пускать в ход оружие, даже если им прикажут.

Жители коммуны Четате (уезд Долж), явно под влиянием пропаганды социалистов, заявили: «Мы, деревенская беднота, не желаем умирать во славу политиканов, которые, под маской национальной войны, избегают осуществления обещанных реформ, о которых они забыли, да мы нет»⁶⁶.

Уже в 1914 г. крестьяне уезда Бакэу, узнав о призыве, позволили себе, по словам жандармского отчета, «надругаться» над особой «великого короля». Доносчик сигуранцы связывал возросшее влияние социалистов в селах с частыми мобилизациями. В казармах рабочие-социалисты ближе сходились с жителями деревень и их слово быстрее доходило до крестьянского сознания. Дисциплина среди резервистов налаживалась с трудом,

⁶² «Lupta zilnică», 7.XI 1915.

⁶³ «Колониальная политика и национально-освободительное движение». Кишинев, 1965, стр. 100—101; «Lupta zilnică», 25.XI 1914.

⁶⁴ С. Агетояну. *Op. cit.*, p. 788—789.

⁶⁵ «Lupta zilnică», 3.VI 1915.

⁶⁶ «Relații agrare și mișcări țărănești în România». Buc., 1967, p. 190.

несмотря на жестокую муштру и рукоприкладство. Летом 1915 г. префект уезда Ковурлуй, боясь волнений запасных, потребовал, чтобы их вывели из Галаца.

Отмечались единичные случаи прямого захвата поместий. В марте 1916 г. помещик Л. Морковеску прислал в министерство внутренних дел отчаянную телеграмму, жалуюсь, что жители села Хоморициу «вторглись» на его землю, начали ее пахать и «угрожают смертью» всякому, кто помешает им.

Вести об отказе обрабатывать помещичьи поля приходили из уездов Бэтошани, Долж, Васлуй, Илфов. В коммуне Перишор (уезд Долж) был убит примарь; в Билиешти (уезд Путна) были разоружены жандармы, явившиеся выгонять крестьян работать на помещичье поле. Слово «революция» все чаще звучало на устах у крестьян, сообщала охранка. Костаке Коман из Дынжени (уезд Ботошани) сказал односельчанам, что надо самим добиваться правды, и это «будет страшнее, чем в 1907 г.». В селе Сфынта Мария того же уезда подобные речи вел Г. Кожокару. Мобилизованные в уезде Нямц говорили между собой: «Нам не нужна война, нам нужна революция». Затесавшийся между ними осведомитель сообщил об этих разговорах «куда следует»⁶⁷

И все же надо сказать, что за пределы стихийного протеста крестьянско-солдатская масса выходила редко. Среди вороха солдатских писем с жалобами на притеснения, поступавшими в редакцию «Лупта залникэ», лишь в одном одобрялась деятельность социал-демократов⁶⁸.

И это было тревожным сигналом. Партия не сумела вооружить рабочий класс революционной марксистской программой по аграрному вопросу, которая показала бы крестьянству, что у него нет и не может быть иного вождя в борьбе за землю помимо пролетариата.

Румынское рабочее движение и вопросы войны, мира и революции

Для румынского пролетариата борьба против вовлечения Румынии в войну стала центральной проблемой рабочего движения в последовавшие за июльским кризисом два года. Она стягивала в один узел все классовые противоречия, ставила в повестку дня вопрос о подготовке революции, ибо без низвержения стоявших у власти капиталистов и помещиков были немыслимы ни справедливый мир, ни демократическое разрешение национального вопроса: «...Мы должны разъяснить массам обманчи-

⁶⁷ А. К. Мошану. Новые материалы о положении и борьбе трудового крестьянства в Румынии в 1914—1916 гг.— «Колониальная политика и национально-освободительное движение». Кишинев, 1965; «Relații agrare și mișcări țărănești în România», p. 191—192.

⁶⁸ «Lupta zilnică», 26.VI 1915.

вость всяких надежд на демократический (без аннексий, насилий, грабежа) мир без развития революционной классовой борьбы»⁶⁹, — писал В. И. Ленин.

После краха неоправданных надежд на II Интернационал в среде румынской социал-демократии наступила пора отрезвления. Общего осуждения войны, принципиальных деклараций насчет империализма было недостаточно. Наступило время конкретного анализа и размежевания сил. Одним из первых нарушил молчание Доброджану-Геря. Он выступил с серией статей, впоследствии изданных отдельной книгой, в которой изложил свое кредо. Возможность революции в обозримом будущем, в полном соответствии со своими общими взглядами, он отвергал.

«К несчастью, время социальной революции еще не пришло, история не подготовила для этого необходимых ни объективных, ни субъективных условий»⁷⁰. Европейские социалисты оказались слишком слабыми для того, чтобы предотвратить катастрофу, писал Геря. И тогда они, возложив ответственность за войну на ее провокаторов, «отправились туда, куда их призывал гражданский долг, отправились защищать независимость, целостность, самое существование своих стран»⁷¹.

По Герю выходило, что немецкая солдатня, разграбив Бельгию, защищала «независимость» Германии; австрийцам понадобилось пройти огнем и мечом по Сербии, чтобы обеспечить существование своей родины, а англичанам позарез нужны были германские колонии в Африке, — иначе над «целостностью» Великобритании нависла бы угроза.

Ослепленный ненавистью к царизму, Геря не увидел революционной России. Он принялся исследовать вопрос, кто больше угрожает Румынии, царизм или Габсбурги, пришел к выводу, что «русская угроза» сильнее, и договорился до поразительного в устах социалиста утверждения, будто внешняя политика престарелого румынского монарха и отъявленного реакционера Кароля I развивалась «в соответствии с интересами страны»⁷².

Переходя к конкретным задачам, стоявшим перед румынскими социал-демократами, Геря полагал нужным бороться за нейтралитет (не указывая конкретных путей) до дня мобилизации. «Но если война все же станет действительностью, если нам придется испить эту горькую чашу? В этом случае румынские социалисты, как и их братья на Западе, исполнят свой долг»⁷³ (т. е. отправятся на фронт). Румынская олигархия могла в полной мере оценить любезность Геря, заранее заявившего, что он стоит на позициях «защиты отечества».

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 33.

⁷⁰ С. Dobrogeanu-Gherea. Război sau neutralitate. Buc., 1914, p. 28.

⁷¹ «Lupta», 12.IX 1914.

⁷² С. Dobrogeanu-Gherea. Op. cit., p. 68.

⁷³ «Lupta», 12.IX 1914.

Во всей своей неприглядности оппортунизм сказался в деятельности немногочисленной, но шумливой группировки во главе с доктором Гелертером, державшейся прогерманской ориентации. Центром ее активности стали Яссы, бывшая столица Молдавского княжества, превратившаяся в тихий провинциальный городок, почти лишенный промышленности и индустриального пролетариата.

Агитация ясской группы представляла разительный образец переплетения ревизионизма и догматизма. Ее исходный тезис не блистал оригинальностью; она разделяла общее для оппортунистов неверие в революционные силы пролетариата. Она догматически, в отрыве от обстановки, толковала некоторые высказывания Фридриха Энгельса, который в начале 90-х годов прошлого столетия, когда германская социал-демократия выступала во главе мирового революционного движения, писал, что в случае нападения России и Франции на Германию социал-демократы выступят в ее защиту⁷⁴.

С тех пор положение в корне изменилось. Центр мирового революционного движения переместился в Россию. В полной мере выявилось оппортунистическое перерождение немецких социал-демократических лидеров. Разразилась война, грабительская и хищническая с обеих сторон. «Вожди» II Интернационала не только не воспротивились ее развязыванию, но даже в меру сил и способностей старались облегчить задачу «своих» правительств. Немецкий канцлер Бетман-Гольвег был приятно изумлен, увидев, как чуть ли не все социал-демократические депутаты рейхстага в «патриотическом» рвении выступают в поддержку военных кредитов. Он рассчитывал самое большее на то, что они воздержатся от голосования.

Ясские оппортунисты с усердием пытались обелить черные дела предателей: «Ни французский пролетариат, ни германский,— писали они,— не были в состоянии вызвать революцию в те несколько дней, что прошли от мобилизации до отправки на фронт»⁷⁵.

Над полями Европы, изуродованными окопами и траншеями, проволочными заграждениями и блиндажами, прозвучал ленинский призыв о превращении войны империалистической в гражданскую. Но ясские «теоретики» не желали даже замечать, как быстро накапливается в воюющих государствах революционный горячий материал. В качестве непреложной истины выходивший в Яссах журнал «Конворбирь сочиале» преподносил набившие оскомину заявления о «русской угрозе»⁷⁶; вместо пролетарского, классово-революционного анализа обстановки, его страницы

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 258—259.

⁷⁵ «Convorbiri sociale», an. 1, № 3, p. 80.

⁷⁶ «Convorbiri sociale», an. 1, № 1, p. 6.

заполнялись рассуждениями о необходимости следовать теории «наименьшего зла»⁷⁷ И, как заключительный аккорд, рекомендовалось «решительное присоединение Румынии к державам центра», если не удастся удержаться от вовлечения в войну⁷⁸.

С открытым реформизмом соседствовал в Румынии центризм, виднейшим представителем которого являлся Х. Раковский.

На первых порах он занял позицию с сильным оппортунистическим уклоном. Именно в таком духе прозвучала его речь на чрезвычайном съезде румынской социал-демократической партии в августе 1914 г. Раковский полностью одобрил поведение немецких социал-предателей в рейхстаге; они, мол, должны были голосовать за военные кредиты, ибо тот же законопроект предусматривал помощь семьям мобилизованных и действовать иначе — значило вырвать кусок хлеба, у детей⁷⁹. «Если бы наша страна подверглась нападению, разве мы все не встали бы на ее защиту?»⁸⁰ — вопрошал он, давая тем самым понять, что так превосходно удавшийся в Германии и Франции маневр с «обороной отечества» имеет шансы на успех и в Румынии.

Социалистам Раковский рекомендовал «ограничиться пропагандой и просвещением», иными словами, стоял за пассивную тактику, отказ от революционной борьбы. Он объявил, что социалисты согласны с политикой нейтралитета, проводимой правительством, но требуют его официального подтверждения⁸¹. Его позиция на съезде заслужила похвалу с совершенно неожиданной стороны: либеральный официоз, рупор правительства, газета «Вииторул» заявила, что выступление Раковского «делает честь оратору». Социалистический орган «Ромыния мунчитоаре» с некоторым смущением принялся открещиваться от этих похвал⁸².

Та же схема была развита Раковским в серии статей «Социал-демократическая тактика и война». Он подробнейшим образом разбирал возможное поведение социалистов в различных обстоятельствах, нигде, однако, не предусматривая революционной борьбы против собственного правительства. Понятие справедливой и несправедливой войны у него подменялось искусственной и неверной схемой разделения войн на оборонительные и наступательные. Он повторил при этом утверждение, что социалисты готовы сражаться до последней капли крови против «агрессоров»⁸³.

⁷⁷ «Convorbiri sociale», an. 1, № 7, p. 188.

⁷⁸ «Convorbiri sociale», an. 1, № 1, p. 7.

⁷⁹ «România muncitoare», 12.VIII 1914.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibidem.

⁸² «România muncitoare», 21.VIII 1914.

⁸³ «România muncitoare», 14.VIII 1914.

Это приводило к невероятной путанице. Долгом австрийских социалистов, писал Раковский, являлось предотвратить нападение на Сербию. Когда же против самой Австрии двинулись русские войска, «их души раздвоились». Конечно, хорошо было бы восстать, свергнуть Габсбургов и провозгласить республику. Однако ныне это не под силу. В сложившихся условиях восстание или всеобщая стачка оказались бы на руку «русским или сербским шовинистам»⁸⁴. И вот (цитируем Раковского) оказалось, что «рабочим не остается ничего иного, как, проклиная войну и поклявшись бороться после ее окончания, отправиться на поле боя, чтобы с разбитым сердцем исполнить свой солдатский долг». Правда, они каким-то непонятным образом, не ведя революционной борьбы с собственной буржуазией, охваченной жадной захватов, должны были добиваться «почетного мира», хотя было ясно, что навязать гордой буржуазии-победительнице сколько-нибудь справедливый и демократический мир было просто-напросто невозможно.

Ленин предупреждал об опасности допущения «мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа был бы лишь на руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контрреволюционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира,— указывал он,— тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии»⁸⁵.

Раковский предлагал идти совсем в ином направлении и объявлял, что лишь после войны «придет час расплаты с господствующими классами»⁸⁶.

Не помышляя в то время о непосредственной подготовке революции, Раковский вместе с оппортунистами односторонне и глубоко ошибочно, лишь в плане «московской опасности», трактовал отношения с Россией.

За деревьями он не видел леса, захватнические замыслы царизма заслонили от него великие революционные процессы, совершавшиеся в России. Раковский с огорчением и досадой признавал, что в массе румынского народа существует глубокое чувство благодарности к русскому народу, с помощью которого он завоевал независимость, чувство, которое оказалась не в силах вытравить полувекковая яростная антирусская кампания в печати. «У нас,— писал Раковский,— существует и русофилизм в крестьянстве, такой же, как в крестьянстве Трансильвании и Болгарии. Крестьянские массы... сохранили чувство признательности по отношению к России», считая ее «своей освободитель-

⁸⁴ «România muncitoare», 14.VIII 1914.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 327—328.

⁸⁶ «România muncitoare», 14.VIII 1914.

ницей от турецкого ига»⁸⁷ Таким образом, существовала благоприятная почва для упрочения новых, революционных связей. Но Раковский требовал ожесточенной борьбы с «глубокими корнями русофилизма», твердил, что Румыния рискует оказаться между «русским молотом и славянской наковальней»⁸⁸.

Дальнейшее развитие событий заставило Раковского задуматься. Шовинисты, чью тактику он пытался оправдать, покорно впряглись в идеологическую колесницу «собственной» буржуазии. Депутаты рейхстага и члены французского парламента разъезжали по фронтам, произнося «патриотические» речи. Затем в Румынию повадились социалистические коммивояжеры, старавшиеся втянуть страну в военные действия.

В румынском пролетариате зрело убеждение, что не ползающие на коленях перед империалистами «вожди» откроют перед рабочим классом путь в социалистическое будущее. Крепла вера, что заря освобождения займется в России. В начале 1915 г. люди на митинге в Брэиле плакали, слушая рассказ о героической борьбе русских рабочих⁸⁹. Выражая настроения масс, газета «Лупта зилницă» писала, что за военным крахом царизма последует политический. Благотворное влияние русской революции распространится в Европе и, разумеется, не минует ближайшую русскую соседку, Румынию. И тогда будет покончено со старым боярским государством. Газета выражала уверенность, что правителям на сей раз не удастся сманеврировать, как это случилось прежде, ибо влияние идет не от «просвещенного Запада», а от революционной России⁹⁰.

Настроения масс оказывали влияние на партийное руководство, в том числе на Раковского.

В январе 1915 г. в социал-демократических газетах многих стран появился протест Раковского против нашествия в Румынию «социалистических» вербовщиков⁹¹. Впоследствии он говорил: «Признаюсь, в начале войны я не видел в вотировании военных кредитов в Германии и Франции полного разрыва с социалистической тактикой». Он полагал, что допущена ошибка, но нет отступничества. Узнав, что германские социалистические «вожди» не протестовали против вторжения в Бельгию (дабы не нарушать «национального единства»), читая шовинистические статьи в социал-демократической прессе, он убедился, что «4 августа — не инцидент, а триумф новой тактики»⁹².

⁸⁷ «Lupta zilnică», 21.IX 14.

⁸⁸ Ibidem. Рядовые социаллисты слабо реагировали на попытки запугать «русской опасностью». Издававшаяся в Галаце газета «Попорул» писала: «Мы со своей стороны считаем, что существует лишь одна опасность, а именно — со стороны помещиков и буржуазии» («Poporul», 25.XII 1915).

⁸⁹ «Lupta zilnică», 30.I 1915.

⁹⁰ «Lupta zilnică», 25.VIII 1915.

⁹¹ «Lupta zilnică», 22.I 1915.

⁹² «Lupta zilnică», 23.IX 1915. 4 августа 1914 г. немецкие депутаты — социал-демократы проголосовали за военные кредиты.

В полемике с французским шовинистом Шарлем Дюма, опубликованной в «Юманите» и «Лупте», Раковский писал резче и правильнее, что речь идет не о двух тактиках, а о том, что социалисты разбились на два лагеря, революционный и оппортунистический⁹³.

Но все это не значит, что сам Раковский примкнул к революционному лагерю. Осудив открытых оппортунистов, он остановился на полпути. Не веря в возможность революции в ближайшее время, он занялся построением беспомощных, нежизненных, а потому способствовавших оппортунизму центристских схем. «В нашей пропаганде,— писал он,— мы подготовили пролетариат к следующей тактике: выступать как против войны, так и против саботажа национальной обороны»⁹⁴. Выходило, что Раковский, отвергая открытое ренегатство и выступая против него, с заднего хода принимал сослуживший неопценимую службу империализму «оборонительный вариант». В. И. Ленин, ознакомившись с этими взглядами Раковского, дал им заслуженно резкую оценку: «Раковский (см. его брошюру) за защиту отечества. По-моему, с такими людьми нам не по дороге»⁹⁵.



Далеко не всегда рядовым социалистам и их революционно настроенным руководителям удавалось распознавать хитро замаскированные оппортунистические капканы и центристские силки. Уже на чрезвычайном съезде партии (август 1914 г.) без противодействия прошел пункт о том, что пролетариат готов своей кровью защищать нейтралитет и «территориальную целостность страны»⁹⁶, находившийся в подозрительном соседстве с тезисом о «защите отечества».

Не закалившемуся еще в классовых битвах румынскому пролетариату пришлось действовать в невероятно тяжелых условиях обострения нужды и лишений, имея против себя весь аппарат подавления, встречая на каждом шагу открытый террор, нередко выливающийся в кровавую расправу. И он вступил в борьбу.

Сама жизнь породила лозунг, под которым развертывалось рабочее движение в 1914—1916 гг.: Долой войну! Долой нищету! Протест охватил широкие массы, и социал-демократическая партия, объединив антивоенную кампанию с борьбой против лишений, нашла звено, соединявшее экономические и политические действия пролетариата.

⁹³ Ch. Dumas. C. Racovski. Les socialistes et la guerre, II ed. Buc., 1915, p. 48.

⁹⁴ Ibid., p. 29.

⁹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 117.

⁹⁶ «Documente din mişcarea muncitorească», p. 612. Напомним, что в то время в Румынию входила населенная в основном болгарами Ю. Добруджа и что резолюция противоречила недавним протестам социал-демократов против ее аннексии.

Война, еще не перекинувшись на территорию Румынии, предстала перед трудящимися в образе безработицы, лишений и бесконечных призывов на военную подготовку.

Уже в августе 1914 г. жены призванных в армию рабочих явились в Бухаресте к казармам, требуя хлеба и возвращения кормильцев домой⁹⁷. В октябре плотники провели в столице собрание протеста против безработицы. В Брэиле, в связи с подорожанием хлеба, жители беднейших кварталов вышли на стихийную демонстрацию. Вскоре портовики этого города обратились к министру промышленности Александру Радовичу с требованием принять меры против безработицы⁹⁸. Министр в своем ответе ограничился общими фразами, «Вииторул» преподнесла трудящимся совет: пусть в предвидении безработицы они откладывают средства.

Стачечная борьба в Румынии не прекращалась ни на день. Основными требованиями бастующих являлись: повышение заработной платы, улучшение условий труда, прекращение произвола администрации, сокращение рабочего дня. В 1915 г. бастовали слесари, кузнецы, сапожники, швейники и шорники Бухареста, грузчики в Слатине, обувщики в Яссах и Бузэу⁹⁹.

Самым крупным выступлением пролетариата явилась августовская стачка доведенных до отчаяния портовиков Брэилы. «Затишье» в порту наступило с началом войны, и толпы безработных осаждали доки. Жизнь стала невыносимой даже у сохранивших работу. Зарплата снизилась, денег не хватало на самое необходимое — хлеб, сахар, растительное масло, овощи, и рабочие потребовали ее повышения.

Но хозяева порта чувствовали себя в безопасности. Им на помощь пришли власти, торговая палата, полиция (как обычная, так и специальная портовая). Под охраной штыков в порт была организована доставка штрейкбрехеров.

Получив отказ на свои требования, рабочие вместе с женами и детьми вышли на демонстрацию. Полицейские агенты спровоцировали столкновение и сами же вызвали войска. В результате — сорок человек избитых, из них двое искалеченных, трое арестованных. После длительного сопротивления портовики вернулись на работу¹⁰⁰.

Начиная со второй половины июля 1914 г. по стране прокатилась серия митингов и собраний, участники которых гневно протестовали против развязывания империалистической войны. Кажется, не было на карте Румынии места, отмеченного кружком, где рабочие не вышли бы на улицу. Яссы, Брэила, Крайова, Турну-Северин, Плоешти, Галац, Питешти, Ботошани, Пьят-

⁹⁷ «România muncitoare», 27.VII 1914.

⁹⁸ «Lupta zilnică», 10, 16, 27.X, 1.XI 1914.

⁹⁹ «Lupta zilnică», 20.II, 12.III, 2, 5, 15.IV, 10, 19.VI, 12.X 1915.

¹⁰⁰ «Lupta zilnică», 13, 30.VIII, 2.IX 1915.

ра-Нямц, Бакэу, Олтеница, Тулча, Фокшани, Туркоайа стали ареной ожесточенных классовых схваток¹⁰¹. В столице общегородские и районные митинги и собрания проходили десятками. Ораторы громили империализм, зажегший пожар мирового бедствия. Они страстно и гневно изобличали агрессивные замыслы «своей» буржуазии, указывая, что дешевая «победа» во второй балканской войне 1913 г., когда румынские войска без единого выстрела прошли половину Болгарии, вскружила головы бухарестским правителям и довела до крайних пределов их спесь, фанфаронство, и страсть к захвату чужих земель¹⁰². Социалисты подвергали беспощадной критике олигархию, которая в стране «с самым нищим в Европе населением» увеличила военный бюджет за пять лет (1909—1914 гг.) вдвое, с 44 до 98 млн. лей¹⁰³. Умело разоблачались интервенционисты, рядившиеся под борцов за объединение румынского народа. По меткости изобличений, по беспощадной разоблачительности критики эта кампания, тон которой задавали левые революционные элементы, может служить примером конкретной пропаганды.

Социалисты — патриоты своей страны, указывали они, и горячо стремятся к объединению всего румынского народа в демократическом государстве. Однако планы «великой Румынии» не имеют с этим ничего общего. Они порождены стремлением к захвату новых земель. «Самые темные политиканы мечтают стать по крайней мере министрами великой Румынии; продажные журналисты — превратиться в директоров крупнейших европейских газет с миллионами читателей... полицейские агенты метят в руководители генеральной сигуранцы, а стражники мечтают стать по крайней мере префектами полиции. Все они живут в ожидании воплощения национального идеала, все грезят о наживе...»¹⁰⁴.

Особая заслуга в антивосной пропаганде принадлежала левому крылу социал-демократии.

Оно предупреждало, что в сложившихся условиях объединение с Румынией не принесет трансильванцам ни облегчения гнета, ни прекращения беззаконий¹⁰⁵. И того и другого в королевстве имеется в избытке. «Освобожденные румыны», писала «Лупта зилникэ», быстро почувствуют все прелести «настоящей румынской» цивилизации: у них прежде всего отнимут всеобщее избирательное право; им будут продавать гвозди, известь, табак, спички, бумагу и другие товары по «подлинно национальным» (т. е. монопольно высоким ценам)¹⁰⁶. В городах и уездах появля-

¹⁰¹ «România muncitoare», 24.VII, 21, 24, 31.VIII, 2.IX 1914; «Jos resboiul», 7, 9, 11.IX 1914.

¹⁰² «România muncitoare», 29.VII 1914.

¹⁰³ «România muncitoare», 28.VIII 1914.

¹⁰⁴ «Lupta zilnică», 5.X 1915.

¹⁰⁵ «Lupta zilnică», 23.X 1915.

¹⁰⁶ «Lupta zilnică», 2.XII 1914.

ся префекты и примари, у которых при занятии должности за душой не будет ничего, кроме опротестованных векселей, а при уходе — многотысячные состояния. «Освобожденные» трансильванцы станут переплачивать вдвое за воду, свет, квартиру, строительство и мощение улиц. И всех этих взносов будет «не хватать» для того, чтобы поддерживать город в чистоте. Им посадят администрацию, отличающуюся «турецкой тупостью и московитским произволом». Она научит «братьев из-за Карпат», что такое «бакшиш», без которого «двери не открываются, бумаги лежат без движения, а печати дремлют в ящиках». Они узнают «самый бесстыдный парламентский режим, при котором палаты находятся в полном распоряжении правительства». Начав забастовку, они столкнутся с полицией и войсками; они не смогут найти помещения для митинга, одним словом, будут лишены всех прав, обещанных им по конституции¹⁰⁷

Подлинное объединение народам, в том числе румынскому, писала газета «Ромъния мунчитоаре», принесет социализм: «Лишь встав под красное знамя... угнетенные национальности смогут завоевать себе автономию и подготовить объединение с матерью-родиной, когда пробьет последний час хищной империалистической буржуазии»¹⁰⁸.

Война не оборвала связей румынской социал-демократии с сербскими и греческими товарищами и болгарскими «тесняками». Не раз представители братских партий (в том числе и Георгий Димитров) выступали в Румынии, а румынские социалисты за пределами своей страны обращались к рабочим с призывом бороться с войной¹⁰⁹.

Исполком румынской социал-демократической партии обратился в бюро II Интернационала в Берне с просьбой созвать конференцию партий нейтральных стран для того, чтобы обсудить стоявшие перед ними проблемы¹¹⁰. Итальянцы, швейцарцы, болгарские «тесняки» поддержали эту идею. Но бюро, бездействовавшее с начала войны, не реагировало на этот призыв. Тогда балканские социалисты решили обойтись без его услуг. Вторая межбалканская конференция, состоявшаяся в июле того же 1915 г., ознаменовалась крупным успехом революционного крыла социалистов.

Болгарские «тесняки» были представлены на ней такими известными деятелями, как Д. Благоев и Г. Димитров, которые сразу же нашли общий язык с представителями левых румынской социал-демократии — Е. Арборе-Ралли и Д. Маринеску. По их настоянию конференция осудила социал-шовинизм и

¹⁰⁷ «Lupta zilnică», 3.XII 1914.

¹⁰⁸ «România muncitoare», 15.VII 1914.

¹⁰⁹ «România muncitoare», 20.VIII, 3.VIII 1914; «Lupta zilnică», 23.XI 1914; 1.III, 23.VI, 27.VI, 13, 21.VIII, 29.XII 1915.

¹¹⁰ «Lupta zilnică», 9.IV 1915.

классовый мир и, вопреки возражениям К. Доброджану-Гери и некоторых других участников, заявила, что «восстановление Интернационала возможно только на основе революционного социализма и пролетарского интернационализма»¹¹¹. Конференция обратилась со словами приветия к сосланным на каторгу большевистским депутатам Государственной думы и заключенным в тюрьму Розе Люксембург и Карлу Либкнехту. В принципиальной декларации конференция заявила, что «отвергает любой вид классового сотрудничества, осуждает социал-патриотизм и социал-империализм, как и другие проявления социалистического оппортунизма, и заверяет, что остается верной неслыбаемой классовой борьбе». Она поклялась бороться «без устали и пощады против националистических, шовинистских и воинственных течений, порожденных господствующими классами балканских государств, и против империалистической политики великих держав»¹¹².

Левые румынские социал-демократы сделали немало для успеха конференции. Под влиянием таких деятелей, как А. Константинеску, И. К. Фриму, Д. Маринеску, Е. Арборе-Ралли, поддержанных рядовыми членами, партия в тяжелую пору, когда рушились кумиры, по которым равнялись в довоенные годы, не выпустила из рук знамени пролетарского интернационализма. Ее официальные выступления содержали резкую критику действий лидеров II Интернационала.

К IV съезду партии (октябрь 1915 г.) были подведены итоги. В стране состоялись 47 больших антивоенных митингов и сотни собраний; было распространено 600 тыс. экземпляров листовок и брошюр¹¹³. За этими цифрами скрывалась большая организационная работа партии, неиссякаемый запас мужества и энергии румынского пролетариата. Чуть ли не каждое собрание выливалось в стычку с властями, полицией, войсками, нанятыми реакцией хулиганами.

Вот как проходила крупнейшая из манифестаций в Бухаресте 31 мая 1915 г., в которой приняли участие не только рабочие, но и крестьяне близлежащих сел.

Встревоженный префект столичной полиции запретил ее, крупные военные силы с ночи заняли сад Чишмиджиу, где должен был состояться митинг. Два армейских батальона и пешие жандармы участвовали в этой операции, проводившейся по всем правилам военного искусства.

¹¹¹ М. А. Бирман. Борьба левых социал-демократов балканских стран против империалистической войны и образование Балканской рабочей социал-демократической федерации (июль 1915). М., 1966, стр. 17—18.

¹¹² «Documente din mişcarea muncitorească, 1872—1916», ed. II-a, Buc., 1947, p. 637; «Calendarul muncii pe anul 1916», p. 112.

¹¹³ «Lupta zilnică», 16.X 1915.

Когда собравшиеся рабочие и крестьяне проходили мимо министерства общественных работ, полицейские принялись за «дело». К ним на помощь поспешили жандармы и войска.

В 10 часов по улице должен был проехать король. Кое-кто из офицеров хотел для приличия приостановить побоище. Но где там! Озверевшая военщина продолжала избиения. Были произведены многочисленные аресты. За решеткой оказались и двое членов исполкома социал-демократической партии, Константинеску и Маринеску, оба — жестоко избитые¹¹⁴. Столкновения произошли и в других местах — на улице Дудешти, например, демонстранты трижды вступали в схватку с солдатами.

Собрание все же состоялось в клубе партии. Но и туда явились полицейские агенты во главе с прокурором. Они искали члена исполкома Кристеску и, не найдя его, изрезали на куски приготовленные к демонстрации плакаты.

Глубокое негодование охватило пролетариат после этой расправы. Собрания и манифестации протеста состоялись в Бухаресте, Галаце, Плоешти, Турну-Северине, Крайове, Яссах, Бакэу, Туркоае, Бузэу. Из Ботошани, Питешти, Чернаводы, Александрии, Рымнул-Вылчи поступили гневные телеграммы¹¹⁵.

Однако в ходе этой мужественной, зачастую героической борьбы представители левого, революционного крыла партии не сумели подняться до понимания ленинского лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую и не научились соединять борьбу против войны с борьбой за низвержение капиталистического строя. «Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии...»¹¹⁶, — указывал В. И. Ленин. Эти положения не были в достаточной степени ими учтены.

Теоретическая неопытность революционеров затрудняла движение. Беспощадная критика империализма не дополнялась и не сочеталась у них с конкретной программой действий. На первых порах они ограничивались выражением уверенности, что война будет способствовать нарастанию революционного кризиса. М. Г. Бужор говорил на одном из июльских (1914 г.) антивоенных митингов: война «приблизит час, когда народы не будут убивать друг друга, а объединятся во имя счастья человечества»¹¹⁷. Решительнее высказывался Алеку Константинеску. Под аплодисменты тысяч людей, собравшихся в бухарестском зале «Дачиа», он заявил: «Когда рассеется безумие, народ сохранит оружие, чтобы с его помощью обеспечить свое господство»¹¹⁸. Дальнейший шаг вперед сделал Бужор в своем выступлении в

¹¹⁴ «Lupta zilnică», 2.VI 1915.

¹¹⁵ «Lupta zilnică», 3, 5, 7, 9, 10, 11, 13.VI 1915.

¹¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 166.

¹¹⁷ «România muncitoare», 20.VII 1914.

¹¹⁸ «România muncitoare», 22.VII 1914.

Плосшти 2 августа: если правительству удастся втянуть Румынию в европейский конфликт, долг социалистов — превратить «войну ради завоеваний и угнетения в средство уничтожения олигархии, господствующей над нами»¹¹⁹.

Эти взгляды составляли резкий контраст с проповедью «гражданского мира», которую вели оппортунисты, выдававшие тезис: империализм может быть сокрушен лишь под знаменем мирной борьбы — за «элементарную истину»¹²⁰.

Однако пережитки пассивности, ожидание революции извне — эти порождения геристской теории «социализма в отсталых странах» давали себя знать.

Лозунг нейтралитета и борьбы против втягивания в войну полностью отвечал интересам румынского пролетариата. Но не сопровождаемый призывом к низвержению капиталистического строя, он повисал в воздухе: ни от прожженного политика премьера Брэтиану, выжидавшего, на чью сторону выгоднее переметнуться, ни от горевших воинственным азартом оппозиционеров нечего было ждать проведения честной нейтральной политики. А «*всесторонней и немедленной революционной работы за социалистическую революцию*»¹²¹, к которой призывал В. И. Ленин, румынская социал-демократическая партия не вела.

Румынские революционеры остро ощущали недостаточную эффективность своей деятельности. «Нынешней горячей манифестации, — говорил Ион Фриму после бурного собрания 11 января 1915 г. в бухарестском зале «Дачия», — одних аплодисментов, одного прихода сюда мало. Этим вы не исполните своего долга и не добьетесь ничего. Нужны решительные практические действия»¹²². В сентябре того же года группа социалистов обратилась к исполкому партии с письмом, в котором указывала, что ошибаются те его члены, которые воображают, что достаточно словесной борьбы с войной. Ответ был дан от имени редакции «Лупты», и очень многозначительный: «Мы стоим на той точке зрения, что Румыния не подвергнется нападению и что мы не будем вынуждены оказать поддержку правительству»¹²³. Итак, «оборончество» продолжало существовать и, главное, не вызывало сколько-нибудь заметного отпора.

Пользуясь тем, что Румыния не воевала, правое крыло социал-демократической партии (за исключением прогерманской ясской группировки) предпочитало скрывать оппортунистиче-

¹¹⁹ M. Gh. Bujor. Războiul european și social-democrația. Buc., 1914, p. 12. Позиция Бужора не была последовательной. В 1916 г. он принял участие в журнале «Конворбирь социале». Однако в 1917—1918 гг. он являлся одним из видных руководителей революционных социалистов.

¹²⁰ Из выступления Г. Алексе. — «Lupta zilnică», 23.XII 1914.

¹²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 381.

¹²² «Lupta zilnică», 13.I 1915.

¹²³ «Lupta zilnică», 4.XI 1915.

скую сущность своих взглядов за густым частоколом деклараций о преданности социализму и даже критикой западноевропейских ренегатов. Левые же не сумели разобраться во всей сложности обстановки и вели себя примиренчески. Это сказалось на докладе «Социал-демократия и война», с которым выступил на IV съезде партии (октябрь 1915 г.) доктор Оттой Калин. Он не поскупился на критические замечания по адресу западноевропейских ренегатов¹²⁴, но тут же попытался если не оправдать их действия, то, во всяком случае, смягчить вину. Он отверг как «наивные и фальшивые» обвинения в том, что вожди II Интернационала «попрали принципы». Пока пролетариат не в силах предотвратить войны, утверждал Калин, он находится в чудовищно трагическом положении¹²⁵. Ни немцы, ни французы не сумели удержаться на правильной «средней» линии: сотрудничать со своей буржуазией в борьбе с внешним врагом, но не разоружаться перед врагом внутренним. Насколько видно из объяснений Калина, последняя туманная формулировка означала критику буржуазии и отказ голосовать за военные кредиты,— но не больше!

Калин высоко отозвался о позиции русских социал-демократов. Но он смешал большевиков и меньшевиков, и пустозвонные декларации Чхеидзе о прекращении войны приравнял к мужественному поведению сосланных на каторгу за смелый вызов царизму большевистских депутатов Государственной думы. Столь же неразборчиво отнесся Калин к различным течениям в западноевропейских партиях. Все, кто на словах выступал против войны, включая Каутского, Бернштейна, Гаазе, Ледебура,— были отнесены им к хранителям подлинно социалистической тактики¹²⁶. В заключение доклада Калин провозгласил: «Когда война станет реальностью, мы будем оборонять родину, чтобы не потерять наши свободы»¹²⁷. Так, в обертке революционных фраз делегатам преподнесли тезис «защиты отечества».

Не понимая всей опасности оппортунизма и примиренчества с ним, левые, занимавшие довольно сильные позиции в Исполкоме, одобрили доклад, а делегаты, по рекомендации этого органа, приняли его к сведению без обсуждения¹²⁸.

Вскоре исполкому все же пришлось давать объяснения. Один старый член партии, Клейн, направил в редакцию «Лупты» письмо, требуя четкого ответа, одобряет ли руководство взгляды Калина: «Время двусмысленных деклараций прошло, пролетариат настаивает на точных заявлениях». Невразумительную отписку исполкома таковым назвать нельзя: ИК «не разделяет неко-

¹²⁴ «Lupta zilnică», 30.X 1915.

¹²⁵ «Lupta zilnică», 31.X 1915.

¹²⁶ «Lupta zilnică», 4, 5.XI 1915.

¹²⁷ «Lupta zilnică», 8.XI 1915.

¹²⁸ «Lupta zilnică», 28.X 1915.

торых аргументов» Калина; но съезд одобрил «общий дух» его доклада; что же касается детального обсуждения, то на это-де не хватило времени ^{128a}.

Другая кардинальная проблема, крестьянская, вообще не фигурировала в повестке дня съезда, хотя в Румынии серьезная подготовка к революции была немыслима без установления союза пролетариата и крестьянства.

Эти крупные промахи были допущены, несмотря на революционный энтузиазм большинства собравшихся и их стремление сорвать воинственные замыслы румынской олигархии. Представители с мест резко критиковали исполком за то, что тот недостаточно энергично вел антивоенную кампанию и уделял мало внимания низовым организациям (говорилось прямо о «пренебрежении к провинции») ¹²⁹. Агитационные материалы, указывали они, зачастую писались языком, непонятным для рабочих. Секции страдали от нехватки квалифицированных пропагандистов и докладчиков, столичные же руководители обычно ограничивались кратковременными, от поезда до поезда, визитами, о которых становилось известно в последний момент, так что не оставалось даже времени для того, чтобы подготовить как следует собрание.

По важнейшему вопросу, об отношении к войне, съезд решительно осудил попытки во имя «гражданского мира» и «священного единства» навязать рабочим сотрудничество с буржуазией и призвал использовать все средства для борьбы с войной ¹³⁰.

Бросается в глаза несоответствие между тоном и характером этой резолюции и примиренческим отношением к определенным тезисам в докладе Калина, предусматривавшим налаживание того самого сотрудничества, которое столь искренне и горячо отвергли делегаты. Как видно, сильное влияние центризма преодолеть не удалось. Даже резолюция о войне оставляла лазейку для реформизма. В ней ни словом не упомянуто о единственно правильной и эффективной тактике — соединении антивоенной кампании с борьбой за революционное низвержение существующего строя. Вместо этого говорилось о развертывании движения за реформы. Энтузиазм масс, их готовность к борьбе не подкреплялись теоретической зрелостью левого крыла социал-демократии, которая недооценивала опасности оппортунизма и не дала на съезде боя его представителям.



Удача оппортунистов и центристов, скомкавших на IV съезде дискуссию по важнейшим вопросам, не могла остановить процесса размежевания сил. Столкновения становились все острее.

^{128a} «Lupta», 6, 20.I 1916.

¹²⁹ «Lupta zilnică», 28.X 1915.

¹³⁰ «Lupta zilnică», 30.X 1915.

Вылазки ренегатов на митингах, собраниях и в печати наталкивались на решительный отпор. Под видом борьбы с «русской опасностью» они вздумали было пропагандировать пасквилянтские писания румынских германофилов из буржуазно-помещичьей среды. Под их влиянием «Лупта зилникэ» с похвальными комментариями напечатала выдержки из брошюры «Европа, Россия и Румыния», принадлежавшей перу покойного премьер-министра Д. А. Стурдзы. Газета пропагандировала псевдонаучную книжку Р. Росетти «Ни в коем случае не с Россией», в которой охаивались дружеские связи России и Румынии и бросалась тень на помощь, оказанную русским народом румынскому в процессе создания национального румынского государства¹³¹. На некоторых собраниях распространялась книжонка А. Фрунзе «Великая Румыния», автор которой в безудержном холопстве перед немецкой военщиной дошел до того, что объявил фельд-маршала Гинденбурга «земным богом»¹³².

Негодование охватило рабочих, когда им стало известно об этом факте. В «Лупте зилникэ» появились письма протеста.

Прогерманские элементы в рядах буржуазии и помещиков, потеряв надежду на открытое выступление в поддержку центральных держав, заняли «оборонительные позиции» и стали проповедовать сохранение нейтралитета. Они решили воспользоваться в своих интересах оппортунизмом в рядах социал-демократии. На IV съезде партии выяснилось, что связанные с А. Маргиломаном лица предлагали газете «Лупта зилникэ» содействие в получении бумаги и услуги телеграфного агентства. Адвокат Кортяну сулил 10 тыс. лей за организацию «антивоенного» митинга. Двое ренегатов не постеснялись взять деньги прямо у сотрудников германской миссии. Съезд осудил их беспринципность, и они понесли дисциплинарное наказание¹³³.

В 1916 г. крайне правая, прогермански настроенная группировка оппортунистов, не встречая отклика в рабочей среде, фактически самоизолировалась.

В противовес ей крепло и зрело революционное пролетарское крыло в румынской социал-демократии. Оно жадно искало новые методы и формы борьбы и вело поиски в правильном направлении. Большую пользу принесла публикация документов конференций в Циммервальде и Кинтале¹³⁴.

Правда, посланный в Циммервальд Раковский остался верен своим центристским принципам. Он призывал подлечить пораженный оппортунизмом II Интернационал и вместе с большинством конференции отверг выдвинутый Лениным от имени левых

¹³¹ «Lupta zilnică», 24.IX, 17.X 1914; 8.X 1915. См. АВПР, ф. Отдела печати и осведомления, оп. 477, д. 383, л. 3.

¹³² «Lupta zilnică», 21.X 1915.

¹³³ «Lupta zilnică», 28.X 1915.

¹³⁴ «Lupta zilnică», 15.VIII 1915, 4, 6, 7.V 1916.

проект манифеста, содержащий конкретную программу действий для свержения капиталистических правительств^{134а}. В принятом в Циммервальде документе была, по словам Ленина, «обидная недоговоренность, какая-то робость, боязнь сказать всю правду»^{134б}. Вопрос о борьбе с оппортунизмом даже не ставился открыто. Но сам факт совместного выступления социалистов разных стран против войны, разоблачение ими ее империалистического характера, признание несостоятельности верхушки II Интернационала, подчеркивание связи между борьбой за мир и социализм означали многое. Громадное значение имело появление в румынской печати некоторых выступлений В. И. Ленина¹³⁵. Чувство глубокого восхищения вызывало у румынских пролетариев мужественное поведение Карла Либкнехта в германском рейхстаге.

Медленно, но неуклонно изживалась вредная идея о подготовке революции лишь после мирового конфликта. 6 декабря 1915 г. на собрании в бухарестском цирке Сидоли посланец рабочих Турну-Северина Г. Лукрециу заявил под аплодисменты присутствующих: «Сегодня мы должны выступить за войну, но не войну с венгерским, болгарским или русским народом, а, напротив, побратавшись с ними, мы должны объявить священную войну международного пролетариата классу капиталистов всюду и везде»¹³⁶. Еще более решительные высказывания раздавались на митинге в Турну-Северине в начале июля 1916 г. Один из ораторов заявил: «Змее надо отрубить голову, а голова — в Бухаресте», и призвал начать «настоящую гражданскую войну»¹³⁷.

В местных организациях социал-демократической партии прошли дискуссии, показавшие, насколько окрепло и закалилось левое, революционное крыло в них. Алеку КонстантINESКУ подверг критике резолюцию Циммервальдской конференции за то, что они не указывали «практических средств» борьбы против них, правильно нащупав слабое место принятых в Циммервальде решений¹³⁸, и призывал к неподчинению законам и к вооруженному восстанию. Выступая перед столичными социалистами, он зачитал написанное Лениным и Розой Люксембург дополнение к резолюции Штутгартского конгресса (1907 г.) II Интернационала о войне, в котором говорилось об использовании порожденного войной кризиса для того, чтобы низвергнуть капи-

^{134а} Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия 1914—1917. М., 1968, стр. 222, 223, 235, 240.

^{134б} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 39.

¹³⁵ В «Lupta zilnică», 13.II 1916 была помещена речь В. И. Ленина на интернациональном митинге в Берне 8.II 1916 г.

¹³⁶ «Lupta zilnică», 8.XII 1915.

¹³⁷ «Lupta zilnică», 10.VI 1916.

¹³⁸ См. статью В. И. Ленина «Первый шаг». — Полн. собр. соч., т. 27, стр. 37—42.

тализм. Обращаясь к своим оппонентам, Константинеску вопрошал: «Чем иным, как не восстанием можно сокрушить капитализм?»¹³⁹

Если учесть, что обсуждение тактики социал-демократов происходило во время идеологической вылазки ясских шовинистов, развернувших кампанию за то, чтобы примкнуть, в случае войны, к Германии, станет понятным накал обстановки. Революционный пафос призывов Константинеску находил путь к сердцам социалистов. Его поддержала почти половина крупнейшей в стране бухарестской организации.

Столичные социалисты заклеили ренегатов и потребовали исключить из партии редакторов журнала «Конворбирь литературы». Их поддержали секции в Брэиле, Плоешти, Турну-Северине, Крайове, Ботошани. Исполкому пришлось дать разъяснения. Он осудил оппортунистов, но во имя «свободы взглядов» в теоретических спорах не стал применять каких-либо санкций^{139а}. Так, жизненно важный для партии вопрос был низведен до уровня дискуссионного, а боязнь раскола возобладала над требованиями идейной чистоты.

Но нельзя пройти мимо слабых мест в позиции левого крыла румынской социал-демократии. Константинеску и его товарищи не видели еще ясно средств осуществления революции, путались и совершали анархо-синдикалистские ошибки. Константинеску взял на вооружение глубоко ошибочный и вредный тезис об отказе от военной службы. Клеймя милитаризм, призывая к революции, он не заметил, что совершить ее без оружия в создавшихся условиях было невозможно. Получался заколдованный круг, из которого левые не сумели выбраться. «В числе революционных действий,— указывал В. И. Ленин,— должны быть демонстрации и массовые стачки, но никоим образом не отказ от военной службы. Напротив, не отказ брать оружие, а только обращение оружия против *своей* буржуазии может отвечать задачам пролетариата...»¹⁴⁰

В отсталой Румынии, стране с сильнейшими пережитками феодализма, оставался непочатый край нерешенных задач буржуазно-демократического характера. Борьба за них могла сослужить роль рычага для того, чтобы повернуть широкие народные массы к революции. Левые позволили ухватиться за этот рычаг центристам. По-человечески можно понять ненависть, которую внушала революционерам пародия на народное предста-

¹³⁹ T. Georgescu, V. Liveanu. *Ideile Leninismului — fără călăuzitor în lupta pentru crearea partidului comunist din România.*— «Studii și articole de istorie», IV. Buc., 1962, p. 291.

^{139а} Al. Nicolau. *Le mouvement ouvrier de Roumanie pendant la guerre mondiale.*— ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, д. 301, лл. 37—39.

¹⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 198.

вительство, именовавшееся в Румынии парламентом. Но это никак не оправдывало недооценки политической борьбы, и в первую очередь борьбы за всеобщее избирательное право. Это ослабляло силы революционеров, отшатывало от них определенную часть рабочего класса, способствовало тому, что на авансцене борьбы с оппортунизмом оказались центристы, которые, выступая против открытых социал-патриотов, в то же время вольно или невольно старались столкнуть рабочее движение с революционной дороги на реформистскую тропу.

В Румынии подобную роль сыграл Раковский, выступивший против ясской группировки. В его речах и статьях звучали призывы свернуть голову «военной гидре» и объявить «войну войне»¹⁴¹. Но не подкрепленные верой в революционную зрелость пролетариата, они превращались в декларации, а признание законности идеи «защиты отечества» явилось, по словам В. И. Ленина, проявлением того зла, которое сводилось «к замене революционного марксизма **эклехтизмом** в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике»¹⁴².

В одной из последних перед вступлением Румынии в войну речей, произнесенной в Турну-Северине 17 июля 1916 г., Раковский «с горечью» констатировал, что до революции еще далеко. Социалисты составляют «подлинно революционную партию», продолжал он. «Но мы — не партия восстаний, мятежей, несознательных движений, которые мгновенно приходят и исчезают, оставляя за собой разрушения. Мы не держим в своих руках молнии восстаний, не приносим бедствий и горя, не увеличиваем хаос. Социализм вовсе не символизирует анархию»¹⁴³. Надо воспользоваться всеобщим недовольством, чтобы продвинуть вперед дело демократизации Румынии и в первую очередь завоевать всеобщее избирательное право.

Это говорилось за год до Октября!



В конце 1915 г. началась новая широкая кампания против войны и за реформы¹⁴⁴ — наделение крестьян землей, всеобщее избирательное право, пропорциональное налогообложение. В один лишь день 29 ноября состоялись многоярусные собрания в Брэиле, Галаце, Бакау, Питешти, Ботошани, Турну-Северине,

¹⁴¹ «Viitorul social», 1916, № 1, p. 18; № 2, p. 78; № 3, p. 128; «Lupta», 22.VII 1916

¹⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 324.

¹⁴³ «Lupta», 22.VII 1916.

¹⁴⁴ Решение об этом было принято на IV съезде партии. Исполком указал на малую численность партии (827 человек) при 200-тысячном индустриальном пролетариате. Чтобы исправить это положение, он предлагал усилить агитацию за реформы: «Прежде всего попытаемся заинтересовать народные массы в завоевании реформ» («Lupta zilnică», 28.X 1915).

Крайове, Туркоае, в различных районах Бухареста¹⁴⁵. Их участники выразили требования, волновавшие рабочих.

Вст, например, программа, выдвинутая на митинге в Бухаресте 6 декабря: установление максимума на все важнейшие потребительские товары; покупка или реквизиция их государством и коммунами у частных лиц; регулирование экспорта с тем, чтобы воспрепятствовать спекуляции; скупка по установленным ценам части урожая, нужной для внутреннего потребления; продолжение общественных работ, прерванных войной; организация комиссии социального обеспечения, наделенной обширными правами для нормализации работы промышленности и удешевления жизни, со включением в нее видных профсоюзных деятелей¹⁴⁶.

Движения против войны, лишений и бесправия тесно переплетались. Манифестации, собрания и митинги развернулись особенно широко в нефтепромышленном районе долины Прахова. В ее центре, г. Плоешти, озлобленное, голодающее население в начале марта 1916 г. разгромило булочную. Перепуганные власти запретили после этого проведение в городе демонстраций. Активистов — социал-демократов хватали и сажали под арест. Заставы охранялись войсками, крестьян в город не пускали, дабы революционная «зараза» не проникла в села.

Таким же напряженным было положение в Кымпине. В город был спешно вызван батальон 7-го пехотного полка. Во время митинга 20 марта жандармы перекрыли подступы к центральным кварталам, чтобы не пришли рабочие из соседних районов и с нефтепромыслов компании «Астра ромына» в Пояне¹⁴⁷. Антиправительственные демонстрации состоялись в марте в Брэиле, Боташанах и Фокшанах. В Галаце движение переросло в стачку, охватившую значительную часть предприятий¹⁴⁸. Первомайский праздник впервые был отмечен в Румынии в рабочий а не воскресный день. В мае же состоялась забастовка на металлообрабатывающем заводе Каца в Бухаресте, где работало много женщин и детей¹⁴⁹. В июне ученики крупнейшего нефтеперерабатывающего завода «Кредит петролифер» в Плоешти потребовали повышения зарплаты и уважения человеческого достоинства¹⁵⁰. Их поддержали все рабочие, и стачка была выиграна. В следующем месяце бастовал (успешно) персонал трамвая в Бухаресте и Галаце¹⁵¹, пекари в Плоешти (их заменили солдатами) и ткачи в Бакэу¹⁵².

¹⁴⁵ «Lupta zilnică», 2, 3, 4, 6.XII 1915.

¹⁴⁶ «Lupta zilnică», 4.XII 1915.

¹⁴⁷ «Lupta zilnică», 24.III 1916.

¹⁴⁸ «Lupta zilnică», 26, 27.III 1916.

¹⁴⁹ «Lupta», 5.V, 6.VI 1916.

¹⁵⁰ «Lupta», 9.VI, 27.VII 1916.

¹⁵¹ «Lupta», 5, 16.VII 1916.

¹⁵² «Lupta», 22, 23, 24.VII 1916

Это были нужные для рабочего класса, полезные формы борьбы. Но они приводили, в лучшем случае, к частичным улучшениям. Определенную пользу могла принести и провозглашенная руководством социал-демократической партии и профсоюзов кампания за воскресный отдых. Однако все это при условии, чтобы борьба за реформы сочеталась с целенаправленным курсом на развертывание революции, мобилизовывала, а не усыпляла массы, а этого не было, хотя борьба и достигала высокого накала.

В июне 1916 г. в Бухаресте, Плоешти, Брэиле и Галаце вспыхнули забастовки протеста против войны и голода ¹⁵³.

12 июня у здания примарии в Плоешти собралось несколько тысяч человек, требуя привоза продовольствия и снижения цен ¹⁵⁴. Присутствовавшие крестьяне окрестных деревень кричали: «У нас дети умирают от голода!» Вызванные на площадь солдаты явно сочувствовали демонстрантам. Некоторые говорили: «Идите вперед, наши пули — не для вас» ¹⁵⁵.

Но особой остроты достигли события в Галаце. Требования рабочих об улучшении снабжения продовольствием наталкивались на отказ властей.

12 июня почти две тысячи жителей Галаца собрались у здания союза транспортников и организовали шествие под лозунгами: «Долой войну!», «Откройте фабрики!», «Требуем удешевления жизни!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!». Перед отелем «Сплендид» демонстрантов встретил кордон полиции, на помощь которой вскоре прибыла рота солдат. Рабочие отступили.

Вечером состоялось собрание, решившее объявить на следующий день стачку и провести новую демонстрацию. Делегация из Брэилы завершила, что рабочие этого крупнейшего порта будут бороться бок о бок с галачанами.

Власти, явно провоцируя рабочих, наложили запрет на демонстрацию. Но это не остановило рабочих. С утра 13 июня у дома Союза транспортников собралось до 5 тыс. человек. С пением революционных песен шествие двинулось по Портовой улице. У резиденции речного пароходства их встретили полиция и две роты солдат со штыками наперевес. Делегация демонстрантов хотела вступить с ними в переговоры и потребовала, чтобы на место явились представители гражданских властей. Но командовавший первой ротой офицер не стал с ними разговаривать. Выхватив пистолет, он выстрелил в стоявших впереди Спиридона Врышчану и Паскаля Захарию. Оба они упали, обливаясь кровью. Солдаты открыли огонь, толпа бросилась врассыпную. Прозвучал рожок горниста, и на охваченных ужасом

¹⁵³ «Lupta», 14.VI 1916.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Ibidem.

безоружных людей напала кавалерия, находившаяся на соседней улице ¹⁵⁶.

10 убитых, 50 раненых — таковы были итоги деятельности галацких палачей, решивших «проучить» революционеров и показать «пример» в наведении «порядка». Но запугать им никого не удалось. Власти сами перепугались содеянного преступления. Трупы жертв расстрела были захоронены тайком ночью.

Правительство попыталось свести события, потрясшие и возмутившие страну, к «локальному инциденту», вызванному «подстрекательством» «бессовестных агитаторов», которым удалось совратить «небольшую часть рабочего населения». Именно в таких тонах писал официоз либеральной партии «Вииторул» ¹⁵⁷ Вразрез с этой неуклюжей ложью шли действия самого правительства, поспешившего убрать префекта уезда и перевести на другое место генерального прокурора. Семьям погибших выдали нищенское пособие.

Эта жалкая «благотворительность» была с возмущением встречена рабочими. Министерство внутренних дел получало десятки телеграмм с требованием наказать виновников преступления. По призыву исполкома социал-демократической партии и генеральной комиссии профсоюзов трудовая Румыния вышла 16 июня на демонстрации протеста. «Кровь, пролитая рабочими, требует отмщения!», «Долой правительство убийц!» — гласили надписи на транспарантах. Движение охватило столицу, Плоешти, Брэилу, Турну-Северин, Бузэу, Роман, Фокшани, Ботошани и другие города ¹⁵⁸.

В Бухаресте перепуганные власти в предвидении демонстрации поставили под ружье весь гарнизон, вызвали подкрепления из окрестностей. Больше всего они опасались, что забастовка парализует железнодорожную сеть. Поэтому в кварталы Гривицы, где располагались центральные железнодорожные мастерские, были введены войска. Рабочим «Арсенала» пригрозили увольнением за участие в стачке. На крупнейшие предприятия, занимавшиеся выпуском военной продукции, заводы «Вулкан», «Вольф», «Кац», явились офицеры, угрожавшие рабочим мобилизацией, если те осмелятся выйти на улицу. На государственной спичечной фабрике накануне готовящихся событий никого не отпустили домой на ночь. Крестьяне, явившиеся рано утром 16 июня для того, чтобы принять участие в шествии протеста, были остановлены у застав ¹⁵⁹.

¹⁵⁶ M. Gh. Bujor. Amintiri privind aniversarea a 40 de ani de la lupta eroică pentru pace a muncitorilor galațeni.— «Analele», 1956, № 4; G. Tudoran. 13 iunie 1916, Buc., 1966.

¹⁵⁷ «Viitorul», 16.VI 1916.

¹⁵⁸ «Lupta», 16, 17.VI 1916.

¹⁵⁹ «Lupta», 17.VI 1916.

Однако даже с помощью таких чрезвычайных мер не удалось сорвать стачку 20 тыс. столичных пролетариев.

С утра массы демонстрантов направились с окраин, из Гривицы, Обора, Табаку, к центру города. Крупнейший зал «Дачиа» не смог вместить всех, пожелавших присутствовать на митинге. «В зале, кулуарах, на сцене, во дворе, на улицах вокруг клокотала толла»¹⁶⁰. Собрание единодушно приняло резолюцию, заканчивавшуюся словами: «Требуем хлеба и свободы для румынского народа! Да здравствует мир! Долой войну!»

Затем рабочие с красными знаменами, увитыми траурными лентами, прошли по городу. Устроить побоище, подобное галацкому, власти не решились.

В самом Галаце собрания протеста происходили почти ежедневно. В понедельник 20 июня 15-тысячная процессия с транспарантами с надписями: «Долой войну!», «Долой убийц!», «В тюрьму палачей!» последовала на кладбище¹⁶¹ и возложила венки на могилы погибших.

Движение протеста охватило Брэилу, Ботошани, Роман, Фокшани, Яссы, Турну-Северин, Питешти, Пьятра-Нямц, Тулчу, Бузэу. Собрания состоялись в некоторых селах, например, в Стэнешти (уезд Влашка)¹⁶². В Крайове во время демонстрации были выведены на улицу войска, причем некоторые солдаты говорили манифестантам, что не будут в них стрелять¹⁶³.

Подъем рабочего движения подстегнул румынскую олигархию в ее лихорадочной подготовке к войне. В этом видела она выход из назревавшего в стране кризиса. 17 июля в газете «Адевэрул» появилась статья под красноречивым заголовком «Или война, или революция». Если мы не вступим в войну, писал ее автор, «наверняка произойдет революция, революция в селах и городах». Армия мобилизована и уже два месяца находится под ружьем; семьи призванных бьются в нищете. «Лучший подстрекатель — это голод, нехватки, недовольство... Единственная альтернатива, единственно возможный выход — война»¹⁶⁴.

14 августа 1916 г. румынское правительство вовлекло свою страну в войну. До последнего момента рабочий класс боролся против нее. Очередное собрание уже не могло состояться. Большинство рабочих было призвано в армию, а социал-демократическая партия лишена какой-либо возможности проводить легальную деятельность. Начинался новый, еще более трудный этап жизни румынских социалистов в условиях подполья и неприятельского нашествия.

¹⁶⁰ «Lupta», 17.VI 1916.

¹⁶¹ «Lupta», 21.VI 1916.

¹⁶² «Lupta», 22, 23, 24, 26.VI 1916.

¹⁶³ «Lupta», 24.VI 1916.

¹⁶⁴ «Adevărul», 17.VII 1916.

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ
ТОРГ
ИОНЕЛА БРЭТИАНУ
С АНТАНТОЙ**

**Русско-румынская конвенция
(18 сентября — 1 октября 1914 г.)**

Стратегическое положение Румынии, ее природные и людские ресурсы превращали ее в лакомый кусок для обеих воюющих группировок.

Еще накануне войны начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф приравнивал строгий нейтралитет Румынии к потере 20 дивизий, или 400 тыс. бойцов, а ее переход на сторону Антанты означал, по его мнению, ослабление австро-германской группировки на 40 дивизий, или 800 тыс. человек. «Тяжелая задача наших главных сил,— писал он,— могла быть выполнена с надеждой на успех постольку, поскольку можно было рассчитывать на помощь румынской армии»¹.

Удержание Румынии в Тройственном союзе дало бы германскому милитаризму то звено, которого недоставало в разрозненной цепи участников возглавляемой им коалиции. Даже благожелательный нейтралитет румынской олигархии сулил многое: снабжение зерном и нефтью, бесперебойную связь с Турцией и Болгарией, отправку в эти две страны военной техники. Это в свою очередь превращало захват Босфора и Дарданелл силами Антанты в трудно разрешимую проблему и обрекало Россию на почти полную изоляцию от союзников.

Антанта стремилась получить в свое распоряжение несколько сот тысяч румынских штыков и вбить клин между различными державами, входившими во враждебную группировку.

Не удивительно, что Румынию обхаживали с двух сторон. Создалась необычайно благоприятная обстановка для осуществления давно вынашиваемых планов территориального расширения.

Ободренное решением коронного совета, царское правитель-

¹ Цит. по: Н. П. Полетика. Возникновение мировой войны. М.— Л., 1935, стр. 167.

ство предложило румынской олигархии выступить против Габсбургской монархии, в обмен на что обязалось не прекращать войны до тех пор, пока области Австро-Венгрии с румынским населением не будут присоединены к Румынии².

Но Брэтиану, разведав, что ему готовы дать за участие в войне, не проявил никакого желания вступить в нее. Он просил не настаивать на немедленном ответе и принялся осторожно наводить справки: нельзя ли получить обещанное за нейтралитет³. Однако русское правительство воздержалось от выдачи столь крупных векселей и предложило посланнику, не порывая переговоров, не спешить с обязательствами «в обмен на голословные обещания»⁴.

В сентябре счастье, казалось, улыбнулось С. Д. Сазонову: разгромленная австрийская армия откатывалась. Русские войска, заняв Галицию, вступили в Буковину. Возможные приобретения уплывали у румынских правителей, можно сказать, из-под носа. В Бухаресте начались шумные манифестации антантофилов под лозунгом борьбы за Трансильванию.

Этот-то момент и выбрал Сазонов для того, чтобы втянуть Румынию в войну. 3 сентября он предложил Брэтиану занять «без промедления Южную Буковину и Трансильванию»⁵, на что будто бы не требовалось почти никаких усилий.

Однако военное положение в течение всей войны подводило русскую дипломатию, почти не оставляя поля для маневра. Искушение Южной Буковиной могло иметь шансы на успех лишь в одном случае — победоносного и безостановочного продвижения русской армии. А этого как раз и не было. Напротив, вскоре пришла весть о разгроме русских сил в Восточной Пруссии⁶. Румынский премьер, как правильно указывает проф. Нотович, сазоновского «дара» не принял и, чтобы заткнуть рот антантофильской оппозиции, «усилил» переговоры с Россией⁷.

Результатом этих переговоров явилось подписание русско-румынской конвенции от 18 сентября (1 октября) 1914 г. Содержание ее сводилось к следующему: Россия обязалась противодействовать всякой попытке нарушить территориальный статус-кво Румынии и признавала за последней «право присоединить

² Международные отношения эпохи империализма (далее — МОЭИ), сер. III, т. VI, ч. 1, № 22.
МОЭИ, т. VI, ч. 1, № 209, 289.

⁴ Там же, № 210.

Подробный обзор этой стадии русско-румынских переговоров см. Ф. И. Нотович. Дипломатическая борьба... М.—Л., 1946, стр. 261—263.

⁵ Т. е. области, большинство населения которых составляли румыны. Предложение Сазонова см. МОЭИ, т. VI, ч. 1, № 263.

⁶ Сазонов сообщил 12 сентября в ставку, что, делая свои предложения Брэтиану, он не знал о последних событиях на фронте (МОЭИ, сер. III, т. VI, ч. 1, стр. 284).

Ф. И. Нотович. Указ. соч., стр. 265.

населенные румынами области Австро-Венгерской монархии»⁸. Конвенция разъясняла, что «Румыния может занять означенные выше территории в момент, который она сочтет удобным». В Буковине разграничение должно было производиться по принципу этнического большинства. Наконец, Россия обещала позаботиться о привлечении к соглашению своих союзников — Англии и Франции.

Что касается румынского правительства, то оно дало обязательство сохранять благожелательный по отношению к России нейтралитет до дня занятия вышеуказанных земель.

В исторической литературе соглашение от 18 сентября (1 октября) 1914 г. обычно расценивается как договор о нейтралитете.

По утверждению румынского историка Н. Йорги, указанный «секретный трактат не обязывал Румынию ни к каким действиям»⁹.

М. Н. Покровский полагал, что Румыния получала Трансильванию за один лишь «благожелательный нейтралитет»¹⁰. С этим согласен американец Г. Е. Торри, считающий конвенцию «блестящим успехом» Брэтиану¹¹. Нотович озаглавил один из разделов своей книги о Бухарестском мире 1918 г. «Русско-румынская декларация о нейтралитете»¹². На той же позиции стоит и Б. Б. Кросс¹³.

Наконец, румынский историк В. Ливяну указывает, что соглашение 18. IX (1. X) 1914 г. открывало перед Брэтиану перспективу осуществления национальных стремлений без войны: «Если бы румынское правительство было воодушевлено национальным идеалом, если бы ему была чужда жажда аннексий, его действия должны были бы свестись к соблюдению и осуществлению конвенции от 1 октября 1914 г., которая открывала перспективу объединения с румынскими территориями Австро-Венгрии без участия в войне»¹⁴, — пишет В. Ливяну. Но румынское правительство, продолжает он, «предпочло продолжать переговоры с целью вступления Румынии в войну». Риск, связанный с этим, оно готово было принять при условии «дополнительных»

⁸ Нота С. Д. Сазопова от 18. IX (1. X) 1914. — МОЭИ, т. VI, ч. 1, № 340.

⁹ N. Iorga. Istoria românilor, v. X. Buc., 1939, p. 348.

¹⁰ См. «Царская Россия в мировой войне», т. 1. Л., 1925, стр. XVI.

G. E. Torrey. The Rumanian-Italian Agreement of 23 sept. 1914. — «The Slavonic East European Review», July 1966, y. 410.

¹² Ф. И. Нотович. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959, стр. 52. Надо подчеркнуть, что Ф. И. Нотович тут же делает ряд оговорок. См. стр. 63, 69.

¹³ См. Б. Б. Кросс. Русско-румынские дипломатические отношения в период июльского кризиса 1914 г. — «Шуйский гос. пед. ин-т. Ученые записки», вып. IX. Шуя, 1960, стр. 152.

¹⁴ V. Liveanu. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. Buc., 1960, p. 90—91.

территориальных компенсаций, в обмен на захват территорий, населенных румынами¹⁵.

Нам кажется, что точка зрения на конвенцию, как на договор о нейтралитете, нуждается в поправке. Правильно то, что жадность румынской олигархии не знала предела и она стремилась к захвату сербских, болгарских, венгерских, украинских земель. Но представлять дело таким образом, будто русский империализм готов был в обмен на нейтралитет согласиться на воссоединение румынских земель, нам представляется неверным.

Обратимся к тексту самой конвенции.

В ней говорилось о праве занять населенные румынами земли, которые отнюдь не являлись «ничейной» территорией. В Трансильвании стояла многотысячная австро-венгерская армия; ее надо было изгнать, а это требовало немалых военных усилий.

Кто должен был осуществить это? Русская армия? Но ведь в соглашении ни слова не говорилось о том, что Россия обязуется завоевать и передать Румынии означенные территории. Сазонов совершенно недвусмысленно объяснял С. А. Поклевскому, что признает «право на присоединение Трансильвании» лишь в том случае, «если это не требует от союзниц особых военных действий для овладения этой областью»¹⁶. Уже после заключения конвенции русский министр иностранных дел просил кабинеты Парижа и Лондона не отказать в согласии «допустить Румынию овладеть самой, без нашей помощи, Трансильванией и Южной Буковиной»¹⁷.

Таким образом, версия о занятии Трансильвании русскими силами с последующей передачей Румынии отпадает.

Возможна вторая трактовка соглашения: австрийцы, основные силы которых были поглощены боями с русскими войсками, могли махнуть рукой на Трансильванию и другие румынские территории и оставить их без боя. Именно такого оборота событий опасалось русское командование¹⁸. Оно полагало, что румынское выступление имеет ценность лишь в том случае, если оттянет на себя часть неприятельских сил. Однако если бы ставке удалось ознакомиться с перепиской графа Оттокара Чернина, австрийского посланника в Бухаресте, ее страхи тотчас бы рассеялись. Из переписки явствовало, что венгерская реакция во главе с премьер-министром Тиссой была преисполнена решимости «стрелять по каждому», кто осмелился бы по-

V. Liveancu. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. Buc., 1960, p. 81.

¹⁶ МОЭИ, т. VI, ч. 1, № 291.

¹⁷ Там же, стр. 361. прим. 1. И впоследствии Сазонов подчеркивал, что конвенция не предусматривала военного содействия России (МОЭИ, т. VII, № 672).

¹⁸ Письмо Н. Кудашева (директора дипломатической канцелярии при ставке) С. Д. Сазонову, 6.I 1915.— «Красный архив», т. 26, стр. 40.

снять хотя бы на клочок Трансильвании¹⁹. Вероятность беспрепятственного или малой кровью завладения румынскими областями Австро-Венгрии поэтому исключалась.

Оставалось одно: занятие Трансильвании румынскими войсками в ходе войны. На наш взгляд, это была единственная альтернатива, встававшая перед румынским правительством в свете конвенции. «Право на вознаграждение,— указывал Сазонов за неделю до ее заключения,— будет признано лишь за теми, кто участвовал в общем деле»²⁰.

И все же открывавшаяся перед румынскими правителями возможность занять Трансильванию не в заранее обусловленный срок, а в «удобный» для них момент давала им крупные преимущества.

Существовало, правда, еще одно обстоятельство, снижавшее ценность данных русским правительством обещаний. Совершив в 1913 г. вероломное нападение на Болгарию, захватив Южную Добруджу, установив там фактически режим осадного положения²¹, румынская олигархия чувствовала себя во вновь присоединенной области, как на вулкане. Планируя поход на север, в Трансильванию, она больше всего на свете опасалась за Южную Добруджу и границу по Дунаю.

Поэтому в Бухаресте придавали большое значение пункту о гарантии территориальной неприкосновенности Румынии. Обе договаривающиеся стороны прекрасно понимали, что в данном случае речь идет о «болгарской опасности», об обеспечении Румынии от болгарского нападения с юга в случае вступления в Трансильванию.

Но тут-то и обнаружилось, что Петроград очень осторожен. Сазонов составил дополнительную ноту, в которой разъяснил, что он подразумевает только «меры дипломатического воздействия, а не военное выступление»²². Таким образом, в весьма вероятном случае болгарской атаки с юга российская дипломатия ограничилась бы увещеваниями, предоставив румынской олигархии самой расхлебывать заваренную еще в 1913 г. кашу.

Не удивительно, что румынский посланник в Петрограде Динаманди отказался признать выдвинутое Сазоновым толкование как дополнение к конвенции. Последнему пришлось ограни-

¹⁹ О. Чернин. В дни мировой войны. Пг., 1923, стр. 118--119.

²⁰ МОЭИ, т. VI, ч. 1, № 291.

См. донесение С. А. Поклевского об организации государственной власти в Южной Добрудже (АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 699 лл. 17—80); донесение австрийского консула в Констанце Хелфа — О. Чернину (Отдел рукописных фондов (ОРФ) Ин-та истории, ЭР VII, оп. 1, д. 1, ед. хр. 39, стр. 214).

²² Проект добавления к ноте Сазонова.— МОЭИ, сер. III, т. VI, ч. 1, № 341.

читься тем, что он, через Поклевского, довел до сведения румынского премьера свою точку зрения²³.

Брэтиану понимал, что большего от России он пока не добьется; однако он выразил надежду, что противодействие посягательствам на территориальную целостность Румынии будет дипломатическим лишь до ее вступления в войну²⁴. Таким образом, сам румынский премьер отдавал себе отчет в том, что конвенция вовсе не предоставляла населенные румынами территории Австро-Венгрии в обмен на нейтралитет возглавляемого им правительства.

Наконец, надо остановиться еще на одном обстоятельстве. В предложенном Сазоновым добавлении к соглашению содержалась русская интерпретация понятия доброжелательного нейтралитета Румынии. Последняя должна была прекратить пропуск через свою территорию боеприпасов и военных материалов, а также военного персонала не только для противников Антанты, но и для стран, отношение которых к настоящему конфликту еще не выяснилось. Конкретно речь шла о Турции и Болгарии.

Принятие русского предложения неминуемо положило бы конец всем влияниям румынской олигархии. Германо-австрийский блок не мог оставить турецкую армию, лишенную подвоза оружия, на растерзание Антанте и, более чем вероятно, предпочел бы проложить огнем и мечом путь через Румынию к своему союзнику. Принятие этого добавления было бы почти равнозначно присоединению к военному лагерю Тройственного соглашения.

Не удивительно, что Брэтиану и Диаманди отвергли его. Последовала серия бурных объяснений румынского посланника с С. Д. Сазоновым и руководителем канцелярии министерства бароном М. Ф. Шиллингом. Дело едва не дошло до разрыва. Шиллинг заметил даже, что если русско-румынское сближение столь непрочное, что грозит развалиться от дуновения ветерка, «то оно не может иметь в наших глазах никакой цены»²⁵. Брэтиану отказался дать какое-либо обязательство в отношении провоза военного снаряжения в Турцию и Болгарию. Премьер обещал лишь всячески «стеснять» его и пропускать главным образом обмундирование и второстепенные материалы²⁶. Он мотивировал это нежеланием «слишком рано» обнаруживать «переход румын на сторону России» и желанием получить заказанные в державах центра военные материалы. Позволительно предполо-

²³ Поденная запись МИД от 20.IX 1914 г. 25 сентября С. Д. Сазонов писал С. А. Поклевскому: «Считаю нежелательным подавать Румынии надежду на возможность вооруженной помощи Румынии против Болгарии» (МОЭИ, т. VI, ч. 1, № 353, 371).

²⁴ Там же, № 366.

²⁵ МОЭИ, т. VI, ч. 1, № 353.

²⁶ Там же, № 366.

жить, однако, что на самом деле отказ Брэтиану объяснялся стремлением румынских правителей продолжать и дальше политику выжидания и лавирования между двумя лагерями.

Таким образом, переговоры, предшествовавшие заключению конвенции от 18 сентября (1 октября) 1914 г., вскрыли глубокие противоречия и разногласия по всем вопросам.

Почему же она была все же подписана?

Потому, что фиксировала определенный модус вивенди в отношениях между двумя государствами, имевший известные выгоды для обеих сторон.

Русское правительство убедилось, что втянуть Румынию в войну в данный момент не удастся. Положение на Юго-Западном фронте было устойчивым, если не сказать благоприятным, для Антанты. Командование считало, что можно обойтись и без помощи румынской армии.

Конвенция позволяла надеяться, что Румыния не переместится на сторону центра, хотя ни русское правительство, ни ставка не строили себе иллюзий на этот счет: все зависело от положения на фронтах.

Соглашение несколько укрепляло связи с Сербией, отрезанной от своих союзников огненным кольцом фронтов. Наконец, опираясь на него, можно было стеснить снабжение оружием враждебной Турции и вышедшей из доверия царизма Болгарии.

Румынской стороне оно сулило значительные выгоды, ибо давало определенную гарантию объединения с австро-венгерскими землями, населенными румынами, причем предоставляло бухарестскому правительству возможность вступить в войну при наиболее благоприятных с его точки зрения обстоятельствах. Оно позволяло Брэтиану продолжать и дальше политику лавирования. Румынский премьер прилагал все усилия, чтобы точное содержание документа не дошло до сведения общественности, парламента, особенно оппозиции, и дипломатии держав центра. На то были свои веские основания. Брэтиану желал, чтобы сведения о соглашении проникали в печать лишь в его интерпретации, представлявшей конвенцию как договор о нейтралитете. Такое толкование открывало перед румынским премьером широкую возможность маневрирования как внутри страны, так и за границей. Оно позволяло ему выставить себя в качестве государственного деятеля несравненной мудрости, сумевшего добиться тонкими дипломатическими маневрами тех результатов, ради которых лидеры антантофильской оппозиции готовы были пролить реки румынской крови²⁷

Именно поэтому соглашение тщательно охранялось даже от лиц, которым по официальному положению полагалось знать его

²⁷ Записка Б. Арсеньева от 24.XI 1914.— АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 701, ч. 1, л. 20.

содержание. По предложению Брэтиану русско-румынская договоренность была оформлена простым обменом нот, что давало возможность обойтись без королевской подписи²⁸.

Анализ соглашения был бы неполным, если бы мы не указали еще на одно обстоятельство: Россия в соответствии с буквой конвенции обратилась к Англии и Франции с просьбой присоединиться к ней. Первая же разведка в этом отношении встретила более чем холодный прием²⁹. Кэ д'Орсе и Даунинг-стрит болезненно относились к проволочкам Брэтиану³⁰. Позднее французская дипломатия устами своего посланника в Бухаресте Блонделя сообщила, что Румыния в обмен на нейтралитет не получит ничего, и ни одно слово в конвенции не обязывает в этом отношении Россию, не говоря уже о прочих союзниках. Насчет «подходящего момента» для румынского выступления французский министр иностранных дел Делькассе писал: «...Здравый смысл и справедливость не допускают, чтобы румынское правительство этим подходящим моментом сочло момент, который ознаменует конец войны. Раздел приобретений предполагает общность усилий для их достижения».

Заявление заканчивалось следующими словами: «Разочарование, которое последовало бы за слишком продолжительным ожиданием, не позволило бы правительству республики в соответствующий момент ни примкнуть к соглашению от 1 октября 1914 г., ни даже дать свое согласие на его осуществление»³¹. Чтобы у румынского правительства не оставалось ни малейших сомнений, французский кабинет инспирировал в газете «Тан» заметку, в которой, между прочим, говорилось: «Никто в Румынии не предполагал, что за нейтралитет бухарестское правительство может занять Трансильванию, не применив для этого военной силы... Конвенция была подписана исключительно Россией и Румынией и она ничуть не связывала других союзников»³².

Британский министр иностранных дел Грей со своей стороны советовал Сазонову не создавать у Брэтиану впечатления, что за нейтралитет можно получить чуть ли не столько же, сколько за участие в войне³³.

²⁸ МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 783.

²⁹ Характерно, что МИД России сообщил союзникам только содержание конвенции, а не ее полный текст (АВПР, ф. Секретный архив министра (СА), 1914 г., оп. 467, д. 533, ч. 1, л. 11). Лишь в мае 1915 г. он был передан французскому министру иностранных дел Делькассе по его просьбе (АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 535, л. 177).

³⁰ См. В. А. Емец. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916) — «Исторические записки», т. 56, 1956.

Памятная записка французского посольства от 14 мая 1915 г.— МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 16.

³² Цит. по: «Вечернее время», 20.VI 1915.

³³ Памятная записка английского посольства от 12.III 1915 г.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 535, л. 60.

Конвенция не имела поэтому реальных последствий. Но, сделав дружественный жест в сторону держав Согласия, который можно было рассматривать как заявку на вступление в их союз в будущем, Брэтиану усыпил подозрительность их сторонников в Румынии и выиграл время. Расширилась и возможность маневра перед группировкой центральных государств. Надеясь на громадные уступки, будто бы полученные за румынский нейтралитет у Антанты, премьер мог заломить непомерную цену за тот же товар у германо-австрийского блока.

Летом и осенью 1914 г Брэтиану показал незаурядные способности к перевоплощению, играя перед посланниками Антанты роль человека, искренне им сочувствующего, и сокрушаясь перед королем, представителями Германии и Австро-Венгрии и их румынскими сторонниками по поводу того, что настроения общественности мешают ему выполнить обязательства по договору 1883

Любопытные свидетельства двуличия премьера имеются в дневнике Александру Маргиломана. Начиная с конца июля Брэтиану зачастил к этому руководителю германофилов, пускаясь во время этих визитов в совершенно несвойственные ему «откровенности».

30 июля премьер, прежде чем приступить к беседе, тщательно проверил, не подслушивают ли их. Затем он с видом заговорщика против собственных коллег по кабинету, склонявшихся на сторону Антанты, изложил свои соображения. Выступление против Австро-Венгрии Брэтиану назвал вероломством, дав понять, что такой добродетельный человек, как он, не может пойти на подобный шаг. Он выразил надежду на «добрую победу» германцев³⁴.

Через несколько дней Брэтиану жаловался, что не может разговаривать откровенно с другими министрами, и досадовал на то, что немецкий блицудар что-то запаздывает³⁵.

Во время одного из следующих посещений он сделал вид, что взятие русскими войсками Львова повергло его в глубокую меланхолию, и «доверительно» сообщил своему собеседнику, что пока ничего не может предпринять в пользу Германии³⁶ Маргиломан выразил в дневнике сожаление по поводу того, что власть находится в руках столь колеблющегося человека.

Лишь 3 сентября Маргиломан впервые усомнился в искренности премьер-министра³⁷. Но тот продолжал свою тактику. После заключения конвенции от 18 сентября (1 октября) с Россией он сообщил Маргиломану, что не собирается разглашать королю этот секрет (!). Если в будущем представится возможность

³⁴ A. Marghiloman. Note politice, v. I, Buc., 1927, p. 241.

³⁵ Ibid. p. 245.

³⁶ Ibid., p. 253.

³⁷ Ibid. p. 267.

выступить «рядом с Австрией, что остается его (Брэтиану.— В. В.) сокровенным желанием», это можно будет сделать с помощью простой смены правительства³⁸.

Австро-венгерскому посланнику О. Чернину Брэтиану за три дня до подписания конвенции дал понять, что в случае решающих побед центральных держав Румыния окажется на их стороне³⁹. А еще через несколько дней он жаловался Чернину, что ему для видимости приходится «выть вместе с волками»⁴⁰ (т. е. антантофилами). Премьер жаловался, что не является больше хозяином положения и прочие министры интригуют против него⁴¹.

Опытного дипломата Чернина нельзя было сбить с толку подобными примитивными уловками и «сердечными излияниями»⁴² «Самым надежным способом успокоить Румынию явились бы благоприятные результаты на поле боя»⁴³, — писал он. А пока что «общественность» ждет решительных событий, чтобы «украстись дешевыми лаврами, такими же, как в последней балканской войне». От хода военных действий зависит — ударит ли румынская олигархия в спину или «вспомнит», что «долг чести» зовет ее в лагерь центральных государств⁴⁴. Будет ли Брэтиану совершать лично подобные курбеты или этим займется другое министерство — вопрос второстепенный.

Конец 1914 и 1915 год

Через месяц после заключения конвенции от 18 сентября (1 октября) 1914 г. союзные дипломаты вновь постучались в румынскую дверь. В связи с тяжелым положением сербской армии, сражавшейся против австрийских полчищ, посланники России, Франции и Англии снова принялись зондировать почву в Бухаресте. Русские представители при этом заявляли, что сама Россия в помощи Румынии не нуждается; но Сербия — иное дело; выступление румынской армии могло бы спасти ее от разгрома⁴⁵.

Брэтиану, по своему обыкновению, не отказался наотрез. Он даже выразил глубоко личное мнение, что его правительство не

³⁸ A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 284.

³⁹ «Cartea roşie austro-ungară. Documentele diplomatice privitoare la relaţiunile dintre Austro-Ungaria şi România în perioada dela 22 iulie 1914 pîna la 27 august 1916». Buc., 1917, № 16.

⁴⁰ Ibid., № 19.

⁴¹ О. Чернин — Л. Берхтольд, 24.X 1914.— ОРФ Института истории, ЭР VII, оп. 1, д. 1, ед. хр. 39, стр. 363.

⁴² О. Чернин — Л. Берхтольд, 30.X 1914.— Там же, стр. 375.

⁴³ О. Чернин — Л. Берхтольд, 14.XI 1914.— «Cartea roşie austro-ungară», N 24

⁴⁴ О. Чернин — Л. Берхтольд, 2.XII 1914 — Ibid., N 25.

⁴⁵ МОЭИ, VI, ч. 2, № 584, 628.

останется «безучастным» к нападению Болгарии на Сербию⁴⁶. Когда же Поклевский вкупе со своими коллегами попытался выведать, в чем же конкретно проявится «участие», результаты оказались неутешительными. Брэтиану, как выяснилось, ставил румынскую акцию в зависимости от выступления Болгарии⁴⁷ против Турции.

Посланникам Антанты было от чего прийти в замешательство — премьер перевернул саму тему переговоров.

Демарши союзной дипломатии в Софии потерпели полную неудачу. О выступлении против Турции здесь и слушать не желали, и даже за нейтралитет просили компенсаций как в Южной Добрудже, так и за счет земель, полученных Сербией и Грецией в результате двух балканских войн. Обращение же по третьему адресу, в Ниш, временную сербскую столицу, неизменно кончалось провалом. Сербское правительство отвергало уступки «нейтралам», заявляя, что армия и страна скорее погибнут, нежели пойдут на это⁴⁸. Как ни старалась союзная дипломатия стать «дамой, приятной во всех отношениях», она не могла удовлетворить все аппетиты и распутать узел противоречий между балканскими странами. В конце концов посланники перессорились друг с другом. Этот этап переговоров закончился неожиданно: сербы в декабре 1914 г. вновь взяли Белград; вопрос об их «спасении» отошел на второй план.

У русских представителей остался горький осадок от последней стадии «сотрудничества» с Брэтиану. Ржавчина недоверия, подозрений, противоречий и интриг разъедала русско-румынские отношения.

Но переговоры не прекращались. С инициативой на этот раз выступила румынская сторона. В самом конце 1914 г. русские армии добились некоторых успехов на австрийском фронте. Вновь появилась возможность «искушения Южной Буковиной». Весна предвещала активизацию военных действий, и Брэтиану хотел встретить ее дипломатически во всеоружии. В первой же беседе с Поклевским в новом, 1915 г. он заявил, что ведет деятельные военные и дипломатические приготовления для осуществления соглашений от 18 сентября (1 октября) 1914 г.⁴⁹

⁴⁶ Там же, № 611.

⁴⁷ Там же, № 515. При выполнении двух условий: войны между Болгарией и Турцией и поставки в Румынию боеприпасов Брэтиану обещал действовать решительно: «Румыния немедленно выступит против Австрии, невзирая на время года и ни на какие другие обстоятельства» (С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 30.X 1914.— АВПР, ф. СА, оп. 467, д. 533, ч. I, л. 101). Затем его «решимость» ослабела и он не соглашался действовать раньше февраля 1915 г. (А. П. Извольский — С. Д. Сазонову, 19.XI 1914.— АВПР, ф. СА, 1914, оп. 467, д. 534, ч. II, л. 14).

⁴⁸ МОЭИ, VI, ч. 2, № 481.

⁴⁹ Этот разговор еще раз показывает, что соглашение не являлось договором о нейтралитете (МОЭИ, т. VII, № 12).

Он «очень недвусмысленно» намекал, что выступит ранней весной вместе с Италией⁵⁰. Однако и на этот раз «плыл» Брэтиану быстро охладел в связи с просочившимися из Венгрии сведениями о концентрации там германских войск⁵¹. Наступила новая заминка. Сазонов объявил Диаманди, что «глубоко разочарован малодушием румынского правительства и цинизмом заявлений его главы». Имея полумиллионную армию, оно «растерялось перед возможностью нашествия сорока тысяч германцев»⁵². Поведение Брэтиану он характеризовал как неискреннее. Последний, узнав о высказываниях Сазонова, притворился, что «огорчен» и «обижен»⁵³. Но дальше этого дело не шло. «...Здесь,— доносил Поклевский,— чувствуется растерянность и даже испуг, вызванный как опасением нападения, так и вновь усиленно распускаемыми немцами и австрийцами известиями о благоприятном для них положении на всех фронтах военных действий»⁵⁴. Вскоре подоспела новость о вторичном очищении русской армией Буковины, что подействовало «весьма охлаждающим образом на настроения в румынских военных сферах»⁵⁵.

Но никакие страхи не могли обуздать аппетиты румынской олигархии. Правительство вместе с генеральным штабом и руководителями оппозиции выработало программу будущих «приобретений»⁵⁶, далеко выходящую за рамки того, что можно было обосновать заботой о воссоединении румынских земель. Брэтиану предъявил претензии на ряд территорий, населенных украинцами, венграми и сербами⁵⁷.

Завязавшиеся переговоры с Антантой можно вполне ясно и четко разделить на две части: до и после начала русских неудач на фронте. Поражение под Горлицей составляет рубеж между ними.

На первой стадии Брэтиану преследовали неудачи. Попытки действовать в Лондоне⁵⁸ в обход Петрограда не встретили отклика у Грея: русская армия сковывала больше половины сил центральных держав; пренебрегать таким союзником, вызывать его недовольство было неблагоприятно. Глава Форин оффис переадресовал поэтому румынских дипломатов к своему петроград-

⁵⁰ МОЭИ, т. VII, № 13.

⁵¹ Там же, № 83.

⁵² Там же, № 99.

⁵³ Там же, стр. 132. Прим. 3.

⁵⁴ Там же, № 102.

⁵⁵ Донесение полковника Семенова — в отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар), 7.II 1915.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 535, л. 43.

⁵⁶ Делеша С. А. Поклевского, 24.IV 1915.— Там же, л. 142.

⁵⁷ Предусматривались: «Линия Прута в Буковине, граница между Галицией и Мармарош-Сигетским комитатом, линия, идущая от Васарош-Намсини приблизительно до Сегедина, а затем линия Тиссы и Дуная» (МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 669, 672).

⁵⁸ Памятная записка английского посольства 13(26).III 1915.— АВПР, ф. СА, д. 535, ч. 1, л. 61.

скому коллеге⁵⁹. Врученная Диаманди 20 апреля 1915 г., памятная записка была встречена Сазоновым с неудовольствием. Он заметил, что выставленные в ней требования выходят далеко за рамки тех, которые оправдываются национальными интересами⁶⁰.

24 апреля Сазонов объявил Диаманди, что если Брэтиану на свои притязания будет требовать категорического ответа «да» или «нет», он рискует встретиться с отказом. Еще через пять дней русский министр иностранных дел, ознакомившись по карте с требованиями румынской стороны, охарактеризовал их как неприемлемые⁶¹. Помимо районов с преобладающим румынским населением, входящих ныне в СРР, требования Брэтиану распространялись на украинские земли в Буковине, венгерские — по реке Тиссе, сербские — на западе Баната.

Русское правительство и не подозревало тогда, что стоит на пороге трагических событий. Политическое положение Антанты рисовалось ему вполне сносным. Подходили к концу переговоры о вовлечении Италии в войну. Ставка полагала, что отпыне вопрос о Румынии перешел в разряд второстепенных⁶².

Однако, как выяснилось, командование и царь с поразительной беспечностью и ничем не оправданным оптимизмом оценивали в начале 1915 г. положение на фронте.

Удар немецких войск под Горлицей в мае перечеркнул все планы русской дипломатии. На шквал огня немецкой артиллерии русская армия отвечала редкими выстрелами. Не хватало пушек, снарядов, винтовок, патронов. Начальник штаба Янушкевич писал военному министру А. А. Поливанову: «Винтовки ценнее золота»⁶³. Потребность в них удовлетворялась едва наполовину. Еще хуже обстояло дело со снарядами. Даже в колющей проволоке ощущался острый недостаток.

Ставка занималась тем, что затыкала дыры в линии фронта, посылая сотни тысяч плохо вооруженных и почти необученных солдат. В подобных условиях русское командование было готово обречь на заклятие наряду с миллионами своих солдат и сотни тысяч румынских. Интерес к выступлению Румынии рос поэтому не по дням, а по часам. Уже 9 мая Н. Кудашев телеграфировал министерству иностранных дел: «Здесь очень интересуются переговорами с Румынией. Между тем курьер сегодня ничего не привез. Не откажите срочно мне дать знать, в каком состоянии

⁵⁹ Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, 18.IV 1915; Памятная записка английского посольства от 19.IV (2.V) 1915.— Там же, лл. 101, 109.

⁶⁰ МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 669. Незадолго до демарша Брэтиану навесил Поклевского и изложил ему свои требования (МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 654).

⁶¹ МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 697, 739; Ф. И. Н о т о в и ч. Дипломатическая борьба... стр. 472.

⁶² МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 674.

⁶³ А. А. П о л и в а н о в. Мемуары. М., 1924, стр. 184. См. также стр. 7, 148, 164.

дела»⁶⁴. 25 мая верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич указывал, что, с чисто военной точки зрения, выступление Румынии является «весьма желанным»⁶⁵.

Именно этот призыв побудил царя санкционировать новые уступки Брэтиану.

В ходе дальнейших переговоров генерал Н. Н. Янушкевич писал 7 июня: «Принимая во внимание настоящую военную обстановку, не могущую измениться к лучшему в близком будущем, считаю очень важным не отклонять предложения Брэтиано»⁶⁶. Командование уже не рассчитывало на вовлечение Румынии в войну на стороне России, а опасалось, как бы румынская олигархия не оказалась в противоположном лагере.

Вместе с фортуной отвернулись от царизма и союзники. Куда девалась прежняя готовность Т. Делькассе и Э. Грея достигнуть соглашения с Сазоновым! Они начали дружный натиск на дипломатические позиции Петрограда, увенчавшийся полным успехом⁶⁷.

Сазонов, лишенный опоры в виде стабильного русского фронта, проявил «сговорчивость», но настаивал на том, чтобы румыны выступили непременно к 26 мая. Он просил также, чтобы французы не оставили союзника в беде и помогли ему, оттянув часть немецких сил на запад⁶⁸. В черновике телеграммы от 6 мая говорилось: «Когда осенью (1914 г.— В. В.) германцы наступали на Париж, мы помогали французам не советами уступчивости для приобретения новых союзников, а решительным ударом, нанесенным нами в Восточную Пруссию, хотя таковой и нарушал подготовленный нами общий план военных действий». Однако напоминать об оказанных услугах было бесполезно, и Сазонов смирился.

Но некоторые из притязаний Брэтиану оставались неудовлетворенными. Воспользовавшись этим, румынский премьер-министр не пожелал создать даже видимость готовности идти на компромисс. Он требовал принятия всех своих условий до последней запятой⁶⁹.

Каждый германский успех на фронте делал позиции Сазонова более шаткими и укреплял шансы Брэтиану. Румынский премьер действовал наверняка, ибо французская дипломатия поспешила выдать ему сведения о своем закулисном нажиме на союзника⁷⁰.

⁶⁴ Н. Кудашев — М. Ф. Шиллингу, 9.V 1916.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 535, л. 203.

⁶⁵ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 78.

⁶⁶ Там же, № 148.

⁶⁷ МОЭИ, т. VII, ч. 2, стр. 482, сн. 1.

⁶⁸ Подробно этот этап переговоров разобран в работе Ф. И. Нотовича. Дипломатическая борьба..., ч. 1, гл. 16.

⁶⁹ МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 680, 753, 783, 814.

⁷⁰ Там же, № 814; т. VIII, ч. 1, № 25.

Предпринятое Поклевским наломничество по делам оппозиции закончилось плачевно. Приверженность делу Соголас не мешала им без зазрения совести набивать цену за румынское вмешательство,— в это время дипломатический торг по вопросу о вступлении в войну был в разгаре⁷¹ Генерал Крэйничану без тени улыбки уверял читателей самой влиятельной в стране газеты «Универсул», что без румынской интервенции решить запутанные проблемы на Балканах не удастся. Поэтому надо, «закрыв глаза (!! — В. В.), без торговли и поскорее гарантировать Румынии удовлетворение ее справедливых и неоспоримых требований»⁷². Никто из оппозиционеров не выразил ни малейшего порицания Брэтиану за размеры выставленных последним требований. Осуждали лишь шантажистский способ переговоров, избранный премьером⁷³. В донесении Поклевского проскользнула одна фраза, дававшая ключ к пониманию сложившейся в правящих кругах Румынии обстановки: «Никто не верит, что Румыния упускает последний случай для своего выступления»⁷⁴.

На скорую победу Антанты в Румынии уже не надеялись; наоборот, выросло число людей, веривших в успех Тройственного союза. У румынской олигархии прошло опасение, что она «прозеваает» раздел Австро-Венгрии. А раз так, Брэтиану действовал не торопясь, полагая, что обстановка как нельзя лучше подходит для того, чтобы вырвать у своих русских партнеров уступки по всем линиям.

Правда, он совершил один неверный тактический шаг и обжегся на этом. Румынский премьер решил «обосновать» притязания на украинские, сербские и венгерские земли ссылкой на конвенцию от 18 сентября (1 октября) 1914 г. (раз за «нейтралитет» было дано согласие на присоединение румынских земель Австро-Венгрии, то за вооруженное выступление можно требовать больше). Эта его попытка провалилась.

Французы испытывали глубокую тревогу в связи с положением на фронте и близившимся истощением людских резервов. Они лихорадочно занимались поисками новых союзников. Выдвинутое Брэтиану толкование конвенции как договора о нейтралитете пришлось поэтому как нельзя более некстати. Делькассе без всяких обиняков разъяснил румынскому премьеру, что

⁷¹ Статья генерала Крэйничану «Россия и вмешательство Румынии» («Univer-sul», 12.V 1915)

⁷² См. АВПР, ф. СА, оп. 467, 1915 г., д. 539, л. 11.

⁷³ 14 мая 1915 г. С. А. Поклевский сообщал, что все румынские государственные деятели сочувствуют требованиям Брэтиану (МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 20). Даже самые ярые антантофилы ставили «главной целью все подготовить к началу военных действий, когда наступит «подходящий» для этого момент» (Из письма Поклевского от 13.VI 1915 г.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 536, ч. II, л. 100). О том, что на оппозицию рассчитывать нечего, Поклевский сообщил 30.V 1915 г.— Там же, л. 47.

⁷⁴ МОЭИ, сер. III, т. VIII, ч. 1, стр. 42, сн. 2.

упомянутая конвенция «ничего не обещает Румынии в обмен за ее нейтралитет»⁷⁵.

Брэтриану затронул не ту струну, когда упомянул о нейтралитете. Румынский премьер «исправился» и с тех пор мотивировал свои требования той пользой, которую принесет Антанте вооруженное содействие Румынии. Теперь он действовал безошибочно: западные союзники были готовы щедро оплатить вступление Румынии в войну, поскольку речь шла об ущемлении интересов царизма, а не их собственных.

Кажется, трудно придумать средство нажима и давления, которое не было бы применено англо-французской дипломатией, чтобы заставить своего русского союзника отступить. Личные послания, демарши, намеки на недовольство западноевропейской общественности — все было пущено в ход⁷⁶. На мгновение англо-французы остановились перед одним препятствием: румынская олигархия вздумала (разумеется, по «стратегическим соображениям») перенести свои границы под самые стены Блграда. Даже прожженные политики заколебались, ознакомившись с этим притязанием: неловко было наносить удар в спину маленькой, героически сражавшейся стране. Но размышления длились недолго: Сербия уже воевала, Румынию же лишь предстояло вовлечь в войну; логика империализма требовала, чтобы сербские интересы были принесены в жертву.

Сазонов играл во время этих переговоров жалкую роль, на которую его обрекали пошатнувшиеся позиции царизма в Антанте. Он мог протестовать, негодовать, напоминать, что в былые времена царизм помогал Франции не советами уступок, а тем, что гнал сотни тысяч солдат на германские укрепления. Все это оставалось гласом вопиющего в пустыне. Союзники продолжали нажим. Русская ставка растеряла всю свою самоуверенность и, по сути дела, вела наступление на позиции собственного министерства иностранных дел с тыла, заявляя о большом значении румынской помощи.

Надо сказать, что у Сазонова были сильные сомнения в том, что Румынию удастся втянуть в войну при столь критических обстоятельствах⁷⁷. «Все доходящие до меня сведения, — говорилось в одной из заготовленных в МИД'е телеграмм, — подтверждают высказанное уже мною предположение, что Румыния, каковы бы ни были делаемые ей уступки, в настоящее время не

⁷⁵ Памятная записка французского посольства 14.V 1915 г. — МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 16.

⁷⁶ См. МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 47, 54, 105 и др. 16 июня Извольский сообщал Сазонову, что во французских парламентских кругах считают необходимым купить содействие Румынии «какой бы то ни было ценой» (там же, № 203).

⁷⁷ М. Ф. Шиллинг — Н. Кудашеву, 9.V 1915. — АВПР, ф. СА, 1915 г. д. 535, ч. 1, л. 208.

решится на выступление»⁷⁸. Но это послание так и не было отправлено. Союзники бомбардировали русского министра заявлениями о том, что-де «только» его, Сазонова, упрямство мешает румынским войскам появиться на поле боя⁷⁹.

Дружными усилиями союзников сопротивление русского министерства было сломлено. Сазонов делал при этом одну, но весьма существенную оговорку: притязания Брэтиану принимались при условии выступления Румынии в определенный, весьма короткий срок⁸⁰ (который, правда, все время отодвигался).

Сам румынский премьер, производя первые разведки в Лондоне и Петрограде, говорил вполне решительно и определенно о немедленном, вслед за подписанием политического соглашения и военной конвенции, выступлении Румынии. В качестве конкретного срока он назвал май⁸¹. Диаманди уверял даже, что его страна вступит в войну через несколько дней⁸². Но по мере того, как военный горизонт заволакивали мрачные для Антанты тучи, а политический прояснялся, обнаруживая стремление Четвертого согласия вовлечь в мировой катаклизм Румынию,— Брэтиану держался все более и более осторожно.

До Петрограда дошли сведения, что румынское правительство собиралось дожидаться, пока русские войска перейдут в наступление и вернут Галицию и Буковину. «Расчет понятен,— писал М. Ф. Шиллинг⁸³,— заручившись нашими уступками, потом тянуть дело под предлогом военного соглашения, пополнения запасов и т. д.»

5 июня Брэтиану прочел Поклевскому записку, в которой говорилось о выступлении через два месяца после подписания военной конвенции⁸⁴. Но пункты, связанные с поставками оружия, и условия военной конвенции были сформулированы «так неясно, что любой из них мог бы послужить румынскому правительству предлогом, дабы не выступить в обещанный срок»⁸⁵. Последовало бурное и совершенно безрезультатное объяснение. Поклевский счел дальнейшие переговоры беспочвенными⁸⁶.

Однако хитрый премьер еще не решался играть в открытую. На прямой вопрос французского посланника Блонделя— не

⁷⁸ Проект телеграммы без адреса, составленной 8.VI 1915 г.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 536, л. 81.

⁷⁹ Памятная записка французского посольства от 31.V 1915 г.— Там же, лл. 52—53; см. также МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 30, 31, 36, 47, 54.

⁸⁰ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 83.

⁸¹ МОЭИ, т. VII, ч. 2, № 676.

⁸² МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 83.

⁸³ Там же, № 119.

⁸⁴ Там же, № 133. 8 июня К. Диаманди известил С. Д. Сазонова, что Румыния сможет выступить через пять недель (АВПР, ф. СА, 1914—1916 гг., д. 573/641, л. 19).

⁸⁵ Из письма С. А. Поклевского от 13.VI 1915 г.— АВПР, ф. СА, 1915 г. д. 536, ч. II, л. 100.

⁸⁶ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 239.

возникнет ли в последний момент каких-либо дополнительных условий? — Брэтиану с видом оскорбленной добродетели ответил: «Никаких. Даю в этом мое честное слово. Вы игнорируете тот факт, что мой путь лежит рядом с вами». Он намекнул даже, что военные обстоятельства могут побудить его выступить «досрочно»⁸⁷

Лишь в конце июня Брэтиану решился, наконец, показать свои карты. В разговоре с британским дипломатом О'Берном он заметил, что вообще не может решиться назначить срока выступления⁸⁸.

События оправдывали поворот в тактике румынского премьера. Англо-французские экспедиционные силы застряли на Галлиполийском п-ве в Мраморном море. Единственная надежда на победу заключалась в слабом вооружении турецких войск; а единственный путь, по которому оружие и боеприпасы могли поступать из Германии и Австро-Венгрии, лежал через Румынию⁸⁹. В руках румынского премьера оказался, так сказать, козырной туз. Угроза открыть «зеленую улицу» для немецких грузов ставила антантовские силы, занятые Дарданелльской операцией, на грань катастрофы⁹⁰. Наступило время, когда можно было оставить мелкие уловки со сроками выступления. И Брэтиану рассчитал правильно: когда Сазонов передал в Лондон и Париж свой проект ответа, включавший уступки по всем территориальным вопросам, но обусловливавший это 5-недельным сроком выступления Румынии, англичане выступили против последней фразы и предложили, чтобы Поклевский договорился о другом, «реальном» сроке, который мог бы устроить Брэтиану⁹¹.

Отбиваясь из последних сил, русское министерство ответило, что Брэтиану вообще не хочет устанавливать никакого срока⁹². В дипломатических архивах сохранились горькие жалобы руководителей русского министерства иностранных дел, сбитых со своих последних позиций. «Подписание договора, оставляющего за Румынией право выступить, когда ей будет угодно, недостойно четырех великих держав и только умалит их значение в глазах самих румын», — писал Сазонов в неотправленной телеграмме в Лондон (отправлять ее было бесполезно). Он сетовал на то, что

⁸⁷ Памятная записка французского посольства от 21.VI 1915 г. — АВПР, ф. СА, д. 536, л. 129.

⁸⁸ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 24.VI 1915. — Там же, л. 137.

⁸⁹ По сведениям русской армии, к июлю 1915 г. в Брашове скопилось свыше тысячи вагонов с вооружением для турецкой армии (АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 545—563, л. 75).

⁹⁰ Э. Грей заявил русскому послу Бенкендорфу, что разрыв переговоров с Румынией таит слишком большую опасность и соглашение с Румынией должно быть достигнуто (МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 384).

⁹¹ А. К. Бенкендорф — С. Д. Сазонову 30.VI 1915. — АВПР, СА, 1915 г., д. 586, л. 181.

⁹² МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 310.

подобный документ ничуть не облегчит «нынешнее наше положение, при котором существенную пользу мог бы оказать нам лишь сильный нажим наших союзников на немцев на Западном фронте»⁹³.

Но союзники предпочитали оказывать нажим на самого Сазонова. Как утопающий хватается за соломинку, так и русский министр иностранных дел ухватился за дошедшие до него (и впоследствии опровергнутые) сведения о том, будто Брэтиану обещал выступить до выпадения снега в Карпатах⁹⁴. Когда и эта «метеорологическая» версия разлетелась в прах⁹⁵, Сазонов капитулировал полностью. 21 июля он направил Поклевскому инструкцию, в которой указывалось: «Вследствие настоящих наших союзников, которые надеются путем немедленного заключения договора с Румынией оградить себя от провоза военной контрабанды для Турции, императорское правительство согласно удовлетворить все поставленные Брэтиану требования...»⁹⁶

Казалось бы, переговоры близились к концу. Но не тут-то было. Брэтиану выразил глубокую радость в связи с удовлетворением всех его притязаний, но сразу же заявил, что посоветуется с королем и своими коллегами⁹⁷. Русский посланник был озадачен. Какие могут быть совещания, когда удовлетворялись не чьи-либо, а требования, выставленные румынской олигархией? Элементарная логика и здравый смысл подсказывали, что советаться румынской стороне в данном случае было не о чем. Поклевский почуял недоброе.

И действительно, до него начали доходить явно инспирированные сведения о том, что румынские министры, дотоле слепо следовавшие за Брэтиану, вдруг «взбунтовались» и выступили против подписания договора как слишком опасного в данный момент и могущего навлечь гнев Германии и Австро-Венгрии.

Согласно слухам, Брэтиану горячо отстаивал конвенцию и, натолкнувшись на стену сопротивления своих коллег, пригрозил им даже отставкой. Те, однако, заявили, что не хотят лишаться его испытанного руководства, и уговорили премьера не покидать поста⁹⁸. Брэтиану, разумеется, остался.

Добившись признания своих требований, румынская олигархия поспешила уклониться от обязательств даже в столь туманной форме, которая была зафиксирована (выступление в неопре-

⁹³ С. Д. Сазонов — А. К. Бенкендорфу (не отправлено), 13.VII 1915 — АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 536, л. 224. В смягченном виде телеграмма была отправлена 16.VII 1915. — МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 402.

⁹⁴ МОЭИ, т. VIII, ч. 1, № 377; С. Д. Сазонов — С. А. Поклевскому, 14.VII 1915. — АВПР, ф. СА, д. 536, ч. II, л. 232.

⁹⁵ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 18.VII 1915. — Там же, л. 240.

⁹⁶ «Царская Россия в мировой войне». Пг., 1925, стр. 99, № 100.

⁹⁷ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 1.VIII 1915. — АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, л. 66.

⁹⁸ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 1.VIII 1915. Там же, лл. 67—68.

деленном будущем). Время для решения не пришло. Русская армия откатилась на сотни километров. Англичане с громадным трудом цеплялись за захваченный ими клочок земли на Галли-полийском п-ве. Наступление сил Антанты на западе под Артуа захлебнулось в крови.

Когда через несколько дней Брэтиану принял Поклевского, то прикинулся огорченным, смущенным, подавленным и даже больным⁹⁹. Премьер уверял, что считает конвенцию как бы подписанной, и обязался не пропускать оружия в Турцию. Другими словами, он желал, чтобы вход в Антанту был перед ним открыт на выговоренных им условиях, но стремился в то же время сохранить за собой лазейку в Тройственный союз и избегал поэтому письменных обязательств.

Казалось бы, полученный урок должен был надолго отбить у Антанты охоту к переговорам с румынским правительством. Но этого не произошло. Осенью 1915 г. австро-германские полчища, к которым присоединилась болгарская армия, обрушились на Сербию. Положение маленькой страны сразу же стало отчаянным, и союзные дипломаты вновь зашевелились в Бухаресте. На этот раз русские представители, испившие до дна горькую чашу разочарования, были настроены с самого начала пессимистически. По справедливому мнению Поклевского, «момент активного выступления Румынии» не зависел «от каких-либо соображений высшего нравственного или идеального порядка», а определялся «исключительно в соответствии с общим положением на главном театре войны на Балканах и, в особенности, в России». Надежды на «общественность» необоснованны (мы еще раз подчеркиваем, что в данном случае под общественностью подразумевался не румынский народ, активно выступавший против вовлечения своей страны в войну на чьей-либо стороне, а прослойка антантофильской оппозиции). Эта оппозиция «находится в угнетенном настроении и туго реагирует»¹⁰⁰ на старания раздуть военный психоз.

С явно безнадежной попыткой втянуть в таких условиях румынских правителей в войну выступил британский посланник

⁹⁹ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 1. VIII 1915.— АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, л. 68. Брэтиану передал Поклевскому следующее заявление через Диаманди: он считает «окончательно установленной договоренность с русским правительством и его союзниками относительно территориальных притязаний Румынии, имея в виду наше военное сотрудничество, и в результате до подписания относящихся к нему соглашений, королевское правительство намерено сохранять, как оно это делало до сих пор, запрет на провоз снаряжения в Оттоманскую империю» (Телеграмма от 11.VIII 1915 г.— АВПР, ф. СА, 1914—1916 гг., д. 573/641, л. 22).

¹⁰⁰ «Царская Россия в мировой войне», стр. 203—204, № 107. В заключение посланник еще раз советовал своему правительству не преувеличивать значение агитации Филипеску и Ионеску «ввиду тихого настроения здешнего общественного мнения».

Барклай. Брэтиану, как всегда, не отказал наотрез. Начались «деловые» переговоры — выяснялся вопрос, какие же антантовские силы должны быть сконцентрированы на Балканах, чтобы румынская олигархия оставила колебания.

30 сентября Барклай выдвинул следующие условия: в случае немедленного присоединения Румынии к Четвертому согласию британское «правительство обещает довести силы союзников в Салониках к концу ноября до 150 тыс., а к концу года — до 200 тыс. человек и потребовать у Греции выступить в поддержку Сербии». В беседе с премьером он упомянул о том, что английский кабинет собирается послать в Россию 500 тыс. винтовок, что позволило бы русской армии «предпринять на Южном фронте серьезные совместные с Румынией действия»¹⁰¹.

Через два дня Брэтиану ответил отказом по трем причинам. Союзная помощь, указывал он, придет лишь через два месяца, активные же операции из Салоник осенью и зимой предпринять нельзя, они начнутся только с февраля, а до этого времени Румыния была бы вынуждена биться в одиночку. Греция в настоящий момент не выступит; силы Антанты, со включением румынских, не будут равны силам противника¹⁰².

Верный своей тактике — не рвать окончательно переговоры, — Брэтиану оговорился, что отказывается от сотрудничества лишь на данной стадии и на выдвинутых англичанами условиях. Но вот если бы в Салониках оказалось 500 тыс. человек, Сербия продолжала сражаться, а положение на русском фронте и в Галиции не ухудшилось, он мог бы и передумать¹⁰³.

По всему обыкновению союзники России попытались выйти из затруднительного положения за счет русской армии. Французский кабинет, вкуче с британским правительством, начал домогаться сперва участия русского контингента в Салоникской операции, когда же эти планы провалились, — то удара по Болгарии с севера, заявляя, что 200 тыс. русских солдат могли бы положить конец колебаниям Румынии¹⁰⁴.

Русский кабинет находился в большом затруднении. Он не мог по политическим причинам оставаться безучастным к готовившемуся удушению Сербии, которой обещал поддержку еще в критические дни июля 1914 г. Поэтому предложение союзников не встретило в Петрограде и ставке возражений. Алексеев согласился передвинуть к румынской границе пять пехотных

¹⁰¹ МОЭИ, т. VIII, ч. 2, № 909.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ «Царская Россия в мировой войне», № 107, стр. 205.

¹⁰⁴ А. П. Извольский — С. Д. Сазонову, 5.X 915; Нота французского посольства, 5.X 1915.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 537, ч. III л. 59; МОЭИ, т. IX, № 16.

корпусов, а царь уполномочил Сазонова вступить с Румынией в переговоры о пропуске этих сил¹⁰⁵.

Однако все эти обещания давались при неперемennom условии получения тех самых винтовок, о которых упоминал Барклай в беседе с Брэтиану¹⁰⁶. К тому времени положение с оружием достигло критической фазы: в некоторых полках из 4 тыс. солдат лишь 1500 имели вооружение. «Принципиально мы считаем совместные военные действия с Румынией весьма желательными, — писал поэтому Сазонов, — но не могли бы к ним приступить за отсутствием необходимого вооружения». «Спешное содействие союзников в этом отношении было бы особенно ценным»¹⁰⁷. Лишь получение винтовок позволит собрать пять или болес корпусов для действий на Балканах, передавал директор дипломатической канцелярии Кудашев со слов генерала Алексева¹⁰⁸.

Вести из Бухареста давали повод надеяться, что там пойдут навстречу предполагавшейся комбинации. Поклевский получил от министра финансов Э. Костинеску, второй фигуры в правительстве, предложение, которое в известной мере отвечало планам русского командования. Тот заявил, что если Россия выделит 300 тыс. солдат для действий на Балканах, попросит Румынию пропустить эту армию через свою территорию и предложит последней начать совместные действия, то он, Костинеску, «ручается, что ни одно румынское правительство не будет в состоянии устоять перед подобным предложением и неминуемо его примет»¹⁰⁹.

Русский посланник, исходя из собственного опыта, относился скептически к заявлениям румынских государственных мужей. Поэтому он наведалься к Брэтиану и постарался выяснить, осведомлен ли глава правительства о демарше своего министра и как он относится к посылке русских войск на Балканы. Ответы Брэтиану ободрили Поклевского: премьер дал понять, что сочувствует этой идее и считает русские силы «в зачет» затребованных им 500 тыс. союзных войск. Точно такое же впечатление сложилось и у Барклая. На горизонте как будто начали вырисовываться контуры будущего соглашения.

Трудности возникли с другой стороны. Русское командование днем с огнем искало оружие для снаряжаемой экспедиции. К его разочарованию, оказалось, что пресловутых винтовок, о

¹⁰⁵ Формально главнокомандующим числился царь; фактически русскими армиями руководил генерал М. В. Алексеев.

¹⁰⁶ МОЭИ, сер. III, т. IX, № 6, 12, 61.

¹⁰⁷ С. Д. Сазонов — А. П. Извольскому, А. К. Бенкендорфу, 7.X 1915.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 537, ч. III, л. 63.

¹⁰⁸ Н. Кудашев — С. Д. Сазонову, 14.X 1915.— Там же, л. 99.

¹⁰⁹ МОЭИ, т. IX, № 9.

которых говорил Барклай, вообще не существует в природе ¹¹⁰

Французское правительство, пренебрегая самыми элементарными дипломатическими приличиями, требовало от царизма начать операции на Балканах. Что же касается винтовок, то их по мысли президента Пуанкаре, следовало «временно заимствовать» ¹¹¹ с других участков фронта. Этот план неминуемо обрекал русских солдат на массовое уничтожение, подобное тому, которое произошло летом, но это в нисмалой степени не смущало французских союзников России. Неизвестно, как бы реагировало русское правительство на очередной натиск из Парижа и Лондона, если бы румынский премьер не нанес смертельный удар планам экспедиции на Балканах.

По мере того как австро-германо-болгарские клещи все туже сжимали Сербию, у Брэттиану росло желание избавиться от дипломатического давления Антанты. Удивлению Поклевского, по его собственному выражению, «не было пределов» ¹¹², когда Брэттиану объявил 19 октября Барклаю, что союзники должны выставить на Балканах помимо 500-тысячной Салоникской армии ¹¹³ еще 500 тыс. русских штыков.

Поклевский и Барклай отправились к главе правительства и старались убедить его в совершенно очевидной вещи: никто не обещал никакой русской полумиллионной армии, а Барклай лишь упоминал о поставке 500 тыс. ружей в Россию ¹¹⁴.

Но попытка «сбить» Брэттиану с занятой им позиции не имела успеха. Премьер, по словам Поклевского, «самым твердым образом решил, по-видимому, использовать слабые стороны» английского предложения, чтобы похоронить его. Он заявил, что рассчитывал на русские войска, давая свой ответ ¹¹⁵.

На этом переговоры — в который раз! — оборвались. Правда, русские войска еще в течение некоторого времени продолжали перебрасываться на границу с Румынией ¹¹⁶. Однако, обнаружив, что нет никаких шансов ни на пропуск этих сил через румынскую территорию ¹¹⁷, ни на поставки в ближайшее время

¹¹⁰ Безуспешные усилия «охотников за оружием» отражены в дипломатической переписке. См. МОЭИ, сер. III, т. IX, № 6, 62, 60.

¹¹¹ МОЭИ, т. IX, № 96.

¹¹² «Царская Россия в мировой войне», № 107. См. также МОЭИ, т. IX, № 178, 179.

¹¹³ В Салониках насчитывалось тогда 50 тыс. союзных войск (МОЭИ, т. IX, № 38).

¹¹⁴ Там же, № 179.

¹¹⁵ Записка Барклая (приложена к письму Поклевского от 2.XI 1915 г.).— АВГР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, л. 100.

¹¹⁶ МОЭИ, т. IX, № 140.

¹¹⁷ В румынском генштабе заявили, что силой воспротивятся попытке русских войск проложить путь в Болгарию (С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову,

вооружения, русское командование отказалось от попыток вырвать Сербия ¹¹⁸.

Бретиану понимал, какое недовольство вызвали у Антанты его последние маневры, и старался мелкими любезностями исправить положение, заявляя при каждом удобном случае, что непременно присоединится к ней. Так, когда сражавшийся в Сербии русский отряд переправлялся через румынскую границу, он заверил Поклевского, что половина солдат будет переодета в штатское платье и таким образом избежит интерпретации. Остальных повезут под конвоем, но так, что все — кроме 10 человек — получают возможность бежать. Десять солдат Бретиану считал нужным задержать, дабы при случае опровергнуть обвинения австро-германской дипломатии в потворстве Антанте ¹¹⁹. Сам король Фердинанд, отправляясь на охоту в поместье П. Карпа, счел нужным специально уведомить посланников Антанты, что охота была назначена заранее и ни в коем случае не означает одобрения королем политических взглядов Карпа ¹²⁰.

Диаманди в Петрограде зачастил в министерство иностранных дел, уверяя своего обычного собеседника Шиллинга, что единственные подлинные друзья России на Балканах — румынские правители (на что Шиллинг ответил, что эта дружба «весьма платонична») ¹²¹. Диаманди клялся, что всякая возможность «сюрпризов» со стороны Румынии исключена и что его страна непременно окажет поддержку Антанте. На прямой вопрос — зависит ли это выступление лишь от «подсчета сил и бухгалтерии»? — Диаманди постеснялся дать столь же прямой ответ. Это не вполне так, заметил он, стараясь прикрыть торгашескую сущность политики своего правительства ¹²².

Посланник попытался еще раз сыграть на старой струне и набить цену румынскому нейтралитету, уверяя, что Германия для его обеспечения сконцентрировала на границе значительные силы. На этот раз Шиллинг совсем не дипломатически оборвал собеседника, дав понять, что немцы не такие простаки, и хорошо зная положение в Румынии, «для указанной цели не двинут ни одного солдата, ибо им, конечно, ясно, что для поддержания еще долго румынского нейтралитета с их стороны не требу-

14.X 1915.— АВПР, ф. СА, д. 537, ч. III, л. 98). В какой-то момент в ставке родилась даже мысль о прорыве через Румынию, но была быстро оставлена.

¹¹⁸ МОЭИ, т. IX, № 194.

¹¹⁹ МОЭИ, т. IX, № 69.

¹²⁰ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 22.XI 1915 — АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 537, ч. III, л. 207.

¹²¹ МОЭИ, т. IX, № 202.

¹²² Беседа с Диаманди, около 12.XI 1915 г.— АВПР, ф. СА, 1915 г., д. 537, ч. III, лл. 182, 188.

ется никаких усилий»¹²³. Даманди оставалось лишь пробормотать, что Шиллинг известен своим скепсисом.

Год завершился в обстановке глубокого недоверия и растущего взаимного раздражения.

В трудное для Антанты лето 1915 г. создались благоприятные условия для деятельности австро-германских представителей в Румынии. Однако хронические разногласия мешали согласованной работе Чернина и фон Буше. Трансильванскому соблазну надо было что-то противопоставить. Захватом одной Бессарабии не желали ограничиться даже заядлые румынские германофилы, требовавшие конкретных уступок со стороны Австро-Венгрии.

Немцы всячески пытались воздействовать на союзника, но ничего не получалось. Германская коса неизменно находила на венгерский камень: в Будапеште и слышать не желали об уступках — не только территориальных, но даже о сколько-нибудь серьезном изменении положения трансильванских румын.

Представителей румынской национальной партии венгерский премьер Иштван Тисса третировал, а германскому нажиму поддавался туго: «Прибегать, между нами, к угрозам — смешно, запугивание не подействует», — говорил он¹²⁴. Тисса знал цену венгерской крови и венгерской пшеницы и понимал, что Берлин не обменяет их на прозрачную румынскую помощь. Изредка, когда домогательства немцев становились чересчур назойливыми, он давал обещания, которые румынские германофилы с обидой называли «реформами в аптекарских дозах»¹²⁵.

Предложение предоставить Трансильвании национальную автономию, а тем более — поступиться хотя бы ее частью в пользу Румынии он решительно отвергал, советуя оставить в покое «этот несчастный вопрос»¹²⁶.

Румынская национальная партия Трансильвании особых хлопот ему не доставляла, часть ее лидеров по-прежнему делала ставку на союз с Габсбургами. В газетах появился призыв Теодора Михали к румынам — выполнить «долг» по отношению к «родине» и «трону», солдатам — безропотно проливать кровь, а мирному населению — нести тяготы исключительных законов и реквизиций. Епископы обеих румынских церквей, православной и униатской, вознесли к небу молитвы о ниспослании победы императорско-королевскому воинству. А. Вайда-Воевода опубликовал в бухарестской газете «Адевэрул» декларацию, в которой утверждал, что «румыны, живущие в Венгрии, с воодушевлением

¹²³ МОЭИ, т. IX, № 457.

¹²⁴ С. Kirilăscu. Preludiile diplomatice ale războiului. — «Viața Românească», 1940, № 6, p. 8.

¹²⁵ A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 310.

¹²⁶ «Viața Românească», 1940, № 6, p. 13, 15.

идут под знамена, что является блистательным доказательством преданности династии». Чтобы у общественности «старого королевства» не оставалось никаких сомнений, он разъяснил: «Если наш народ с энтузиазмом откликнулся на призыв его величества, доля заслуги в этом принадлежит патриотической деятельности румынской национальной партии»¹²⁷. Ю. Маниу, А. Вайда-Воевода, епископ Хоссу почти два года вели с венгерским премьером Тиссой переговоры о расширении прав румын, рассматривая это как одно из условий более активного участия в «защите родины». В провале их они ни в коем случае не были повинны.

Было бы неправильно распространять эту позицию не только на рядовых членов национальной партии, но даже на всю ее верхушку, состоявшую из крупных торговцев и предпринимателей, банкиров и помещиков. Румынская буржуазия всегда отличалась предусмотрительностью и избегала ставить на одну лошадь, тем более — на престарелую и хромую габсбургскую клячу. Некоторые из влиятельных руководителей считали дело Австро-Венгрии обреченным, верили в Антанту и строили планы объединения Трансильвании с Румынией в результате ее победы. Выразителями этих взглядов выступали священник Василе Лукач и поэт Октавиан Гога, бежавшие в Бухарест и развернувшие там активную проантантовскую пропаганду. Группировка в руководстве во главе с Василе Голдишем придерживалась осторожно оппозиционной тактики. Под ее влиянием исполком партии решил свернуть всякую официальную деятельность и предложил тем ее членам, кои «чувствуют непреодолимое желание произносить политические декларации, оговаривать при этом, что они выражают лишь собственное мнение»^{127а}. В дальнейшем сам Голдиш отказался подписать заявление о лояльности, которое требовали у него как редактора газеты «Ромынул». После этого газета была закрыта¹²⁸. Но в целом, повторяем, крупных беспокойств Тиссе румынская буржуазия Трансильвании тогда не доставляла.

В июне 1915 г. влиятельный депутат германского рейхстага Маттиас Эрцбергер отправился в Вену и Будапешт выяснить, каковы шансы привлечь Румынию на свою сторону. Он убедился, что в австрийской столице в общем готовы пойти на уступки¹²⁹, даже территориальные, соглашаясь расстаться с Южной Буковиной^{129а}. Однако канцлер Буриан (родственник и кре-

¹²⁷ «Adevărul», 25.VII 1914.

^{127а} «Desăvîrșirea unificării statului național Român. Unirea Transilvaniei cu vechea Românie». Buc., 1968, p. 118.

¹²⁸ «La désagrégation de la monarchie Austro-Hongroise», Bucarest, 1965, p. 166.

¹²⁹ М. Эрцбергер. Германия и Антанта. М.—Пг., 1923, стр. 102—103.

^{129а} «Desăvîrșirea unificării statului național Român. Unirea Transilvaniei cu vechea Românie», p. 128—129.

атура Иштвана Тиссы) заявил, что решающее слово принадлежит венгерскому премьеру.

Итоги визита в Будапешт были неутешительны. Тисса и слышать не желал о переговорах. «Ни одна страна не ведет такой справедливой национальной политики, как Венгрия», — заявил он. Немецкому депутату пришлось возвратиться домой ни с чем.

Если в Будапеште проявляли крайнюю неуступчивость по вопросу о Трансильвании, то в официальных кругах румынской столицы не замечалось ни малейшего признака, который свидетельствовал хотя бы о слабом интересе к переговорам, это действовало обескураживающе на дипломатию держав центра. Не было недостатка в проектах «реформ» и «преобразований» в Трансильвании, которые Чернин и Буше обсуждали в узком кругу с участием румынских германофилов¹³⁰. Но все это не выходило за рамки салонных разговоров, поскольку Брэтиану вообще избегал упоминания о Трансильвании¹³¹. Какие-либо реформы в этой области, ослабив внутреннюю напряженность в Габсбургской монархии, могли лишь помешать планам территориальных изменений. Произошло нечто парадоксальное: позиции Тиссы и Брэтиану совпали. «Мое несчастье в том, что венгры очень довольны Брэтиану»¹³², — жаловался австрийский посланник Чернин.

Он и Буше оказались в незавидном положении: когда они (в обход венгров) предложили Брэтиану за вступление в войну областную автономию в Трансильвании и территориальные уступки в Буковине, тот ограничился тем, что принял обещания к сведению¹³³. Посланникам пришлось убедиться в горькой для себя истине: даже в кульминационный момент германских успехов на Восточном фронте (конец мая — начало июня) в Румынии мало кто верил в конечный разгром Антанты. Когда Чернин говорил Брэтиану, что у старого императора Франца-Иосифа с трудом вырвали согласие на уступки, тот заметил: «Но русские еще не разбиты»¹³⁴.

Премьер-министра устраивала другая сделка. Он хотел бы получить обещанное за нейтралитет¹³⁵. Он желал, не портя отношений с Россией и ее союзниками, застраховаться на случай их неудачи. Еще в начале мая он прислал к Чернину князя Штирбея, который красочно описал тяжелое положение главы

¹³⁰ См. A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 481.

¹³¹ A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 485.

¹³² Ibid., v. II, p. 59. Венгерское «политическое dolce far niente входило как нельзя лучше в расчеты румынского правительства», — писал Эрцбергер (М. Эрцбергер. Указ. соч., стр. 103).

¹³³ A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 482—483.

¹³⁴ Ibid., p. 485.

¹³⁵ Таково было впечатление Буше. Запись в дневнике Маргиломана от 31.V 1915 г. (A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 473).

правительства: министр финансов Костинеску-де сживает его со свету и, с помощью посланников Антанты, хочет свергнуть его любой ценой. Облегчить эту невыносимую ситуацию могла бы Австро-Венгрия, предложив известные территориальные компенсации в обмен на румынский нейтралитет¹³⁶.

Разумеется, центральные державы отвергли эту попытку, дав понять, что подобным путем румынская олигархия не добьется ничего. Если Австро-Венгрию разобьют, рассуждал Чернин, румынские правители примут участие в дележе, не глядя ни на какие договоры; если государства центра победят, они не рискнут напасть и при отсутствии гарантий¹³⁷. Не имеет поэтому смысла раздавать даровых обещаний.

Так прошло лето, а вместе с ним исчезли и благоприятные условия для вовлечения Румынии в войну на стороне центральных держав. Россию не удалось разгромить, несмотря на невероятное напряжение сил Германии и Австро-Венгрии. В Бухаресте записывали этот факт в актив своей политики выжидания и лавирования. Брэтиану перестал жаловаться Чернину на тяжесть своей судьбы. По разным мелким признакам в австрийской миссии пришли к выводу, что акции держав центра на бухарестской политической бирже падают. Так, в августе Брэтиану не явился на молебен в честь императора Франца-Иосифа, отправившись в этот день в деревню. Из двадцати румынских генералов присутствовало всего двое¹³⁸. Австрийцы сочли это симптоматичным.

Однако серьезных опасений ни германской, ни австрийской дипломатии положение в Бухаресте не внушало. Подготовка к наступлению на Сербию не вызвала ни звука протеста у Брэтиану. Напротив, он самым недвусмысленным образом дал понять, что останется посторонним зрителем при расправе над недавним союзником¹³⁹. Король, глава правительства и министр внутренних дел Морцун в один голос заявили Чернину, что нападение на Сербию вызовет «большие эмоции, но никаких иных последствий»¹⁴⁰.

Решающий 1916 год

К концу 1915 г. центральные державы закончили операции против Сербии. У их ног лежала в дыму пожарищ и развалинах оккупированная, но не покоренная страна. На Балканах «осво-

¹³⁶ A. Marghiloman. Op. cit., v. I, p. 473—475.

¹³⁷ O. Czernin an L. Burian, 24.V 1915.— ОРФ Ин-та истории, эр. VII, оп. 1, д. 1, ед. хр. 39, стр. 99.

¹³⁸ O. Czernin an L. Burian, 19.VIII 1915 (н. ст.).— ОРФ Ин-та истории, эр. VII, оп. 1, д. 1, ед. хр. 39, стр. 124.

¹³⁹ O. Czernin an L. Burian, 10.IX 1915 (н. ст.).— «Cartea roşie austro-ungară», N 39.

¹⁴⁰ O. Czernin an L. Burian, 28.VIII 1915 (н. ст.).— Ibid., N 38.

бодилось» около 300—350 тыс. солдат¹⁴¹. Встал вопрос: куда их двинет дальше германский генеральный штаб? Существовали опасения, что следующей жертвой немецкого милитаризма будет Румыния. Брэтиану поспешил за помощью к Поклевскому.

К тому времени у его русских собеседников твердо сложилось мнение, что нельзя верить ни одному слову румынского премьера. Зная об этом и желая показать, что на этот раз он стоит на «деловой почве», Брэтиану просил прислать высокопоставленного русского офицера для разработки конкретных планов. В Петрограде опасались, как бы Румыния и впрямь не подверглась нашествию. Поэтому министерство иностранных дел обещало Брэтиану военное содействие¹⁴², а ставка спешно направила в Бухарест полковника Татарина.

Но русские представители в Румынии, лучше знакомые с положением дел, относились к поступающим со всех сторон паническим сообщениям с большой осторожностью. Новая «угроза», нависшая над Румынией, им рисовалась блефом, раздуваемым для того, чтобы поднять цену на такой залежалый, с их точки зрения, товар, как румынский нейтралитет. Поэтому на «тревожные» сигналы премьера о подходе к румынским границам германских подкреплений его русские собеседники не реагировали.

Их скептицизм оправдался. Немецкий милитаризм, занятый титанической схваткой на нескольких фронтах, не решился открыть новый. И в подтверждение этому русский военный атташе Семенов неожиданно для себя получил от начальника румынской разведки подполковника Никуляну, который сообщил, что из Трансильвании выведено две трети находившихся там до недавнего времени австро-германских войск и осталось всего около 60 тыс. ландштурмистов, людей пожилых и плохо обученных военному делу, да несколько батарей с орудиями устаревшей конструкции. Никуляну добавил, что румынский генеральный штаб не допускает и мысли о каком-либо ультиматуме со стороны Германии¹⁴³.

Сами румынские правители быстро обнаружили, что от германских угроз можно откупиться, да еще с выгодой для себя. Правительство широко открыло закрома своей страны и закрыло

Капитан Пишон — генералу Лагишу, 9.I 1916.— АВПР, ф. СА, 1916 д. 562/580, л. 10.

¹⁴² Предпринятые русской стороной попытки активизировать окопавшихся в Салониках союзников и побудить их прийти на выручку Румынии успехом не увенчались («Царская Россия в мировой войне», № 109; АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 562/580, лл. 27, 38, 48, 61, 44). О русской помощи «крупными воинскими силами» Румынии и о том, что Брэтиану «с видимым удовольствием» воспринял весть об этом, см. С. Д. Сазонов — С. А. Поклевскому, 13.I 1916 и С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 18.I 1916.— АВПР, ф. СА, д. 562/580, лл. 30, 47.

¹⁴³ Копия рапорта полковника Семенова от 29.I 1916.— ЦГВИА, ф. 2000, д. 3137, л. 81.

глаза на поток военных материалов, поступавших в Турцию и Болгарию через Румынию.

Когда Татаринов появился в Бухаресте, его приняли любезно, повезли даже в Добруджу и показали укрепления, однако приступать к «делу» не спешили¹⁴⁴. Переговоры продвигались вперед черепашьими темпами. Обе стороны не проявляли никакой торопливости. Татаринову было велено «разведать» искренность намерений румынского премьера, но переговоры вести, «не настаивая непременно на скорейшем, в настоящую минуту, выступлении Румынии»¹⁴⁵. Алексеев писал об инструкциях полковнику: «Ясно показать, что мы не стремимся вовлечь румын в войну»^{145а}.

Планы командования с конца 1915 г., когда надо было идти на выручку Сербии, претерпели значительные изменения. Взвешивая все «за» и «против» выступления Румынии, ставка пришла к выводу, что в создавшихся условиях втягивание этой страны в войну принесет больше ущерба, чем пользы. Оборона румынской границы представляла большие стратегические трудности. Она тянулась на 700 км по Карпатам, на 500 км — по Дунаю, а затем шла по открытой местности в Добрудже. Дунай представлял мощный оборонительный рубеж. Но австрийская флотилия на нем была куда сильнее румынской.

Преодолев Дунай, вторгшаяся в Румынию армия попадала на плоскую равнину, тянущуюся до самых предгорий Карпат. Сдним броском она могла достигнуть Бухареста, расположенного всего в 60 км от порта Джурджу. Еще немногим более 100 км — и наступающие войска достигали северных рубежей страны, а румынские дивизии в Западной Мунтении и Олтении попадали в грандиозный мешок. Алексеев полагал поэтому, что румынский нейтралитет в данный момент даст России несравненно больше выгод, чем ее военное содействие. «Обеспеченный нейтралитет Румынии прикрывает сам по себе нашу границу от Черновцов до Дуная... освобождает от разброски сил и дает возможность избежать непосредственной борьбы с болгарями», писал он¹⁴⁶.

Ознакомившись — через Татаринова и Поклевского — с планами румынского штаба, Алексеев еще больше утвердился в своем мнении. Положение усугублялось тем, что в 1913 г., во время 2-й Балканской войны, румынская олигархия организовала нападение на Болгарию со спины и без единого выстрела захватила Южную Добруджу, установив там жестокий оккупаци-

¹⁴⁴ С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 9 и 24.II 1916. — АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 562/580, лл. 102, 128; МОЭИ, т. X, № 326.

¹⁴⁵ «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 4.

^{145а} ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 64, л. 601.

¹⁴⁶ МОЭИ, т. X, № 85.

онный режим. Она понимала, что здесь придется иметь дело с населением, исполненным ненависти к завоевателям, и с болгарской армией, оскорбленной в национальных чувствах.

Из этого сложного положения в Бухаресте думали выйти простым, хотя и коварным способом, а именно — выставить в Добрудже русские войска против болгар, а самим укрыться за Дунаем и заняться наступлением на север, в Трансильванию¹⁴⁷, где можно было рассчитывать на сочувственное отношение румынского населения.

Вначале Брэтиану потребовал, чтобы Россия выставила на юге Румынии 200 тыс. солдат. Накануне отъезда Татаринова он «мимоходом» прибавил еще одно условие: этим войскам не следовало ограничиваться обороной, а занять г. Русе. Ошеломленный Татаринов заявил, что о Русе до сих пор не упоминалось ни словом. Получился, по словам Шоктевского, «сюжет к сожалению, здесь не редкий, и делающий иногда положение лиц, ведущих переговоры с румынским правительством, весьма тяжелым»¹⁴⁸.

Эти попытки отвлечь русские силы с главного направления и столкнуть с болгарской армией не устраивали русскую ставку ни по стратегическим, ни по политическим соображениям. Она не собиралась переносить центр военных операций на юг.

Царизму было не до завоевания проливов. Самодержавие переживало глубокий кризис, будучи не в силах справиться с революционным движением в собственной стране, и оказалось не в состоянии осуществить далеко идущие планы, связанные с утверждением в Босфоре и Дарданеллах. Много интересного в связи с этим сообщает Н. Кудашев, директор дипломатической канцелярии при ставке верховного главнокомандующего. Еще в тяжелые сентябрьские дни 1915 г. начальник штаба и фактический руководитель русских армий генерал Алексеев мечтал о сепаратном мире с Турцией¹⁴⁹. В октябре Алексеев категорически утверждал, что царизму не удастся выкарабкаться из катастрофы, не заключив мира с Османской империей¹⁵⁰.

В 1916 г. удары Германии ослабели. Но Алексеев не изменил своей точки зрения и по-прежнему считал бросок на юг бесперспективной авантюрой, затягивающей войну: «Каковы бы ни были наши надежды и расчеты на использование вмешательства в войну Турции, чтобы вознаградить себя за ее счет при заключении мира, мы должны признать, что эти расчеты не оправдались и едва ли могут оправдаться в течение этой войны», — говорил он. Больше того, Алексеев считал, что и после войны пла-

¹⁴⁷ Там же, № 96.

¹⁴⁸ Там же, № 506.

¹⁴⁹ «Красный архив», т. 28, 1928, стр. 4.

¹⁵⁰ Там же, стр. 8.

ны в отношении проливов придется надолго отложить: «Чем дольше длится она, тем труднее для нас какие-либо новые, особые предприятия после ее окончания». Важно достичь главной цели, выгнать немцев из оккупированных земель. И Алексеев снова говорил о желательности сепаратного договора с Турцией: «Придется, — указывал он, — пожертвовать некоторыми прекрасными мечтами»¹⁵¹.

Наконец, царизм вовсе не считал, что все пути для сближения с Болгарией закрыты, с политической точки зрения столкновение с болгарской армией было в высшей степени нежелательным.

Поэтому Алексеев к январю 1916 г. круто изменил прежние планы и выступил против посылки крупных русских сил на юг Румынии. При слабости румынской железнодорожной сети, указывал он, эта переброска займет много времени, фронт, и без того в 1200 км, будет растянут еще больше, крупные силы русской армии будут отвлечены с главного направления, и соответственно отодвинется окончание войны¹⁵². Если на данной стадии не удастся сохранить румынский нейтралитет, то оказывать помощь Румынии следует сосредоточением войск в Северной Молдавии, — таков был вывод русского командования.

Не удивительно, что предложение Брэтиану (Румыния выступит, когда русские войска, перейдя в наступление, займут линию Дорнаватра — Карлибаба — Селетин — Коломея и возьмут на себя защиту Добруджи¹⁵³) встретило в ставке ледяной прием.

Будущим союзникам часто просто не о чем было говорить. Показательно, что Диаманди во время встречи с Шиллингом 2 февраля с упоением делился впечатлениями о том, как он застрелил медведя во время охоты в Олонецкой губернии, о политике же... заговорил лишь под конец посещения и как бы нехотя¹⁵⁴. «Румыния, казалось, вновь взяла в аренду выжидательную тактику»¹⁵⁵, — писал о позиции бухарестского кабинета французский историк А. Пинго.

Вероятно, переговоры остались бы на точке замерзания, если бы не вмешательство союзников. В 1916 г. русская сторона еще

¹⁵¹ «Красный архив», т. 28, 1928, стр. 30—31.

¹⁵² МОЭИ, т. X, № 85, 207. Бывший генерал-квартирмейстер 8-й русской армии А. Базаревский приводит в своей статье 12 возражений военно-стратегического характера против вступления Румынии в войну! (А. Базаревский. Влияние держав Согласия на выступление Румынии и невыгоды этого выступления для России.— «Кто должник?» Сб. статей. М. 1926, стр. 266—267).

¹⁵³ «Красный архив», т. 28, 1928, стр. 44—45, сн. 1; МОЭИ, т. X, № 506.

¹⁵⁴ «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 7.

¹⁵⁵ A. P i n g a u d. Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre, t. II. Paris, 1939, p. 181

в меньшей степени, чем это было за год до того, имела возможность проводить собственный курс в румынском вопросе.

Алексееву приходилось жаловаться на «нервное и нежелательное участие», с которым французская миссия в Бухаресте и в особенности военный атташе капитан Пишон относились к русско-румынским переговорам¹⁵⁶.

Помимо давления через обычные дипломатические каналы французы пустили в ход тяжелую артиллерию: президент Пуанкаре направил личное послание Николаю II, в котором обратил внимание царя на большое значение, придаваемое в Париже румынскому выступлению. Будет «тяжелой моральной и военной ошибкой», если нейтралитет Румынии затянется до конца войны, писал Пуанкаре. Сейчас, когда все «деликатные» территориальные вопросы решены, французский президент требовал от Николая, чтобы тот оказал «примиряющее влияние» на ход переговоров¹⁵⁷.

Царь в своем ответе заверил Пуанкаре, что прилагает все усилия для достижения успеха, однако «создается впечатление, что (румынское правительство.— В. В.) в настоящий момент не расположено определять свою точку зрения по вопросам военного сотрудничества»¹⁵⁸. Сазонов в беседе с французским послом Палеологом не скрыл своего раздражения по поводу демаршей французского кабинета, который, казалось бы, должен быть лучше осведомлен об «уклончивых ответах румынского правительства, очевидно, ведущего двойную игру и избегающего принять в настоящую минуту окончательное решение»¹⁵⁹.

Однако реальная обстановка не позволяла русским правителям в то время проявлять излишнюю, с точки зрения союзников, самостоятельность.

В мае 1916 г. началось наступление русских сил на Юго-Западном фронте под руководством Брусилова. Порыв войск, размах операции, колоссальные успехи, достигнутые в первые же дни, показали, что силы русской армии не сломлены. В этих новых условиях Брэттиану, опасавшийся, как бы не прозевать решительный день, сам поспешил связать порвавшую нить переговоров. «У него (Брэттиану.— В. В.),— передавал румынский премьер Поклевскому,— начинает появляться надежда, что благодаря удивительной мощи нанесенного нами удара и чудному духу русской армии это наступление может дать крупные

¹⁵⁶ М. В. Алексеев.— С. Д. Сазонову, 21.II 1916.— АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 562/580, л. 125.

¹⁵⁷ Р. Пуанкаре — Николаю II, 17.II 1916.— МОЭИ, т. X, № 288.

¹⁵⁸ Там же, № 296.

¹⁵⁹ Там же, л. 123.

результаты и поставить на очередь вопрос о выступлении Румынии»¹⁶⁰.

Французское правительство в свою очередь сочло момент наиболее подходящим для давления по двум линиям — в Петрограде и Бухаресте. 3 июня глава кабинета Аристид Бриан пригласил к себе румынского посланника Лаховари и настойчиво советовал румынским правителям покончить с колебаниями¹⁶¹. 12-го числа того же месяца Палеолог обратился с личным письмом к Сазонову.

Правительство республики, указывал он, считает скорейшее вовлечение Румынии в войну вопросом первостепенной важности. Надо воспользоваться тем эффектом, который произвело на короля, румынскую общественность и самого Брэттиану русское наступление. Разве можно быть уверенным, что завтра будут существовать столь же благоприятные обстоятельства?

Тот факт, что Сазонов придерживался иного взгляда в румынском вопросе, посла не смущал: с русским правительством считались все меньше и меньше. Он просил (фактически — требовал), чтобы министр поддержал перед ставкой высказанную им точку зрения, и сообщил, что глава правительства А. Бриан собирался прибегнуть к «настойчивому языку» в Бухаресте¹⁶².

В Могилеве, где располагалась ставка, англо-французы проявляли не меньше бесцеремонности. Когда британский генерал Уотерс сообщил Алексееву, что Ллойд Джордж, Бриан и Жоффри решили произвести очередной нажим в Петрограде для вовлечения Румынии в войну, последний сердито огрызнулся: «Пусть господа французы и англичане благоволят взять на себя эту работу, не возлагая ее на русскую армию».

Но те «не сообразовали»¹⁶³.

Действия дипломатов Третьей республики в Петрограде превратились в прямое домогательство. Ожесточенные бои под Верденом уносили каждый день тысячи солдатских жизней. Людские резервы Франции таяли. Ее командование во главе с Жоффром стремилось поэтому поспешно организовать новый фронт на Балканах, чтобы отвлечь туда часть немецких сил и ослабить нажим под Верденом¹⁶⁴.

12 июня Палеолог имел бурное объяснение с Шиллингом в Министерстве иностранных дел. Последний жаловался на дей-

¹⁶⁰ Интересно, что после начала наступления русский посланник не торопился к Брэттиану, «предоставив ему инициативу свидания» (С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 28.V 1916. — АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 48). В том же духе румынский премьер высказался через несколько дней (С. А. Поклевский — С. Д. Сазонову, 2.VI 1916. — Там же, л. 71).

¹⁶¹ A. P i n g a u d. Op. cit., t. II, p. 183.

¹⁶² Копия личного письма М. Палеолога — С. Д. Сазонову от 12.VI 1916. — АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 116.

¹⁶³ А. Базаревский. Указ. соч., стр. 280.

¹⁶⁴ См. А. P i n g a u d. Op. cit., t. II, p. 183.

ствия французов в Бухаресте, которые, по его словам, «могут скорее всего иметь отрицательные последствия, так как чем больше союзники будут увещевать румын выступить, тем более последние возомнят о себе в предположении, что союзники крайне нуждаются в их выступлении и что поэтому Румынии выгоднее оттягивать таковое, заламывая все большую цену за свое вооруженное содействие».

Палеолог мотивировал свою позицию «невольной усталостью во французском народе». Оборона Вердена обошлась уже в 310 тыс. человек убитыми. Уже после разговора посол позвонил в министерство по телефону и сообщил, что приходится считаться с возможностью падения крепости ¹⁶⁵.

Нажим союзников явился основным фактором, заставившим русское командование снять свои возражения против выступления Румынии и присоединиться к действиям французов в Бухаресте, которые оно осуждало за несколько дней до этого.

Еще 17 июня полковник Татаринов передавал, что он и посланник не оказывают особого давления на румынское правительство. Тогда же он сообщал в Петроград, что накануне Блендель от имени генерала Жоффра заявил, что момент для румынского выступления настал и что Брэтиану попросил 48 часов на размышление ¹⁶⁶.

Но в тот же день, 17 июня, Алексеев после «обмена взглядов» с генералом Жоффром ¹⁶⁷ (понимай: под непосредственным воздействием французских требований) направил полковнику Татаринову телеграмму, определившую курс русской политики в Румынии на ближайшее время. Сазонов, доживавший в министерстве последние дни, немедленно распорядился принять инструкцию Алексеева к руководству ¹⁶⁸.

Существовали обстоятельства, способствовавшие тому, что Алексеев с большей легкостью, чем можно было ожидать, примирился с мыслью о необходимости изменить прежнюю позицию.

Победы кружили головы и более крупным полководцам, чем этот генерал. В своей оценке сложившегося летом 1916 г. положения он допустил серьезнейшие стратегические и политические просчеты. Алексеев решил, что австро-германские силы измотаны и не в силах перейти к активным операциям. «Австрийская

¹⁶⁵ Дневник МИД. Запись от 12 июня 1916 г.— «Красный архив», 32, 1929, стр. 61—62.

¹⁶⁶ Полковник Татаринов — М. В. Алексею, 17.VI 1916.— ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 82, л. 174. Опубликовано в «Правде», 18(31). I 1918.

¹⁶⁷ Выражение, употребленное А. Базили в телеграмме Сазонову от 18.VI 1916 (АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 159). Русское правительство было информировано к этому времени о том, что Жоффр передал в Бухарест «настоятельные советы» (II) «о своевременности... немедленного выступления Румынии» (там же, л. 157).

¹⁶⁸ С. Д. Сазонов — С. А. Поклевскому, 18.VI 1916.— Там же, . . 160.

армия, конечно, способна к упорной обороне,— писал он Татаринову,— но степень ее современного расстройств не позволит ей вернуть способность к решительным наступательным действиям»¹⁶⁹. Немцы с трудом наскребли для помощи своим союзникам семь дивизий. Нейтралитет Румынии, по мнению начальника русского штаба,— «очень ценен» в любое время, когда предвидятся «активные действия противника на юге». Но в тот момент он считал их невозможными.

За первой ложной посылкой следовала вторая. Алексеев полагал, что войска союзников в Салониках будут полностью сковывать болгарские силы: «Болгары для Румынии не опасны, так как они сдерживаются Салоникской армией»¹⁷⁰. Более того, Алексеев питал совершенно неосновательные надежды на то, что Болгарию удастся перетянуть на сторону Антанты¹⁷¹.

Неверные послышки приводили к ошибочным выводам. «При этих условиях,— полагал начальник русского штаба,— устраняется опасность нападения (центральных держав.— В. В.) на Румынию и выдвигаются все выгоды ее выступления»¹⁷².

Алексеев мечтал о том, как бы сдвинуть, наконец, с места засевших в Салониках союзников, организовать комбинированные операции нескольких армий.

Уж если суждено видеть Румынию в лагере Антанты, то она должна выступить как можно быстрее, пока не улетучился эффект знаменитого весенне-летнего наступления на южном фронте, рассуждал руководитель русских армий. «Для генерала Алексеева главное — это момент выступления Румынии, и этим объясняются его несколько категорические требования, к ней **обращенные**»¹⁷³,— передавал в министерство иностранных дел Муравьев.

До настоящего времени, телеграфировал Алексеев Татаринову 17 июня, он не считал удобным делать «настойчивые представления перед румынскими руководителями». «Сложившаяся ныне военная обстановка,— продолжает он,— побуждает меня возложить на Вас обязанность выяснить дело генералу Ильеско¹⁷⁴ и высказать, что трудно ожидать в будущем более благоприятных условий для вооруженного выступления Румынии». Послание Алексеева заканчивалось многозначительно: «Выступление Румынии теперь же будет иметь соответственную ценность, чего не могут сказать в случае, если решение будет отложено на неопределенное время. Обстановка повелевает румынам присоединиться к нам или теперь или никогда»¹⁷⁵.

¹⁶⁹ А. Базили — С. Д. Сазонову, 17.VI 1916.— АВПР, ф. СА, 1916, д. 563, л. 153.

¹⁷⁰ «Красный архив», т. 29, 1928, стр. 1.

¹⁷¹ Там же, стр. 5.

¹⁷² Там же, стр. 1.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Генерал Илиеску — заместитель военного министра Румынии.

¹⁷⁵ АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 153.

Последние фразы явились плодом сношений Алексева с Жоффром. Именно главнокомандующий французскими армиями первым преподал в Бухаресте «настоятельные советы о своевременности... немедленного выступления Румынии»¹⁷⁶. В данном случае русские представители шли в фарватере французской политики, что Брэтиану не преминул отметить¹⁷⁷.

В конце июня переговоры вступили в заключительную стадию. Румынский премьер выставил несколько условий: подвоз боеприпасов; общее наступление союзников и, в частности, продолжение активных операций в Галиции; «обеспеченность» со стороны Болгарии¹⁷⁸. Под последним следовало понимать посылку на юг Румынии русских сил для противодействия болгарскому удару.

При выполнении всех этих требований он соглашался открыть военные действия не ранее 1 августа и то против одной Австро-Венгрии. Наконец, он выдвинул условие, поставившее русскую дипломатию в тупик: Брэтиану просил, чтобы союзники гарантировали присоединение к Румынии всех тех земель, которые будут перечислены в политическом соглашении¹⁷⁹. Как можно гарантировать то, что еще не завоевано? — недоумевали в Петрограде¹⁸⁰. Русская сторона напоминала своим союзникам, что участники Антанты, договорившись о будущей добыче, воздержались от выдачи друг другу гарантий на ее приобретение, ввиду полной неясности того, что же в действительности удастся получить.

Болезненно воспринимали в русской столице пункт, касавшийся населенного в основном сербами Западного Баната. Брэтиану не только добился передачи его Румыни, но и наотрез отказался гарантировать национальные права жителей¹⁸¹.

В переговорах вновь возник тупик. Но тут активно вмешались французское правительство и командование. В начале июля Блондель заявил Брэтиану по поручению своего кабинета: «Если

¹⁷⁶ Любопытно отметить, что даже прибегая к столь категорическому языку, начальник русского штаба ни в малой степени не надеялся на успех в Бухаресте (там же, лл. 157, 159).

¹⁷⁷ Когда Поклевский и Татарinov 19 июня явились к румынскому премьеру с инструкциями своего командования, тот заявил, что ждал их визита и что переданное ими сообщение «в общих чертах» сходно с французским, сделанным за несколько дней до этого (ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 82, л. 181; АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 164). Одновременно с этим аналогичный демарш предприняли англичане (там же, л. 195).

Формула «теперь или никогда» была согласована между союзниками. К ней прибегли и военные атташе (ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 82, л. 184).

¹⁷⁸ Памятная записка МИД России от 26 июня 1916 г.—АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 573/641, л. 55.

¹⁷⁹ Памятная записка МИД России от 9 июля 1916 г.— Там же, л. 68.

¹⁸⁰ В наброске ответа на румынское предложение указывалось: «Мы не можем обещать военные меры, дабы гарантировать приобретения Румынии» (АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 182).

¹⁸¹ Памятная записка русского МИД от 9.VII 1916 г.—АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 571/591, л. 68.

Румыния не использует представившейся ей возможности, то она должна будет отказаться от мысли стать путем объединения своих соплеменников великим народом»¹⁸².

Затем в Париже решили, что Блонделя в Бухаресте нужно заменить дипломатом более крупного калибра. Блондель был женат на румынке, вошел в Бухарестский высший свет и считался у себя на родине чересчур покладистым. Он воплощал тип деловитого и ограниченного буржуа, способного вести переговоры о продаже партии вина либо готового платья, но никак не мог тягаться с хитрецом Брэтиану.

В том же июле в румынскую столицу прибыл во главе целой миссии новый французский посланник граф Сен-Олер, — «с улыбкой на устах и карманами, полными обещаний»¹⁸³, как писал мемуарист. Его приезд совпал с моментом, когда убеждение, что победе не удастся ускользнуть от Антанты, стало почти всеобщим. Сен-Олер пленил дам светской утонченностью и изысканными манерами. Но политики быстро почувствовали железную хватку галантного аристократа. 8 августа (н. ст.) генерал Жоффри передал через посланника, что Румыния должна в 4 часа дня принять решение¹⁸⁴. Жоффри обещал в таком случае организовать крупную диверсию из Салоник.

Параллельно с натиском в румынской столице не менее настойчивое дипломатическое наступление велось в Петрограде. «Убеждения» французов носили столь настойчивый характер, что товарищ русского министра иностранных дел Нератов назвал их «подлинным шантажом»¹⁸⁵. М. Палеолог не прекращал ни на минуту надзора за русской дипломатией, неохотно следовавшей за своим французским союзником. В начале июля Сазонов был внезапно отставлен от должности. У Палеолога не хватило терпения дожидаться, пока его преемник, Б. В. Штюрмер, примет дела. За один день, 14 июля, он дважды требовал (в беседах с Шиллингом и Нератовым) «самой широкой уступчивости» в переговорах с Брэтиану. Он опять говорил об истощении французских вооруженных сил, а в ответ на жалобу Шиллинга, что уступки «кажутся малоценными французам лишь потому, что все эти уступки делаются главным образом за счет России», посол прибег к прямым угрозам, ссылаясь на «сильное возбуждение» общественности и утверждая, что у Франции «нет больше ни одного человека» в резерве¹⁸⁶.

Русские колебания в вопросе о гарантии будущих румынских владений французы преодолели просто. Проявив большую «гиб-

¹⁸² И. Георгиу. Русско-румынские отношения в период первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Канд. дисс. М., 1953, стр. 181.

¹⁸³ С. Argetoianu. Op. cit., p. 937.

¹⁸⁴ И. Георгиу. Указ. соч., стр. 188.

¹⁸⁵ А. Ringaud. Op. cit., t. II, p. 193.

¹⁸⁶ «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 68, 69.

кость», они предложили гарантировать — на бумаге — все, что угодно, не только румынские приобретения, но даже равноправие Румынии на предстоявшей мирной конференции. Что же она получит в действительности, — покажет война. В разговоре с Шиллингом и Нератовым Палеолог сказал: «г. Бриан придерживается на этот счет следующего взгляда: или по окончании войны союзники будут столь сильны, что им легко будет выговорить для Румынии все обещанные ей земельные приращения, и в таком случае обязательство не заключать мира без осуществления этого условия не создаст никаких затруднений, или союзники принуждены будут сами поступиться некоторыми своими требованиями, и в таком случае Румынии волей-неволей придется склониться перед так называемой *force majeure*, не настаивая на осуществлении державами неисполнимых обещаний»¹⁸⁷.

4 августа Румыния вошла, наконец, в Антанту. Политическое соглашение и военная конвенция были подписаны в величайшей тайне на дому у брата премьер-министра Винтилы Брэтиану в присутствии всего лишь нескольких человек.

В первом из этих документов перечислялись все территории, подлежащие переходу к Румынии. Союзники, по совету французов, обещали добиться, чтобы означенные земли отошли от Австро-Венгрии, и, кроме того, признали за Румынией полное равенство при выработке всех предварительных условий и во время мирных переговоров. Румынское правительство, в свою очередь обязалось объявить войну Габсбургской монархии¹⁸⁸. Брэтиану еще питал призрачную надежду, что сумеет избежать столкновения с болгарскими и немецкими войсками. Но эта хитрость обратилась против него самого. Не пожелав объявить войну Болгарии, он лишил себя возможности требовать посылки значительных русских воинских сил в Добруджу. С трудом удалось убедить русскую ставку направить на Южный фронт две пехотные и одну казачью дивизии¹⁸⁹.

Брэтиану оставалось сделать два дела: во-первых, попытаться скрыть соглашение от пронципальных взоров австро-германской дипломатии; во вторых, провести решение о войне через коронный совет.



Зима 1915/16 г. прошла для германо-австрийской дипломатии сравнительно спокойно. Вопрос о провозе оружия в Болгарию и Турцию отпал сам собой после того, как Сербия была оккупиро-

¹⁸⁷ «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 70. 30 июля Извольский передал из Парижа предложение Бриана. В тот же день царь дал свое согласие («Правда», 18 (31).I 1918).

¹⁸⁸ Текст соглашения см. АВПР, ф. Политархив, 1916 г., д. 704, лл. 71—72.

¹⁸⁹ Текст военной конвенции см. «Царская Россия в мировой войне», № 137.

вана; запрет на поставки зерна в Австрию и Германию был снят¹⁹⁰. Массовая закупка пшеницы и кукурузы англичанами вызвала в Берлине величайшую досаду, но использовать это для провоцирования конфликта ни правительство, ни командование не решились, тем более, что Брэттиану пошел на заключение еще более широких сделок с германскими экспортерами.

В кампании 1916 г. немецкий генеральный штаб собрался перенести центр тяжести операций на Запад. Подозрительная активность румын на австрийской границе вызвала поэтому беспокойство и тревогу. Но что можно было поделать? Серьезный дипломатический конфликт — если бы на него пошли немцы — мог легко перерасти в военный и поломать все стратегические замыслы командования на 1916 год. Немцы не решились на это. Ходившие по Бухаресту слухи о немецком ультиматуме не соответствовали действительности. Сам фон Буше рассказал Маргиломану, что его объяснения с премьером носили в общем вполне миролюбивый характер. Лишь однажды он сказал: «Может прийти день, когда мы скажем: кончайте свою... игру: или разоружайтесь, или будет война»¹⁹¹. Но квалифицировать это угрожающее заявление как ультиматум все же нельзя.

Обстановка резко изменилась с началом наступления Брусилова. В особняках двух дипломатических миссий сразу почувствовали, что надвигается буря. Чернин, стремясь разрядить атмосферу, дал понять, что Австро-Венгрия все забудет и все простит, что прошлогодние обещания останутся в силе, можно будет договориться о территориальных уступках в Буковине и в районе Железных Ворот на Дунае, пойти на расширение политических прав румын в Трансильвании¹⁹². Премьер осведомился через сенатора Прокопиу, нельзя ли получить обещание за нейтралитет? Чернин счел этот вопрос насмешкой¹⁹³.

В конце мая австро-германская дипломатия встрепенулась было в связи с так называемым инцидентом в Маморнице: русские войска, преследуя противника, нарушили румынскую границу.

При услужливом посредничестве своих сторонников Буше и

¹⁹⁰ См. стр. 76.

¹⁹¹ A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 29, 41—42.

¹⁹² Эти предложения делались без согласия Тиссы и его коллег по венгерскому правительству. Тиссу старался «обработать» генерал Макензен, но без успеха. В пику немцам венгерский премьер собирался организовать судебный процесс над румынскими политическими деятелями Трансильвании (АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 130).

¹⁹³ A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 76, 94—95.

С присущим ему лицемерию Брэттиану говорил в то же время русскому посланнику, что «ныне более всего опасается каких-либо новых предложений со стороны Австро-Венгрии за сохранение Румынией окончательного нейтралитета, ибо такие переговоры поставили бы его в очень щекотливое положение» (АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, лл. 130—131).

Чернин пытались раздуть это дело до масштабов международного конфликта¹⁹⁴.

Однако вовлеченные в него стороны вовсе не собирались ссориться. Брусиллов направил командовавшему войсками генералу телеграмму с резким выговором за «недопустимое своеволие»¹⁹⁵. Поклевскому было предписано сослаться на несчастную случайность¹⁹⁶.

Дело закончилось тем, что русские части были отозваны, а царь поблагодарил местные власти уезда Дорохой за предупредительность.

Маргилломану оставалось лишь изливать досаду в дневнике. «Это колоссально!— писал он по поводу официального сообщения.— Правительство старается прежде всего найти для русских извинения»^{197—198}.

Настроение румынского премьера в те дни граф Чернин охарактеризовал в трех словах: «ждет, боится и надеется»¹⁹⁹. Из разных источников до Чернина и Буше доходила информация о ведущихся переговорах с Антантой. Порой в вихре противоречивых сообщений было трудно разобраться; все же уже в середине июня австрийский посланник довольно точно обрисовал круг вопросов, по которым шла дискуссия. Он указывал, что румынского премьера волнуют две вещи: поставки оружия, с которыми русские не торопятся: «Россия,— писал он,— питает к господину Брэтиану не больше доверия, нежели мы!»²⁰⁰ Второй заботой премьера является урожай. Поэтому посланник считал, что решение будет принято во второй половине августа.

Брэтиану во время встреч предавался размышлениям о судьбах войны, давая понять, что конец, по его мнению, близок. «Этот коварный политик» рассчитывает оттянуть выступление еще на несколько недель, надеясь затем совершить военную прогулку по Трансильвании. Если русских не остановят — будет война, передавал Чернин своему правительству²⁰¹. 30 июня он полагал, что пройдет еще месяц, прежде чем румынская олигархия решится²⁰². В Вене не могли пожаловаться на своего представителя в Румынии,—он определил момент войны с точностью до двух недель!

В начале июля наступила новая стадия в маневрах румынской олигархии. Посланников центральных держав принялись со

A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 78—87; «La politique», 31.V. 1916; «Moldova», 2.VI 1916.

¹⁹⁵ ЦГВИА, ф. 2003, д. 112, л. 124.

¹⁹⁶ См. АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, лл. 54, 55, 60, 71.

^{197—198} A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 79.

¹⁹⁹ «Cartea roşie austro-ungară», № 61.

²⁰⁰ Ibid., № 66.

²⁰¹ Ibid., № 68.

²⁰² Ibid., № 70.

всех сторон заверять в миролюбии. Министр финансов Эм. Костинеску, слывший первым антантофилом в правительстве, «торжественно» поклялся Чернину, что Румыния не двинется с места²⁰³. Брэтиану заверял его, что не связан ни в каком смысле с Антантой и скорее выйдет в отставку, чем согласится на выступление²⁰⁴.

Эти «миролюбивые» речи совпадали с потоком сообщений о поставках оружия через Россию, военных приготовлениях на трансильванской границе, лихорадочной подготовке войск²⁰⁵. Чернин решил объясниться.

Разговор состоялся 16 июля. Посланник начал с того, что это — одна из последних бесед, и «в дружественных тонах» заметил, что знает и о военных приготовлениях, и о переговорах с Антантой. Брэтиану столь же «сердечно» ответил, что никогда не вводил Чернина в заблуждение (!). Он все время откладывал выступление и даже сейчас не думает о войне. Однако ни одно румынское правительство не будет равнодушно наблюдать за маршем русских к венгерской столице.

Чернин заметил, что заявления насчет «русских у Будапешта» кажутся ему комичными. Лев, которого Брэтиану считает мертвым, может одним ударом лапы превратить Румынию во вторую Сербию.

Общий вывод посланника звучал так: Брэтиану «желает статься Трансильванию без риска...»²⁰⁶. Единственно, что может сделать в Бухаресте дипломатия центральных держав — это дать понять, что за «предательство» придется уплатить по полному счету, что румынская олигархия будет иметь дело с немцами и полмиллиона болгар ударят с юга.

В таком духе и действовали австро-германские представители в Бухаресте в последние две недели, предшествовавшие войне. Буше заявил премьер-министру, что нападение на Австро-Венгрию или пропуск русских войск равносильны войне с Германией²⁰⁷.

В свою хитрую дипломатическую игру Брэтиану подключил короля Фердинанда: надеялись, что Гогенцоллерну поверят больше, чем изворотливому премьеру, и за августейшей ширмой можно будет скрыть детали военных приготовлений. В австрийскую и германскую миссию из дворца начали поступать сообщения о наступившем между Румынией и Антантой «охлаждении» и о том, что король надеется миновать кризис²⁰⁸.

²⁰³ «Cartea roşie austro ungară», № 75.

²⁰⁴ Ibid., № 78.

²⁰⁵ См. *ibid.*, № 71, 72, 76, 78.

²⁰⁶ Ibid., № 81.

²⁰⁷ Ibid., № 91; A. Marghiloman. Op. cit. v. II, p. 137. Запись от 6 августа.

²⁰⁸ «Cartea roşie austro-ungară», № 95, 96.

В какой-то степени этот маневр сбил Чернина и Буше с толку. В дипломатической переписке зазвучали нотки надежды: Фердинанд-де начал понимать, что с Брэттиану дальше идти нельзя, и подумывает о новой министерской комбинации во главе с Титу Майореску²⁰⁹. Но монархическая пелена скоро спала с их глаз: 7 августа Чернин передал в Вену сведения о подписании соглашения с Антантой²¹⁰. Железные дороги были переданы под контроль военных властей, правительство увеличило ассигнования на чрезвычайные военные расходы с 600 до 800 млн. лей. Иностранцы залаковывали чемоданы²¹¹.

Накануне коронного совета, 13 августа, были предприняты последние отвлекающие маневры. Король заметил в беседе с Черпиным, что 90% населения настроено против войны. Буше Фердинанд заявил даже, что соглашение с Антантой, если оно даже и подписано (!), его не связывает²¹². Премьер-министр самым решительным образом заверил посланника, что хочет и может сохранить нейтралитет. Коронный совет созван помимо его воли (!) благодаря интригам его политических противников. Решения совета покажут, насколько он, Брэттиану, искренен (!). Пока Румыния будет под его руководством, она вступит в войну лишь в случае прямого нападения²¹³.



На 14 августа был назначен совет.

Собрались в королевском дворце Котрочени министры во главе с Брэттиану, председатели обеих палат парламента, бывшие премьеры и руководители партий.

Заседание открыл Фердинанд. Он сообщил, что созвал присутствующих не для совета,— ибо решение принято,— а чтобы получить поддержку. Карп, к которому король обратился первым, заявил, что не понимает цели совещания, раз все заранее решено.

Брэттиану оправдывал свой курс: «Шаг за шагом, не торопясь, я добился гарантии наших интересов,— говорил он.— За нейтралитет мне предлагали одни обещания, а не гарантии. Сейчас вопрос стоит так: либо мы откажемся от всего, что сможем получить в результате победы Антанты, либо должны вступить в войну»²¹⁴.

Ионеску и Филипеску полностью поддержали премьера. Но затем слово взяли германофилы, принявшиеся запугивать короля русским господством в проливах. «Судьба войны неизвестна»,— заявил Маргилотан. Старый Карп обрушился с яростными

²⁰⁹ Ibid., № 102.

²¹⁰ Ibid., № 103.

²¹¹ Ibid., № 106, 107.

²¹² A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 144. Запись от 13 августа.

²¹³ «Cartea roşie austro-ungară», № 108, 109.

²¹⁴ A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 149.

нападками на правительство: «Льстецы трона взяли верх»,— и добавил, что молит бога о поражении румынской армии. Титу Майореску попытался выяснить, нельзя ли уклониться от взятых на себя обязательств. Премьер перебил его, заявив, что возврата нет. Медлить дальше невозможно,— иначе венгры того и гляди заключат сепаратный мир с Антантой²¹⁵.

В пылу полемики многие спорившие,— как не без яда записал в своем дневнике Маргиломан,— совсем забыли об угнетенных трансильванцах. Зато Брэтиану не преминул похвастать тем, что ему удалось выторговать населенные славянами территории²¹⁶.

Совсем в ином духе была составлена декларация об объявлении войны Австро-Венгрии. Здесь румынское правительство выступило пылким защитником трансильванских румын, которых «третировали как низшую расу»²¹⁷.



После коронного совета произошел многозначительный эпизод. Король долго и сердечно разговаривал с лидером консерваторов — германофилом Маргиломаном, жал ему руки и намекал на желательность вступления в кабинет. Тот отклонил это предложение, сопроводив, однако, отказ заявлением: «Если дела пойдут плохо, я буду здесь, чтобы Вам помочь». Король ответил: «Я надеюсь на тебя в полной мере». Маргиломан закончил этот знаменательный разговор словами: «В черные дни Вы меня найдете»²¹⁸.

Румынская олигархия, верная своей тактике игры на два фронта, на всякий случай перестраховывалась и заранее готовила кадры «теневого правительства», которое стало бы явным, если бы военный успех, вопреки ее ожиданиям, склонился на сторону немецкого милитаризма.



14 августа вечером румынский посланник Маврокордато вручил в Вене объявление войны канцлеру Буриану. А уже через два дня представители Германии, Турции и Болгарии в Румынии затребовали свои паспорта. 19 августа Буше вручил декларацию о войне²¹⁹. Его примеру последовали союзники. Надежды румынской олигархии на то, что удастся вступить в войну одним боком, ограничившись боевыми действиями против Габсбургской монархии, разлетелись в прах. Предстояла схватка с гигантской военной машиной германского милитаризма.

²¹⁵ Материалы о заседании см.: Le conseil de couronne de 1916 (Arhiva Ministerului Afacerilor externe (MAE), 71/914, E₂).

²¹⁶ A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 151.

²¹⁷ «Declarația de război. Austro-Ungaria» (Arhiva MAE, 71/914, E₂). Появилась 15 августа во всех румынских газетах.

²¹⁸ A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 154—155.

²¹⁹ Declarația de război. Germania, Turcia (Arhiva MAE, 71/914, E₂).

Такова фактическая канва событий, приведших к вовлечению Румынии в мировую войну.

Путь переговоров был тернистым, обстановка исключительно сложной, события чередовались как в калейдоскопе, планы менялись чуть ли не каждый день. Брэтиану удалось выторговать многое, очень многое.

Он действовал в необыкновенно благоприятных условиях. Когда в течение долгих месяцев ни один из противников не мог одолеть другого, необычайно возросла цена, уплачиваемая за союзников. Глубокие разногласия в лагере Антанты, где Англия и Франция попирали интересы русского империализма и старались завербовать новых участников коалиции за его счет, тоже играли на руку румынской олигархии, помогая Брэтиану добиваться все новых и новых уступок.

На этом основании публицисты и историки буржуазно-помещичьей Румынии создали тогдашнему премьер-министру репутацию несравненно искусного политика.

Удалившись от людей, чтобы беспрепятственно следить за событиями, оценивать их в холодном свете разума, в то время как все вокруг сотрясали воздух криком, премьер-министр замкнулся, как в крепости, в собственном сознании. Никто не мог проникнуть в тайну его мысли в ожидании великого часа²²⁰. У членов возглавляемой им либеральной партии вошло в привычку возносить на страницах печати и в парламенте хвалу господу богу за то, что он ниспослал Румынии в годину тяжелых испытаний такого многоопытного государственного мужа. И даже его политические противники — консерваторы склонны были оценивать курс Брэтиану чрезвычайно высоко: «С точки зрения политической и дипломатической Брэтиану, вплоть до вступления в войну, очень хорошо направлял корабль», — отмечал в своем дневнике Константин Аржетояну.

Отзвуки этих восторгов дошли до наших дней. В выпущенной в 1962 г. в Нью-Йорке книге, посвященной роли Румынии на Парижской мирной конференции 1919 г., ее автор Шерман Дэвид Спектор не скупится на комплименты блистательным дипломатическим способностям румынского премьера²²¹.

Слов нет, в ходе переговоров Брэтиану показал себя первоклассным мастером дипломатической игры, умело используя противоречия между участниками Антанты. Но можно ли ставить между этими качествами и искусством крупного дипломата знак равенства?

Безусловно, нет.

²²⁰ N. Bănescu. Ion I. C. Brătianu. Craiova, f. a., p. 138.

²²¹ Sh. D. Spector. Rumania at the Paris Peace Conference. A Study of the Diplomacy of Ioan I. C. Bruatianu. New York, 1962, p. 23.

Антанта требовала и добилаь тяжелой дани кровью за воссоединение румынских земель. С первого до последнего дня переговоров Четверное согласие рассматривало своих румынских партнеров как поставщиков пушечного мяса для осуществления своих империалистических замыслов.

Если русское командование и предпочитало, по стратегическим соображениям, нейтралитет Румынии, то оно не собиралось санкционировать воссоединение румынских земель в обмен на него. «Мирного» занятия Трансильвании ставка решительно не желала допустить. Говоря об австро-румынских отношениях, директор дипломатической канцелярии при ставке Н. Кудашев восклицал: «...надо, чтобы пролилась между ними кровь!»²²² А генерал Алексеев, касаясь перекройки карты Европы после войны, выражал свои взгляды жестким языком империалиста: «Британиану должен услышать твердый голос, что вознаграждение будет пропорционально... затраченным усилиям и что за военную прогулку 1912 года²²³ он не может получить что-либо существенное»²²⁴. Фактически русский главнокомандующий заявлял: «Если они (румыны.— В. В.) хотят быть великими, пусть сперва пройдут через горнило» войны²²⁵. Если говорить о прочих участниках Четверного союза, то все их помыслы были направлены к вовлечению Румынии в охвативший Европу военный катаклизм.

Наивно было бы думать, что главные империалистические хищники позволили бы обвести себя вокруг пальца. Нет, они спокойно и хладнокровно решили, во-первых, договариваться о важнейших вопросах без участия Румынии; во-вторых, удовлетворять румынские требования «по возможности». Именно это означала русско-французская договоренность, о которой мы писали.

Разумеется, это было вероломство. Однако таковы уж нравы в мире империализма. Британиану долго надувал Антанту, но пришел момент и союзники расплатились по крупному счету, не испытывая ни малейших угрызений совести: с кем, с кем, а с Британиану они не считались. Посеяв ветер обмана, румынский премьер пожал бурю предательства.

Как мы уже писали, союзникам удалось сломить сопротивление генерала Алексеева, предпочитавшего румынский нейтралитет ее выступлению на стороне Антанты в немалой степени из-за сложившейся летом 1916 г. на фронте обстановки. Ни одна из предпринимавшихся Антантой военных операций не приносила успеха, подобного успеху брусиловского наступления. Казалось,

²²² «Красный архив», т. 26, 1928, стр. 41.

²²³ Алексеев допускал здесь фактическую ошибку. Речь, по-видимому, идет об участии Румынии во второй балканской войне 1913 г.

²²⁴ М. В. Алексеев — С. Д. Сазонову, 24.VI (7.VII) 1916.— АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 208.

²²⁵ «Красный архив», т. 29, 1928, стр. 2.

еще один рывок, еще один удар, еще одно усилие, и Габсбургская монархия рассыплется. В таких условиях 600—700 тыс. румынских штыков могли бы явиться значительным фактором в решении судеб войны. Поэтому Алексеев, примирившись с тем, что придется-таки воевать в союзе с Румынией, требовал, чтобы она выступила в благоприятный со стратегической точки зрения момент. «Никогда, — писал начальник русского штаба, — я не стремился привлечь румын к нашему союзу; но раз наш противник допускает возможность такого решения, то интересы дела требуют решения принимать быстро, дабы не дать неприятелю времени закончить подготовку». В чисто деловом тоне он уговаривал не отягощенных боевым опытом румынских руководителей: «При данных условиях каждый потерянный Румынией день будет оплачен лишними трудами и потерями румынской армии. То, что можно было захватить сравнительно легко, придется брать упорными боями, каждый день отсрочки предоставляет противнику время укреплять позиции, собирать войска».

Но Брэтиану медлил и тянул. Жадность — плохой советчик, а именно к ее голосу, а не к стратегическим советам Алексеева прислушивался румынский первый министр. В последний момент он выторговал новое «исправление» будущей границы с Венгрией. И лишь когда немцы подтянули подкрепления и русское наступление выдохлось, премьер сделал решительный шаг. Десятки тысяч румынских солдат заплатились жизнью за желание правительства выторговать кусочек венгерской земли.

Буржуазно-помещичья румынская публицистика и историография создали премьеру славу пылкого патриота, все помыслы которого были направлены на объединение румынских земель. Даже длительный торг Брэтиану с Антантой, показывавший, что он не слишком торопился па помощь трансильванским братьям, рассматривался как намерение осуществить «национальный идеал» с наименьшими людскими потерями. Одни авторы одобряли подобную тактику. Другие не считали ее реальной. Йорга, например, высмеивал «инженерный» подход Брэтиану к мировым событиям и его попытки высчитать с точностью до дня момент вступления в войну, подобно тому, как рассчитывается с точностью до килограмма сопротивление моста²²⁶. Но все единодушно утверждали, что румынский премьер действовал с самыми благими намерениями.

Это явная идеализация Брэтиану. Свою «любовь» к румынскому народу он показал во время крестьянского восстания 1907 г., когда, будучи министром внутренних дел, руководил по-

²²⁶ Йорга намекнул на то, что Брэтиану был выпускником парижской высшей школы шоссе и мостов (N. Iorga. Istoria românilor, v. X, p. 358).

давлением этого крупнейшего в румынской истории народного движения. «Заботу» о народе он вписал в скрижали истории кровью 11 тыс. жертв восстания, расстрелянных солдатами и запоротых жандармами насмерть, слезами десятков тысяч пущенных по миру вдов и сирот повстанцев.

Этот холодный, трезвый и расчетливый политик выжидал потому, что не был уверен в исходе войны и долго не мог решить, на чью же сторону склонится победа. Добейся центральные державы более значительных успехов — и Брэтиану повернул бы в их сторону.

Один из виднейших румынских германофилов К. Стере, сорившись с Брэтиану и будучи последним жестоко обижен, опубликовал небезынтересные разоблачения: оказывается, премьер в 1914 г опасался, как бы открытые высказывания в Трансильвании в пользу воссоединения с Румынией не помешали ему заключить при случае сделку с центральными державами. Поэтому он направил Стере с секретной миссией к лидерам буржуазной румынской национальной партии в Семиградье, прося их оставаться послушными верноподданными Габсбургов²²⁷. Вскоре появился манифест части руководителей с призывом к румынам Трансильвании лояльно выполнить свой долг и без всяких колебаний лечь костью во славу двуединой монархии.

Любопытен и другой факт, сообщенный Стерс: не кто иной, как Брэтиану предложил ему деньги на основании в Румынии германофильской газеты²²⁸. Разумеется, премьер обуславливал эту сделку сохранением строжайшей тайны, ибо желал иметь и впредь возможность жонглировать сразу двумя шарами: антантофильским и германофильским.

Симпатии к державам Согласия вызревали у румынской буржуазии и помещиков постепенно, по мере того, как война затягивалась, а миф о германской непобедимости отошел в область предания.

Бросив в конце концов жребий, примкнув к Антанте, румынские правители стремились использовать национальный момент, заявляя, что вступают в войну ради освобождения трансильванских румын.

Но объединение они мыслили по-империалистски, с захватом изрядных кусков чужих земель. Два года переговоров со всей очевидностью показали это.

Характер участия Румынии в первой мировой войне определялся не справедливым стремлением народных масс к воссоединению с румынами, проживавшими в Австро-Венгрии, а захватническими замыслами румынской олигархии. «...С Болгарией и

²²⁷ C. Stere. *Marele războiu și politica României*. Buc., 1918, p. 220—222; I. Maniu. *Ardealul în timpul războiului*. Cluj, 1921, p. 20—25.

²²⁸ C. Stere. *Op. cit.*, p. 228.

Румынией идет торг тоже из-за дележа добычи»²²⁹,— писал В. И. Ленин, давая оценку сущности дипломатической активности Антанты на Балканах. Суть переговоров показывает глубокую правоту В. И. Ленина, большевистской партии, считавших, что демократический мир, который включал бы в себя и справедливое разрешение национального вопроса в духе самоопределения наций, недостижим без революции.

Применительно к Румынии путь к демократическому решению национального вопроса лежал через борьбу трансильванских румын против национального и социального гнета, через борьбу румын «Старого королевства» за свержение буржуазно-помещичьего строя и воссоединение румынских земель в рамках единого демократического государства.

²²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 317.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ОГНЕ
ВОЙНЫ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАМПАНИЯ 1916—1917 гг.

В течение двух лет выжидания и торга румынские дипломаты, генералы и публицисты, набивая цену своему сотрудничеству, с пылом расхваливали свои вооруженные силы. «Я уверен,— утверждал фактический глава генерального штаба Илиеску,— что румынская армия сыграет, может быть, решающую роль в окончании войны»¹. Газета «Адевэрул» провозглашала: «Когда Румыния выступит, Австро-Венгрия и Болгария со страху совершенно ослабеют и наверное поймут, что их нахальству пришел конец». «Венгры — в отчаянии»,— сообщала 10 августа 1916 г. «Националул». А «Дрептятя» заявляла: «Война на Балканах закончится так, как того хочет Румыния»².

Эти уверения воздействовали не только на западных союзников, что психологически понятно,— ведь желаемое так хочется принять за действительное,— но и на нейтралов, которым, казалось бы, следовало соблюдать хладнокровие. «Что вмешательство Румынии в войну имеет величайшее военное значение — это ясно»,— писала «Стокгольмс Тиднинген». Ей вторила «Ниа Даглит Аллиханда»: «...мировая война вступила в новую фазу и в течение ближайших двух месяцев исход ее должен окончательно выясниться»³.

Действительно, румыны сосредоточили на фронтах немалые силы: на трансильванском участке — 230 пехотных батальонов, 185 батарей, 73 эскадрона конницы, всего — 370 тыс. солдат и офицеров; на юге — 109 батальонов, 80 батарей, 23 эскадрона (свыше 140 тыс. человек). Стратегический резерв в районе Бухареста составлял 36 батальонов, 24 батареи, 8 эскадронов (еще 50 тыс. человек). Всего, вместе с этапными войсками, ар-

Копия записи разговора генерала Илиеску с ротмистром Игнатьевым 8 ноября 1915 г.— ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 43, л. 311.

² «Adevărul», 10.VIII 1916; «Naționalul», 10.VIII 1916; «Dreptatea», 13.VIII 1916. Цит. по: АВПР, ф. Печати и осведомления, оп. 477, д. 387, л. 72.

³ «Stockholms Tidningen», 29.VIII 1916; «Nya Dagligt Allehanda», 29.VIII 1916 (и. ст.). См. АВПР, ф. Печати и осведомления, оп. 477, д. 387, лл. 86—87.

мия насчитывала 620 тыс. рядовых и офицеров. В запасе имелось еще 420 тыс. человек⁴.

Но командование внушительной численно румынской армии не стояло на уровне требований современной войны.

Главнокомандующим числился король Фердинанд, типичный Гогенцоллерн, способный судить разве что о красоте мундира, выправке и строевом шаге, но круглый невежда в стратегии и тактике.

Шефом генштаба являлся престарелый генерал Василе Зотту, выдвинутый на этот пост за долголетнюю и беспорочную службу. Действительным же руководителем армии был заместитель Зотту, генерал Илиеску. Его карьера была в какой-то степени характерна. Молоденьким артиллерийским лейтенантом он отправился в Париж для усовершенствования в науках. Здесь он свел знакомство со студентом высшей школы шоссе и мостов Ионелом Брэтиану, сыном могущественного «визиря» и в будущем — руководителем либеральной партии. Дружба с семейством Брэтиану озаряла карьеру Илиеску на протяжении всей его жизни⁵.

Военные дарования генерала оставались тайной даже для его ближайших сотрудников. Зато его причастность к взяточничеству и казнокрадству была общеизвестной, а похождения веселого генерала в бухарестском полусвете, где он проводил немалую часть времени «в обществе обольстительных Дульциней», служили излюбленной темой памфлетистов. И недалеко от истины был русский генерал Зайончковский, который, познакомившись с методами командования Илиеску, охарактеризовал его как «выскочку, не знающего основ военного дела, смотрящего на военные операции как на орудие политической борьбы»⁶.

Беда румынской армии состояла в том, что Илиеску был не одинок.

Среди высших офицеров продвижение по службе сплошь и рядом определялось не личными заслугами, а благоволением короля. В результате оказывалось, что самыми удачливыми становились слепые поклонники милой сердцу румынских Гогенцоллернов прусской военной системы, придворные интриганы в военных мундирах, либо бесцветные личности, назначение которых не вызывало возражений партий. Наличие группы офицеров, интересовавшихся военным искусством и проявивших себя впоследствии умелыми военачальниками, не меняло общего положения.

Штабисты в румынской главной квартире давно уже корпели над составлением планов трансильванского похода. Генерал Авереску, удаленный с поста начальника штаба и потому фрон-

⁴ Данные о боевом расписании румынской армии, сообщенные генералом Коандой (ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, лл. 48—49).

⁵ Биографию Д. Илиеску см. в предисловии К. Кирицеску к кн. D. Iliescu. Documente privitoare la războiul pentru întregirea României. Buc., 1924, p. 3—5.

⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 516, л. 6.

дировавший вовсю, именовал их замыслы «стратегией аптекарей», а некоторые распоряжения — достойными юмористической газеты⁷.

Но, даже делая скидку на «личное» отношение генерала, нельзя не обратить внимания на явную недооценку сил противника. Румынские политики (в том числе и носившие мундир) рассчитывали повторить военную прогулку 1913 г. Поэтому после каждых трех дней марша войска по плану должны были отдыхать в течение дня: «противник не будет в состоянии оказывать серьезного противодействия во время нашего движения»⁸.

Острая нехватка ощущалась в командирах среднего звена. Накануне войны их кадры вместе с резервом составляли 8,5 тыс. человек (на предполагаемую армию в 700—800 тыс.). Лишь с помощью краткосрочных курсов общее число офицеров довели почти до 20 тыс.⁹

Важную часть армии составляли унтер-офицеры сверхсрочной службы. На их плечи перекладывалась «черная» работа по повседневному обучению солдат, и из унтеров старались воспитать касту хорошо натренированных, беспрекословно послушных автоматов.

Они жили и питались отдельно от солдат. «Занимая обособленное положение, многие из них очень скоро начинают относиться к нижним чинам как к чему-то низшему, третируют их и зачастую прибегают к побоям»^{9а}, — говорилось в составленном в русском генеральном штабе военно-стратегическом обзоре.

Русское командование было единственным в мире, видевшим румынскую армию «в деле». В тяжелую кампанию 1877—1878 гг. против Турции молодые, необстрелянные, не имевшие еще боевых традиций румынские дивизии проявили себя с самой лучшей стороны.

В донесениях русских военных атташе обращалось внимание на патриотизм, веру в лучшее будущее страны, сметливость и смелость, отличавших румынского солдата. От взора русских представителей не ускользнуло, что солдат-крестьянин «принесит с собой в казарму глухое недовольство против барина-помещика, векового своего эксплуататора»¹⁰. Однако они надеялись на то, что «укоренившаяся привычка к послушанию» и военная муштра сделают его послушным исполнителем воли офицера. Вывод делался вполне определенный: «Сильными сторонами армии является твердая ее дисциплина и прекрасный в нравствен-

⁷ A. Averescu. Notițe zilnice din război. Ed. I. Buc., 1927, p. 139, 146.

⁸ Ibid., p. 206—207.

⁹ D. Pîlescu. Op. cit., p. 33.

^{9а} Историко-военно-статистический обзор Румынии на 1916 г.— ЦГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 3142, л. 54.

¹⁰ Там же, лл. 55—56.

ном отношении материал, которым она располагает в лице нижних ее чинов»¹¹.

Следовало учитывать, однако, что армия военного времени состояла на 60% из призванных из запаса. Резервисты же, особенно старших возрастов, люди зачастую лет под сорок, обремененные семьей и заботами, начисто забывали те зачатки военных знаний, которые им когда-то с руганью и зуботычинами вбивали в головы унтера. По сути дела их надо было учить заново.

Слабым местом румынского войска являлось вооружение. Правда, было заготовлено по 1200 патронов на пехотную винтовку Маулихера. Но горький опыт русской армии показал, как близоруки были довоенные подсчеты¹² и как обманчивы надежды на помощь боеприпасами со стороны союзников.

Еще хуже обстояло дело с артиллерией. Перед войной правительство закупило у Круппа пушки и гаубицы. Они оказались не очень высокого качества — были случаи разрыва стволов при стрельбе: немцы воспользовались «снисходительностью» румынских приемщиков, широко пользовавшихся «гостеприимством» завода, «на полном иждивении которого они находились»¹³.

Но современных орудий не хватало, и румынский генштаб решил вооружить пять вновь сформированных дивизий пушками, снятыми с фортов Бухарестской крепости и линии Фокшани — Намалоаса. Эти участницы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. выглядели грозно лишь на бумаге, но никак не на поле боя¹⁴.

Наконец, вооружение армии велось без учета специфики военных операций: предстояло вести бои в Карпатах, а в войсках числилось всего 16 горных орудий Крезо.

Тут мы сталкиваемся с обстоятельством, оказавшим самое неблагоприятное воздействие на военные операции Румынии.

В течение десятилетий эта страна находилась в орбите германо-австрийской группировки. Военные приготовления велись из расчета действий против России. В Молдове поэтому была сооружена укрепленная линия вдоль реки Серет, в трех главных пунктах которой — Галаце, Фокшани и Намалоасе — было сконцентрировано около 150 артиллерийских батарей. Граница же с Австрией оставалась оголенной, и наскоро построенные в 1914—1915 гг. окопы не являлись серьезным препятствием для наступавшей армии.

¹¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 3142, л. 58.

¹² В русской армии перед войной приходилось на одну винтовку 1000 патронов. А уже весной 1915 г. нечем было стрелять. Надо сказать, что в румынской кавалерии на карабин приходилось 250 патронов. Войска третьей очереди были вооружены устаревшими винтовками системы Гебри Мартини (ЦГВИА, ф. 2000, д. 3129, лл. 117—123).

¹³ Из донесения русского военного атташе Семенова в отдел генерал-квартирмейстера генштаба, 11.II 1914.— ЦГВИА, ф. 2000, д. 3129, лл. 28—29.

¹⁴ Всего на апрель 1915 г. в румынской армии насчитывалось немногим более 800 современных орудий и 530 «старушек» (там же, л. 123).

Военная промышленность находилась в зачаточном состоянии,— иначе и быть не могло в отсталой стране, в которой отсутствовало машиностроение. Ружей и пушек в Румынии не производилось совершенно, снарядов выпускалось около 2 тыс. и патронов около 150 тыс. штук в день¹⁵. Выходило, что каждый солдат, даже в мирное время, мог позволить себе такую роскошь, как выстрел патроном «собственного производства»... раз в сутки. ...Наш подлиный арсенал,— свидетельствовал генерал Илиеску,— находился в Германии... или Австрии»¹⁶.

Правда, время выжидания не прошло даром. Пороховые заводы в Крайове, Фокшани, Галаце, Тырговиште, Бухаресте, Кымпу-Лунге работали на полную мощь. И все же в 1915 г. румынский генштаб считал, что союзники должны предоставить ему в семь раз больше снарядов, чем их производилось в стране¹⁷.

Совершенно катастрофически обстояло дело с пулеметами. В лучших полках их имелось по 6, в резервных они отсутствовали полностью¹⁸ (у немцев число пулеметов доходило до 50 на полк).

В русском военном министерстве поражались объему и разнообразию поступающих из Румынии заказов. Они не ограничивались винтовками и пушками, патронами и снарядами. Нехватка ощущалась во всем, от носовых платков до подков. Требовались шинели (400 тыс. и сукна еще на миллион), столько же мундиров, 3 млн. рубах, 1 млн. шаровар и материи еще на миллион, поступали заказы на обувь, патронташи, оружейные ремни, упряжь, мыло, мясные консервы, быстрорежущую сталь и т. д.¹⁹

Военно-технические подсчеты приводили русских представителей к мысли, что румыны способны вести самостоятельно кампанию три-четыре месяца, не дольше.



Ко времени вступления Румынии в войну коалиция центральных держав была порядком истощена. Никакой боевой опыт не мог возместить миллионных потерь. Цвет немецкой армии, по словам генерала Эриха фон Людендорфа, лежал под землей.

¹⁵ Данные французского военного атташе капитана Пишона (1914 г.).— ЦГВИА, ф. 2000, д. 3129, л. 1.

¹⁶ D. Iliescu. Op. cit., p. 6.

¹⁷ Полковник Семенов — в Огенквар, 11.IV 1915.— ЦГВИА, ф. 2000, д. 3133, л. 86 (14 тыс. снарядов в день). Подробности о вооружении румынской армии см.: «Memoriu relativ la stabilirea adevărului provitor la pregătirea de război în anii 1914—1916 (D. Iliescu. Op. cit., p. 121).

¹⁸ В. Федоров. Русская военная миссия в Румынии во время 1-й мировой войны 1914—1918 гг.— «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 97.

¹⁹ Подробные сведения о заказах см. там же.

Людендорф сетовал на «чудовищное превосходство» противника в людях и технике²⁰.

Стратегическая инициатива медленно, но верно переходила к Антанте. Немецкое наступление под Верденом захлебнулось в крови. На Западном фронте под Соммой германцы вели тяжелые оборонительные бои. Австрийская армия так и не могла оправиться после удара, нанесенного Брусиловым²¹. Чтобы облегчить развертывание румынских сил, «русские сильно теснили фронт эрцгерцога Карла в Восточной Галиции и в Карпатах»²². Под их натиском австрийцы и немцы пятились назад. «Положение иногда обострялось настолько,— писал фельдмаршал Гинденбург,— что мы опасались, чтобы наша оборона не была сброшена с вершин Карпат»²³. А для операций против Румынии австро-германцы должны были удерживать здесь свои позиции. Им пришлось перебросить против русских еще три дивизии с Западного фронта²⁴.

«Никогда такие великие державы, как Германия и Австрия, не были до такой степени истощены»,— писал Гинденбург. «Объявление войны Румынией застало нас почти безоружными по отношению к новому врагу»²⁵.

В Трансильвании располагались потрепанные, снятые с фронта и находившиеся на отдыхе или переформировании австрийские части, всего четыре с половиной пехотные дивизии²⁶. Укреплений не было возведено, чтобы «не дразнить» румын. Вдобавок как раз в дни румынского выступления произошла смена германского верховного командования: место смещенного и спешно направленного в Трансильванию Фалькенгейна занял Гинденбург. Его правой рукой и фактическим командующим всех немецких сил стал Эрих фон Людендорф.

Соотношение сил на первых порах складывалось явно в пользу румын, двинувших вперед три армии (15 пехотных дивизий и 1 бригаду, 2 кавалерийские дивизии и 3 бригады). Первые дни румынского наступления как будто оправдывали самые оптимистические прогнозы. Горные перевалы Карпат были заняты. 18 августа пал Брашов. Румынский авангард, легко преодолевая слабое сопротивление противника, подошел к Сибиу.

Но на войне нет ничего опаснее недооценки возможностей и резервов неприятеля. Немцы, отказавшись от наступательных

²⁰ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., I. М., 1923, стр. 194—195.

²¹ Об этом прямо писал фельдмаршал Гинденбург (Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922, стр. 8).

²² Э. Людендорф. Указ. соч., стр. 224.

²³ Воспоминания Гинденбурга, стр. 23.

²⁴ Э. Людендорф. Указ. соч., стр. 225.

²⁵ Воспоминания Гинденбурга, стр. 20.

²⁶ «Der Weltkrieg 1914—1918», Bd 11. Berlin, 1938, прил.: Kräfteinsatz gegen Rumänien August—Dezember 1916.

действий на других фронтах, спешно перебрасывали дивизии к Карпатам. Они сходились с русскими в оценке сильных и слабых сторон румынской армии, отмечая «твердость» солдата-крестьянина и в то же время нехватку офицерского запаса и слабый опыт военачальников в управлении крупными соединениями войск. К немалому облегчению Людендорфа, румынская армия «продвигалась вперед черепашью шаг», а ее генералы, «не понимая большой войны... не использовали благоприятные положения, которые все время создавалось для них вследствие оттягивания дивизий к Днестру и Карпатам. Они... попусту теряли время... Русские также действовали нецелесообразно. Они предпочитали устремляться на хребет Карпат, вместо того, чтобы через Молдавию нанести удар нашему открытому флангу»²⁷. А вскоре тревожные вести с юга побудили румынское командование совсем приостановить наступление.

Здесь, вдоль Дуная и в Добрудже, центральные державы тоже располагали незначительными силами²⁸. Именно за этот фронт немцы опасались больше всего²⁹— и напрасно: румынские правители мечтали о легком походе на север и собирались держать на юге лишь оборону.

В дополнение к 3-й армии генерала Аслана (6 пехотных дивизий и 1 кавалерийская бригада, всего 140 тыс. штыков и сабель) в Добруджу прибыл спешно сформированный русский 47-й корпус генерала А. М. Зайончковского.

Здесь, в Добрудже, в полной степени выявились результаты глубоких разногласий румыно-русских союзников.

Командир русского корпуса оценивал свою роль в следующих недвусмысленных выражениях: «Мне кажется, что 47 корпус и ген. Зайончковский есть та кость, которую бросили Румынии для того, чтобы она выступила на стороне Согласия. На этой кости поставили крест, ее вычеркнули из состава вооруженных русских сил, а если в будущем будет какой-либо от нее плюс, то это запишется в неожиданный для России приход»³⁰.

Познакомившись с союзным командованием, Зайончковский приуныл еще больше: «Впечатление в военном отношении отвратительное: это полное непонимание ведения современной войны, страшная паничность, самые ужасные сплетни угрожающего ха-

²⁷ Э. Людендорф. Указ. соч., стр. 225.

²⁸ К началу сентября — 3¹/₃ болгарских пехотных, 1 кавалерийская дивизии, гарнизон крепости Рушук, 1 турецкая пехотная дивизия, немецкий отряд Кауфмана (4 батальона, 6 эскадронов, 2 батареи).— «Der Weltkrieg, 1914—1918», Bd 11, указ. приложение.

²⁹ «Я в особенности боялся румыно-русского наступательного движения на Юг»,— писал Гинденбург (указ. соч., стр. 21). Из донесения А. М. Зайончковского М. В. Алексею от 10.VIII 1916 г. См. записку генерала Зайончковского от 20.X 1916 г. о действиях в Добрудже, август—октябрь 1916 г.— ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 516, л. 3. (Опубл. «Красный архив», т. 58, 1933).

рактера в официальных донесениях, всегда опровергаемые моей воздушной разведкой»³¹.

Зайончковский решил держаться настороже и препятствовать «возложению на русский корпус таких задач, которые будут отдавать специфическим запахом вытаскивания для румын каштанов русскими руками, а тем более обслуживания спокойствия румынских войск кровью и трудами моего корпуса»³². Он собирался проявлять «почтительность, уважение, услужливость» по отношению к румынам, но желал обеспечить себе известную самостоятельность, подчиняясь только общим директивам королевской штабквартиры.

На деле «опасность» угрожала Зайончковскому совсем с другой стороны. Под его начало были переданы румынские части, и на него возложили ответственность за операции в Добрудже³³. «Это окончательно погубило меня», — жаловался Зайончковский.

Видя бездеятельность русско-румынских сил, немецкое командование решило взять инициативу в свои руки. На первых порах оно не помышляло о крупных операциях, а собиралось совершить диверсию, думая с ее помощью нарушить планы румын и заставить их перебросить войска к Дунаю и прекратить наступление в Трансильвании³⁴.

Этот план удался блестяще.

22 августа 19-я румынская дивизия сдала Базарджик болгарским силам. Правда, через два дня подошедшие русские полки выправили положение, хотя вернуть город им не удалось. Но в тот же день пал Туртукай.

Событие это поразило Румынию, как удар грома. Да и было чему удивляться! Крепость окружали 15 фортов; за ними, ближе к окраинам, следовала вторая линия укреплений. Гарнизон состоял из 33 батальонов и имел на вооружении свыше 160 орудий; с Дуная его поддерживали огнем четыре монитора.

Болгары по численности и вооружению не превосходили оборонявшихся. Но они собрали свои силы в кулак, ударили по самому слабому из секторов и почти начисто уничтожили оборонявший его 79-й резервный полк. Другие румынские военачальники не сдвинулись с места, а некоторые — отступили за Дунай «без всяких видимых причин»³⁵. Резервы — и немалые — 2 бригады и 2 полка пограничников — не были пущены в ход. Увидев, что бой в решающем пункте проигран, командование сдало крепость.

³¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 516, л. 5.

³² Там же, л. 3.

³³ Это было сделано 25 августа.

³⁴ Воспоминания Гинденбурга, стр. 21.

³⁵ О взятии Туртукай см. D. Iliescu. Op. cit., p. 88—93; Донесения русского военного атташе Татарникова от 20, 21, 22, 23.VIII 1916 г. и посланника Пок-

26 августа король Фердинанд направил царю настойчивую просьбу о помощи³⁶. 27-го без боя пала Силистрия.

Это были серьезные неудачи; но приравнять их к разгрому нельзя, тем более что у неприятеля не имелось достаточных сил для развития успеха. Однако «в верховное командование вселился ужас, — записывал в своем дневнике генерал Авереску. — Страх перед болгарским нашествием из-за Дуная рос... под влиянием тревожных сведений, которые непрерывно получал и отравлял премьер-министр».

Румыны приостановили продвижение в Трансильвании и начали переброску войск на юг. Цель держав центра была достигнута.

У Авереску из 2-й армии в Трансильвании немедленно забрали $\frac{1}{3}$ частей в общий резерв. А вскоре и его самого перебросили на юг ввиду явной непригодности находившихся там военачальников. С тех пор Авереску перемещали с места на место, из одной армии в другую, словно он был, по грустному замечанию одного памфлетиста, «не генерал, а святые мощи».

Впечатление от войск у Авереску, назначенного командующим 3-й армией, занимавшей позиции вдоль Дуная к западу от Добруджи, сложилось тяжелое. Разбавленные больше чем наполовину резервистами, они не представляли серьезной силы³⁷.

Все же германские войска удалось остановить. 4 сентября болгарские атаки против русских частей захлебнулись³⁸. Подошли подкрепления. Возникла надежда, что положение стабилизируется.

Едва почувствовав почву под ногами, Авереску составил план наполеоновского размаха — переправиться через Дунай, отбросить Макензена и соединиться с Салоникской армией Антанты. Король немедленно одобрил соблазнительный замысел³⁹. Русское командование, узнав о нем, ужаснулось. Полковник Татаринов зачитал Авереску телеграмму Алексева, «длинную и тоскливую, как осенний день»⁴⁰. Русский командующий предупредил об опасности этой затеи. Авереску ответил высокомерно: он с удовольствием выслушивает советы до принятия решения, но не после.

Операция готовилась «с таким шумом и громом в течение

левского от 25.VIII 1916 г. (ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, 20, 22, 28—29, 40).

«Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт». М., 1922, стр. 83. В Добруджу была направлена еще одна русская дивизия.

³⁷ А. Авереску. *Op. cit.*, ed. II, p. 18, 24—27.

³⁸ Записка генерала Зайончковского от 20.X 1916 г. о действиях в Добрудже (ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 516, л. 15).

³⁹ А. Авереску. *Op. cit.*, ed. II-a, p. 41.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 42.

двух недель»⁴¹, что о ней, естественно, проведал неприятель⁴², и она закончилась провалом. Румынские войска без особого труда навели понтонный мост и форсировали реку; тут хлынул ливень, под его завесой вражеские корабли торпедами подорвали переправу; на требование Авереску о посылке ему резервов последовал отказ, а поспешно подтянутые немецко-болгарские подкрепления вытеснили румын, оставивших при этом на правом берегу Дуная обозы («неизвестно почему»⁴³, — замечает в своем дневнике Авереску, хотя ему-то следовало знать причины).

Поскромнев, Авереску вообще пытался скрыть от русских детали операции, сообщив им, что она была отложена из-за дурной погоды⁴⁴.

У противника инициатива Авереску вызвала полное недоумение: «Какие цели преследовало румынское командование этим выступлением, осталось непонятным», — писал Людендорф⁴⁵. Отношения у румынского штаба с Зайончковским испортились окончательно. «У меня нет физических сил заставить Ильеско сообщать мне каждый день правдиво о положении дел на их фронте. Я питаюсь только сплетнями», — телеграфировал Зайончковский. — «Я послал на левый берег Дуная русскую кавалерийскую дивизию с главной целью получить точнее сведения с Дуная, так как всю эту неделю я получаю от Ильеско тревожные сообщения о переправившихся через Дунай болгарам, а по проверке это всегда оказывается сон какой-то бабы»⁴⁶.

Инициатива была потеряна и на севере и на юге, старый план наступательных операций перечеркнут, румыны перешли к пассивному ожиданию неприятельских ударов. «Румынию, — писал Гинденбург, — преследовал злой рок; ее армия не двигалась, ее вожди ничего не понимали, а нам удалось вовремя собрать достаточные силы в Трансильвании...»⁴⁷

К середине сентября здесь была сосредоточена 9-я немецкая армия (7 дивизий) под командованием только что снятого с поста начальника генерального штаба и поэтому жаждавшего показать себя с лучшей стороны генерала фон Фалькенгейна, и 1-я австрийская армия фон Арца (6 пехотных и 3 кавалерийские дивизии). В полмесяца было упрочено положение Сибиу, занят

⁴¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 516, л. 15.

⁴² Немецкие листки предупредили за четыре дня о готовящейся переправе («Der Weltkrieg 1914—1918», Bd. 11, S. 209).

⁴³ А. Авереску. *Op. cit.*, ed. II, p. 44.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 516, л. 15. М. В. Алексеев писал в связи с этой операцией генералу Жанену о «стремлении румынской главной квартиры и генерала Авереску, невзирая на просьбы мои, выполнить безнадежную, но самостоятельную операцию переправы через Дунай вместо усиления думия дивизиями армии в Добрудже» (ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 36).

⁴⁵ Э. Людендорф. Указ. соч., стр. 230.

⁴⁶ Телеграмма А. М. Зайончковского от 3.X 1916 г. (ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 11, д. 72, л. 71-а).

Воспоминания Гинденбурга, стр. 23.

Брашов, а румыны, несмотря на упорное сопротивление, оттеснены к Карпатам. На участках активных операций немцы и австрийцы действовали превосходящими силами, и все же отрезать противника от горных перевалов и уничтожить его им не удалось.

Опасаясь краха всего фронта, румынская главная квартира спешно забирала войска с юга. Эта стратегия Тришкина кафтана привела к тому, что к концу месяца соотношение сил по Дунаю и в Добрудже склонилось на сторону держав центрального блока. Лишь в Добрудже потрепанные и подавленные неудачами русско-румынские силы были ослаблены отправкой 20 румынских и 12 русских батальонов и 24 эскадронов русской кавалерии (всего — 35 тыс. человек) на север. Осталось всего 93 батальона неполного состава⁴⁸. Макензен двинул против них свыше 100 батальонов⁴⁹. Результатом было быстрое поражение русско-румынских сил. 10 октября пала Констанца.

14 октября Алексеев телеграфировал Зайончковскому: «Благоволите пайти все части вашей армии, взять их в руки, воскресить управление, задержать напор неприятеля»⁵⁰. Но Зайончковскому не пришлось выполнить эту трудную задачу. Он был смещен, в командование вступил генерал Сахаров.

В Трансильвании принятые меры позволили приостановить натиск противника. «Чередующееся с сильными контратаками сопротивление, которое армии эрцгерцога Карла встретили в пограничных горах от Орсовы до Буковины, вскоре показало, что 9-я и 1-я австро-венгерские армии попали в тупик... Румынские войска были сильны...»⁵¹ Альпийский корпус генерала Крафта фон Дельмензингена, подкрепленный двумя австрийскими горнострелковыми бригадами, не смог прорваться через карпатский перевал Красная башня. Румыны упорно контратаковали.

Один из участников боев — немец так описывал происходившие схватки: «Пулеметный огонь тысячами сеял смерть в их (т. е. румынских) колоннах; а они собирались и вновь нападали, смело, отважно. Bravo, валах!»⁵² Застряли и главные силы 9-й немецкой армии у перевалов Вулкан и Предял. Лишь после тщательнейшей подготовки, затянувшейся до конца октября, немцам удалось преодолеть сопротивление неприятеля и прорваться через Карпаты. 4 ноября генерал Кюне разбил румынские дивизии у Тыргу-Жиу, 8-го занял Крайову, 10-го его кавалерийские части вышли к реке Олт и захватили мост у Каракала — путь в центральные области страны.

ЦГВИА, ф. 2003, оп. д. 516, лл. 16—17.

А. М. Зайончковский приводит цифру — 130 батальонов (там же, л. 18).

ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 285.

Э. Людендорф. Указ. соч., стр. 231.

⁵² W. F r a n k. Der Siegeszug durch Rumänien. Leipzig, 1917, S. 103.

В тот же тяжелый для Румынии день генерал Крафт пробился, наконец, через перевал Красная башня и вышел на равнину у Рымника, а фон Макензен переправился с юга через Дунай у Зимнича.

Находившиеся на западе, в Олтении, румынские части спешно отступали, стремясь выбраться из мешка; это им не удалось, и они сложили оружие у устья р. Олт. Войска центральных держав с трех сторон начали наступление на Бухарест.

18 ноября спешно переброшенные и явно недостаточные русские силы предприняли контратаку у Комана. Первоначально они имели успех и едва не отрезали переправившихся через р. Няжлов немцев. Подоспевшая турецкая дивизия заставила русских отступить. 19 ноября кавалерия 9-й немецкой армии вышла во фланг войск Макензена. Войска центральных держав сомкнулись.



В русской ставке не скрывали своего раздражения. Союзное командование не оправдало возлагавшихся на него надежд.

Просьбы о помощи, одна настойчивее другой, поступали непрерывно⁵³. Они сопровождались фантастическими подсчетами сосредоточиваемых против румынской армии австро-немецких сил. Так, 26 сентября Брэтиану со ссылкой на швейцарские (!) источники передавал, что немцы намерены сконцентрировать здесь 500—600 тыс. своих солдат⁵⁴.

В конце сентября к этому хору присоединила свой голос королева Мария. Она (разумеется, не по личной инициативе) обратилась к царю. «Мне ничуть не стыдно обращаться к вам с этим криком о помощи,— писала коронованная просительница, я пыталась спасти свою страну всеми возможными путями...»⁵⁵.

Алексеев как мог успокаивал румын. «600 тысяч человек равны 60 дивизиям,— писал он румынскому представителю при ставке генералу Коанде.— Откуда возьмут их немцы? Им едва ли удастся наскрести двадцать дивизий»⁵⁶. Алексеев считал, что

⁵³ 23 сентября румынский премьер писал о «нависшей опасности» и срочно просил поддержки (ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 39).

25 сентября Брэтиану телеграфировал: «Наши войска отброшены к Брашову. Срочность мощного русского вмешательства в Трансильвании, к несчастью, является более очевидной, чем когда-либо. Прошу не упустить ничего, чтоб оно произошло без запоздания, 24 часа имеют большое значение при настоящем положении дел» (ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 29). См. также ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 82, л. 226 (Extra urgent).

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 62.

⁵⁵ Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life, v. III. London, 1935, p. 65—66.

⁵⁶ М. В. Алексеев — генералу Коанде, 28.IX 1916.— ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, лл. 61—62. По немецким данным, к концу сентября против Румынии действовало 19 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, не считая отдельных частей («Der Weltkrieg 1914—1918», Bd. 11, прил. «Kräfteinsatz gegen Rumänien»).

в Трансильвании и Добрудже войска неприятеля к началу октября насчитывали всего 251 батальон и 70 эскадронов. «Силы противника, как вы изволите усмотреть,— писал он генералу Илиеску,— вовсе не столь грозные, чтобы могли говорить о критическом или крайне тяжелом положении. Мы имеем 331 румынский, 52 русских батальонов, всего 383...» Враг сражается 45 дней и тоже устал. Алексеев предлагал румынам крепко держаться за русские фланги в Молдавии и Добрудже, сокращать линию фронта, пожертвовав для этого Олтенией и, в крайнем случае, Бухарестом. «Главнейшая задача — сохранение армии во что бы то ни стало»⁵⁷. В штабе, не будучи связан дипломатическими условностями, Алексеев не скрывал своего раздражения: «Для меня непонятна нервность румын. Имея значительные силы в своем распоряжении, они умеют только кричать о критическом положении...»⁵⁸ Он не видел смысла в том, чтобы, подобно румынам, сломать собственный стратегический план, ослабить Юго-Западный фронт и начать длительный процесс переброски сил в Румынию. Но русские атаки в Галиции успеха не приносили...

С точки зрения академической стратегии Алексеев был, вполне вероятно, прав. Но никакие шаблоны не подходили к сложившейся обстановке. Арифметический подсчет сил в данном случае не годился. И русское командование, и его западные союзники слишком поздно обнаружили полную безрукость румынского штаба. Английский военный агент в Румынии передавал: «1-ю и 2-ю армии надо считать деморализованными, но не потому, что не годились войска, а потому, что управление плохо...»⁵⁹. Того же мнения придерживались французы. Генерал Жанен, их представитель при русской ставке, писал (мы приводим его слова с сохранением оригинальной орфографии и стиля): «Румынский солдат хорош; дух у него хороший. Младые офицеры весьма неопытны, некоторые из начальников очень боязливы — вот причины недавних неудач... Румынские начальники до крайней степени нервозны, уже израсходовали все резервы...»⁶⁰

Но от подобных заявлений было мало проку, попытки же русского командования получить у союзников реальную помощь, активизировать их действия на Салоникском фронте успехом не увенчались. Французы ограничились обещанием

М. В. Алексеев — генералу Илиеску, 2.X 1916 (ЦГВИА, ф. 2003, д. 60 л. 109). Подобные советы подавались неоднократно (см. ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, л. 65; ф. 2003, д. 60, л. 34).

⁵⁸ Резолюция Алексеева на телеграмме генерала Илиеску от 25 сентября с просьбой направить три русских корпуса в Трансильванию (ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 33).

⁵⁹ По сообщению русского военного агента Дессино из Лондона 3.X 1916 (ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, л. 69).

Генерал Жанен—Алексееву, 10.X 1916.— Там же, л. 83. Еще 6 октября тот же Жанен не считал положение критическим (ЦГВИА ф. 2003, д. 60, л. 170).

перебросить туда полторы дивизии, от англичан ничего не удалось добиться⁶¹. Одновременно французы направили в Румынию, по просьбе ее правительства, многочисленную миссию во главе с генералом Бертело. По пути она заехала в Петроград — Бертело имел поручение уговорить русских нанести сразу два удара — на Будапешт и в Добрудже. Его советы были отклонены.

В Бухаресте Брэтиану приветствовал французского генерала как будущего начальника румынского генерального штаба. Но тот счел благоразумным отклонить подобную честь⁵².

Русской ставке пришлось взять новый фронт на себя. В начале октября началась переброска двух корпусов в Румынию⁶³. Но для их перевозки нужно было протиснуть по дезорганизованной румынской железнодорожной сети 250 эшелонов, что требовало по крайней мере полумесца⁶⁴, а неприятель не ждал.

13 октября разбитая Добруджанская армия была преобразована в Дунайскую во главе с Сахаровым⁶⁵. О создавшемся на юге тяжелом положении дает представление инструкция, полученная этим генералом. «Разобраться в царящем хаосе, взять в руки войска, выработать план дальнейших действий, указать районы сбора подходящих резервов, создать инженерную подготовку театра»⁶⁶.

Сложившееся в Румынии положение, к которому генерал Алексеев старался применить каноны академической стратегии, командующий русским Юго-Западным фронтом Брусилов определял двумя словами — «полная неразбериха». Двинутая на помощь румынам 9-я армия и пополненные на юге войска, составившие Дунайскую армию, подчинялись Брусилову. «А между ними находится румынская армия, действующая самостоятельно и предпринимая операция собственного измышления при помощи французской миссии, крайне рискованного характера, и требующая нашей помощи». «По долгу совести и присяги» Брусилов считал нужным заявить, что в подобных условиях он управлять армиями не может⁶⁷.

К концу ноября Брусилов пришел к мнению, что ...при существующей обстановке давать разбитыми войсками полевое генеральное сражение победоносному, вдвое сильнейшему про-

См. М. В. Алексеев — Жанену, 25.IX 1916; Жанен — Алексееву 11.X 1916.— ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, лл. 37, 215, 265—268.

General Petin. Le Drame Roumaine 1916—1918. Paris, 1932, p. 20, 22—26, 28.

⁶³ М. В. Алексеев — главнокомандующим фронтами, 2.X 1916.— ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 105.

⁶⁴ М. В. Алексеев — генералу Коанде, 28.IX 1916.— Там же, л. 52.

⁶⁵ М. В. Алексеев — главнокомандующим фронтами, 14.X 1916.— Там же, л. 276.

⁶⁶ М. В. Алексеев — Сахарову, 14.X 1916.— Там же, л. 287.

⁶⁷ А. А. Брусилов — В. И. Ромейко-Гурко, 22.XI 1916.— ЦГВИА, ф. 800/с, он. III, д. 260, № 338.

тивнику было бы безумием, ибо неминуемо подобный образ действий повлечет за собой полное уничтожение румынской армии». Брусиллов настойчиво требовал перехода к позиционной войне. «Как не понять,— восклицал он,— что для оказания действительной помощи румынам мне нужно время, чтобы сосредоточить войска при ничтожной провозоспособности румынских железных дорог»⁶⁸.

Но румынская главная квартира не слушала его предостерегающего голоса и, с помощью французского генерала Бертелло, разрабатывала план битвы под Бухарестом. Усталые и явно неспособные к упорному сопротивлению войска проиграли сражение. 23 ноября (6 декабря) германцы, не встретив сопротивления, заняли Бухарест и двинулись дальше на северо-восток.

Намерения русского командования — создать крепкую линию фронта за сражающейся румынской армией — осуществить не удалось. Остатки румынских сил не годились даже в качестве временного заслона, и дыры в линии фронта пытались заткнуть спешно переброшенными русскими частями. В ставке подводили безрадостные итоги кампании⁶⁹:

Румынские дивизии:	1-я — 10 тыс. штыков	13-я — 2 тыс. штыков
	2-я — разбежалась	14-я — 2 тыс. »
	3-я — 6 тыс. штыков	15-я — 20 тыс. »
	4-я — сдалась в плен	
	5-я — разбежалась	17-я — соединена с первой
	6-я — 4 тыс. штыков	18-я — разбежалась
	7-я — 10 тыс.	19-я — »
	8-я — 3 тыс.	20-я -- »
	9-я — разбежалась	21-я -- 3 тыс. штыков
	10-я — сдалась в плен	22-я -- 1 тыс. »
	11-я — 3 тыс. штыков	23-я — 1 тыс. »
	12-я — 5 тыс. »	

Итого: 70 тыс. человек в строю

«Все зависит от силы сопротивления русских, а последнее, в свою очередь, от пропускной способности железных дорог», — записывал в своем дневнике генерал Авереску⁷⁰.

Но транспорт работал из рук вон плохо; подкрепления запаздывали. Отчаявшись «пробиться» к фронту в вагонах, командование обычно высаживало войска далеко от мест сражения.

⁶⁸ А. А. Брусиллов — М. В. Беляеву, 22.XI 1916.— Там же, № 337.

⁶⁹ На 3.XII 1916 г. См. «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт», стр. 108.

Указанная цифра охватывает оставшихся на фронте солдат. За его линией началось спешное переформирование и обучение новой армии. Всего на 1 января 1917 г. Румыния располагала 180 тыс. «старых» солдат и 82 тыс. рекрутов (Col. Constantini. La mission Berthelot en Roumanie 1916—1918.— «Revue historique de l'armée» (Paris), 1967, № 4, p. 60).

⁷⁰ А. Averescu. Op. cit., ed. II-a, p. 114.

В зимнюю распутицу они совершали изнурительные марши, прежде чем вступали в бой. Брусиллов считал возможным произвести сосредоточение IV армии на исходных рубежах лишь к 15 декабря⁷¹. Но само понятие «исходный рубеж» стало относительным: румынская армия откатывалась, Дунайская армия во главе с Сахаровым находилась не в лучшем состоянии⁷², и не раз новые русские дивизии, не успев занять позицию, получали приказ об отходе, ибо их фланги оказывались оголенными.

О сложившейся обстановке дает представление доклад начальника Кавказской туземной конной дивизии Д. Багратиона.

Дивизия, писал он, совершила переход в 600 верст в Рымникул-Сэрат. Довольствие не налажено: по четыре дня не было хлеба; половина людей — без сапог. Взаимоотношения с румынским командованием «до такой степени ненормальны, что могут привести к катастрофическим результатам»⁷³. Приказы и просьбы остаются без последствий. На железных дорогах есть подвижной состав, но нет персонала. Шоссе разбиты. Санитарное дело развалено. Эвакуация раненых не налажена⁷⁴.

Вот что рассказывали раненые русские солдаты корреспонденту Петроградского телеграфного агентства (сообщение так и не попало в печать, ибо рисовало слишком уж страшную и неприглядную картину): «Придя на позиции, мы три дня оказались без теплой пищи, питались сухарями, а на четвертый нас повели в атаку».

«Нынешний русский солдат — не прежний безграмотный мужик, — подытоживал свои наблюдения корреспондент. — ...Тот сплошной беспорядок, который он увидел в Румынии, заставляет его рассуждать, критиковать и наводит на мрачное, угнетенное настроение. Солдат ищет объяснений, ищет смысла войны...»⁷⁵

Приехавший в конце ноября в Яссы на смелу Поклевскому новый русский посланник генерал А. Мосолов застал румынских правителей в состоянии уныния и растерянности. Брэтиану, опасаясь занятия неприятелем всей территории, послал запрос о размещении в России двора, парламента, до 300 тыс. солдат и рекрутов и военной промышленности. С целью решения всех этих вопросов была спешно создана особая межведомственная комиссия под председательством сенатора Засядко. Много раз собиралась комиссия, много извела бумаги⁷⁶, но когда, наконец, было детально расписано, кому и куда высылать, оказалось, что труди-

⁷¹ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт, стр. 107.

⁷² Части 47-го корпуса «при малейшем нажиме и даже от одного сосредоточенного артиллерийского огня... оставляли позиции» (там же, стр. 109).

⁷³ Д. Багратион — В. И. Гурко, 26.XII 1916.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. III, д. 5, л. 18.

⁷⁴ Там же.

Телеграмма корреспондента «Вестника П. Т. А.» В. Янчевецкого. Яссы, 23.XII 1916 г.— ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 213, лл. 21—22.

⁷⁶ О чем свидетельствует объемистое дело 4435.— ЦГВИА, ф. 2000, оп. I.

лась она понапрасну. Враг был остановлен, и румынское правительство ограничилось переводом в Россию отдельных заводов, учреждений и воинских частей.

Зато быстро был решен другой вопрос. Не только русские генералы, но даже англичане, а в конце концов и сами румыны пришли к выводу о необходимости поставить румынскую армию (точнее, ее остатки) под оперативное русское командование: «У меня впечатление, что с передачей высшего руководства фактически в руки русских дела пойдут лучше. Кончится дилетантизм, и чувство реальности придет на смену теоретическим метаниям»⁷⁷, — писал Авереску.

Оставалось осуществить необходимые формальности. Сделать это было не так просто, как может показаться. Король Фердинанд, не имея военных дарований, с избытком обладал монархической спесью⁷⁸. Наконец, было решено поставить его формально во главе вновь образуемого румынского фронта с тем, чтобы его помощником и фактическим командующим будет русский генерал⁷⁹.

Вновь назначенный «помощник августейшего командующего румынским фронтом» генерал Сахаров рисовал положение черными красками. «К румынским войскам Сахаров относится как к величине, ныне вовсе не существующей, — записывал после беседы с ним русский посланник А. Мосолов. — Офицеры, по его словам в большинстве совершенно непригодны, деморализованы, неустойчивы, по ночам постоянно уходят из окопов, а солдаты недурны, но в настоящее время совершенно изнурены голодом, не одеты и громадная между ними болезненность»⁸⁰. Все надежды Сахаров возлагал на истощение неприятеля, необходимость для него остановиться, привести в порядок и пополнить свои усталые войска, наладить работу тыла.

Его расчеты оправдались. Противник был измотан до последней степени. Боевой порыв его ослабел, сила же сопротивления русских постепенно нарастала. После тяжелых оборонительных боев декабря 1916 — января 1917 г. фронт стабилизировался.

На 430 верст протянулся он по долинам и холмам Молдавии. Из них румынские войска (44 700 штыков и 2100 сабель) зани-

⁷⁷ А. Averescu. Op. cit., ed. II-a, p. 113.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 520, л. 5.

⁷⁹ ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 206, л. 14, 18.

⁸⁰ Там же, лл. 16—17. В издававшейся английской газетой «Таймс» «Истории и энциклопедии войны» положение рисовалось сходным образом: «К концу декабря 1916 г. остатки румынской армии были полностью отведены за Серет, позади завесы, образованной 500 тыс. русских. Из 24 румынских дивизий известную боеспособность сохранили 6. Из них образовали 2-ю армию, которая 3 дивизиями должна была удерживать небольшой участок фронта у Ойтуза, в то время как оставшиеся три реорганизовывались в ближнем тылу» («The Times History of the War», v. 17, part 209, 1918, p. 18—21).

мали всего 30 верст⁸¹. Их участие в обороне собственной страны было почти символическим.

И все же, несмотря на крупное поражение, румынская армия отвлекла на себя значительные силы немцев с Западного фронта и помогла генералу Жоффру завоевать передышку. Германской главной квартире пришлось окончательно расстаться с планом наступления под Верденом. Стратегическая инициатива здесь перешла к Антанте. «Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее», — писал Эрих Людендорф. Итоги 1916 г. он оценивал мрачно: «Это было устремление всех наличных сил к одной цели: отражению натиска Антанты и сохранению за собой возможности существования»⁸².

Уничтожить румынскую армию тоже не удалось. В тылу формировались новые войска. Генералу Презану понадобилось несколько недель, чтобы собрать потерявших свои полки людей. Была проведена дополнительная мобилизация в не занятых противником областях, армия была пополнена вывезенными (точнее, выведенными) из оккупированных местностей рекрутами, юношами, почти детьми, теми, которые выдержали страшный путь, в холод и распутицу, на север. Крестьянин-солдат, движимый желанием освободить родину от захватчиков, сносил все тяготы. Учения шли целыми днями. К лету 1917 г. румынская армия в 400 тыс. бойцов была воссоздана.

⁸¹ Общая численность войск фронта на 24.I 1917 г. — 423 тыс. штыков и 44 400 сабель (Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., стр. 115—117).

⁸² Э. Людендорф. Указ. соч., стр. 242.

**ФЕВРАЛЬСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года
В РОССИИ И РУМЫНИЯ**

Разруха, эпидемии и голод

Отступавшую осенью и зимой 1916/17 г. румынскую армию преследовал не только враг. Вслед за нею шли голод, эпидемии, разруха.

Вот как описывал русский посланник А. Мосолов свою встречу с войсками по дороге из Ясс в Галац: «Я увидел толпы беглецов, представлявшие остатки румынской армии. Это были не регулярные части, а насильственно собранные сборища избегнувших гибели людей, в большинстве босых, оборванных, с драньем, накинутым на плечи поверх грязного белья»¹.

В мемуарах королевы Марии есть целая глава под заголовком: «Болзны, хаос и интриги».

Войска, которым удалось добраться до Ясс, пишет эта дама, выглядели ужасно: «оборванные, исхудавшие люди с темными, иногда почти черными лицами»².

С этими свидетельствами перекликается сводка штаба Одесского военного округа о положении в Румынии: «В Яссах,— говорилось в ней,— встречающиеся на улицах нижние чины, возвращающиеся с позиций, производят угнетающее впечатление; оборванные и голодные, они бродят по улицам и просят милостыню...»³

В ужасном положении оказались раненые. В госпитале, размещенном в бывшем монастыре Фрумоаса, в палаты, рассчитанные на 300 человек, поместили 700. На всех — лишь два врача. «Вентиляции и света нет, пол земляной... Помещение для заразных больных отсутствует». Так тесно, что с трудом можно подойти к раненым. Королеве, посетившей госпиталь, показалось, что

А. Mosoloff. Ma mission en Roumanie.— Biblioteca Academiei RSR, secția de manuscrise, f. Arhiva palatului, mapa XX, № 7, p. 54.

² Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life, v. III. London, 1935, p. 127.

³ ЦГВИА, ф. 2006, оп. II, д. 72, л. 15.

она попала в ад⁴. «Наши несчастные раненые,— записывала королева в дневнике,— мрут, как мухи, и не от ран, а от пневмонии, подхваченной в нетопленных госпиталях». Госпитальное начальство разворовывало продовольствие; и раненых кормили капустой и фасолью⁵.

Сама Мария занялась благотворительностью, распределяя среди раненых конфеты, сигареты и цветы. Сестры госпиталя Колца в связи с этим просили проф. Йоргу разъяснить «доброй королеве» истинное положение вещей: четыре конфетки и цветочки, вручаемые раненому, стоят 60 бань; не лучше ли купить на эти деньги литр молока? А то некоторые из лежащих в глазном отделении «едва передвигают ноги»⁶.

Около 20 тыс. солдат, которых пощадил пули и болезни, дошли до такой степени истощения, что не могли двигаться и их пришлось эвакуировать в Россию в санитарных эшелонах⁷.

Не в лучшем положении, чем армия, находилось мирное население. На не занятой неприятелем румынской территории, составлявшей 1/3 общей площади страны, скучилась огромная людская масса: русские части и обслуживающий персонал — 1340 тыс. человек⁸; формируемая румынская армия — 400 тыс., беженцы — всего до 3,5 млн. людей, из которых 2,5 млн. составляли горожане и войска⁹. Их всех необходимо было накормить. Нужен был фураж для кавалерии и обозов (в одной лишь русской армии насчитывалось 350 тыс. лошадей). А запасов муки в городах, по подсчетам румынских властей, оставалось до конца апреля (при голодном пайке)¹⁰, кукурузы в селах — до конца августа, фуража и вовсе не было. Урожай пшеницы собирался к середине июля, кукурузы — к середине октября.

О крестьянах авторы румынского меморандума не заботились. Но для войск и городов нужно было доставить 300 тыс. тонн кукурузы и 100 тыс. тонн пшеницы¹¹. Громадными были запросы на одежду (шинелей — 700 тыс., мундиров из холста — 700 тыс., ват-

Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life, v. III, p. 132.

⁵ На это жаловался известный румынский ученый проф. Кантакузино, возглавлявший санитарную службу армии. См. ЦГАОР, ф. 2001, оп. 1, д. 218, л. 66.

⁶ Biblioteca Academiei RSR, secția de manuscrise, corespondența N. Iorga, v. 264, varia.

⁷ Гагарин — Засядко, 7.II 1917 — ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4435, л. 348.

⁸ Всего, по данным русского интендантства, на 1.I 1917 г. в списках числилось 16,5 тыс. офицеров, 5 тыс. чиновников, 900 тыс. солдат. Указанная выше цифра включала рабочих военных предприятий и офицерские семьи (ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. III, д. 5, лл. 117, 123).

⁹ Румынский aide-memoire, конец марта 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4435, лл. 455—456.

¹⁰ Там же, л. 456. Это дело содержит много румынских заявок, которые мы не приводим из-за отсутствия места.

¹¹ Протокол совещания в ставке с участием румын 22.IX 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 147, лл. 8—9.

ных — 350 тыс., белья — 1400 тыс. пар и т. д. Фактически речь шла о том, чтобы одеть, обуть, снабдить всем необходимым реорганизуемую армию.

В русской ставке и Петрограде согласились все это поставить. Но, как это часто случается, гладко вышло на бумаге, да забыли про овраги, причем в данном случае роль оврага играли железные дороги. Плохо оборудованные, с малой пропускной способностью, они мешали доставке грузов даже тогда, когда те имелись. Ознакомившись с положением, англичане пришли к выводу: «Деятельность железных дорог совершенно парализована. Для оживления ее не принимается абсолютно никаких мер... Солдаты, брошенные на железнодорожных линиях, умирают в вагонах от голода... Для продвижения санитарного поезда на 50 км требуется 10 дней»¹³. «Ключ от всех сегодняшних трудностей... в состоянии железных дорог у нас и у наших соседей за Прутом», — говорил и Брэтиану¹⁴.

В то же время хозяйственная разруха, подобно гангрене, охватывала и организм России. Прифронтовая полоса не могла удовлетворить запросов; о подвозе с Волги или из Сибири, по словам министра Шингарева, нечего было и думать¹⁵. Русская армия сама испытывала недостаток во всем. Юго-Западный фронт жил сегодняшним днем — запасов не было. Кавказская армия голодала¹⁶. А тут надо было брать на свой кошт румын. В апреле план поставок еще выполнялся. Затем снабжение разладилось совершенно.

«Мы не делаем никакого упрека русскому интендантству, которое сделало, что могло, — говорил румынский представитель на сентябрьском совещании в ставке, — но количество полученных из России продовольственных грузов оказалось настолько недостаточным, что войскам пришлось жить за счет местных средств, которые, помимо их незначительности, брались без соблюдения необходимых правил, беспорядочно и приводили нередко к ряду более или менее значительных эксцессов. В результате целые местности оказались совершенно опустошенными»¹⁷

Еще откровеннее выступал русский интендантский генерал Санников: «В течение всей прошлой зимы положение в Румынии было очень тяжелое: румынские солдаты фактически умирали с голода». Транспорт работал настолько плохо, что он раньше

¹² Переданная румынским военным министерством таблица № 1 одобрена совещанием 24 августа 1917 г. в Петрограде. — Там же, л. 12. Столь же громадные заявки поступали и на другие виды продовольствия, на военное снаряжение и стратегические материалы (ЦГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 4435, лл. 486—488).

¹³ Секретная записка Гриффитса. — ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 232, л. 1.

¹⁴ «Desbaterile adunării deputaților», 1916—1917, р. 63.

¹⁵ Совещание в ставке 30.IV 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 147, л. 55.

¹⁶ Там же, л. 38 (совещание 22.IX 1917 г.); л. 56 (совещание 30.IV 1917 г.).

¹⁷ Там же, лл. 37—38.

вообще не мог себе представить, что до такого состояния можно прийти. Тиф, спутник голода, косил людей¹⁸.

«Мы здесь нуждаемся решительно во всем,— писал в феврале 1917 г. из Ясс секретарь русской миссии Гагарин.— Эпидемии уже свирепствуют, а что будет через неделю-другую, трудно даже себе представить». «На кладбищах по нескольку дней стоят не преданные земле гробы за недостатком рабочих для рытья могил». Эпидемии «ужасающих размеров» охватили Текучи, Марашести и Бырлад¹⁹.

Ни русский генерал, ни румынский делегат не сгущали краски, говоря об опустошении целых местностей. С помощью жесточайших реквизиций уже к весне были лишены всяких запасов целые уезды. Зная, что у них неминуемо все отнимут, крестьяне стремились продать не только излишки, но и необходимые продукты. Делалось это тайком, ибо власти имели строгий приказ — не допускать продажи зерна и особенно скота. Перед военными трибуналами появлялись не только дезертиры, но и крестьянки, которые, спасаясь от реквизиций и голода, сбывали свою корову на рынке²⁰.

В селах царил тройной произвол: помещиков, администрации (в лице жандармов) и армии²¹. Жандармы сгоняли даже женщин и детей с собственных полосок и заставляли работать на помещичьих полях, и все это с побоями и издевательствами²². Депутат Н. Лупу приводил в своей речи в парламенте многочисленные примеры из полицейского произвола в уездах Путна, Дорохой, Ботошани, Тутова, Ромап, Сучава, Фэлчиу²³.

Другой депутат, Нестор Чипку, говорил, что для крестьян его поместья Моара Домняскэ (уезд Васлуй), где расположился 4-й полк тяжелой артиллерии, фактически введен режим военной оккупации²⁴.

А вот что сообщал своему другу Йорге писатель Александру Влахуцэ: «Из уездов Васлуй и Тутова ко мне поступают жалобы. Сельские жандармы бесчестят жен и дочерей тех, кто ушел на фронт... Расхищенный скот, брошенные хозяйства, дети на дорогах — и ни жалости, ни руки помощи, ни надежды...»²⁵ Но жан-

¹⁸ ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 147, л. 39.

¹⁹ Копия частного письма Гагарина от 5 февраля 1917 г.— ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 219, л. 1.

²⁰ D. Zaharia. Unele acțiuni revoluționare în regiunea Bacău în perioada februarie — octombrie 1917.— «Studii și articole», IV. Buc., 1962, p. 273.

²¹ Ibid., p. 274—275.

²² Еще в сентябре 1916 г. власти получили право «реквизиции рабочих рук и скота» для обработки помещичьих полей. Осуществляли это право жандармы, а с января 1917 г. и воинские части (Relații agrare și mișcări țărănești în România. Buc., 1967, p. 193).

²³ «Desbaterile adunării deputaților», 1916—1917, p. 205.

²⁴ Ibid., p. 62.

²⁵ Biblioteca Academiei RSR, secția de manuscrise, Corespondența N. Iorga, v. 267, № 49.

дармской плетью землю не вспашешь. Из 1,3 млн. га пашни 300 тысяч оказались заброшенными²⁶.

Не в лучшем положении находились рабочие, как местные, так и прибывшие с эвакуированными предприятиями из Валахии. Все мало-мальски значительные заводы были переведены на военное положение, их персонал считался мобилизованным. Профсоюзы прекратили существование, рабочий день не ограничивался. Существовал лишь один лимит — на заработную плату, которую «заморозили» на довоенном уровне. Цены же (не только рыночные, но и «контролируемые») росли чуть ли не ежедневно. К июлю 1918 г. цены на основные продукты питания повысились в 3—10 раз²⁷.

Реальная заработная плата снизилась в годы войны по меньшей мере вчетверо. И это — без учета резкого ухудшения качества продуктов, в первую очередь хлеба, который подорожал «всего» в три раза. Хлебом сырую смесь из муки, гороха и мякины, которую по карточкам (чаще всего из расчета 400 г в день) с большими перебоями выдавали в магазинах, можно было назвать разве что условно.

Деньги потеряли цену; все шло на обмен. За два яйца давали коробку спичек; за утку предлагали галлон бензина. Даже дипломаты «увлеклись» птицеводством. Первенство здесь взяли бельгийцы: они развели целую ферму — 150 кур и индюшек; за ними шли британцы; прочие, по свидетельству корреспондента «Таймс», остались далеко позади²⁸.

В прифронтовом Галаце, куда нередко залетали вражеские снаряды, голодным жителям выдавали по килограмму муки в неделю²⁹. Город был полностью лишен топлива. Деревья срублены, заборы уничтожены: в печах жгли все, что можно.

«У пекарен (в Яссах.— В. В.) постоянные драки... Хлеб достается по праву сильного; женщины нередко возвращаются домой окровавленные и без хлеба»³⁰. Это было в январе.

А весной положение стало еще отчаяннее. Хлеба дожидались по 4 дня, и он был хуже, чем тот, что выдавался в Москве в голодные 1917—1918 годы³¹.

Вскоре после февраля румынский фронт посетила делегация Петроградского совета. Входивший в нее солдат П. Д. Мостовенко вспоминал: «Вначале мы просто наталкивались на умирающих

²⁶ «Relații agrare și mișcări țărănești în România», p. 194.

²⁷ См. N. N. Constantinescu și V. Bogza. Situația clasei muncitoare în perioada participării României la primul război mondial.— «Probleme economice», 1959, № 7, p. 135.

²⁸ «The Times», 8.V. 1918.

²⁹ «Dezbaterile adunării deputaților», 1916—1917, p. 75.

³⁰ Разведсводка штаба Одесского военного округа, 9 января 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, л. 15.

³¹ Из воспоминаний В. Поповича.— ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 147, л. 47.

людей, на трупы животных, которые не убирались»³². Генерал А. Авереску с военной лаконичностью записывал в своем дневнике: «Население мрет от холода и голода»³³.

Статистика сохранила страшные цифры: 70% родившихся в 1917 г. в Молдове детей не прожило и года. Были села, где не выжил ни один из новорожденных. Всего на неоккупированной территории в 1917—1918 гг. (не считая армии) умерло 240 тыс. человек (родилось — 48 тыс.)³⁴.

На этом трагическом фоне особенно отталкивающим выглядело процветание «верхов». Известный историк проф. Йорга записывал в дневнике: «Соседи, семьи военных и инженеров, проводят ночи за вином...» «Распущенность растет. Армейские автомобили развозят семнадцатилетних девиц из лучших фамилий на «развлечения»³⁵.

Контраст в жизни «верхов» и «низов» бросался в глаза даже людям, мало знакомым с румынской действительностью: «...префекты живут в роскоши, вследствие чего их лояльность может быть заподозрена», — писал британский полковник Нортон Гриффитс³⁶.

Накануне Февральской революции штаб Одесского военного округа докладывал о настроениях в правящих румынских сферах: командование прямо враждебно России. Казнокрадство возросло до необычайных размеров. «О благе родины никто не думает и, как будто в предвидении близкого конца, каждый стремится пограбить побольше»³⁷. Государственное имущество списывалось как пропавшее или испортившееся во время отступления, а затем сбывалось на черном рынке. Краденые армейские лошади продавались целыми табунами³⁸, а румынские представители в это время настойчиво требовали поставки им лошадей из России ввиду острой нехватки конского состава³⁹. В военном министерстве царило повальное взяточничество. Деньги открывали здесь любую дверь, и помощник министра Бургеля освобождал за взятки от призыва в армию. «В нашей национальной жизни произошло разъединение, — говорил в парламенте депутат Л. Молдовану, — каждый думает только о своей шкуре и о личном интересе»⁴⁰. А галацкая газета «Бинаинте» жаловалась: «Погоня за грязными доходами не имеет границ, осуществляется с

³² Доклад П. Д. Мосюковенко о работе на Румфронте в 1917 г. — ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 147, лл. 17, 18.

³³ A. A v e r e s c u. *Notițe zilnice din războiul (1916—1918)*, p. 134.

³⁴ «Situația clasei muncitoare din România 1914—1944». Buc., 1966, p. 81.

³⁵ N. I o r g a. *Memorii*, vol. I, p. 42, 51, 119.

³⁶ ЦГАОР, ф. 1001 (А. А. Мосюкова), оп. 1, д. 232, л. 1.

³⁷ Политические настроения в Румынии. Сводка от 18 февраля 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, л. 114.

³⁸ Записка «О лошадях в румынской армии». — Там же, л. 138.

³⁹ Совещание в ставке 30.IV 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 147, лл. 55—56.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 213, л. 11.

яростью, с неистовством, граничащим, можно сказать, с преступным безумием»⁴¹.

После военных неудач «прогерманцы» в правящей верхушке воспрянули духом: «Германия «непобедима»; земледельческой Румынии нужны естественные рынки сбыта»⁴². «Германскими тенденциями,— отмечал штаб Одесского военного округа,— отличаются главным образом высшие слои населения, среди коих господствует мнение, что выступление против России дало бы Румынии, в результате ее военных действий, обладание Бессарабией»⁴³.

Капитулянтские настроения проникли в офицерский корпус. Незадолго до Февральской революции на фронте произошел из ряда вон выходящий случай: к немцам перебежал полковник Струдза, сын бывшего лидера либералов и главы правительства. Он хотел воспользоваться поездкой на фронт короля, посетившего участок его бригады, чтобы незаметно завести Фердинанда и генерала Авереску на немецкую сторону. Это ему не удалось, пришлось ограничиться собственной сдачей. В измену оказались вовлеченными бывший военный атташе в Афинах Крэйничану и много других высокопоставленных офицеров.

По этому делу было арестовано 22 человека⁴⁴.

В Яссах упорно ходили слухи о сношениях правительства с немцами. О сепаратном мире открыто толковали в кофейнях. Росло влияние прогермански настроенного генерала Ламбру⁴⁵. Руководителей сигуранцы (осуществлявшей и разведывательную деятельность) русское командование еще со времени царствования Карла привыкло считать агентами «второго рейха»⁴⁶. В Галаце говорили о предстоящей капитуляции города, причем инициатором плана назывался сам шеф сигуранцы Панайтеску⁴⁷. Привлек внимание тот факт, что интернированных в бухарестской гостинице «Лувр» немцев и австрийцев за несколько дней до падения столицы освободили из-под стражи. Наконец, на оккупированной территории остались виднейшие прогермански настроенные консерваторы во главе с Карпом, Маргиломаном и Майореску. Они составили своего рода «запасное прави-

⁴¹ «Situația clasei muncitoare din România», p. 82.

⁴² Сводка штаба Одесского военного округа от 30.XII 1916 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72.

⁴³ Сводка штаба от 4.II 1917 г.— Там же, л. 32.

⁴⁴ А. Авереску. Op. cit., p. 126—130; Рапорт полковника Палицына от (число неразборчиво) февраля 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, л. 126. М. Гагарин — Н. Покровскому, 12.II 1917.— АВПР, ф. Политархив, 1917 г., д. 705, л. 12; Записка неизвестного автора.— ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, л. 212, л. 1.

⁴⁵ Разведсводки штаба Одесского военного округа.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, л. 96.

⁴⁶ Полковник Палицын писал: «Сигуранца мало-помалу стала настоящим орудием германского шпионажа».—«Красный архив», т. 57, 1933, стр. 14. Сводка штаба Одесского военного округа от 30.XII 1916 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, л. 9.

тельство», готовое — буде у короля и румынской олигархии возникнет нужда — взять бразды правления в свои руки.

Однако все эти тревожные сигналы не означали еще, что румынская олигархия решилась на капитуляцию или прямой переход в противоположный лагерь. Слишком большими потерями грозил подобный курс: отказом от обширных территориальных приращений, от надежды стать первой державой на Балканах, неизбежным взрывом негодования в стране против правителей, вовлекших ее в кровавую войну, и обострением в связи с этим внутривластной обстановки.

Зимой 1916/17 г. еще не отмечалось явлений, которые свидетельствовали бы о кризисе верхов. 9 декабря 1916 г., едва успев распаковать чемоданы, прибывшие в Яссы депутаты собрались на сессию парламента. 12 декабря Брэтиану сообщил им о реорганизации правительства, в которое вошли консерваторы во главе с Таке Ионеску⁴⁸. Прежде попытки образовать «национальный кабинет» заканчивались неудачей — соперничавшие группировки не могли договориться о дележе мест. Крайнее обострение обстановки на фронте и в тылу заставило их объединить силы и позабыть на время о политических и личных столкновениях. Шефы двух «исторических партий» продемонстрировали в палате «сплочение». Брэтиану привел в своей речи исторические примеры, когда государства шли к величию через поражение, как, например, Пруссия во времена Фридриха II. Ионеску толковал о борьбе двух миров и двух цивилизаций, о «национальном объединении» в Бельгии, Франции и Англии и призывал принести любые жертвы ради создания «Великой Румынии»⁴⁹. Палата единодушно проголосовала ответный адрес на тронную речь короля, составленный в духе «войны до победного конца».

Но в самой тронной речи имелось место, свидетельствовавшее о том, что олигархия отдавала отчет в серьезности сложившейся в стране обстановки и в том, что одними «жандармскими средствами» ее исправить нельзя. Это место гласило: «Скажем крестьянину, что, борясь за национальное объединение, он борется в то же время за свое политическое и экономическое освобождение. Проявленная им отвага дает ему тем большее право на ту землю, которую он защищает, а на нас более, чем когда-либо, накладывает обязанность осуществить по окончании войны аграрную и избирательную реформы»⁵⁰. Так внутривластное положение заставило румынских правителей вспомнить о забытых обещаниях 1914 г. Правда, в конце 1916 г. дело не вышло за стадию разговоров. Но стремительное развитие событий в 1917 г.,

⁴⁸ Т. Ионеску занял пост министра без портфеля («Desbaterile adunării deputaților», 1916—1917, p. 15).

⁴⁹ Ibid., p. 40—44.

⁵⁰ Ibid., p. 2.

начиная с Февральской революции, которая оказала громадное влияние на Румынию, заставило румынских правителей перейти от слов к делам.

Румынский фронт, февраль — октябрь 1917 г.

Утром 23 февраля, когда русский посланник в Яссах генерал Мосолов завтракал в столовой миссии, туда стремительно вошел Брэтиану. Без всякого приветствия он увлек посланника в кабинет и так же молча протянул телеграмму, в которой сообщалось о свержении царя.

Король Фердинанд, узнав о революции, расплакался⁵¹. Генерал А. Аввереску записал в дневнике: «Подлинная катастрофа для нас: революция в России». Сам Мосолов, надеясь еще на переворот, спрятал в сейф распоряжение о присяге Временному правительству⁵². Румынская цензура наложила запрет на публикацию вестей из России. Шесть дней И. Г. Дука, министр почт и телеграфа, задерживал сообщение о революции в тщетной надежде на то, что события примут иной оборот⁵³.

Мосолов, старый царедворец, в течение многих лет стоявший во главе канцелярии министерства двора, был потрясен. Он направил в ставку генералу Алексееву телеграмму, показывающую, что сей «политический деятель» не имел ни малейшего представления о положении в собственной стране: «Румынские сферы» (поймай: правящие), писал он, встревожены «невыясненностью отношений действующей армии к петроградскому солдатскому бунту и к монархическому принципу». Он предлагал присягнуть великому князю Михаилу, а «если войска Петроградского района не присягнут... — отрядить с фронта соответствующую часть войск в столицу». «Такое решительное выступление со стороны действующей армии напомнит Петрограду, что серая громада русских войск без царя не может»⁵⁴.

Алексеев, лучше разбиравшийся в настроениях «серой громады», ответил холодным отказом и сообщил о необходимости признать Временное правительство: «Только тогда мы избежим гражданской войны...»⁵⁵

Иллюзии румынских и русских реакционеров длились недолго. Россия совершила громадный скачок — от абсолютистской

Рукопись: A. Mossoloff. *Ma mission en Roumânie*. — Biblioteca Academiei RSR. Secția de manuscrise, f. Arhiva Palatului, mapa XX, № 7, p. 121—124.

⁵² A. Avărescu. *Notițe zilnice din războiu*, p. 139.

⁵³ A. Mossoloff. *Op. cit.*, p. 125; «Правда», 6 (19).I 1918.

⁵⁴ А. Мосолов — М. Алексееву. — ЦГАОР, ф. 1001 (А. А. Мосолова), оп. 1, д. 299, л. 1.

Там же, л. 4.

монархии к буржуазно-демократической республике,— и никакие силы не могли повернуть ее вспять. В общем плане развивались события и на румынском фронте. Ломая сопротивление реакционного генералитета во главе с командующим Сахаровым, солдаты приступили к организации Советов. В румынской столице этот орган возник, как выразился один из его руководителей, Большаков, «захватным путем», без чьей-либо санкции, и объединил 25 частей, расквартированных в Яссах, Соколе, и штаб фронта⁵⁶.

Временному правительству пришлось сместить Сахарова и назначить на его место генерала Щербачева, который не выражал в то время открыто своих настроений. Но ничего не изменилось. «В штабе фронта свили гнездо контрреволюционеры», — рассказывали делегаты-солдаты на общештабном съезде. Обратили они внимание и на другое обстоятельство: «Существует прямая связь между реакционностью штаба румынского фронта и румынским правительством, опасющимся влияния революционных русских войск на румынскую армию»⁵⁷

Фронт вступил в полосу кризиса. Солдаты не хотели воевать. Дисциплина, палочная, беспрекословная, давала одну трещину за другой. Недовольство, возмущение, протест, загнанные в глубину солдатских душ, прорывались наружу⁵⁸. Побег солдат с фронта приняли в мае такой размах, что против дезертиров были двинуты казачьи части⁵⁹. В середине этого же месяца 103-я дивизия отказалась подчиниться приказу о передвижении в район Бухуши⁶⁰. Решено было расформировать «ненадежные» части. Сотни солдат были арестованы. Однако расправы не помогали. «Бунты» стали столь частыми, что их едва успевали регистрировать штабисты.

Фронт разваливался. Солдаты митинговали, жадно стремясь осознать весь смысл происходивших событий и выбрать путь, по которому идти. А принять решение было нелегко. Румыния находилась вдалеке от революционного Питера, вести оттуда доходили часто с опозданием и в искаженном виде. Рабочая прослойка в армии была невелика. И если в специальных войсках — саперных, железнодорожных — и встречались пролетарии, то в пехоте, занимавшей окопы, «фабричных» было совсем мало.

⁵⁶ «Известия Одесского фронтового и областного съезда Советов солдатских, матросских, офицерских и рабочих депутатов», № 2, 16.V 1917.

⁵⁷ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 21.IV 1917.

⁵⁸ И. Дыков. Хроника событий в Бессарабии (март 1917 — январь 1918 г.). Кишинев, 1957, стр. 12.

⁵⁹ М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте. М., 1964, стр. 86.

⁶⁰ Генерал Щербачев — начальнику штаба верховного главнокомандующего, 18.V 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 142, л. 9; «Известия Петроградского Совета», 30.V 1917; «Известия Кишиневского Совета», 1.VI 1917.

Слабость пролетарской прослойки среди солдат сочеталась с немногочисленностью рабочего класса в ближайшей российской области — Бессарабии. Все это объясняет недостаточное влияние большевиков в войсках⁶¹ И в армии, и в Молдавии они заняли неправильную позицию, согласившись на создание единых с меньшевиками-интернационалистами социал-демократических организаций, что вызвало суровое осуждение Центрального комитета партии⁶².

В этих условиях звонкая эсеровская фраза делала свое дело. Эсеры вместе с меньшевиками получили большинство и на состоявшемся в мае в Одессе съезде Советов солдатских, матросских, офицерских и рабочих депутатов румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа, и в образованном съездом исполнительном органе, именованном для краткости ЦИК Румчерода⁶³, который развернул шумную пропаганду «революционной войны»⁶⁴. Брешь между воинственным Румчеродом и ненавидевшим войну фронтом росла.

Во время предпринятого Керенским июньского наступления румчеродовских агитаторов просто не желали слушать. Один из них, доктор Ланда, отправившийся в числе прочих «уговаривать» солдат, писал, что в штабе корпуса, куда он явился, ему посоветовали: «Заранее напишите духовное завещание. В лучшем случае вас выкупают». Членам различных комитетов окопники не верят, видят в них «буржуазов», которые «распивают чай с офицерами», «жмут им ручки»⁶⁵.

Солдаты не желали воевать. После первых успехов русские части, не выдержав контрудара, отступили. Все это заняло две с небольшим недели, с 18 июня по 6 июля. Еще через неделю немцев удалось остановить.

На юге натиск румынских войск под Мэрэшти (район Фокшани) увенчался победой⁶⁶. В связи с начавшимся развалом

На съезде Советов 9-й армии «большевиков почти нет», — писали «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов», 6 (20). VI 1917. В. И. Ленин считал «безусловно невозможным» объединение с эсерами и меньшевиками, «проводящими политику Временного правительства, революционного оборончества и пр. ввиду того, что эти партии перешли с классовой пролетарской позиции на мелкобуржуазную» (Полн. собр. соч., т. 31, стр. 258).

⁶³ Полное название: Центральный Исполнительный Комитет солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа. В Одесский военный округ входили Одесская, Херсонская и Бессарабская губернии.

⁶⁴ См. «Письма с фронта» Н. Ланды, обращение ЦИК Румчерода к Временному правительству и ВЦИК, письмо «бабушки русской революции» Е. Брешко-Брешковской к солдатам и другие материалы, помещенные в органе Румчерода газете «Голос революции» (26.VII, 17, 20.VIII 1917).

⁶⁵ «Голос революции», 26.VII 1917.

⁶⁶ Подробнее см. ниже.

русской армии здесь на них легла основная тяжесть ведения операций. «Румыны сравнительно много сделали,— указывал новый верховный главнокомандующий А. А. Брусилов,— у них был успех. Но, ввиду общего положения дел на нашем фронте, я послал телеграмму ген. Щербачеву с приказанием приостановить дальнейшее наступление»⁶⁷.

Удачно начатая операция была свернута⁶⁸.

Июльские сообщения о положении русских частей румынского фронта, по словам их авторов, «рисуют ужасающую картину развала армии. Состояние... можно назвать хаотическим. Пропаганда большевизма, неудачная операция на ЮЗ фронте⁶⁹, совершенно никуда не годные пополнения, полная безнаказанность массы, ничем и никем не сдерживаемой,— вот факторы разложения армии, идущей громадными шагами к позорному концу, от которого она может быть избавлена только героическими мерами»⁷⁰.

«Героические меры» были приняты — на фронте ввели смертную казнь. Командование несколько воспрянуло духом. В сводках зазвучали робкие нотки оптимизма. Но казнями революции остановить нельзя. Эффекта принятые меры не дали.

Военный механизм безнадежно вышел из строя. Штабисты пытались успокоить себя и начальство сообщениями о том, что положение «улучшается», а «большевистская пропаганда, вносимая с тыла пополнениями, пресекается». Но тут же эти попытки самоутешения опровергались: «Введение репрессий солдаты всецело относят к желанию офицерского корпуса вернуться к старому»⁷¹. Влияние большевиков быстро росло. Из 9-й и 6-й армий поступали сигналы об их агитации⁷². Пополнения не укрепляли, а еще в большей степени подрывали боеспособность, ибо приносили с собой недовольство голодного, разоренного, смертельно уставшего от войны тыла⁷³. Участились случаи самовольного ухода с позиций целых частей и расправ с офицерами⁷⁴.

На фронте свирельствовали карательные отряды из конницы и артиллерии. В начале августа они разоружили три батальона 30-го полка и штурмовой батальон в 1-й дивизии⁷⁵.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 216, л. 56.

⁶⁸ Генерал Щербачев — ставке, 11.VII 1917.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. I, д. 81, л. 199.

⁶⁹ Т. е. Юго-Западном фронте.

⁷⁰ Сводка сведений о настроениях в армии с 9 по 17 июля 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 185, л. 168.

⁷¹ Сводка на 23—31 июля 1917 г.— Там же, л. 187.

⁷² Там же, лл. 198, 256.

⁷³ Сводка настроений на румынском фронте на 21—28.VII 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. I, л. 256.

⁷⁴ Там же, лл. 210, 292.

⁷⁵ Телеграмма румфронта от 5 августа 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 185, л. 96.

Корниловский мятеж окончательно подорвал положение офицерства. «Солдаты нетерпеливо и упорно ждут мира», — сообщал штаб румынского фронта в сентябре. «Картина настроения войск» оставалась, на взгляд реакционного генералитета, «столь же безотрадной и печальной». В таком положении румынский фронт встретил Октябрь.

Классовая борьба в неоккупированной Румынии

Румынским реакционерам пришлось смириться с тем, что события в России вспять повернуть не удастся. Состав Временного правительства вызывал у Брэтиану «доверие». Он боится, однако, писал А. Мосолов, что «правительство не устоит против воздействия уличных беспорядков и падение его может вызвать продолжительную анархию...»⁷⁶ И, наконец, посланник передавал главное: «Здесь опасаются, не вызовет ли движение в России соответствующего отклика и среди населения Румынии»⁷⁷.

Но ничего не оставалось, как делать хорошую мину при плохой игре. Былому «сфинксу» пришлось разомкнуть уста. Брэтиану принял представителя Петроградского телеграфного агентства. Он заявил, что никогда не дает интервью, но решил нарушить это правило ввиду «великих событий, развернувшихся в России». Кривя душой, он заявил, что эти события еще более укрепили его уверенность в победном завершении войны⁷⁸.

Быстрый разгром румынской армии, массовая гибель не только солдат, но и мирного населения, возросшая до невероятной степени нужда — все это привело к тому, что «пизы не хотели», а «верхи не могли» жить по-старому. Положение, которое создалось в других воюющих государствах Европы к лету 1915 г. и которое Ленин характеризовал как революционную ситуацию, наблюдалось в начале 1917 г. и в Румынии, а именно: правительство «не уверено в завтрашнем дне», «не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны». И, с другой стороны, — «глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах»⁷⁹.

Румынские правители уже в марте 1917 г. почувствовали, как резко изменился политический климат. Февральская революция произвела «громадное впечатление на румынских крестья-

⁷⁶ Черновик телеграммы А. А. Мосолова от 6.III 1917 г.— ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 228, л. 2.

⁷⁷ Телеграмма А. А. Мосолова от 7.III 1917 г.— Там же, л. 4.

⁷⁸ ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 213, л. 72.

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219—220.

ян и солдат, до сих пор загнанных, униженных и не имеющих никаких прав». «Среди румынских солдат растет недовольство», — признавал штаб фронта, и «возможная революция будет направлена против бояр»⁸⁰.

Начался новый этап в развитии румыно-русских отношений. Беседы за чашкой кофе в аристократических клубах, пространные ноты, переговоры в министерских кабинетах — одним словом, все то, что именовалось дипломатией, — оказалось решительно отодвинутым на второй план. Революционная Россия через свою армию вступила в непосредственное политическое общение с румынским народом.

«Злонамеренная», как ее именовали реакционеры, пропаганда велась по всей несожупированной территории. Сигуранца (охранка) уже в феврале-марте 1917 г. с тревогой отмечала, что руководители социал-демократической партии М. Г. Бужор и М. Векслер развернули пропаганду среди рабочих ряда городов. Василеску-Вася и некоторые другие социалисты скрылись из армии и ушли в подполье. Нелегальная социалистическая группа в Яссах наладила связи с русскими солдатами⁸¹. В марте-апреле на митинги русских солдат приходили местные жители. Первое же воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было переведено на румынский язык⁸².

3 апреля в Яссах, временной столице страны, произошло открытое выступление рабочих. В этот день хоронили видного деятеля социал-демократической партии Оттоя Кэлина, призванного на военную службу и погибшего от сыпного тифа. Несмотря на запрет властей, до тысячи рабочих собрались с утра на кладбище. На митинге выступил М. Г. Бужор (после этого он уже не вернулся в свой полк), заклеивший чуждую интересам рабочих войну и выразивший надежду, что «новая эра справедливости, равенства и братства, принесенная революцией из России, воцарится вскоре и в несчастной Румынии»⁸³.

Сам факт проведения, вопреки запрету, митинга, выступление на нем среди бела дня военнотружущего, оставшегося безнаказанным, говорил о многом. Карательный аппарат, действовавший ранее беспощадно, не был пущен в ход. Правительство испытывало откровенный страх перед революцией.

Из отчета сигуранцы от 13 февраля уже вырисовывалась картина довольно интенсивной деятельности социалистов, кото-

⁸⁰ Сводка о положении в Румынии на 20 марта 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, л. 120.

⁸¹ «Studii», 1956, № 1, р. 25.

⁸² «Apel către poroarele din întreaga lumă». — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. 1 (здесь и в дальнейшем используются хранящиеся в ЦГАОР микрофильмы материалов Архива Института исторических и социально-политических исследований при ЦК Румынской коммунистической партии).

⁸³ Из листовки румынских социалистов, посвященной 1 Мая 1917 г. — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. 1.

рые «разъезжают по городам Молдовы для того, чтобы сплотить ряды своих сторонников-рабочих, ведут пропаганду, распространяют брошюры». В донесении, помимо М. Бужора, М. Векслера и Василеску-Васи, упоминались И. Флориан, А. Кирила, А. Опреску⁸⁴.

В апреле группа активистов румынского рабочего движения обратилась в Ясский Совет солдатских и офицерских депутатов с просьбой освободить находившихся под стражей социалистов. Тот, в свою очередь, известил Петроградский Совет об их судьбе⁸⁵. В «Правду» об этом же написал И. Дическу-Дик⁸⁶. Министр иностранных дел П. Милюков вынужден был попросить румынское правительство, нельзя ли в качестве успокоительной меры удовлетворить эти требования? Из Ясс пришел отказ⁸⁷.

В день первомайского праздника 1917 г. русские солдаты и румынские рабочие вышли на улицы Галаца, Бырлада, Текучи, Бакэу, Романа. Но центром празднества, естественно, стали Яссы. Здесь после митинга 15-тысячная колонна двинулась из пригорода Сокола к площади Объединения⁸⁸. Над демонстрантами реяли красные знамена и лозунги на русском и румынском языках. «За мир без аннексий и контрибуций!», «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует братство между народами!»⁸⁹.

В ходе этой демонстрации был освобожден Х. Раковский, содержащийся в заключении без суда и следствия с первого дня вступления Румынии в войну. Он беспрепятственно покинул дом, в котором содержался под стражей, — охранка не посмела вмешаться⁹⁰. Вышел из подполья и М. Бужор.

«Тысячи граждан, — писали румынские социалисты в своей листовке, — вышли на улицы и площади, толпились у окон и на балконах... приветствуя освободителей, красные знамена и освобожденных»⁹¹. Заканчивалась она призывом «мести подлые и

⁸⁴ C. Dumitrescu, E. Bantea. Lupta revoluționara în rîndurile armatei ruse de pe frontul român în 1917 și începutul anului 1918 și influența ei asupra țării noastre.— «Contribuții la studiul influenței Marii Revoluții Socialiste din Octombrie în România». Buc., 1957, p. 100.

⁸⁵ «Studii», 1956, № 1, p. 21; «Известия Одесского фронтового и областного съезда Советов солдатских, матросских, офицерских и рабочих депутатов», 24.V.1917.

⁸⁶ «Правда», 11.IV.1917.

⁸⁷ Телеграмма П. Милюкова от 12 апреля и ответ Мосолова от 13 апреля 1917 г.— «Правда», 18 (30).I.1918.

⁸⁸ «Известия Одесского фронтового и областного съезда», 25.V.1917.

⁸⁹ «Studii», 1956, № 1, p. 22.

⁹⁰ Заседание румынской группы землячества интернационалистов 17 июня 1933 г.— ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 148, лл. 10—12, 34—37. Один из руководителей Ясского Совета солдатских депутатов, Большаков, выступая через месяц на фронтовом съезде, говорил: «Румынское население приветствовало нас, поскольку не боялось своей шумной открытой радостью скомпрометировать себя перед тайными агентами румынской

праздные подонки, которые господствуют в стране и высасывают из нее все соки, освободить закрепощенный народ»⁹².

В день демонстрации растерянность, охватившая румынскую олигархию, проявилась в полной мере. «Власти потеряли равновесие и как сквозь землю провалились»⁹³. Войска находились в казармах взаперти. Дворец усиленно охранялся. Двери помещений, где размещалась стража, были закрыты, окна захлопнуты. По городу пустили слух об отъезде королевской четы. Лишь шпики в штатском несли службу.

Зато немедленно после событий 18 апреля (1 мая) к командовавшему фронтом генералу Щербачеву явились дипломатические и военные представители Антанты и заявили, что повторение подобных событий может «пагубно отразиться на общем ходе войны». В донесении военному министру Гучкову Щербачев писал о «нервности румынского правительства и представителей союзных держав»⁹⁴. Он сам и его помощники пытались оказать давление на Ясский Совет, но безрезультатно. Тот не пожелал раскаиваться в содеянном и давать обещание впредь вести себя смирно, хотя, отдавая дань «высокой политике», выразил свое крайнее сожаление, «если румынское правительство взглянет на это как на нарушение международного права»⁹⁵.

Успех первомайского праздника окрылил его руководителей и участников. Состоялось секретное совещание делегатов солдатского Совета и ясских социалистов. Судя по недавно появившимся в румынской исторической периодике сведениям (к сожалению, очень скудным)⁹⁶, было решено развернуть пропаганду и воспользоваться следующей же демонстрацией русских революционных солдат для того, чтобы вывести на улицы массы населения с требованием демократических преобразований.

В ближайшие дни такой манифестации не произошло. Видимо, Ясский Совет избегал открытого вмешательства в румынские дела, а местные социалисты не считали себя в силах бросать открытый вызов олигархии. Все же 23 апреля на день прекратили работу персонал железнодорожных мастерских в Яссах, «Арсенал» и несколько частных предприятий⁹⁷. Король Фердинанд поспешно выехал на фронт, считая, что там безопаснее, нежели в «тыловой» столице. А растерянность министров, по словам А. Мосолова, граничила с паникой. Мосолов совето-

охранки». — «Известия Одесского фронтового и областного съезда», 25.V 1917.

⁹² Листовка «Cetățeni». — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. 1.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Генерал Щербачев — военному министру, 23 апреля 1917 г. — «Правда», 31 (18).I 1918.

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 101, д. 27, л. 3.

⁹⁶ O. M a t i c h e s c u. Acțiunile revoluționare de la Iași din mai 1917. — «Studii», 1967, № 5, p. 872—873.

⁹⁷ «Studii», 1956, № 1, p. 23.

вал им избегать «малейшего инцидента, могущего окончиться вооруженным столкновением». Под строжайшим секретом Таке Ионеску сообщил ему: «Совет министров решил, чтобы ни в каком случае против русских не употреблялось оружие, даже если бы они проникли во дворец»⁹⁸. Полиция Ясс получила указание своего префекта не препятствовать митингам и шествиям.

Провинциальные черносотенцы никак не могли взять в толк, что же происходит? Один из них писал Йорге: «Не понимаю, как могли освободить этого мерзкого Раковского, как он мог говорить... на площади Объединения и не нашлось никого, кто расшиб бы его башку о землю или пристрелил из револьвера...». Почему все это сделали русские? И «прозорливо» добавлял: «Без подстрекательства с нашей стороны это необъяснимо»⁹⁹.

После первомайской демонстрации несколько видных румынских революционеров уехали в Одессу. Представители властей облегченно вздохнули, но ненадолго: вскоре один из них, М. Г. Бужор, вернулся и стал налаживать работу среди социалистов¹⁰⁰. Обосновался он на первых порах в помещении Совета солдатских депутатов. Румынские реакционеры выходили из себя, видя, как «злоумышленник» разъезжает по городу в автомобиле под охраной русских военных¹⁰¹, однако тронуть его опасались.

Неприятности подстерегали румынскую олигархию не только в столице. Росло недовольство в деревне, отданной под начало сельской жандармерии. Сигуранца доносила: «В прифронтовых селах жители-румыны с некоторого времени не подчиняются приказам примарей (старост) и жандармов... Они заявляют, что и у нас надо совершить революцию, как в России; они уверены, что власти ничего им не сделают»¹⁰².

В горячую пору уборки урожая отказ от работы на помещиков превратился в обыденное явление. 600 крестьян деревень, окружавших латифундию Онешти, не желали обрабатывать боярские поля. «Бастовали» жители коммун Холбока, Скулени, Цигэнаши (район Ясс), Бэдэни и Шипоте (район Хырлэу). В се-

⁹⁸ Телеграмма А. Мосолова от 21 и 22.IV (4 и 5.V) 1917 г.— «Правда», 18 (31).I 1918; ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 227, л. 4.

⁹⁹ Biblioteca Academiei RSR. Secția de manuscrise, Corespondența N. Iorga, v. 267, № 27.

¹⁰⁰ Об этом этапе его деятельности свидетельствуют два письма — о восстановлении яесской секции СДП и о создании подпольной типографии. Фотокопии писем выставлены в экспозициях Музея истории Коммунистической партии, революционного и демократического движения (Бухарест).

¹⁰¹ Заседание румынской группы землячества интернационалистов 17 мая 1932 г. Выступление А. Доброджану-Геря.— ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 141—142, л. 20.

¹⁰² R. D e u t s c h. Din activitatea și lupta grupurilor revoluționarelor români din Rusia pentru apărarea puterii sovietice.— «Studii și materiale de istorie contemporană», v. II. Buc., 1962, p. 435.

ле Жигалиа инициаторами такого движения явились солдаты-отпускники.

Не раз крестьяне обращались за помощью и поддержкой к русским войскам. Так, власти докладывали, что 21 сентября 1917 г. попытки выгнать на работу крестьян коммуны Турятка не увенчались успехом, ибо русские солдаты пригрозили избить представителей властей и помещика Строича. В октябре подобный случай произошел в коммуне Сухарэу близ Дорохоя. Румынский штаб в тревоге сообщал русскому командованию: «В большинстве районов Румынии, где расквартированы русские войска, румынские гражданские и военные власти лишены возможности исполнять свой долг и приказы о реквизициях, сельскохозяйственных работах и сохранении общественного порядка»¹⁰³.

Тревогу вызывало у правительства и положение в армии. Ужасы войны, издевательства офицеров, побои, оскорбления и голод побуждали солдат к дезертирству. В 1917 г. военный трибунал одного только IV армейского корпуса рассмотрел около 7300 дел по обвинению в попытке скрыться от мобилизации, бегстве, членовредительстве и т. д.¹⁰⁴

Далеко не всех беглецов удавалось изловить. То был стихийный протест против несправедливой войны. Многие уклонявшиеся от солдатчины направлялись в поисках правды и новой жизни в революционную Россию. В Яссах, где дезертиры прятались сотнями, существовали специальные конспиративные явки, снабжавшие их гражданским платьем. Один из пойманных, солдат 8-го артиллерийского полка на допросе сознался, что подобные пункты имелись также в Романе и Ботошани¹⁰⁵. Еще более распространен был другой способ эмиграции: скрывшиеся из своих частей солдаты, переодетые в русскую форму, переезжали на телегах и автомобилях мост через неширокий Прут. Движение здесь шло беспрерывно, и даже наметанному оку жандарма было трудно отличить «подлинного» русского от переодетого¹⁰⁶.

Приспосабливаясь к новым условиям, румынская охранка прибегала ко все более коварным способам расправы над активистами социалистического и рабочего движения. Обычно их призывали на военную службу и приписывали им всякого рода «провинности» на фронте. Затем следовал расстрел. 13 мая в

¹⁰³ V Liveanu. Anul 1918. Din luptelor revoluționare romane. Buc., 1960, p. 134—135; «Studii», 1956, № 1, p. 31—32.

¹⁰⁴ Fl. Dragne. Momente din activitatea desfasurata la sate de militanții aripii revoluționare a mișcării muncitorești în frunte cu grupurile, comuniste (1917—1921).—«Studii și materiale de istorie contemporană», v. II. Buc., 1962, p. 11.

¹⁰⁵ Ibid., p. 12.

¹⁰⁶ См. воспоминания румынских интернационалистов Шт. Панайтеску, К. Московича, И. Думитреску, А. Либера и др.—«Amintiri ale foștilor voluntari români». Buc., 1957, p. 6, 31, 45, 49.

Бакэу погибли по обвинению в «шпионаже» 33 человека, включая 7 социалистов¹⁰⁷.

Вскоре реакция учинила расправу над ветераном-социалистом Максом Векслером. Через несколько дней после первомайского митинга в Яссах, в котором он участвовал, Векслер был схвачен, отвезен в Бакэу и брошен в местную тюрьму. Затем его вернули в столицу. Видимо, палачи подыскивали форму расправы. Выбор пал на убийство «при попытке к бегству». Векслер, несмотря на свои 47 лет и подорванное здоровье, получил повестку о призыве в армию. Его направили в егерский полк. К жене Векслера явился провокатор, некий Думитреску, уговаривавший ее написать мужу, чтобы тот перебежал к неприятелю — все равно его участь решена. На это последовал решительный отказ.

До своей части Векслер так и не добрался. В ночь на 14 мая конвой во главе с лейтенантом Ромало, сыном дворцового лекаря, приятелем и собутыльником наследного принца Кароля, вел Векслера через лес. В пути его застрелили. Убийца, капрал Чубук, получил за это бутылку рома, 10 лей деньгами и сержантские нашивки...¹⁰⁸

Потрясенное жестокими расправами, население вышло на демонстрации. Первая из них состоялась 21 мая в Романе. Впереди врач и сестра милосердия несли черный транспарант с надписью: «Долой смертную казнь в Румынии». Шествия, собрания и митинги протеста состоялись в Бакэу, Пятра-Нямце и других городах. С трибун раздавались недвусмысленные призывы «покончить с румынским царизмом»¹⁰⁹.

Совет солдатских депутатов в Бакэу потребовал вмешательства Временного правительства с целью прекращения расправ. В витрине «Известий армейского комитета IX армии» появился отпечатанный по-румынски манифест с резким осуждением действий румынских властей. И здесь, и в Романе русские солдаты вышли на улицы на демонстрации протеста¹¹⁰. А проходивший в Одессе учредительный съезд Румчерода принял резолюцию протеста против антисемитской агитации, насилий и жестокостей, творимых румынской олигархией¹¹¹. О царивших в окопах настроениях можно судить по письму, направленному в Херсонский Совет (а в Херсон, по слухам, собиралась эвакуиро-

¹⁰⁷ D. Zaharia. Unele acțiuni revoluționare în regiunea Bucău în perioada februarie — octombrie 1917. — «Studii și articole de istorie», v. IV. Buc., 1962, p. 282; «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов», 12(25).VI 1917.

¹⁰⁸ Из тайных документов. — «Правда», 18(31).I 1918; Asasinarea lui M. Vecsler. — «Social-Democrația», 14.X 1918; Обращение социал-демократической партии. — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 153, ч. 1; «Analele», 1957, № 4, p. 228.

¹⁰⁹ D. Zaharia. Op. cit., p. 282—283. См. также «Analele», 1957, № 6, p. 35.

¹¹⁰ «Правда», 20.I (2.II) 1918.

¹¹¹ «Известия Одесского фронтового съезда...», 25.V 1917.

ваться королевская семья) несколькими солдатами 14-го полка Финляндских стрелков: «Еще не высохла кровь недавних жертв еврейских погромов в Румынии, еще не забыли мы об убийстве из-за угла Векслера. За все это несут ответственность румынский двор и олигархия, которые из-за своих торгашеских интересов вовлекли свой народ в войну и теперь, когда их игра сорвалась, вымещают свою злобу на евреях и социалистах... Выражая свое искреннее презрение королю из Гогенцоллернов, у которого руки в крови, мы просим вас, товарищи, если он поселится в вашем районе, дать ему почувствовать, что он живет в республиканской, демократической России. Пусть знает этот коронованный убийца и окружающая его шайка негодяев, что всему миру известны его дела и торгашеские причины нарушения Румынией нейтралитета. Пусть почувствуют румынские лжепатриотические деятели, привыкшие морочить свое и чужое общественное мнение, что свободный русский народ презирает их. Не может по соседству с Россией сохраниться государство деспотическое. Долой румынскую олигархию! Долой балканских Гогенцоллернов! Презрение общества организаторам и попустителям погромов и убийств!»¹¹²

Шутить с возмущением миллионной русской армии было опасно. Комиссар румынского фронта барон Тизенгаузен забил тревогу. Он писал Поклевскому, возвращенному Временным правительством на пост посланника в Румынии, что ему удалось «успокоить солдат» и «избежать эксцессов». Но Тизенгаузен не обманывал себя насчет прочности достигнутого «спокойствия» и просил правительство вмешаться. Щербачев и Поклевский поспешили к Брэтиану. Тот был напуган не меньше своих русских собеседников и от имени короля обещал не приводить смертные приговоры в исполнение.

По поводу убийства Макса Векслера у Поклевского состоялось с Брэтиану специальное объяснение¹¹³. Румынский премьер изворачивался и лгал, поддерживая версию насчет «попытки к бегству». Он заявил, что чрезвычайно «огорчен» происшедшим и обещал организовать строгое следствие и наказать виновных¹¹⁴. Разумеется, убийц никто не тронул и пальцем. Но, понимая всю опасность положения, Брэтиану вновь заверил Временное правительство, что, не отменяя смертной казни официально, румынские власти прибегать к ней не будут¹¹⁵.

Стремление «обуздать» революционеров пресекалось русскими солдатами. Не удалось арестовать рабочего, распространяв-

¹¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., оп. 470, д. 161, лл. 242—243.

¹¹³ Телеграммы С. А. Поклевского от 8 и 9.VI 1917 г.—«Правда», 18.I 1918.

¹¹⁴ Телеграмма С. А. Поклевского от 24.V (7.VI) 1917 г.—«Правда», 18(31).I 1918.

¹¹⁵ Телеграмма С. А. Поклевского от 6.VII 1917 г.—ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1232, л. 6.

шего листовки в поезде Пашкани—Яссы; попытка взять под стражу румын, занятых в мастерских русской армии в Бакэу, провалилась; жившие в Румынии участники восстания на броненосце «Потемкин», посаженные в галацкую тюрьму, были освобождены¹¹⁶.

В июле 1917 г. жандармский пост на станции Куза-Вода сообщил, что у русских солдат, проезжавших поездом № 66, были обнаружены манифесты. Тогда же агент сигуранцы докладывал, что в Пятра-Нямце русские вместе с горожанами обсуждают вопрос о «революции в Румынии и уничтожении полиции». Расквартированный в городе 17-й железнодорожный батальон «конфисковал типографию», жаловался претор жандармерии, и напечатал обращение к румынам, призывая их изменить «форму правления». Листовки были расклеены в Пятре, Романе и Бырладе, и солдаты не позволяли срывать их¹¹⁷. В начале августа шеф сигуранцы Панайтеску секретным циркуляром уведомил всех префектов о распространении листовок на станции Николина-Яссы и в оружейных мастерских «Арсенала». Любопытна резолюция начальника столичной полиции на циркуляре: подобные материалы распространяют и русские солдаты, в отношении которых «полицейские органы не могут вести расследования и которых не могут арестовать».

С приходом к верховному командованию русской армии Л. Г. Корнилова румынская олигархия воспрянула духом. Особенно взбодрил ее приказ о введении смертной казни в русских войсках. Казалось, пришло время перейти к беспощадной расправе над революционерами. В адрес Временного правительства и русского командования посыпались жалобы на «происки» Бужора, Раковского и других социалистов, скрывшихся в России, в которых правда хитроумно переплеталась с ложью.

6 августа румынский представитель при ставке генерал Коанда переслал Корнилову телеграмму Брэтиану. Военный трибунал, говорилось в ней, обнаружил у сержанта А. Геря¹¹⁸ переписку, свидетельствующую о наличии заговора, в котором принимает активное участие офицер Бужор, скрывшийся в Россию. Последний пользуется поддержкой «некоторых русских комитетов в Яссах и других городах Молдовы». Коанде поручалось ходатайствовать перед ставкой о прекращении «подобных покушений» на румынский суверенитет, так как королевское правительство решило энергично поддерживать «общественный порядок» и уже обратилось к Щербачеву с просьбой о выдаче Бужора.

¹¹⁶ V. Liveanu. Influența revoluției ruse din februarie 1917 în România.— «Studii», 1956, № 1, p. 29—30.

¹¹⁷ См. ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. 1.

¹¹⁸ Копия телеграммы И. Брэтиану — генералу Коанде; письмо генерала Коанды Л. Г. Корнилову от 6.VIII 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 142, лл. 432, 432б.

Министр иностранных дел Временного правительства Терещенко поддержал румынское ходатайство, а Корнилов распорядился о выдаче Бужора и «выдворении» Раковского из пограничной зоны¹¹⁹, но ни он, ни Щербачев не были властны это сделать.

Комиссар румынского фронта барон Тизенгаузен, лучше разбирающийся в обстановке, лично советовал Брэтиану освободить из-под стражи Доброджану-Геря, ссылаясь на царящее среди русских солдат возбуждение¹²⁰. Знаменитый писатель В. Г. Короленко направил Терещенко открытое письмо, где с негодованием отметал возводимый на румынских социалистов поклев в том, что они-де являются «немецкими агентами»¹²¹.

Даже во время «корниловщины» приказ об аресте Бужора не был выполнен. Румынской олигархии оставалось лишь сочинять меморандумы о вмешательстве солдатских Советов во внутренние румынские дела. Последним, помимо помощи румынским социалистам, вменялись в вину систематическая переправка «дезертиров» королевской армии в Россию и требование равноправия для евреев в Румынии¹²².

Румынское правительство понимало, что ни открытым террором, ни тайными происками кризиса не разрешишь, что революция стучится в двери и нужно принимать экстренные меры. Уже в марте 1917 г. король, выступая перед солдатами в Бакэу, обещал: «Вам будет дана земля. Я буду первым, кто подаст пример». Характерно, что речь признали «своевременной» как либералы, так и консерваторы¹²³.

Грозная первомайская демонстрация в Яссах и других городах показала, что медлить дальше нельзя. Король срочно покинул Яссы и направился в армию. Поездка была окружена строжайшим секретом: даже генералу Лвереску сообщили о прибытии в его штаб «двух персон», приезд которых доставит ему удовольствие. «Персоны» оказались королем и малолетним принцем Николаем¹²⁴. Фердинанд начал объезд войск, обещая солдатам предоставить им после войны землю и избирательные права¹²⁵. Одновременно сигуранца разослала префектам разъяснение, в котором говорилось о «пагубных» последствиях русской революции. Охранка предлагала властям не скупиться на обе-

¹¹⁹ Генерал-квартирмейстер Лукомский — военному министру и генералу Щербачеву, 8(21).VIII 1917.— ЦГВИА, д. 2003/с, оп. II, д. 142, л. 431.

¹²⁰ Телеграмма С. А. Поклевского от 7(20).VIII 1917 г.— «Правда», 20.I (2.II) 1918.

¹²¹ Письмо В. Г. Короленко от 3.IX 1917 г.— Там же.

¹²² Телеграмма С. А. Поклевского от 25.IX (3.X) 1917 г.— Там же.

¹²³ Телеграмма А. А. Мосолова от 29.III 1917 г.— «Правда», 18(31).I 1918.

¹²⁴ A. A. V e g e s c u. Op. cit., p. 151.

¹²⁵ Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life, v. III, p. 163—166.

щения и использовать для пропаганды реформы зажиточных крестьян¹²⁶. Русскому посланнику Поклевскому Фердинанд сказал, что лучше провести «реформы сверху, по инициативе самого правительства, дабы не давать народу повода исторгнуть их силой при посредстве революции»¹²⁷

На другой день после беседы, 6 мая, был опубликован новый королевский манифест, составленный на этот раз проф. Йоргой.

Парламент в спешном порядке принялся пересматривать конституцию 1866 г., признававшую всякого рода частную собственность (в том числе и земельную) «священной и неприкосновенной». Нововведения предусматривали всеобщее избирательное право, ликвидацию владений короны и государства, отчуждение за выкуп до 2 млн. га помещичьих земель¹²⁸.

«Без великих событий в России,—говорил в парламенте доктор Н. Лупу,—никому бы и в голову не пришла сейчас мысль о реформе». Другой депутат откровенно заявил: или реформа, или революция¹²⁹. Брэтиану покинула его обычная молчаливость. В интервью представителю Петроградского телеграфного агентства он на все лады рекламировал предстоявшие реформы¹³⁰.

Весной 1917 г. треснул фронт национального единства румынских правителей. Усилились противоречия между различными группировками олигархии. Обе «исторические партии» вступили в полосу кризиса. Либералы стремительно теряли влияние не только среди крестьянства, но и мелкобуржуазной интеллигенции. В июле 1917 г. в Яссах распространялась листовка так называемого «Комитета 10-ти тысяч»: «Нам нечего ожидать от этой войны за экономическое господство между Германией и Англией»,—говорилось в ней. Группа интеллигентов в письме к проф. Йорге выступила за национализацию земли и установление республики¹³¹.

Серьезным показателем начавшегося в «верхах» кризиса явилось образование либералами-диссидентами «трудовой партии» (апрель 1917 г.).

«Трудовики» немедленно принялись «громить» ту самую либеральную партию, лояльными членами которой они состояли десятки лет. «1907, 1913 и 1917 годы показали неспособность наших правящих классов предвидеть события и управлять

¹²⁶ V. Liveanu. 1918, p. 142.

¹²⁷ Телеграмма С. А. Поклевского от 5.V 1917 г.—«Правда», 18(31).I 1918.

¹²⁸ См. Al. Negoița. Legislația antimuncitorească în perioada avântului revoluționar (1917—1922).—«Analele Universității București». Științe Sociale Juridice, № 24, 1962. Русский поверенный в делах заранее сообщал о программе реформ (М. Гагарин—И. Милукову, 30.IV 1917 г.—АВНП, ф. Политархив, 1917 г. д. 705, л. 17)

¹²⁹ Desbaterile adunării deputaților. Sesiunea extraordinară prelungită, 1916—1917, p. 363, 262.

¹³⁰ ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, л. 129.

¹³¹ V. Liveanu. 1918, p. 136.

ими», — говорилось в их программном манифесте. «Эта паразитическая олигархия не понимает ни духа демократии, который ныне одушевляет народы и преобразяет их жизнь, ни нужд страны, ни прав тех, кто ныне борется за ее существование и возвышение». Сама сущность парламентского режима в Румынии фальсифицирована; депутаты фактически не избираются, а назначаются; во главе управления стоит несколько семей.

Программа партии предусматривала наделение всех «трудящихся земли» участками по 5 га в течение года после окончания войны за выкуп, о размерах которого пока умалчивалось; введение всеобщего избирательного права для граждан, начиная с 20 лет; национализацию недр и лесов; отмену ограниченных гражданских свобод; введение прогрессивного подоходного налога; административную децентрализацию; переход городского хозяйства (освещение, отопление, рынки, транспорт) в ведение муниципалитетов. Особый пункт программы предусматривал расширение рабочего законодательства, включая право на стачки, заключение коллективных договоров, установление минимума заработной платы, усовершенствование системы охраны труда¹³².

Как видим, программа предусматривала проведение довольно широких демократических реформ. В иное, «мирное» время она могла бы сыграть крупную положительную роль. Депутаты партии вступились в парламенте за социалистов, которых держали в заточении без суда и следствия. Они требовали отменить запрещение профсоюзов.

Но все дело в том, в какой момент выступили «трудовики».

Любопытный эпизод произошел 23 апреля (т. е. через несколько дней после смертельно перепугавшей румынскую реакцию первомайской демонстрации). В Ясский Совет явилась депутация только что созданной трудовой партии во главе с доктором Лупу¹³³. Делегаты подробно рассказали о том, какие широкие реформы намечено провести на ближайшей же сессии парламента. Уверяли, что король Фердинанд охотно идет навстречу реформам (!). Король-де вообще демократ и несколько не повинен в дурном управлении страной. Один из русских участников беседы, Большаков, так излагал свои впечатления: «Парламентарии пытались уверить нас, что нам нет нужды свергать в Румынии существующий строй и, прежде всего, самого короля»¹³⁴. Румыны были приятно изумлены, обнаружив, что перед ними не «трибунал» и не «шайка» кровожадных революционе-

Манифест и программа партии труда были зачитаны в палате депутатов Г. Диаманди 6 мая 1917 г. («Desbaterile adunării deputaților», 1916—1917, р. 77—79).

Там же, р. 117, 118.

«Известия Одесского фронтового и областного съезда Советов», 22.V 1917.

ров, требующих во что бы то ни стало головы короля Фердинанда¹³⁵. Успокоенные делегаты ушли¹³⁶.

В обстановке начавшегося революционного подъема «трудовики» играли роль тормоза этого процесса. Характерно, что правительство не мешало их деятельности. В архивном фонде Главного управления русского генерального штаба сохранилась записка с любопытным анализом этой тактики. Зная, что массы извернулись в «исторических» партиях, национал-либеральной и консервативной, писал ее автор, правительство опосредствует образованию новых политических организаций, которые «должны собираться, кричать, требовать, поглощать в себя сколько-нибудь беспокойные элементы и в то же время никоим образом не допускать их до выступлений, серьезно угрожающих правительству»¹³⁷

По сути дела румынская контрреволюция собиралась подорвать революционное движение изнутри. Используя слабый политический опыт масс, она рассчитывала на то, что те не разберутся, где подлинно революционная программа, а где — всего лишь яркий фейерверк трескучих фраз.

Зашевелились после февраля 1917 г. и консерваторы. Группа видных деятелей партии во главе с К. Аржетояну и П. П. Негоеску обвинила своего лидера Таке Ионеску в том, что тот плетется на буксире за либералами, и предприняла попытку образовать «конституционную партию». Долго у отколовшейся группировки ничего не получалось, и лишь в апреле 1918 г. они сколотили так называемую Народную лигу¹³⁸.

Маневры олигархии не остались без результатов. Обещание дать крестьянам то, о чем мечтали и за что боролись их отцы и деды, — землю, не могло не оказать на них влияния. И барометром этого влияния явилась солдатская масса.

Тот факт, что у подавляющего большинства солдат-крестьян дома и участки лежали за линией фронта, в определенной степени препятствовал разложению армии. Горячая любовь к родине, стремление освободить ее от захватчиков оплачивали солдат. В массе своей они не понимали, что в тяжелом положении родной страны повинна олигархия, чьи захватнические стремления привели Румынию на грань катастрофы. Сказывалось отсутствие массовой марксистской партии, способной указать народу правильный революционный путь.

К лету 1917 г. румынская армия была воссоздана. В ней насчитывалось 15 пехотных и две кавалерийские дивизии, 400 тыс.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ «Desbaterile adunării deputaților», 1916—1917, p. 116.

¹³⁷ Записка помощника делопроизводителя Главного управления генерального штаба (ГУГШ) от 28 мая 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3141, л. 1.

¹³⁸ V. Liveanu, 1918, p. 145.

бойцов¹³⁹. Румынские войска превратились в основную силу фронта, который стал румынским не только по названию, но и на деле. Усталые русские дивизии, многие из которых находились в состоянии революционного брожения и не желали воевать, постепенно заменялись.

Тогда же, летом, немцам и их союзникам пришлось ощутить на себе силу ударов румын.

На рассвете 11 июля части 3-й дивизии, подобравшись незаметно на расстояние ста метров к немецким позициям у Мэрэшшти, ворвались в неприятельские окопы. После ожесточенной схватки под угрозой окружения немцы в беспорядке покинули село. В развитие успеха последовали удары на участках к северу и югу. Каждая высота в этой гористой местности бралась с боя. Румынская 3-я армия и русские части на ее флангах продвигались вперед. В несколько дней было занято 500 кв. км территории, 30 сел и деревень. Румыны захватили около 3 тыс. пленных, 45 пушек, русские — 1 тыс. пленных и 40 орудий¹⁴⁰.

Этот крупный успех не был развит из-за общего положения на русско-немецком фронте. Войска получили приказ остановиться.

Фельдмаршал Макензен немедленно начал готовить ответный удар. По его плану германские войска должны были атаковать силами своей 9-й армии в направлении Фокшани — Мэрэшшти — Аджуд, а 1-я австрийская армия — севернее, по долине р. Ойтуз, с тем чтобы соединиться в Аджуде с немцами, уничтожить зажатых в клещи румын, занять всю их страну и открыть себе путь в Южную Россию. Макензен не сомневался в победе. Отправляясь лично руководить операцией, он назначил провожавшим его в Бухаресте офицерам и чиновникам встречу через две недели в Яссах.

24 июля 12 немецких дивизий перешли в наступление в долине р. Серет¹⁴¹. Момент был выбран исключительно удачно: как раз в это время происходила замена частей русской 4-й армии румынскими войсками. Но даже в этих условиях немцам удалось достичь лишь кратковременного и непрочного успеха, настолько ожесточенное сопротивление они встретили.

А 28 июля после артиллерийского обстрела, произведенного румынскими и русскими батареями, румыны перешли в контратаку, в ходе которой нанесли противнику большие потери.

29-го числа инициативу вновь взяли в свои руки немцы. Сражение длилось день и ночь, германские полки производили по восемь атак в сутки. 4 августа наступление было прервано, но

¹³⁹ St. Mușat. Eroicele bătălii desfășurate de Armata română în vara anului 1917.— «Analele», 1967, № 3, p. 10.

¹⁴⁰ A. Averescu. Op. cit., p. 186—187; H. Berthelot. Sur le front roumain en 1917, p. 102.

I. Teclu. Marea Victorie de la Mărășești.— «Analele», 1967, № 3.

ненадолго. 5-го Макензен, не щадя своих солдат и не считаясь с потерями, вновь двинул их в бой. Село Мэрэшешти было почти полностью окружено. Горели дома, железнодорожная станция, сахарный завод. За боем было трудно следить из-за клубов дыма, пыли и газов. Немцам удалось захватить станцию, точнее, ее руины. Когда же они прорвали оборону на стыке двух румынских полков, 47-го и 51-го, казалось, что сражение проиграно. Им оставалось взять высоту 100, господствующую над местностью. На этой высоте опешно окопалась пулеметная рота капитана Григоре Игната. Рота погибла целиком, но ее героическое сопротивление позволило румынскому командованию выиграть время, подтянуть резервы и восстановить фронт. Положение было спасено.

Немецкие атаки захлебнулись. Не удалось добиться успеха и австрийцам под Ойгузом. Германские потери достигали 47 тыс. убитыми и ранеными. Тяжелые жертвы понесли и румынские и русские части (27,5 тыс. и 25 тыс. человек, включая пропавших без вести)¹⁴².

В сражении под Мэрэшешти были сорваны честолюбивые планы прусской военщины. Оно знаменовало возрождение румынской армии. В то же время победа в определенной степени укрепила престиж правительства.

На пути к ленинизму

Война поставила румынскую социал-демократию вне закона. Газета «Лупта» 15 августа 1916 г. вышла «почти белая» — текст был вымаран цензурой, а затем и вовсе прекратила существование¹⁴³; активисты партии получили повестки о призыве, за другими была установлена полицейская слежка; третьи без следствия и суда попали в заключение. Привыкшие к легальной тактике румынские социал-демократы оказались неподготовленными к условиям подполья¹⁴⁴.

Военный разгром усугубил эти трудности. Страна оказалась разделенной на две части. В одной — оккупанты жестоко карали за малейшее ослушание. В другой — свирепствовала сигуранца. Позднее издававшаяся в России румынская социалистическая газета¹⁴⁵ писала: социалистам «наступили на горло».

¹⁴² A. Averescu. Op. cit., p. 224. Обширные материалы о сражении опубликованы в журнале «Analele», 1967, № 3.

¹⁴³ 30 августа руководство СДП решило закрыть газету.

¹⁴⁴ Позднее Диамандеску вспоминал: «Среди наших товарищей было мало таких, которые смогли бы работать подпольно». А Екатерина Арборе говорила: «Вопрос о работе на фронте во время войны у нас в социал-демократической партии не стоял» (ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 140, л. 2; д. 152, л. 2).

¹⁴⁵ «Lupta» (Одесса), 19.IX 1917.

Февральская революция зажгла надежду в их сердцах. Именно с этого времени начинается трудная работа по собиранию сил и выработке принципиально новых программных и тактических установок.

Многие социалисты приехали в Одессу. Здесь на земле России, превратившейся в самое свободное государство того времени, они находились вне досягаемости сигуранцы. Настойчивые требования о выдаче их румынским властям успеха не имели. А до границы было рукой подать, и революционеры находили множество путей для того, чтобы их слово зазвучало на родине.

В Одессе находилось тогда немало румынских рабочих. Сюда была эвакуирована из Галаца верфь «Ферник» с персоналом в 500 человек. Здесь же нашло пристанище авиационное училище. Неподдалеку от Одессы, в Херсоне, расположился арсенал румынских военно-морских сил и судоремонтный завод. В другом городе на юге Украины, Кременчуге, действовал бухарестский «Арсенал», в поселке Карловка — орудийные ремонтные мастерские. В Тирасполе, Одессе, Херсоне и Раздельной располагались склады румынской армии. В Одессе и Херсоне было 9 госпиталей. Наконец, на русские порты Черного моря базировалась значительная часть румынского военного и торгового флота. На юге Украины собралось до 25 тыс. рабочих, моряков и солдат из Румынии (в том числе многочисленные дезертиры) ¹⁴⁶

Вполне естественно, что именно здесь развернули румынские революционеры свою деятельность. Во второй половине июня 1917 г. в Одессе возник «Румынский социал-демократический комитет действия» во главе с М. Г. Бужором, Александром Николау, Х. Раковским. В него позднее вошел и руководитель одесских большевиков П. С. Заславский.

Исторической заслугой комитета явился разрыв с реформизмом и легальной тактикой и переход на революционные позиции.

Если раньше на этих позициях стояли отдельные лица или даже неоформленное организационно левое крыло партии, то теперь знамя революции поднял комитет, игравший в те дни роль руководящего партийного центра. Вокруг него сплотилось до 900 человек, из них 250—300 старых участников движения. Это был крутой поворот — ведь целое поколение румынских социалистов было воспитано на «выжидательных», по выражению А. Доброджану-Гери, концепциях II Интернационала.

С июля комитет начал выпускать манифесты. Набатов звучали в Румынии эти документы, отличавшиеся революционной непримиримостью. «Надо спасти родину», — говорилось в первом из известных манифестов. Весь господствующий класс несет

¹⁴⁶ В. М. Рожко. Участие румынских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР (1917—1920 гг.). Канд. дисс. Кишинев, 1964, стр. 44—45.

ответственность за создавшееся положение: «Это он ограбил страну и народ так, что пресытившаяся и обленившаяся шляхта угнетает семь миллионов крепостных. Это он повинен в пеллагре, туберкулезе, неграмотности, коррупции, моральном падении, свирепствующих среди нас».

Комитет разоблачал реформистские маневры олигархии, проводимые, чтобы «предотвратить бурю», и заканчивал манифест энергичным призывом: «Пришло время, когда румынский народ должен совершить свою собственную революцию и освободиться от олигархии и монархии»¹⁴⁷

Реакция реформистов была мгновенной и решительной: Сион и Гелертер поместили в ясской либеральной газете «Мишкаря» декларацию, в которой отмежевались от деятельности Одесского комитета, объявив ее противоречащей «программе, принципам и тактике нашей партии»¹⁴⁸ (что, впрочем, соответствовало действительности, поскольку речь шла об официальной программе и тактике).

Комитет объединил и сплотил вокруг себя здоровые, революционные элементы румынской эмиграции.

Его члены вели систематическую работу среди заброшенных войной в Россию румынских пролетариев, помогая им извлечь урок из опыта русской революции, воспитывая их в духе пролетарского интернационализма. 30 июня 1917 г. по инициативе комитета действия и одесских большевиков в городе состоялся митинг протеста против белого террора в Румынии. В том же месяце в Одессе состоялась стачка деревообделочников. Румыны, которых усиленно соблазняли штрейкбрехерскими сребрениками, на это не пошли. А вскоре на самой верфи «Ферник» рабочие потребовали повысить заработную плату и ввести свободу собраний. Последнее требование означало на практике отмену военного положения на предприятии и носило явно политический характер. Правление во главе с Винтилой Брэтиану пригрозило военным судом. Но проводить подобные мероприятия в революционной России было трудно и правление «ограничилось» локаутом 200 человек, т. е. чуть ли не половины персонала верфи. На «Фернике» вспыхнула забастовка. 2 августа Одесский Совет заслушал сообщение о ней М. Г. Бужора и А. Николау. Совет не ограничился выражением сочувствия, решил оказать забастовщикам материальную помощь и, в случае надобности, устроить их на русские заводы. Всего румынам выделили 1300 руб. помимо средств, собранных среди одесситов.

Две недели длилась забастовка. Рабочие явочным путем осуществили свое требование свободы слова: стачка сопровождалась

«Documente din istoria partidului comunist din România», v. I, 1917—1922. Buc., 1956, p. 10, 13.

¹⁴⁸ V. Liveanu, 1918, 30—131.

многолюдными и бурными митингами и демонстрациями под лозунгами справедливого мира и установления в Румынии демократической республики¹⁴⁹

9 августа румынский посланник в Петрограде Диаманди прислал в министерство иностранных дел записку о том, что румынские социалисты во главе с «дезертиром» М. Г. Бужором и, «кажется», Раковским организовали враждебный румынскому правительству митинг в Одессе и вызвали «беспорядки» среди судостроителей. Заканчивалась записка требованием «выдать» Бужора и «выдворить» Раковского из пограничных районов¹⁵⁰. Русские гражданские и военные власти были всей душой готовы пойти навстречу своим румынским коллегам, но это находилось за пределами их возможностей. Бужор и Раковский уцелели, а правлению общества «Ферник» пришлось капитулировать и удовлетворить большую часть требований рабочих.

Тогда же, в июле-августе, произошли волнения рабочих и солдат на военно-морском арсенале и судоремонтном заводе в Херсоне.

5 сентября в Одессе начала выходить газета «Лупта». Пропаганда революционных социалистов, сохранив свою непримиримость, стала систематичнее и интенсивнее. С подлинно партийной страстностью редакция писала в первом же номере: «В убийственном огне жестоких битв, в крови сотен тысяч невинных жертв, в шрапнельной буре исчезла лучшая часть страны; в них же должен исчезнуть навсегда режим вины и преступлений». Газета призывала к свержению монархии, установлению в Румынии демократической республики, требовала мира без аннексий и контрибуций. «Наша несчастная война, — писала газета, — была развязана румынской олигархией вовсе не для осуществления национального объединения, для этого она не обладает ни моральным авторитетом, ни нужными средствами, а для консолидации своих классовых позиций»¹⁵¹. Именно на олигархию, которая, «удовлетворяя свою страсть к захватам, легко стала орудием противоборствующих дипломатий», падает вина за трагическую судьбу страны¹⁵². Дорогу к решению национальных проблем откроет международная пролетарская революция¹⁵³.

Солдаты русских маршевых рот, проходившие через Одессу на Румынский фронт, охотно брались за распространение газеты и увозили ее целыми пачками. Агенты сигуранцы на железнодорожных станциях и в проездах исправно строчили доносы о ши-

¹⁴⁹ О стачке см. А. М. Лисецкий. Из истории пролетарского интернационализма. — «Труды Харьковского политехнического ин-та им. В. И. Ленина», т. XIII, серия истории КПСС, вып. 1. Харьков, 1961, стр. 79-80.

¹⁵⁰ «Правда», 20.I (2.II) 1918.

¹⁵¹ «Lupta» (Одесса), 8.X 1917.

¹⁵² «Lupta» (Одесса), 8.IX 1917.

¹⁵³ «Lupta» (Одесса), 27.X 1917.

роком распространении «Лупты» в Румынии. Но попытки схватить и наказать хоть одного из добровольных почтальонов кончались неудачей, товарищи неизменно освобождали их. Румынскому правительству оставалось направлять в Петроград и в ставку унылые протесты. И номера газеты «Лупта» переходили в Румынии из рук в руки, их зачитывали до дыр.

Немаловажной стороной деятельности румынских революционных социалистов являлось ознакомление русской общественности с положением у них на родине. «В стране бедствий», — так озаглавил А. Николау серию своих статей о Румынии, проникнутую острой ненавистью к той клике, которая грабила и творила насилия на его родине¹⁵⁴.

Но, отдавая должное румынским революционерам в России, преклоняясь перед их самоотверженностью, решимостью и личным бесстрашием, оценивая по достоинству осуществленный ими разрыв с реформизмом, следует упомянуть и о слабостях движения. Главная из них заключалась в неумении дать правильный анализ расстановки классовых сил и понять необходимость борьбы за подготовку к социалистической революции (не только в Румынии, но и в России) не в каком-то неопределенном будущем, а немедленно. Даже 22 октября, за три дня до штурма Зимнего дворца, «Лупта» писала: «Экономические и социальные силы России не достигли еще максимума развития, делающего возможным установление социалистического строя... Помимо зачаточного характера капитализма, сложные отношения с прочим миром не позволят провозгласить Россию социальной республикой, что привело бы ее к экономической и политической изоляции». Влияние догм II Интернационала и, в первую очередь, их румынской разновидности, так называемой теории «социализма в отсталых странах», тут еще сильно ощущается.

Слов нет, обстановка была сложной. Комитет поступал правильно, говоря прежде всего о буржуазно-демократических задачах. «Социал-демократическая партия вступает в борьбу за свержение румынского «царизма». Это — первый шаг на пути преобразования Румынии, защиты ее территории, ее восстановления, ее демократического прогресса...»¹⁵⁵.

Комитет с большой силой и подлинно революционной страстью обрушивался на предполагавшиеся в Румынии реформы. Однако собственной аграрной программы, способной отвлечь крестьян от правительственных обещаний и объединить их вокруг рабочих, он тогда не выдвинул, и вообще конкретного плана действий выработано не было.

Комитет не сумел разобраться в политике Временного правительства. Эсеро-меньшевистскую трескотню об изменении харак-

¹⁵⁴ «Голос революции», 23.VII 1917.

¹⁵⁵ «Documente din istoria Partidului comunist din România», v. I, p. 13.

тера империалистической войны и превращении ее в революционную он принял за чистую монету и утверждал, что румынская олигархия «не может обеспечить сотрудничества с демократическими союзными правительствами и тем более с революционным правительством России»¹⁵⁶.

Очевидно, недостатки в деятельности комитета объяснялись в известной мере и воздействием взглядов Х. Раковского.

В начале мая Раковский, приехав в русскую столицу, выступил на заседании Петроградского Совета, в то время в большинстве своем меньшевистско-эсеровского по составу, с речью, в которой горячо и красноречиво приветствовал русскую революцию. В газетном отчете ему приписывались также следующие слова: «Не бойтесь вхождения в министерство. Всюду в других странах социалистические министры являлись как бы хвостом своего правительства, а здесь я вижу другое — правительство — это хвост революции»¹⁵⁷.

Сам Раковский опроверг последнее заявление. Он разъяснил в письме, помещенном в «Известиях», что, соблюдая «социалистический нейтралитет», воздержался от оценки вхождения «социалистов» (т. е. меньшевиков и эсеров) во Временное правительство. Однако он не считает, что подобный шаг окажет роковое влияние на судьбы революции: «Русский министрализм отличается от западного»¹⁵⁸. Таким образом, он стоял ни «за», ни «против». Трудно назвать это последовательной позицией.

И после возвращения Раковского в Одессу его взгляды по-прежнему были далеки от большевизма. Пролетарская революция на Балканах все еще рисовалась ему в далекой перспективе. Это видно из статей в «Голосе революции», органе Румчерода. «Я не лелею мечту, что мир будет заключен социалистическими партиями, но не сомневаюсь, что дипломатия должна будет считаться с волей организованных масс», — писал он¹⁵⁹. Всеобщее избирательное право, отмена исключительных законов, национальное равноправие, устранение реакционных династий, ликвидация крупного землевладения, уничтожение концессий, народный суверенитет — вот о каком послевоенном устройстве мечтал он. О пролетарской революции — ни слова.

И в августе Раковский еще не отошел от «революционного оборончества». «Поражение, — писал он, — настолько выгодно

¹⁵⁶ «Documente din istoria Partidului comunist din România», v. I. 1917—1922, p. 12—13.

¹⁵⁷ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 7.V 1917.

¹⁵⁸ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 10.V 1917.

¹⁵⁹ Х. Раковский, Задачи социал-демократов на Ближнем Востоке. — «Голос революции», 2.VII 1917.

для контрреволюции, что о нем можно перефразировать слова Вольтера о боге: если его нет, его нужно было бы выдумать»¹⁶⁰. Все это писалось в эсеро-меньшевистском органе Румчерода, который помогал Керенскому «обрабатывать» солдат для наступления.

Существует один документ, в котором и сила, и слабость румынских революционеров той поры отразились, как в капле воды. Это — «Доклад-обращение» к русской революции от имени «Румынской социал-демократической партии и учрежденного в Яссах комитета для приготовления революции». Составлен он был М. Г. Бужором в конце июня. Обращение пронизано чувством пролетарского интернационализма и классовой ненависти. По одну сторону баррикады — «своя» олигархия, по другую — «чужая» русская армия и румынский народ. Здесь, пожалуй, впервые не на митинге, не в личном высказывании, не в газетной статье, а в документе от имени партии содержался призыв к вооруженному восстанию.

В «Докладе-обращении» высказывалось мнение, что сил у олигархии «нет совсем». Она держится у власти «благодаря своему внешнему великолепию, своей обычной наглости, благодаря почтению, которое всегда внушает власть». Вывод делался совсем оптимистический: «И не слишком трудным делом, не слишком тяжелой работой будет ее свержение». В этой акции значительное место отводилось русским войскам. Румынские социал-демократы, указывалось в документе, разбросаны по всей стране. В сложившихся условиях налаживание связи между ними «невозможно» или по меньшей мере сопряжено с «тысячами затруднений». Поэтому «необходимо, чтобы на сцену выступила внешняя... сила». В «столкновении между румынским народом и его правящим классом революционная армия новой России должна играть важную и решающую роль...» «Будет достаточно овладеть Яссами и Галацем, чтобы считать законченной первую часть нашей задачи свержения олигархии». Рассчитывать можно «не только на крестьян и рабочих, но и на большинство других слоев населения и на оставшуюся здоровой часть буржуазии. Во всех этих общественных категориях мы найдем элементы, способные сделаться предводителями Румынии будущего на новых основах».

Заканчивалось обращение горячим призывом: «Мы взываем к вам о помощи, граждане революционной России». Некогда французские войска «принесли народам Европы идеи свободы, равенства и братства. Теперь наступила очередь русских революционных войск принести народам, с которыми они приходят в соприкосновение, в частности, румынскому несчастному народу,

¹⁶⁰ Х. Раковский. В защиту армейских организаций. — «Голос революции», 18.VIII 1917.

те великие идеи, которые связаны с красными знаменами... Они могут принести с собой революцию, освобождение угнетенных народов и социализм... Русская революция должна спасти румынский народ не только от внешнего врага, но и от врага внутреннего»¹⁶¹.

Обращение было направлено в Петроградский Совет. Составлявшие в нем большинство эсеры и меньшевики всеми силами пытались заставить проникнутую антивоенными настроениями русскую армию двинуться в бой,— и не против, а в союзе с румынскими правителями. Не удивительно, что оно не встретило у них отклика¹⁶². И еще одно замечание. Окрыленные быстрым успехом Февральской революции, той сравнительной легкостью, с которой был свергнут царизм, авторы обращения явно недооценили силы, возможности и резервы румынской олигархии. Последняя держалась вовсе не благодаря «своей обычной наглости» и «почтению, которое всегда внушает власть». Революционная ситуация созрела не в такой степени, чтобы можно было утверждать: «Не слишком трудным делом, не слишком тяжелой работой будет ее свержение». А упор на внешнюю поддержку со стороны русской армии объективно мог привести к известной недооценке собственных усилий.

Разумеется, не отдельные недостатки теоретического и практического толка, встречавшиеся в выпущенных румынскими социалистами материалах определяют их значение, а революционная страстность и беззаветная готовность служить пролетариату, разрыв со старыми взглядами легализма и реформизма, пламенный интернационализм, глубокая вера в силы и возможности братских народов революционной России. Все это позволило румынским интернационалистам так быстро перейти после Октября на позиции большевизма.

В оккупированной зоне

Населению оккупированных областей пришлось познать произвол военных властей еще до прихода неприятеля, а именно, произвол румынских властей. Многие офицеры не постеснялись нажиться в тяжелую для родины пору. Получив большие суммы для снабжения своих частей, они преспокойно клали их в карман, оставляя солдат «на подножном корму». В доверительной телеграмме корреспондента Петроградского телеграфного агентства сообщалось: «Пользуясь правом реквизиций», они «нажи-

Подробнее см. В. Н. Винсградов. Два обращения румынских социал-демократов к революционной России.— «Вопросы истории», 1967, № 12.

¹⁶² В сообщении о работе Отдела международных сношений Петроградского Совета о связях с румынами упомянуто не было.— «Известия Петроградского Совета», 27.VIII 1917.

вали огромные состояния». «У мирного населения забиралось абсолютно все, вплоть до молока, яиц и хлеба»¹⁶³.

Если крестьянство пострадало от реквизиций, то положение оставшихся в родных местах рабочих было подорвано вывозом, а то и разрушением при отступлении предприятий, в первую очередь нефтяной промышленности. Уничтожали запасы нефти и оборудования англичане под руководством британского военного атташе Томпсона и полковника Н. Гриффитса. «Выполнение уже самой по себе трудной задачи затруднялось противодействием, которое комиссия встретила со стороны румынских властей». Последние «соглашались лишь на сожжение существовавших запасов нефти, что являлось половинной и совершенно недостаточной мерой»,— докладывали англичане. Но они, по словам рапорта, преодолели все трудности: скважины заваливались камнями и железным ломом, машины уничтожались, приборы разбивались ломами. Затем помещения наполняли нефтью, «в резервуары и строения бросали зажженные факелы и все место пылало. По прошествии нескольких минут чаны взрывались и в течение часа пламя достигало тысячи футов высоты». За две недели «было сожжено около миллиона тонн нефти, все очистительные и ректификационные заводы уничтожены, резервуары разрушены. Фонтаны заклепаны и краны сожжены, где только позволяло время»¹⁶⁴. Потери в нефтяной промышленности составили 600 млн. лей¹⁶⁵.

«Факельщики» жаловались на частые случаи «открытого антагонизма со стороны местного населения». Так, лейтенант Ф. Г. Симпсон при «большом противодействии» «отличился» и сжег промыслы в Буштенари. Капитан румынской службы князь Г. Бибеску «проявил большую храбрость» (!) при сожжении нефти и бензина. Все они получили ордена.

Британская комиссия не ограничилась разрушением нефтепромыслов. Как уже говорилось, в Румынии находилось 80 тыс. вагонов закупленной англичанами пшеницы. Часть ее удалось вывезти. Другая попала в руки немцев. Но громадное количество зерна было сожжено. Никому не пришло в голову, что его можно раздать нуждающемуся населению. Помимо этого, британцы взорвали крупнейшую мельницу и цементный завод в Брэиле, уничтожили фабрики и заводы в Галаце и в Фокштах. В Мэрэшешти часть подвижного состава была утоплена в

¹⁶³ Телеграмма от 18.I 1917.— ЦГАОР, ф. 2001, оп. 1, д. 213, л. 40.

¹⁶⁴ Краткий доклад о работах, произведенных комиссией по разрушению нефтяных промыслов.— ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 1228, лл. 72—73.

Всего было разрушено 2,5 тыс. скважин, 70 нефтеочистительных заводов (N. N. Constantinescu și V. Bogza. Situația clasei muncitoare în perioada participării României la primul război mondial.— «Probleme economice», 1959, № 7, p. 122—123).

реке. Для этого поезда на полном ходу пускали по разрушенному мосту¹⁶⁶.

После всех этих дел их организатор полковник Томпсон сообщил своей соотечественнице, королеве Марии, что у него «разрывается сердце»¹⁶⁷ от скорби при виде бед, обрушившихся на Румынию.



При отступлении, несмотря на спешку, румынское правительство позаботилось о том, чтобы население не осталось «без присмотра». В каждом уезде, совершенно официально, оставалось определенное число чиновников, в городах — полиция, в селах — жандармерия, которым было поручено передать в полном порядке дела управления оккупантам и сотрудничать с ними. Таким образом, важнейшая функция буржуазно-помещичьего государства — держать в узде «врага внутреннего» — не была забыта в самые критические минуты.

Особую заботу у беглого короля и правительства вызывал Бухарест. В столице в каждом министерстве были оставлены управляющий и часть персонала. Лидеру консерваторов Александру Маргилomanу, не собиравшемуся эвакуироваться, передали несколько миллионов лей на выплату чиновникам жалованья на первых порах. Королевская семья не забыла и о сохранении личного имущества. Интересы двора и владений короны поручили представлять А. Цигаре-Самуркашу¹⁶⁸.

В Бухаресте осталось около 400 жандармов, 500 полицейских и батальон милиции под командой майора Презана, брата начальника генерального штаба румынской армии¹⁶⁹.

Любопытны некоторые детали вступления немцев в столицу.

Накануне был издан приказ за подписью префекта столичной полиции генерала Мустаца. Генерал требовал не оказывать ни малейшего сопротивления оккупантам и грозил смертной казнью «любому мужчине, женщине, юноше или старику, которые нанесут оскорбление словом или делом имперским армиям»¹⁷⁰.

При вести о подходе неприятеля примарь города Эмиль Петреску поспешил ему навстречу с белым флагом. Вдоль улицы, название которой Каля Викторией (Дорога Победы) звуча-

¹⁶⁶ Краткий доклад о работах, произведенных комиссией по разрушению нефтяных промыслов. ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 1228, лл. 76-77.

¹⁶⁷ Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life, v. III, London, 1935, p. 100.

¹⁶⁸ Цигара был профессором истории искусств и директором Этнографического музея. Но, разумеется, не его ученые занятия определили выбор для столь деликатного поручения, а тот факт, что Цигара был побочным сыном Карла I, учился на средства своего отца в университетах Германии и Франции и поддерживал тесные связи с немецкой аристократией.

¹⁶⁹ A. Stoepescu. Din vremea ocupatiei. Buc., 1927, p. 12.

¹⁷⁰ C. Vasalbaş. Capitala sub ocupația dușmanului. Brăila, 1921, p. 28.

ло, применительно к обстановке, злой иронией, выстроились полицейские в парадной форме. В ресторане Капша заказали обед на множество персон в честь фельдмаршала Макензена ¹⁷¹.

Немцы несколько задержались и явились не с той заставы, где их ожидали, и тем нарушили церемонию встречи. Им до последней минуты не верилось, что Бухарест так тихо и мирно перейдет в их руки. Передовой патруль вошел в столицу, соблюдая все меры предосторожности, и без всяких препятствий дошел до префектуры ¹⁷².

Немцы произвели лишь незначительные изменения в оставленной румынским правительством администрации. Возглавил ее известный своими прогерманскими симпатиями консерватор Лупу Костаке, руководивший департаментом внутренних дел.

Сотрудничество с врагом, осуществлявшееся не только с ведома, но даже по поручению короля и правительства, показывало, что те не исключали возможности перехода в противоположный лагерь.



Прибывшим из Германии в Румынию оккупантам показалось, что они попали в рай земной. Сохранился дневник одного из сотен тысяч бюргеров, волею судьбы прошедших по горам и долам Валахии и Молдовы в батальонах ландштурма. Имя его — Г. Велбург.

Прибыв в неразграбленную еще Румынию, кайзеровское воинство възыграло духом. «В гостинице мы великолепно поели. Мы постарались не показать хозяину, как мы голодны». Но тот, конечно, заметил, что «гости» не просто проголодались, а истощены длительным недоеданием. Большинство солдат, отметил в своем дневнике Велбург, заказало себе все меню — сверху до низу. «И к этому, как это ни удивительно, — восклицает он, — подают сколько угодно белого хлеба» ¹⁷³. (Велбург уточняет — без всякой карточки).

Оккупанты на первых порах грабили все, что попадалось под руку. Сам фельдмаршал Макензен признавал в приказе от 17 декабря 1916 г.: войска и обозы «забирают бессмысленным образом у населения предметы, во много раз превосходящие потребности». «Большие богатства уничтожены преднамеренно, убойный скот так бесцельно растрачен, что мясо стало редким, несмотря на богатство скотом прежде... Много отставших солдат

¹⁷¹ Ibid., p. 33.

¹⁷² A. Stoeneșcu, Op. cit., p. 14—15.

¹⁷³ G. Velburg, Rumänische Etappe. Die Weltkrieg, wie ich ihn sah. Berlin — Leipzig, 1930, S. 23.

бредят за лишней фронта. Их бесчинства стали бичом страны...»¹⁷⁴

В Австро-Венгрию и Болгарию без счета и контроля перегонялся скот, переправлялось продовольствие.

Очень скоро германское командование спохватилось, что так можно убить курицу, несущую золотые яйца. Появился упомянутый приказ Макензена. А в Берлине спешно велись подсчеты: чего и сколько можно забрать в Румынии. К весне 1917 г., по данным генштаба, нехватка зерна в Германии определялась в 2 млн. тонн, по другим подсчетам — даже 2,6 млн. Австрийцы определяли свой ежегодный дефицит в 1,3 млн., болгары — в 0,5 млн. «При существующих обоятельствах дать хотя сколько-нибудь значительные запасы могла одна лишь Румыния»¹⁷⁵.

Поэтому вслед за периодом неупорядоченного грабежа наступило время грабежа организованного и систематического. Уже в декабре приступил к работе «хозяйственный штаб» во главе с генералом Тюльф фон Чепе. Немцы ввели систему принудительного труда. За нарушение приказов комендантов полагалось до трех лет тюремного заключения и денежный штраф до 10 тыс. лей. Суровыми мерами оккупантам удалось добиться роста посевных площадей и в значительной степени восстановить нефтяную промышленность.

В городах — со складов и из магазинов — было сразу уже конфисковано $\frac{3}{4}$ имевшихся там товаров. Оставлялся хлеб из расчета 400 г в день на человека и жесткий минимум другого продовольствия. В селах крестьянам оставляли семена и по 500 г кукурузы на рот в день¹⁷⁶. Все остальное подлежало вывозу. Жителям под страхом смертной казни велено было представить список имевшегося у них продовольствия, включая сигареты. Началось «организованное» изъятие стратегических товаров. Изымались автомашины и экипажи, одежда и обувь, белье и трикотажные изделия, чугун и медь, резина и пишущие машинки. К «стратегии» приобщили даже роскошную мебель для офицерских казино. Солдаты оккупационной армии с немецкой педантичностью обшаривали закоулки крестьянских хат и убогих домов городской бедноты, отбирая утварь, вплоть до котла для варки мамалыги.

Упомянутый нами Велбург, квартировавший в Фетешти, записывал 3 февраля 1917 г в своем дневнике: прибыл приказ отбирать пшеницу, кукурузу, горох, жиры, кости, керосин, лук и

¹⁷⁴ Gr. Antipa. L'occupation ennemie de la Roumanie et ses consequences économique et sociale. Paris, 1929, p. 21—22.

¹⁷⁵ Фон Куль и Г Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935, стр. 27.
Или 225 г пшеницы и 125 г кукурузы.— «Relații agrare și mișcării țărănești în România». Buc., 1967, p. 196.

многое другое. За несданное оружие — расстрел; за припрятанный пустой мешок — штраф 5 лей. «Это будет тяжелая работа, — вздыхал Велбург, — если приказ выполнять со всей строгостью, людям придется голодать...»

Перед обысками унтер «накачал солдат»: раз дома сидят без хлеба, пусть голодает и «враг». Затем Велбург описывает, как они обчистили дом какой-то старухи, с плачем цеплявшейся за последний мешок. Унтер сказал ему: «Ты думаешь, мне приятно отбирать у бедняков их пожитки?.. Но раз меня поставили на этот пост, я выполню свой долг до конца»¹⁷⁷.

Не все ландштурмисты относились столь скрупулезно к своему «долгу». Случалось, они «не замечали», как хозяйка припрятывала «лишнюю» кукурузу.

Конечно, эти одиночные случаи ничего не меняли в оккупационных порядках. Близко знакомый с ними Г Антипа, работавший в румынской администрации оккупированной зоны, свидетельствовал: «Я биолог, но я не знаю во всем животном мире существа, имеющего аппарат для высасывания крови, подобный тому, что создан и усовершенствован здешним хозяйственным штабом»¹⁷⁸.

Что же «высосали» оккупанты из Румынии?

Вот официальные румынские данные (декабрь 1916—октябрь 1918 г.): около 2,2 млн. тонн зерна и овощей; 90 тыс. голов крупного рогатого скота, более 200 тыс. овец и свиней; 1,1 млн. тонн нефти, 200 тыс. тонн леса, почти 100 тыс. тонн соли, много металла, кож, текстильных товаров, спирта, вина и водочных изделий, табака¹⁷⁹.

Но это была лишь часть тягот, ложившихся на население. Оно должно было кормить германские, австро-венгерские, турецкие и болгарские силы — около полумиллиона солдат и 140 тыс. лошадей. «Месячная» норма потребления ими мяса составляла более 13 тыс. голов крупного рогатого скота и 67 тыс. овец — оккупанты любили баранину.

Наконец, заботливые отцы семейств слали на родину посылки. Их число не ограничивалось — лишь бы вес каждой не превышал 10 кг. За первый год оккупации их было отправлено в Германию и Австро-Венгрию 1002 вагона. А солдаты, уезжавшие в отпуск, смело могли сойти за мешочников — столько они тащили с собой.

Не удивительно, что в результате подобного опустошения цены повысились по сравнению с довоенными на картофель и овощи втрое, на баранину в три с половиной раза, на говядину

¹⁷⁷ G. Velburg. Op. cit., S. 61--62.

¹⁷⁸ Gr. Antipa. Op. cit., p. 86.

¹⁷⁹ «Situația clasei muncitoare din România», p. 52, 54; в некоторых работах приводятся еще более высокие цифры. См. A. Berindey. La situation économique et financière de la Roumanie sous l'occupation allemande. Paris, 1921, p. 114, 127, 129.

в четыре с половиной. Но и по этим ценам далеко не всегда удавалось достать продукты. По карточкам в Бухаресте выдавали (нерегулярно) 3,08 кг хлеба, 100 г мяса, 750 г фасоли или гороха в неделю. Изредка оккупанты, чтобы выманить у населения золото, пускали в продажу сахар — по бешеным ценам и обязательно на золотые деньги¹⁸⁰. К выпущенным ими же «новым леям» они никакого доверия не питали.

Несколько слов об этих «новых леях». Понимая, что реквизиции способны убить всякую хозяйственную жизнь в стране, германское командование стало оплачивать часть товаров и предписало военнослужащим приобретать продовольствие для личных целей за деньги, отпечатанные в Берлине. Уже в январе 1917 г их ввезли до 200 млн. лей. Дальнейшая судьба этих денег была неизвестна: немцы отложили вопрос об их выкупе до мирной конференции, надеясь взвалить всю тяжесть этой операции на противника.

Дневник даже такого признанного сторонника немецкой ориентации, как А. Маргилومان пестрит записями вроде следующих: «В Путинею забрали все. Оставили крестьянам по одной свинье». В Фрумушану — «черная нищета, тиф уничтожает села»¹⁸¹. В уезде Телеорман — беспощадные конфискации. У застав Бухареста патрули опустошают телеги прибывших в столицу крестьян¹⁸². В середине марта 1917 г. он пишет: «Нищета становится мучительной»¹⁸³. И тут же запись о благотворительных крохах: Красный Крест распределил 12,5 тыс. тарелок супа.

Если население голодало, то пленные в лагерях были обречены на медленную смерть от истощения. Не лучше было положение угнанных в Болгарию, Германию, Австрию. Лишь в двух последних странах, по данным Красного Креста, за год умерло 19 тыс. пленных румын¹⁸⁴.

Но даже в лагерях, за колючей проволокой, в полной неприкосновенности оставалось деление на «благородных» и «простой народ». Маргилومان отмечал, что в Слатине ни один офицер из пятисот не помог солдатам материально, ни один не вступился за них перед администрацией. Напротив, все, кто мог, спешили выбраться оттуда — «по болезни» в румынскую больницу или под каким-либо иным предлогом.



Никогда не прекращавшиеся в стране крестьянские выступления усилились в период «междоусобия», когда старые «силы порядка» перестали действовать, а новые, оккупационные вла-

¹⁸⁰ «Probleme economice», 1959, № 7, p. 134.

¹⁸¹ A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 460—461.

¹⁸² Ibid. p. 472.

¹⁸³ Ibid., p. 481.

¹⁸⁴ A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 180.

сти еще не успели утвердиться. Надо представить себе картину тех дней. Паника, развал всей военной системы, открытый грабеж государственного имущества. Люди, позировавшие в качестве патриотов, действовали по принципу: «Спасайся, кто может!», «Устраивайся, как лучше!», «Бери, что лежит плохо!».

А что не лежало плохо в то время?

Презрение и гнев охватывали население, видевшее, как буржуазно-помещичья клика, организовавшая виртуозную систему эксплуатации, пользуется моментом.

Конечно, в обстановке хаоса и военного поражения никто не занимался статистикой крестьянских выступлений. Трудно даже выяснить причину разгрома отдельных усадеб — сделали ли это отступающие войска, ворвавшиеся в село оккупанты или сами жители? Но то, что крестьянство сводило счеты со своими угнетателями, — это несомненно¹⁸⁵.

«Скот помещиков расхищен», — отмечал Маргиломан. Префект уезда Яломица докладывал министерству внутренних дел: уезд «пострадал в результате грабежей жителей, в том числе зажиточных, воспользовавшихся периодом анархии и не пощадивших... имущества окрестных помещиков...» Он счел это доказательством «полного отсутствия солидарности между классами общества».

В одном лишь уезде Дымбовица были совершены нападения на поместья и здания сельских правлений (примарий), где хранились ненавистные договоры об аренде и найме на работу, в коммунах Фрасин, Кэтулу, Мэрчешти, Финта, Бэлени, Букшани, Добра, Гебая, Былчурешти...¹⁸⁶.

Только в последнее время начался сбор материалов, свидетельствующих о сопротивлении захватчикам. Очень полезна подборка документов, опубликованных Е. Попеску и К. Кэзэништяну, подтверждающая, что это движение охватило и город, и деревню и приняло самые различные формы: отказ от выхода на работу как на заводы, так и на помещичьи поля, «укрывательство» румынских солдат и офицеров, саботаж приказа о сдаче оружия, распространение «подстрекательских» известий, бойкот поставок продовольствия. Были случаи, когда сжигалось намеченное оккупантами к вывозу имущество, перерезались телеграфные и телефонные провода, убивались неприятельские военнослужащие и их пособники-полицейские. «Виновные» подвергались суровым наказаниям — от громадных штрафов, налагаемых на население целых деревень, до каторжных работ и

¹⁸⁵ Румынский исследователь В. Ливяну указывает, что по материалам румынских властей этот вопрос изучить нельзя. Что же касается архива оккупационных властей, то они «в настоящее время не инвентаризованы и недоступны» (V Live a n u. 1918, p. 206).

¹⁸⁶ «Relații agrare și mișcări țărănești în România», p. 199.

даже смертной казни¹⁸⁷ Так, 11 июля 1917 г. (н. ст.) комендант Турну-Северина сообщил о расстреле 10 человек, обвиненных в вооруженном сопротивлении¹⁸⁸.

Нелегко определить и число чисто рабочих выступлений. Неприятель регистрировал случаи отказа от работы и «недозволенные собрания», не указывая причины. Сохранились самые общие данные за апрель — октябрь 1917 г. В них отмечено 32 случая репрессий за отказ от работы и 24 — за собрания.

Однако с полной очевидностью можно сказать, что на заводах и фабриках было беспокойно, что рабочие не желали молча терпеть свою участь и что лишь железный кулак оккупационных властей явился причиной ограниченного размаха движения.



Революционная активность в условиях двойной слежки — со стороны неприятельских властей и румынской полиции, действовавших рука об руку и в полном согласии, — представляла трудности почти невероятные. И все же группы социалистов, оставшиеся на занятой неприятелем земле, не бездействовали¹⁸⁹.

Надо сказать, что на первых порах над некоторыми довлело давнее преклонение перед германской социал-демократией. Им казалось, что партия, вызывавшая их восхищение, окажет какое-то влияние на оккупационные власти. Многие думали, писала Е. Арборе, «что положение нашей партии при германской оккупации станет лучше и возможна будет некоторая легальная деятельность»¹⁹⁰. Эти надежды были разбиты.

Немцы, правда, выпустили из тюрем румынских социалистов, которых правительство в спешке не успело вывезти в Молдову, и на первых порах смотрели сквозь пальцы на небольшие собрания в партийном клубе. Но они не разрешили возобновить выпуск газеты и открыть партийную школу, а просьбы о проведении митингов неизменно наталкивались на отказ. Стало ясно, что дальше легких заигрываний оккупанты не пойдут.

Весть о Февральской революции набатом прогремела по измученной стране. «Я как сейчас помню светлое зимнее утро,

¹⁸⁷ E. Popescu, C. Căzănișteanu. Documente privitoare la unele forme de rezistență ale maselor populare din teritoriul vremelnic ocupat.— «Studii», 1967, № 4.

¹⁸⁸ Экспонаты Музея истории КРР, революционного и демократического движения (Бухарест). Летом 1917 г. лишь в уезде Илфов было оштрафовано 1,5 тыс. крестьян («Relații agrare...», p. 203).

¹⁸⁹ Сохранилось письмо И. К. Фриму Г. Кристеску от 2.II 1917 г. о собрании руководства СДП.— Музей истории КРР, революционного и социалистического движения.

¹⁹⁰ Ек. Арбари-Ралли. Социалистическое движение в Румынии.— «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7-8, стр. 1027.

первый луч солнца и неожиданное известие на первой странице немецкой газеты «Vorgwärts» о начале российской революции.

С какой жадностью мы читали в последующие дни короткие, захватывающе интересные сообщения о событиях в Петрограде, сколько споров возникало между товарищами — рабочими о будущих судьбах революции! Наш маленький кружок, последний остаток партии, ожил духом»¹⁹¹, — вспоминала Е. Арборе.

Вскоре последовало первое открытое массовое выступление. 9 (23) марта 2 тыс. женщин вышли на голодную демонстрацию в Бухаресте. А. Маргилومان записал в этот день в своем дневнике: «Шумная манифестация женщин из народа»¹⁹². Подоспевшая полиция вступила с ними в схватку и вызвала префекта. Того окружила негодующая толпа, требовавшая хлеба и мира. Оказалось, что большинство из демонстранток — солдаты, почти лишенные средств к существованию. Надавав обещаний, префект отбыл.

После демонстрации было пущено в продажу мясо, но по ценам, недоступным для тех, кто больше всего в нем нуждался. В то же время немцы и полиция прибегли к репрессивным мерам.

Оккупанты отправили в тюрьму в превентивном порядке пять руководителей партии, в том числе Екатерину Арборе. В клубе и у всех активистов были произведены обыски. Но доказать ничего не удалось, арестованных отпустили, отдав под надзор полиции.

Встревоженные мартовской демонстрацией, немцы категорически запретили всякие собрания, в том числе первомайские.

В условиях очевидной невозможности какой-либо легальной деятельности все настойчивее звучали призывы развернуть шире подпольную работу. Во главе этого течения стоял Алеку Константинеску. С невероятным трудом, с помощью знавших типографское дело Теодора Химсона и Генриха Штернберга, он наладил выпуск листовок сперва на шапирографе, а затем и типографским путем, в которых приветствовалась совершившаяся в России революция и выдвигалось требование справедливого мира¹⁹³. В том же духе действовали другие группы и отдельные лица, не желавшие мириться с пресловутой легальностью, сводившей активность социалистов к нулю.

Положение в партии было сложным. От своих товарищей в неоккупированной зоне социалистов отделял фронт. Информация о событиях в мире, и в первую очередь в России, поступала, про-

¹⁹¹ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7-8, стр. 1028.

¹⁹² A. Marghiloman. Op. cit., v. II, p. 272—273.

¹⁹³ Из доклада генеральному директору сигуранцы (октябрь 1919 г.) о коммунистической группе Бухареста.— ЦГАОР, КМФ-14, Румыния, за 32, пл. 157, ч. III.

цеженная сквозь фильтр неприятельской военной цензуры. Известную «отдушину» представляли связи с социал-демократами Болгарии, Германии и Венгрии, которые удалось наладить с помощью солдат. По свидетельству Е. Арборе, участие в Стокгольмской конференции социалистов 1917 г. было воспринято прежде всего как возможность наладить связь с революционной Россией и со своими товарищами по другую сторону фронта. Румынию представляли на конференции И. К. Фриму и Алеку Константианеску. По их возвращении «в Бухарестской партийной группе... был снова поставлен вопрос о перемене тактики и о возможности революционного выступления рабочих и крестьянских масс»¹⁹⁴.

В таком положении румынских социалистов застала весть об Октябрьском штурме.



По-своему реагировали на события в России румынские консерваторы, оставшиеся на занятой неприятелем территории. Свержение такого столпа мировой реакции, как царизм, не могло не подействовать отрезвляюще. Они пришли к выводу, что сопротивление реформам, избирательной и аграрной¹⁹⁵, надо прекратить. Как видим, вся румынская правящая верхушка — консерваторы и либералы, сторонники Антанты и блока центральных держав — цеплялись за реформы, как за якорь спасения от внушавшей им ужас революции. Разногласия вызывал вопрос о том, когда, каким путем и в каких размерах их осуществлять. Собравшиеся по сему поводу руководители партии мудро решили воздержаться от разработки конкретных планов — как никак, они находились «в запасе» и никто не требовал у них ответа. Они, разумеется, были единодушны в том, что крестьяне должны уплатить за землю выкуп.

Как ни была придушена общественная жизнь в ярме оккупации, записи о личных встречах и частных совещаниях позволяют судить о том, что и в «верхах» ширились разногласия, что и они не могли оставить в неприкосновенности прежние формы и методы управления. Старый Петре Карп, убежденный германофил, считал, например, что следует пожертвовать румынскими Гогенцоллернами и пригласить на престол кого-нибудь из немецких князей, которых в Германии всегда было в избытке. Маргилман держался осторожнее и полагал, что ставить подобный вопрос в условиях войны и оккупации нельзя — слишком уж явственна полная капитуляция перед неприятелем.

¹⁹⁴ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7-8, стр. 1028.

¹⁹⁵ A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 470.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОКТЯБРЬСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И РУМЫНИЯ

ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ

Румынский фронт после Октябрьской революции

26 октября на фронт пришла весть о свержении Керенского, а вслед за ней сообщения о тех декретах, которых давно и с нетерпением ждали миллионы солдат,— о мире и о земле. Армия всколыхнулась. В самую ночь штурма Зимнего дворца генерал-квартирмейстер русской армии Дитерихс уныло констатировал: «Переговоры с фронтами выяснили, что при сложившейся обстановке рассчитывать на поддержание Временного правительства войсками фронта нельзя»¹.

Не составляли исключения и 8-я, 9-я, 4-я, 6-я армии, занимавшие линии окопов от Буковины до Черного моря.

Правда, и на румынском фронте у «временного» были сторонники: генералитет, офицерство, эсеро-меньшевистское большинство различных комитетов, в том числе и его высшего звена — Румчерода. За несколько дней до переворота исполком Румчерода заявил: «Никакие выступления в настоящий момент недопустимы», ибо «наносят тяжелый удар революции» (!!). Он призвал войска сохранять спокойствие и уверял, что обладает достаточными силами для того, чтобы обезвредить «посягательства как справа, так и слева»².

Но, как оказалось, Румчерод говорил только от своего лица, а не от имени солдат. Когда же в штаб фронта стали поступать требования о выделении частей на борьбу с большевиками, ставка получила неутешительный ответ. «Мое глубокое убеждение,— говорил Тизенгаузен,— что двинуть с фронта войска для защиты лиц самого Временного правительства едва ли возможно...»³

¹ ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 202, л. 138.

² Там же, л. 64.

³ Переговоры генерал-квартирмейстера Дитерихса с фронтами 26 октября 1917 г.— Там же, л. 184.

Верховное командование просило выделить 6 батальонов, 6 конных сотен, 18 орудий для отправки в Москву⁴, против восставших рабочих и солдат. Для фронта, насчитывавшего более миллиона бойцов, это совсем немного. Ставка просила три дня, и не получила ничего — ни одного солдата, ни одной пушки.

Революция шла триумфальным маршем по стране, а реакционеры из ставки и штаба румынского фронта обменивались бесплодными упреками: ...когда были потребованы от румынского фронта войска, то их прислано не было,— сердился генерал Левицкий. — Ставка не может оперировать телеграфными аппаратами и советами с мест. Нужны силы, а они в распоряжении фронтов, в частности — румынского... Керенский исчез, как мираж, и от этого... я ничего другого не ожидал»⁵

Братание широкой волной охватило войска⁶. Из окопов в окопы передавались газеты. Обмен припасами между врагами хоть как-то смягчал тяжелую участь фронтовиков; при этом австро-германцы, страдавшие от острой нехватки продовольствия, старались раздобыть что-либо посытнее, а русские — что-нибудь покрепче. Табак, хлеб и мясо обменивались на водку, ром и коньяк. Под Галацем русские солдаты свободно ходили во «вражеские» столовые, где покупали или меняли на мыло и сахар коньяк и табак. Известен случай, когда «делегация» 13-го русского артполка добралась до Рымникул-Сэрата и привезла оттуда газеты⁷

«Враги» явно не желали воевать. И декреты Советской власти, прежде всего о мире и земле, показывали солдатам, кто является кровным защитником их интересов.

Румынский фронт переходил от одобрения октябрьского переворота к активной поддержке большевиков. В частях в противовес эсеро-меньшевистским комитетам создавались большевистские. 2 декабря на совещании большевиков войск района Яссы — Сокола, IV и IX армий и ряда других организаций был образован ревком, провозгласивший себя высшей властью на фронте⁸.

Разумеется, было бы глубоко ошибочным полагать, будто реакционный русский генералитет с меланхолической грустью и в состоянии полной пассивности наблюдал за переходом армии к большевикам. Напротив, Щербачев и его сподвижники раз-

Духонин — Щербачеву, 27 октября 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 202, л. 192.

Из переговоров генерала Левицкого 11 ноября 1917 г. с представителями фронтов.— ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 208, л. 194.

См. Bulletin de informatione (Marele Cartier General. Secret), decembrie 1917 — ianuarie 1918.

⁷ Из донесений агентов сигуранцы.— ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пп. 153, ч. 3.

⁸ «Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов». Кишинев, 1967, стр. 284; И. Г. Дыков. Указ. соч.— «Исторические записки», т. 37, 1956, стр. 19.

вили бурную деятельность, ничего общего не имевшую с прямыми обязанностями штаба фронта и означавшую измену Родине. Противодействовать тяге солдат к миру Щербачев не мог. Он решил поэтому взять переговоры в свои руки и повел их секретарно от брест-литовских. Румынское командование присоединилось к нему.

24 ноября русско-румынская делегация во главе с генералом Кельчевским пересекла линию фронта. В тот же день в Фокшанах открылись переговоры с представителями армий центральных держав.

Немецкий полковник Хенч зачитал телеграмму из Брест-Литовска о заключении там перемирия с 25 ноября по 17 декабря. Генерал фон Морген, председатель делегации Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, спросил, признают ли прибывшие в Фокшаны русско-румынские представители этот акт, — тогда сами переговоры станут излишними. Кельчевский ответил отрицательно⁹.

Стороны договорились о прекращении огня на неопределенный срок с условием, что каждая предупредит противника за 72 часа о возобновлении военных действий. Наибольшие дискуссии вызвал пункт, предусматривавший запрет переброски войск на другие фронты. Немцы воспротивились этому категорически: они готовились к последним, отчаянным попыткам вырвать победу на западе. В результате после долгих споров и даже отъезда русской и румынской делегаций «домой» было решено не отдавать новых приказов о передислокации частей. Эта формулировка позволила немцам немедленно перебросить во Францию — якобы в осуществление старых распоряжений — пять дивизий.

Но не только на «мирной ноте» пыталась играть реакция. Щербачев и румынское командование постарались использовать тягу солдат домой. Организованную демобилизацию они хотели подменить беспорядочным бегством и в ходе его добиться развала революционных частей. Поощрялся при этом отход не всех войск: те, на которые могла рассчитывать белогвардейщина, сохранялись.

Предпринимались усилия и в другом направлении. Щербачев стремился обратить себе на пользу даже оставшееся от царского режима тяжелое наследство национального гнета. На румынском фронте появились украинские, молдавские, польские, сибирские казачьи, белорусские, грузинские, армянские части. Солдат пытались растащить по «национальным квартирам», заставить их забыть о своих общих классовых интересах, противопоставить и столкнуть друг с другом.

⁹ О ходе переговоров см. доклад Палчевского на II съезде 6-й армии. — «Известия 2-го армейского съезда 6-й армии», 28, 29.XI 1917; С. Kirîţescu. *Istoria războiului pentru întregirea României*, ed. II-a (f. a.), v. III, p. 21—23.

В конце ноября уже смещенный Советом Народных Комиссаров с должности верховного главнокомандующего генерал Духонин, Щербачев и Центральная рада договорились о слиянии Юго-Западного и румынского фронтов в единый «украинский».

Давая отпор этим проискам, делегаты-украинцы 2-го съезда Румчерода (Одесса, 10—23 декабря 1917 г.) резко выступили против предпринятой Щербачевым «реорганизации»¹⁰.

Съезд встретил овацией выступление В. Володарского, который от имени Совнаркома предложил Румчероду взять власть в свои руки на фронте и в тылу. Громадным большинством в 800 голосов против 240 делегаты приветствовали Октябрьскую революцию¹¹. Со старой политикой руководства Румчерода было покончено. Он стал большевистским.

Поняв, что влияние большевиков преодолеть не удастся, Щербачев и стоявшие за его спиной румыны решили прибегнуть к уловке. Генерал выступил в роли «посредника» между национальными уполномоченными и ревкомом и предложил договориться об условиях прекращения борьбы. Совершая трагическую ошибку, ревком попался в эту ловушку. 7 декабря в резиденции Щербачева, охраняемой румынами,— генерал боялся собственных солдат — открылись «переговоры». Сразу стало ясно, что Щербачеву нужно лишь спровоцировать инцидент. Воспользовавшись горячностью двух большевиков — офицеров Аксенова и Корнева — он призвал на помощь румынскую охрану. Разумеется, та откликнулась немедленно. 8 декабря некоторые члены ревкома вместе с прибывшим из Петрограда комиссаром С. М. Рошалем были арестованы; двоих отправили в сигуранцу¹². Через несколько дней труп Рошала был обнаружен в окрестностях Ясс. Никакого сообщения о его смерти ни Щербачев, ни румынские власти не сделали. С Рошалем расправились втихомолку.

Вскоре Щербачев, после беседы с начальником штаба французской военной миссии полковником Пэтэном¹³, обратился к румынам с требованием разгромить «большевистское гнездо» в Соколе. Претензии этой марионетки были смехотворны. Но румынской реакции он был еще нужен как ширма, прикрываясь

¹⁰ «Большевики Молдавии и румынского фронта в борьбе за власть Советов», № 310, стр. 322—323.

«Правда» 24.XII 1917 (6.I 1918); И. Г. Дыков. Указ. соч.— «Исторические записки», № 37, 1956, стр. 22—24.

¹² Об аресте ревкома: «Борьба за власть Советов в Молдавии». Кишинев, 1957, стр. 217; «Большевики Молдавии и румынского фронта в борьбе за власть Советов», стр. 389—391; «Исторические записки», № 57, 1956, стр. 19—20; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 148, лл. 21—47; С. Kirîţescu. Istoria războiului pentru întregirea României, vol. III, p. 33—34.

¹³ А. Р я б и н и - С к л я р е в с к и й. Оккупация Бессарабии Румынией.— «Летопись революции», 1925, № 1, стр. 108.

которой они могли расправиться с революционными русскими частями: как-никак они наносили удар в спину союзникам не просто, а по «требованию» командующего. Дипломатические представители и военные миссии Антанты в Яссах дружно поддерживали Щербачева. Французы, чтобы придать вес покинутому солдатами «командующему», предоставили в его распоряжение автомобиль и прикрепили к нему четырех офицеров.

В ночь с 8 на 9 декабря состоялось заседание румынского правительства. Многие министры сильно колебались: русская армия все еще представлялась им грозной силой, в перестройку ее по «национальному» признаку, затеянную Щербачевым, они не верили. Лишь глубокой ночью участники совещания решились на нападение.

На рассвете станция Сокола, где располагалась русская железнодорожная бригада, была окружена.

Пользуясь численным превосходством, румыны оттеснили русских солдат из вагонов и барачков в поле и там разоружили. Сопrotивлявшихся пристреливали на месте. Но это было только начало. С фронта снимались одна русская дивизия за другой. Разумеется, проще всего было бы пропустить эти уставшие от войны, жадно стремившиеся домой войска. Но именно этого не желала румынская олигархия. Укрепления Советской власти в тылу она боялась куда больше, чем неприятеля на фронте. Заключив перемирие с немцами, австрийцами, болгарами и турками, наполовину потеряв надежду на приобретения, обещанные по августовскому договору 1916 г. с Антантой, она лелеяла мысль о «реванше», который рисовался ей в виде захвата Бессарабии. А для этого нужно было не допускать отхода русской армии в эту область.

Наконец, можно было рассчитывать, что удар по бывшему союзнику будет благосклонно воспринят руководителями обших воюющих группировок, единых в своей лютой ненависти к Советской России.

11 декабря Молдова, за исключением Ясс, была разбита на восемь военных зон, находившихся под контролем генерального штаба, действовавшего в створе с Щербачевым.

Румыны были прекрасно осведомлены не только о передвижениях русских войск во время отхода, но даже о готовящихся планах. При русских штабах имелись особые уполномоченные сигуранцы¹⁴, сообщавшие о каждом шаге отходивших дивизий и полков¹⁵. Так шла подготовка к «встрече» голодных, холодных, раздетых, разутых, со всех сторон окруженных врагами русских солдат. Количественно русская армия все еще была сильной. Но она не ожидала такого сюрприза «союзников». Она

ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. III.

¹⁵ Там же, пл. 153, ч. II—IV.

стремилась к одному — свободному проходу и снабжению продовольствием. Не только солдаты, но и все звенья революционной власти на фронте пытались уладить дело миром, недооценивали серьезности сложившегося положения. Комитет 6-й армии решил даже направить своих представителей «на поклон к королю» Фердинанду. Делегаты беседовали и с ним, и с начальником генерального штаба Презаном. Последний заверял их, что румыны «не вмешиваются в дела русской армии»¹⁶. И это говорилось после ареста большевистского ревкома фронта и убийства С. Рошаля. Одновременно припасы, предназначенные для русских войск, задерживались¹⁷, а основные дороги занимались отборными румынскими войсками. Они имели «оправдательный» документ: приказ генерала Щербачева — разоружать отступающие русские дивизии. Marionетка исправно играла свою роль, а «дисциплинированный» румынский штаб «послушно» исполнял ее распоряжения.

Возмущенные русские солдаты отказывались сдать оружие. Случалось, они прибегали к угрозе проложить дорогу силой. Но ведь это делалось перед лицом явной провокации!¹⁸. Например, в «Ультиматуме высшим румынским властям от ревкома IX армии» говорилось, что доставка продовольствия для русских войск прекращена; из Ботошани навстречу им двинуты румынские части. Стремясь избежать столкновения, комитет требовал свободного пропуска и предоставления продовольствия. В этом случае он гарантировал «спокойное поведение русских войск, не имеющих никаких враждебных намерений». 13-я дивизия прислала своих представителей в румынский штаб, соглашаясь на отход по контролируемой последней дороге. И на это предложение последовал отказ¹⁹. Даже в районе наиболее крупного столкновения, в Галаце, ревкомы колебались, не желая пускать в ход оружие. «Как же... Ведь, в самом деле, разве большевики не объявили войну войне? Разве не велели брататься с врагами? Ведь румынские солдаты — такие же крестьяне, как и русские. Запутались в этом вопросе «сердобольные» товарищи»²⁰, — писал участник событий тех дней Л. Дегтярев. 4-й сибирский корпус, ограничившись несколькими залпами по городу, упустил время и позволил окружить себя румынским

¹⁶ Л. Дегтярев. Октябрь Румынского фронта. — «Летопись революции», 1923, № 6, стр. 247.

Делегаты Петроградского гарнизона Баканов и Быков, побывавшие на румынском фронте, сообщили, что в Яссах было задержано 24 состава с продовольствием и фуражом для русских войск («Борьба за власть Советов в Молдавии», стр. 239; см. также «Большевики Молдавии и румынского фронта в борьбе за власть Советов», стр. 322).

¹⁸ «Известия армейского комитета IX армии», 12.XII 1917.

¹⁹ «Contribuții la studiul influenței Marii Revoluții Socialiste din Octombrie în România». Buc., 1957, p. 106.

²⁰ Л. Дегтярев. Указ. соч., стр. 264.

войскам. Одна из дивизий предпочла перейти линию фронта (немцы гарантировали ей возвращение на родину). Другие сложили оружие, поверив в обещание румынского командования, что после этого им разрешат путь домой.

И немцы, и румыны тут же нарушили свои обязательства. На румынской стороне «солдат погнали под конвоем в концентрационный лагерь. Многих расстреляли. Для остальных ввели суровую дисциплину и побои. Многие захворали от голода и холода»²¹.

Разумеется, отступление смертельно уставшей, голодной и в значительной мере деморализованной армии не имеет ничего общего с экскурсией воспитанниц пансиона для благородных девиц. Но надо учитывать, что большевики в комитетах прилагали все усилия для того, чтобы организовать планомерный отход и свести к минимуму эксцессы.

Однако румынская олигархия помышляла не об улаживании, а о разжигании конфликта. Она на весь мир трубила о «грабежах», «погромах», «насилиях» русских войск для того, чтобы под прикрытием преувеличений, дезинформации и прямой клеветы оправдать расправы над собственным союзником и подвести «базу» под свои планы захвата Бессарабии.

Советское правительство получало лишь нерегулярные и отрывочные сообщения о чудовищных событиях, творившихся на румынском фронте. В обращении Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко от 25 декабря 1917 г. говорилось: «Внутри страны, прикрываясь словами о защите независимости Украины, пособники Каледина из Центральной рады в союзе с дезертирами-офицерами, мятежником Щербачевым и палачами румынского правительства, расстреливающего на румынском фронте тех самых солдат, которые проливали кровь в их защиту, все соединились против Советской власти и Правительства народных комиссаров»²². Н. В. Крыленко призвал русские войска осуществлять планомерный отход из Румынии²³. Чтобы парализовать изменническую деятельность контрреволюционного генералитета, он подчеркнул: «Командование переходит в руки комитетов, минуя штабы армий и фронта». Русским войскам и украинским частям, стоявшим на платформе Советской власти, было приказано «в случае столкновения с румынскими войсками прокладывать себе путь с оружием в руках». В то же время Советская власть в лице Верховного главнокомандующего армией даже в этих критических обстоятельствах стремилась соблюдать интересы румынского населения. Крыленко указывал: «Продовольствие брать по реквизиционным квитанциям Военно-революционных комитетов, приравненных к правитель-

²¹ Там же, стр. 266.

²² «Известия», 28.XII 1917 (10.I 1918).

²³ ЦГАОР СССР, КМФ-14, па 32, пл. 154, ч. I.

ственным обязательствам». Советское правительство тем самым обязалось возместить понесенные жителями убытки.

Еще раньше, 16 декабря, получив известие об аресте фронтового революционного комитета и о занятии румынскими оккупантами местечка Леово и нескольких сел в Бессарабии, НКВД обратился к посланнику Диаманди с нотой протеста, потребовав «покарать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии». НКВД заявлял: «На территории Российской революции мы не потерпим более никаких репрессий не только против русских, но и против румынских революционеров и социалистов. Всякий румынский солдат, рабочий и крестьянин найдет поддержку русской Советской власти от приговора реакционной румынской бюрократии»²⁴.

Предупреждение не подействовало. Нота осталась без ответа. 31 декабря последовал новый демарш Советского правительства, на этот раз за подписями В. И. Ленина, Н. В. Крыленко и наркома по военным делам Н. И. Подвойского. Ссылаясь на имевшиеся у него далеко не полные данные, Совнарком писал: румынские власти захватили фураж, предназначенный для 49-й русской дивизии; лошади остались без кормов; 194-й троице-сергиевский полк окружен, разоружен и отведен в тыл; арестован комитет 195-го полка и австрийские офицеры, приглашенные в его штаб. Советское правительство потребовало освободить арестованных, прекратить беззакония, наказать виновников, дать гарантию, что подобные действия не повторятся²⁵. Ультиматум был передан по радио и 3 января 1918 г. опубликован в «Правде». В том же номере газета напечатала «Правительственное сообщение»: «Чтобы предотвратить войну между русскими солдатами и румынскими, которых несправедливо было бы наказывать за бесчинства их властей, Совет Народных Комиссаров решил принять экстраординарную меру, чтобы наказать румынские власти». Под стражу были взяты члены военной и дипломатической миссий Румынии во главе с посланником Диаманди. В сообщении говорилось далее: «Для социалистического правительства России важнее всего было избежать войны с румынскими крестьянами и в то же время показать румынскому народу, что мы, русские революционеры, ни перед чем не остановимся в борьбе против румынского правительства и румынской монархии. Обычные дипломатические формальности должно было принести в жертву интересам трудящихся классов обеих наций».

Действия Советского правительства были проникнуты духом пролетарского интернационализма. Принимая самые крутые меры против представителей румынской олигархии, оно прояв-

²⁴ Документы внешней политики СССР, . I. М., 1957, № 37, стр. 66.

²⁵ Там же, № 45, стр. 79.

ляло в то же время глубокую заботу о сплочении общего фронта борьбы трудящихся. Арест Диаманди и его коллег произвел на дипломатический корпус, «не признававший» Советской власти, впечатление разорвавшейся бомбы.

1 января 1918 г. (по ст. ст.) в 4 часа 16 минут послы и посланники во главе с дуайеном нанесли визит В. И. Ленину. В таких своеобразных условиях произошла первая встреча руководителя пролетарского государства с уполномоченными капиталистических держав. Дипломаты выразили протест против самого акта ареста, не пожелав вдаваться в его причины. В. И. Ленин ответил, что арест произведен в силу обстоятельств, «никакими дипломатическими трактатами и никакими дипломатическими обрядностями не предусмотренных». Репрессии предприняты против представителя страны, которая, «не находясь с Россией в войне, окружает, морит голодом, обезоруживает целую русскую дивизию». Для социалиста, подчеркнул В. И. Ленин, жизнь тысячи солдат дороже спокойствия одного дипломата. В то же время, проявляя готовность к урегулированию конфликта, глава Советского правительства обещал доложить СНК о состоявшемся демарше.

В тот же день стало известно, что дуайен дипломатического корпуса, американский посол Фрэнсис решил посетить Диаманди и опротестовать поведение румынских войск.

Вечером насыщенного событиями 1 января 1918 г. Совнарком на своем заседании, подтвердив правильность ареста, согласился в то же время удовлетворить желание дипломатов, так как цель ареста — решительный протест — была достигнута. Решено было «с пользой для дела предоставить румынского посла воздействию других послов»²⁶.

Но и эта мера не принесла результатов. И тогда Совнарком 13 января принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией. «Покрытая преступлениями румынская олигархия, — говорилось в этом документе, — открыла военные действия против Российской республики». Получил по заслугам и Щербачев: как враг народа он был поставлен вне закона²⁷.

Одновременно Советское правительство готовилось на силу ответить силой и нанести удар по немецким захватчикам и румынской олигархии, приступившей к вторжению в Бессарабию.

Развертывание массового движения в Румынии

Весть об Октябрьской революции разнеслась по Румынии мгновенно; ее не могли остановить ни пограничные жордоны, ни линии окопов, разрезавшие страну на «свободную» и оккупирован-

²⁶ «Правда», 3 (16). I 1918.

²⁷ «Документы внешней политики СССР», т. I, № 52, стр. 89.

ную зоны, ни свирепая цензура. 6 ноября, когда румынские правители осознали масштабы постигшего их «бедствия», министр внутренних дел А. Константинеску писал: «Мы находимся здесь на вулкане... Боюсь, что пропадем все»²⁸. «Брэтиану и прочие министры в состоянии деморализации»²⁹, — отзывался о положении в «верхах» проф. Йорга. «У меня сердце обливается кровью перед лицом катастрофы, приближение которой чувствуется и избежать которую можно разве с помощью чуда»³⁰, — изливал свою тревогу в дневнике генерал Авереску.

Совсем иной отклик встретил Октябрь у румынского народа. Революция обратилась к нему на самом понятном, самом доступном языке, языке мира.

Газета «Лупта», один из немногих источников правдивой информации о событиях в России, широко распространялась в Молдове и доходила до окопов.

В архивах охраны десятки лет хранился номер «Лупты» от 16 ноября 1917 г. с обращением Советской власти «Ко всем воюющим народам» и с манифестом Одесского комитета действия «Мир во всем мире! Ко всему румынскому народу!», изъятый у румынских солдат на вокзале в Бакэу³¹. Рядом — та же газета и два манифеста Одесского комитета действия, распространявшиеся среди солдат 2-й конной бригады. В их числе — листовка, посвященная расправе над Максом Векслером, заканчивавшаяся энергичным призывом: «Долой убийц! Долой олигархию!»³². Всполошившееся командование произвело повальный обыск в 7-м и 9-м кавалерийских полках.

8—10 декабря номер «Лупты» с текстом ленинского Декрета о мире продавался в тысячах экземпляров на улицах Ясс, Романа, Пьятра-Нямца, Пашкани, Фалтичени. В Галаце мальчишки-продавцы вместе с газетами распространяли листовки Одесского комитета. Агенты сигуранцы в бессильной злобе докладывали начальству, что продавцов окружала толпа. Но «хватать» они никого не посмели. Страх перед русской армией был еще велик.

Позднее власти возместили свою вынужденную умеренность: лишь в Яссах было арестовано 30 человек за распространение и даже чтение газеты и листовок³³.

Русские солдаты были не просто разносчиками революционных материалов, но и сами вели агитацию, особенно в селах, где

²⁸ V. Liveanu, 1918, p. 226.

²⁹ N. Iorga, Memorii, vol. I. Buc., f. a., p. 174—175.

³⁰ A. Averescu, Notite zilnice din războiu (1916—1918). Buc., f. a., p. 243.

³¹ ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 153, ч. 1.

³² Листовка «Cetățeni». — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 153, ч. 1.

³³ V. Liveanu, 1918, p. 192; R. Deutsch, Din activitatea și lupta grupurilor revoluționarelor din Rusia pentru apărarea puterii sovietice (1917—1920). — «Studii și materiale din istorie contemporană», v. II. Buc., 1962, p. 43.

они располагались не в казармах, а на постое у местных жителей.

Офицер сигуранцы при 23-м корпусе 8-й русской армии прислал своему начальству в конце ноября целую папку материалов о подобного рода деятельности в окрестностях городка Михэйлени. Рядовой Петре Георге, побывав в родном хуторе Пуени, сообщил: «Русские солдаты, расквартированные на хуторе, ежедневно призывают население к революции». Его жена Маранда, вызванная для допроса, добавила, что русские изумляются, почему это румыны до сих пор не следуют их примеру и «несут ярмо». «Эта пропаганда ширится со дня на день», — писал встревоженный примарь коммуны Турятка Василе Пую. И добавлял: «Должен заметить, что жители уже не столь послушны закону, как раньше»³⁴. То же самое происходило в коммунах Мэлини, Гэйнешти, Сасче, Байе уезда Сучава³⁵.

Обычно солдаты вели агитацию устно или распространяли манифесты Одесского комитета действия. Но все же сохранились и отдельные прокламации «русского происхождения». Такова листовка «Русская демократия и революционная армия — румынскому народу»³⁶. Никто больше русских, говорилось в ней, не способен понять страдания «угнетенного, голодного, брошенного в огонь кровавой войны» населения. Тон документа очень решителен. «Пока ты, румынский солдат, терпишь побои и издевательства от своего бездельника-офицера, твои родители, твоя жена и дети мрут с голода. Сейчас ты под ружьем. Сбрось гнет, возьми в свои руки право на землю и свободу! Поверни оружие против твоих подлинных угнетателей!

Румынский крестьянин и рабочий! Поддержи своего брата, русского крестьянина и рабочего!

Да здравствуют пролетарии всего мира! Да здравствует Интернационал!»

Получив в свои руки этот манифест, представитель румынской тайной полиции при штабе русских сил в Яссах немедленно сообщил о нем в контрразведку 9-й армии.

Но что она могла сделать в декабре 1917 года?

Военный комендант уезда Ковурлуй жаловался в те дни: «Жандармов нельзя использовать... русские войска ненавидят их лютой ненавистью». Начальник жандармского поста в Бэлени (того же уезда) горевал: «...нас оскорбляют, нам угрожают, нас выгоняют...» Многие крестьяне обзавелись русским оружием. Из Сучавы сообщали, что крестьяне стали нападать не только на посты, но и на жилища жандармов. Из некоторых коммун

³⁴ Материалы допросов см. ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 153, ч. III.

³⁵ Там же, ч. IV.

³⁶ Листовка: «Democrația și armata revoluționară rusă către poporul români». — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 153, ч. IV.

уездов Ковурлуй, Сучава и Бакэу представители властей просто-напросто сбежали ³⁷.

Еще хуже складывались для правительства дела в районе дельты Дуная. Жившие здесь рыбаки слыли бунтарями. Их угнетали не только предприниматели, но и непосредственно казна, которой принадлежало немало промыслов. Здесь еще до войны социалисты пользовались значительным влиянием. В Килии они завоевали даже большинство в коммунальном совете.

Среди дунайских рыбаков было много русских старообрядцев, бежавших сюда в давние времена от религиозных преследований на родине, и потомков участников восстания Кондрата Булавина. Соприкасаясь с русскими войсками, они оказались особенно восприимчивыми к революционным веяниям.

Наконец, глухие места болотистой дельты с ее зарослями тростника притягивали к себе беглецов из румынской армии. Здесь они сколачивали отряды и, совсем в духе прежних гайдуков, совершали вылазки, нападая на усадьбы и терроризируя власти.

После Октября всколыхнулось рабочее движение. Естественно, что рабочие стремились прежде всего облегчить свое невыносимо тяжелое положение. Но даже эта форма борьбы не могла носить, как в «мирное» время, исключительно экономический характер. На страже интересов капиталистов стояло государство со своими законами и, прежде всего, о переводе предприятий на военное положение. В тех же нередких случаях, когда движение возникало на казенных заводах, рабочие непосредственно сталкивались с буржуазно-помещичьим государством.

В ноябре 1917 г. на нелегальных сходках были обсуждены требования железнодорожников и рабочих военных предприятий об увеличении зарплаты и улучшении снабжения и избрана делегация для представления их правительству. Военный министр Винтила Брэтиану попросил, чтобы ему представили меморандум с изложением их претензий. Министр явно тянул и стремился выиграть время.

Правда, рабочие не стали дожидаться, пока В. Брэтиану углубится в изучение их нужд. В начале декабря, впервые с начала войны, вспыхнула стачка на государственных железных дорогах, и тем не менее сигуранца сочла неблагоприятным, как бывало, хватать и сажать за решетку «подстрекателей». Железнодорожникам обещали удовлетворить их требования. Они вернулись на работу. Тогда об обещании постарались забыть.

Вскоре выставили свои требования 10 тыс. рабочих «Арсенала» — военного завода, где каждое выступление против властей рассматривалось как мятеж. Под влиянием реформистов рабочие ограничились составлением меморандума, указав, что

³⁷ V. Liveanu, 1918, p. 202—206.

даже их номинальные заработки упали по сравнению с довоенными. Брэтиану отверг его.

Интересно, что делегации, представлявшие требования, не распадались после того, как выполняли свои функции; они продолжали действовать, став своего рода ядром восстанавливаемых профсоюзов³⁸.

Предмет особых забот румынской олигархии составляла армия. Как уберечь ее от революционной «заразы»? Предпринимались прямо-таки отчаянные меры, чтобы затруднить контакты с русскими войсками. Но воспрепятствовать распространению революционных идей не удавалось. Солдаты получали информацию из газеты «Лупта» и манифестов Комитета действия, в общении с русскими, а то и кружным путем: известно, что Декрет о мире стал известен в неоккупированной Румынии, в частности, из немецких газет, переправленных через линию фронта. В братания, несмотря на строжайший запрет командования, оказались втянутыми и румынские части. Разумеется, в открытых сводках командования утверждалось, что доблестная королевская армия не поддается ни на какие уловки революционных агитаторов, а Константин Кирицеску впоследствии писал даже, **будто она «с презрением»³⁹ отвергала попытки неприятеля вступить в контакт.**

Но подобный иммунитет существовал лишь для непосвященных. В архисекретных бюллетенях генштаба отмечалось, что с 26 ноября по 6 декабря случаи братания отмечались в 14 пунктах; с 8 по 24 ноября — в 9⁴⁰.

Инициатива обычно исходила от неприятеля. Но сам факт, что никто из австрийцев и немцев, явившихся к румынским позициям, не был схвачен, говорит сам за себя. Так, в бюллетене № 404 от 7 декабря 1917 г. сообщалось, что в районе Костешти-Векь «в гости» прибыли австрийские солдат и офицер. Они жаловались на дороговизну, на засилье немцев, на нехватку хлеба даже на позициях. В этом месте беседа кто-то из румын спохватился и заметил, что происходит нарушение перемирия. Австрийцы извинились и ушли⁴¹.

В конце концов румынский генеральный штаб решил использовать встречи в окопах в разведывательных целях. В бюллетенях появилась формулировка: «с помощью братания установлено...»⁴²

Итак, недовольство широко распространилось в рабочем классе, крестьянстве, армии, протесты слышались отовсюду. Но

³⁸ V. Liveanu. 1918, p. 195—197.

³⁹ C. Kiricescu. Op. cit., v. III, p. 23.

⁴⁰ V. Liveanu. 1918, p. 209.

⁴¹ Buletinul de informațiuni, dela 7(20).XII 1917, № 404.

Buletinul de informațiuni, dela 9(22).XII 1917, № 406; dela 20 XII 1917 (2.I 1918), № 417.

революционные силы выступали разрозненно и неорганизованно, отсутствовала марксистская партия, способная их объединить и направить, движение часто носило пассивный характер, и это давало буржуазно-помещичьей верхушке столь нужную ей передышку.

Олигархия тем временем принялась «спасать положение», развернув рекламу реформ, идя на отдельные уступки рабочим, стараясь использовать отсталость крестьян, политическую незрелость многих пролетариев, играя на иллюзиях и предрассудках ремесленников и мелких лавочников, раздувая кадилло национализма. Залог успеха она видела в том, чтобы расчленив выступавшие против ее господства классы и слои: отделить крестьян от рабочих, изолировать революционных социалистов, противопоставив им прирученных реформистов, сыграть на распространенных среди интеллигенции и мелкой буржуазии националистических чувствах.

Без анализа всей сложной совокупности явлений нельзя понять, почему в условиях несомненного подъема революционного движения и складывания революционной ситуации в стране стали возможны три реакционные акции крупного масштаба, а именно: разоружение русских войск в декабре 1917 — январе 1918 г.; захват Бессарабии в январе—марте 1918 г. и участие в подавлении Венгерской Советской республики весной 1919 г.

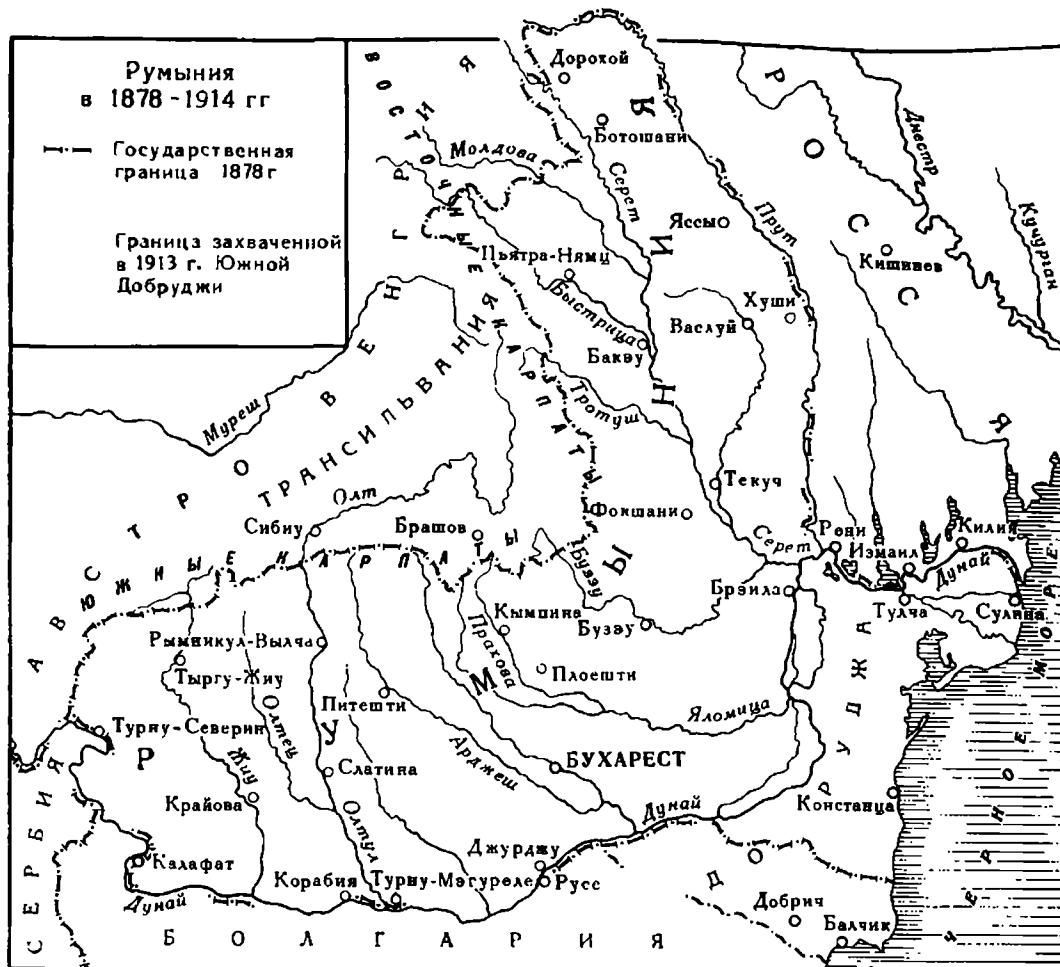
Существовали объективные обстоятельства, игравшие на руку румынской олигархии.

Румынский крестьянин-окопник не меньше русского ненавидел войну и «своего» помещика. Но у русского солдата дом был за спиной. Его протест против войны, стремление к миру, тяга в родное село вели к развалу фронта и, объективно, способствовали его революционности.

У румынского солдата дом, в подавляющем большинстве случаев, находился за линией австро-немецких траншей. Чтобы попасть туда, надо было либо заключить мир, либо разгромить вооруженного до зубов противника. А это требовало сплочения, организации, военной дисциплины. И он подчинялся офицеру, хотя тот был его злейшим классовым врагом.

Это не значит, что антивоенных настроений в стране не существовало. Напротив, они росли и в народе, и в армии, но захват неприятелем большей части страны в известной степени их ослаблял. Когда же наступил критический момент, когда народы России подали пример решения вопроса о мире, румынская олигархия сманеврировала. Она заключила перемирие, ослабив тем самым один из источников недовольства, и подорвала в известной мере революционные настроения.

Крестьянство требовало землю. И это обстоятельство учитывалось «наверху». «Проведение аграрной реформы или по крайней мере формальное заявление о сем правительства было



бы верным средством избежать всяких опасений насчет волнений в армии, не говоря уже о том, что это было бы крайне желательно для укрепления боевого настроения солдат»⁴³, — докладывал русский военный атташе еще в мае 1917 г.

Румынское правительство не нужно было убеждать. Король сам провозгласил готовность наделить крестьян землей. В правящих сферах не раздалось ни одного голоса против. Проявляя классовое благоразумие, даже самые в прошлом ярые противники реформы объявили себя ее сторонниками. Об условиях король умолчал. Но солдаты верили Фердинанду. И после сражений под Мэрэшти, Ойтузом и Мэрэшешти летом и осенью 1917 г. румынская олигархия вздохнула с облегчением: обещания сыграли свою роль, армия не вышла из повиновения, ее боеспособность возросла.

Румынские правители не оставили «без внимания» и рабочий класс. И дело не в отдельных мелких уступках. В течение деся-

Записка полковника Палицина от 28 мая 1917 г.— ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, л. 3141, л. 4.

тилетий реформисты вбивали рабочим мысль о том, что всеобщее избирательное право явится универсальным лекарством от всех социальных бед. Этот пункт был гвоздем программы социал-демократов.

Опытные буржуазные политики и здесь проявили «понимание» и пошли на уступки. Им было ясно, что, господствуя в экономике, имея в своем распоряжении государственный аппарат, используя печать, они удержат свои позиции и при введении всеобщего избирательного права. И оно было обещано. Реформистская социал-демократия была разоружена идейно и очутилась в незавидном положении «голого короля». В условиях, когда революционные силы еще только начали сплачивать свои силы, выработать программу и тактику, подобный маневр не мог не внести известной растерянности в рабочие ряды, не мог не ослабить их революционной решимости.

Революция шла с востока. Румынские правители постарались использовать специфику обстановки для того, чтобы ослабить ее порывы. Для этого они попытались прежде всего вызвать недовольство присутствием русской армии на земле Румынии.

Русские солдаты подстрекали крестьян к неповиновению, своим примером подрывали дисциплину в армии, поощряли дезертирство, способствовали распространению революционной агитации, защищали социалистов от преследований, сковывали карательный аппарат, короче говоря, не давали «шагу шагнуть» румынской реакции. Поэтому правители Румынии с нетерпением ожидали наступления момента, когда можно будет нанести своим «союзникам» удар в спину. Сразу же после событий конца февраля 1917 г. началась, по словам М. Бужора, «скрытая» борьба против революции. «Представители наших гражданских и военных властей начали указывать на русских как на главных виновников и творцов тех бедствий, которые переживает страна... «Остерегайтесь русских» — стало очередным лозунгом всех властей, особенно в армии. Это было единственным средством создать психологическое средостение между румынской и русской армией, между румынским и русским народом, дабы отдалить появление революционной и социалистической заразы в Румынии»⁴⁴.

Вину за все неудачи на фронте взвалили исключительно на русские войска, по существу спасшие Румынию от полного военного разгрома. Миллионную армию, которая, разумеется, питалась не святым духом, упрекали в том, что она поглощает хлебные запасы страны. О поставках продовольствия из России при этом «забывали». На неоккупированной территории ве-

⁴⁴ М. Г. Бужор. К румыно-русскому конфликту.— «Правда», 24.XII 1917 (6.I 1918).

лась систематическая пропаганда против собственного союзника. Дело дошло до того, что в румынских полках ввели своего рода «политчас», посвященный по преимуществу охаживанию русской армии⁴⁵.

Таковы были каналы, которые старались использовать румынские правители для разобщения русских и румынских рабочих и крестьян. Действовали они достаточно изоэренно, не упуская из виду ни одной лазейки, в том числе и раздувая националистические чувства.

■

Весть об Октябрьской революции вызвала взрыв энтузиазма у румынских революционеров, оказавшихся в оккупации. В условиях глубокого подполья они усилили свою пропаганду.

Первые листовки были полны изъявлениями радости и восторга, страстным призывом к рабочим последовать примеру своих русских братьев: «Занимается заря завтрашнего дня! Общество капитала гибнет, и на его месте — смотрите, смотрите — поднимается новое общество, основанное на братстве и справедливости!»⁴⁶. И наряду с этим велись напряженные поиски путей к революции и пока еще беглые, односторонние и явно недостаточные указания: «Против эксплуатации, против преследований, против унижений боритесь, распространяя социалистические идеи»⁴⁷.

Но постепенно голос революционеров крепнет и все четче вырисовываются контуры новой программы. Велика заслуга в этом деле Алеку Константинеску. Именно он взял на себя трудную и опасную задачу подготовки в Бухаресте материальной базы пропаганды.

Константинеску нашел верных помощников в лице Теодора Химсона и Генриха Штернберга. Первый из них наладил печатание манифестов под носом у оккупантов на шапирографе типа «Ронео» в конторе крупнейшей нефтяной фирмы «Стяуа ромынеэ», где он работал.

Следующим этапом в развертывании революционной пропаганды был выпуск отпечатанных типографским способом воззваний. Участникам движения удалось раздобыть машину «Бостон» и шрифт. В целях конспирации ее неоднократно перевозили с места на место. Сперва подпольщики обосновались у сапожника Динку по улице Гергица, затем переехали к Петре Ионеску, жившему на бульваре Паке, и, наконец, остановились в здании, где размещались не функционировавшие бани Овидиу

⁴⁵ ЦГАСА, ф. 28361, д. 137, л. 2.

⁴⁶ Манифест без подписи и даты.— Biblioteca Academiei R.S.R., secția de manuscrise, arhiva D. A. Sturdza, mapa VIII, acte 144—160, f. 144. Манифест, подписанный «Muncitorii socialiști».— Ibid., f. 146.

на Каля Мошилор. Наборщиком служил помощник Константи-
неску Н. Богдан. Здесь же была устроена подпольная явка ⁴⁸.

Эти «листки», отпечатанные на плохой, серой, пахнувшей сыростью бумаге, «произвели сенсацию» на заводах и в мастерских, вспоминал один из участников подполья Г. Марин. В автомобильном гараже, где он служил, манифест с предложением «начнем говорить по-русски» (разумеется, не в буквальном смысле) читали и перечитывали. Соседи, рабочие фабрики «Чириак», устроили во время обеденного перерыва обсуждение, собравшись под старым орехом на фабричном дворе. Часть листовок они выделили для завода по производству насосов.

А вскоре Марина пригласили на тайное совещание, участники которого представляли так называемые «интимные советы». Марин решил для единообразия назвать так и три кружка, от имени которых он выступал.

Заседание носило инструктивный характер: говорили об охвате «советами» всего рабочего населения и распространении новых манифестов.

Через некоторое время Марин снова побывал в том же здании. В маленькой комнате, тускло освещенной керосиновой лампой, царило оживление; повсюду лежали пакеты с очередным манифестом; взяв пачку, люди прятали ее и осторожно, поодиночке выходили. Через полтора часа в рабочих кварталах были расклеены листовки ⁴⁹.

«Комитет действия» стал центром возрождения рабочего движения и сбора революционных сил. Связанные с ним группы существовали в Плоешти, Кымпине, Морени, Фокшани, Бухаресте, Брэиле, Крайове, Турну-Северине. Сперва они были известны под разными именами — «максималисты» ⁵⁰, «рабочие-социалисты», «советы максималистов» и, как мы упоминали, «интимные советы». После VIII съезда РСДРП(б), когда наша партия стала именоваться коммунистической, слово коммунист все чаще стало появляться в румынских подпольных изданиях.

Революционеры старались прежде всего объяснить общедоступным языком смысл происшедших в России событий, тесно связывая их с судьбами собственной страны. Самое известное из воззваний той поры (декабрь 1917 г.) подписано «группа социалистов-максималистов» и начиналось так: «Граждане и рабочие! Кричите и пойте от радости!» Авторы далее возвещали о заключении перемирия на фронте, подчеркивая: «Мир, желание всех народов, принесен не римским папой, не императорами и королями, не боярами и фабрикантами; мир завоеван на барри-

⁴⁸ Из доклада генеральному директору сигуранцы, октябрь 1919 г.—ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 157, ч. III.

⁴⁹ Gh. Marin. Crîmpee de viața. Tiraspol-Balta, 1934, p. 15—17.

⁵⁰ Так неверно переводилось слово «большевик».

кадах русских городов кровью революционеров, рабочих и крестьян, озаряемых светом социализма... Русская революция, сметая в титаническом порыве все, что стояло у нее на пути, сделала первый шаг. Отныне судьбы человечества связаны с победой пролетариата. Социализм господствует в самой обширной стране Европы, он перестал быть прекрасной мечтой... В России нет ни императора, ни князей, ни бояр и угнетателей-фабрикантов, ни полиции, ни нищеты. В России управляет народ и все делается для народа. В России разделены земли и конфискованы фабрики».

Заключительная часть манифеста посвящена «чисто румынским» делам: «Перед лицом этой величественной революции перед лицом этих изменений, совершенных на века, в чем состоит наш долг?»

От нас зависит все! Мы все завоеваем! Наше освобождение может и должно быть лишь нашим собственным делом! Трудящиеся сел и городов Румынии не могут дольше доверять свои судьбы господствующему классу. Интересы рабочих и крестьян противоположны интересам двух тысяч румынских бояр и фабрикантов».

Осуждение реформизма, призыв взять на вооружение революционную тактику и горячее чувство братского пролетарского интернационализма составляют суть документа: «То, что мы требуем, осуществлено в России. Выше сердца! Капиталистическое общество должно исчезнуть! Долой экономическое и политическое рабство! Долой фальшивую и двуличную демократию! Долой войну между народами, да здравствует война между классами! Да здравствуют организация, смелость, воля пролетариата Румынии! Мы не одиноки в борьбе. Плечом к плечу с пролетариатом всего мира и с (помощью) штыков максималистского правительства Петербурга мы победим»⁵¹.

«Marea Revoluție socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România». Buc., 1967, p. 15—18. Манифест неоднократно публиковался и в других сборниках документов. В нем еще нет глубокого анализа социально-политической обстановки в Румынии — для этого еще не наступило время. Более того, в нем можно обнаружить и некоторые идеологические «издержки». Его авторы склонны были перескочить через этап буржуазно-демократических преобразований и даже приписывали большевикам несвойственные им воззрения (по мнению последних, будто бы «все несоциалисты составляют единую и неделимую реакционную массу»). Подробнее о сложном пути перехода румынских революционеров на ленинские позиции см. гл. 9, 11.

**РУМЫНСКИЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
В ОДЕССЕ И МОСКВЕ**

Декреты Советской власти быстро развеяли сомнения и колебания Одесского комитета действия. Прежний, «объективный» подход к событиям еще отмечался в «Лупте» в конце октября, когда публиковались сообщения как из большевистских, так и из контрреволюционных источников. Появлялись и прямые небылицы, вроде «телеграммы Керенского» о подчинении его новой власти или «введение» Максима Горького в СНК¹. 1 ноября газета посвятила статью Ленину². В ней еще звучали старые нотки: время, мол, покажет, осуществима ли большевистская программа. Но уже к середине ноября Комитет стал последовательным сторонником Советов.

Пробным камнем политической позиции в то время являлось отношение к прекращению войны и заключению мира. Энергичная борьба большевиков привлекла на их сторону не только многомиллионные народные массы России, но и оказала громадное влияние на зарубежную, в том числе румынскую общественность.

16 ноября Комитет действия обратился с воззванием, в котором расценил ленинскую политику как «исторический факт всемирного значения». В воззвании резко критиковались руководители Антанты и отечественные реакционеры: «Союзные правительства и слышать не желают о мире и хотят продолжать кровопролитие. Но русская революция через их головы обратилась прямо к народам, призвав их взять в свои руки, как это уже сделал русский народ, решение вопросов войны и мира». А румынский представитель при ставке генерал Коанда протестует вместе со своими антантовскими коллегами против «великого акта Петроградского правительства». В обращении содержался призыв заставить правительство заключить, как Россия,

¹ «Лупта», 29, 28.X 1917.

² В статье правильно указывалось: в Циммервальде Ленин «подверг сокрушительной критике интернациональную деятельность Гаазе, Каутского, Троцкого и Раковского» («Лупта», 1.XI 1917).

перемирие и приступить к мирным переговорам. «В противном случае нам остается одно — прогнать мироедов и предателей от власти, чтобы сам народ, через своих людей, взял в свои руки управление страной и принес долгожданный мир»³.

В тот же день румынские рабочие и солдаты, собравшиеся на митинге в Одессе, «от имени измученного румынского народа, от имени сирот, вдов и калек» «с уважением и признательностью» приветствовали «русскую революцию, несущую мир»⁴.

Тяжелой зимой 1917/18 г. румынское коммунистическое движение. «Левые» сбросили социал-демократические оковы. Реформистские иллюзии в вопросе о власти были изжиты; программа, составленная «по образцу немецкой социал-демократии», — отвергнута⁵.

Уже 18 ноября «Лупта» писала, что война поставила вопрос о социалистической революции во всемирном масштабе. Это знаменовало отказ от старых социал-демократических взглядов, согласно которым надо было подождать, пока закончится кровопролитие, чтобы уже затем приступить к завоеванию парламентского большинства.

Укрепились связи с революционным Питером. И. Дическу-Дик был не только свидетелем, но и участником Октябрьского переворота. Он присутствовал на первых исторических заседаниях Советской власти и регулярно сообщал своим товарищам в Одессу в ходе событий⁶. А в начале декабря в Петроград с юга прислал Бужор, привезший (от имени Комитета действия) второй «Доклад-обращение румынских социалистов к русской революции»⁷. Он открывался приветствием Октябрю: «Сегодня русская революция держит в своих руках знамя социализма, она стала опорой и надеждой пролетариата соседних стран, а значит, и румынского». Авторы «доклада» писали: война показала настоятельную необходимость полного упразднения существующего в Румынии общественного и политического строя. «Это главная цель нашей текущей работы». Они обращались «с горячим призывом к русской революционной демократии» о помощи в деле освобождения своей страны: Комитет ощущает большую нужду в деньгах — необходимо печатать десятки тысяч манифестов и брошюр, издавать газету⁸; иных путей полу-

³ «Documente din istoria Partidului Comunist din România», v. I, p. 19—21.

⁴ Ibid., p. 21.

⁵ Из обращения Комитета действия от 4.XII 1917 г. — «Правда», 6(19).I 1918.

⁶ Вечер воспоминаний румынского землячества 17.I 1931 г. — ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 128, лл. 16—17.

О первом «Докладе-обращении» см. стр. 223—224.

⁸ В письме, приложенном к обращению, Бужор сообщал, что комитет действия распространил с помощью русских солдат 85 тыс. экз. различных манифестов, в том числе 15 тыс. листовок с текстом Декрета о мире («Marea Revoluție Socialiste din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România». Buc., 1967, p. 14).

чения средств нет. Комитет призывал русскую революцию не вести никаких переговоров с румынской олигархией, той, что, «посеяв несчастья и смерть, находясь на краю гибели, нагло осмеливается предпринимать враждебные России действия и открыто объединяется с отъявленными врагами революции... Великая русская революция, которая держит в своих руках судьбы мирового социализма и на которую выпала историческая миссия разжечь европейскую революцию, может распространить свое влияние в первую очередь на Румынию», — писали они. Из Молдовы движение перекинется на занятую немцами Валахию и «могучим эхом разнесется в балканских странах». Революция «спасет гибнущие народы, освободив их от тиранов, и даст им возможность свободно развиваться в условиях демократии и социализма»⁹.

«Доклад-обращение» и другие документы тех дней отразили качественно новый подход к задачам, стоящим перед румынскими революционерами. Об устранении капитализма в них говорится как об основной цели. Правда, во втором «Обращении» нет детального анализа расстановки классовых сил, не выдвинут тезис о необходимости и неизбежности завершения буржуазно-демократической революции как этапа в развитии революционного процесса, отсутствует план действий, в том числе и по привлечению крестьянских масс. На это требовалось время и опыт классовых боев, все еще недостаточный. Но почин был сделан, социалистическая революция в Румынии поставлена на повестку дня.



Интересные воспоминания о своем пребывании в Петрограде в ту пору оставил М. Г. Бужор.

В столице было беспокойно. Ночью вспыхивали перестрелки. Все трое — Бужор, Дик и Раковский — приступили к публи-

⁹ «Rapport-appel du socialisme roumain à la révolution russe», Одесса, 4.XII 1917 (АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, д. 5, папка 1, лл. 22—28).

«Обращение» в сокращенном виде было опубликовано в «Правде» 6(19) I 1918. К сожалению, в перевод закрались некоторые опечатки. Сопроводительное письмо, составленное М. Г. Бужором в Петрограде и помеченное 15 декабря 1917 г., напечатано не было. Мы пользуемся французскими оригиналами документов. Подробнее см. В. Н. В и н о г р а д о в. Два обращения румынских социал-демократов к революционной России.— «Вопросы истории», 1967, № 12.

В своих воспоминаниях М. Г. Бужор сообщает о передаче одного экземпляра «данной докладной записки» в НКВД, а другого — для Ленина (сб. «Об Октябрьской революции». Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М., 1967, стр. 41).

Румынский перевод «Доклада-обращения» (с небольшими сокращениями) и письма М. Г. Бужора появились в сб.: «Marea Revoluție Socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România». Buc., 1917, p. 9—12, 14. «Дополнение» к докладу с перечислением конкретных мер помощи не было напечатано ни в «Правде», ни в указанной румынской публикации.

кации окруженных до этого величайшей тайной документов об участии Румынии в мировой войне.

У дверей наркомата иностранных дел дежурил еще «осколок старого режима» — бородатый швейцар в ливрее с галунами. Но внутри все было по-новому. Столы завалены листовками, газетами, брошюрами, манифестами. Старый аппарат разбежался. Первые советские дипломаты лишь приступали к работе. Комиссия во главе с матросом Маркиным готовилась к изданию тайных договоров.

Румынские социалисты, люди опытные в политике и не строившие никаких иллюзий относительно приемов буржуазной дипломатии, ознакомившись с архивными делами, были потрясены: такая отталкивающая картина бесстыдного торга кровью собственного народа, бесцеремонного попиранья всяких моральных норм, безграничной продажности открылась перед ними.

Вскоре несколько подборок документов появилось в «Правде»¹⁰. А затем они были переведены на румынский язык, снабжены комментариями, написанными М. Г. Бужором, отпечатаны в виде брошюры, погружены в вагон и отправлены в Румынию. В целях конспирации в качестве места издания были указаны Яссы¹¹.

Эта публикация и поныне сохраняет свое значение. Она отличается боевым духом, революционной бескомпромиссностью, глубоким анализом империалистической политики. Она не оставляет камня на камне от пресловутого тезиса, что кто-то втянул Румынию в войну чуть ли не вопреки воле ее правителей, которые склонялись к тому, чтобы повременить, и стремились лишь к осуществлению «национального идеала». «...Румынский шантаж — один из самых наглых, какие знала история», — указывалось в комментариях: «Как мы далеки от легенды, распространяемой румынскими обанкротившимися генералами и министрами, что Штюмер¹² втянул несчастную Румынию в войну и нарочно не послал ей обещанной армии!»¹³.

Это страстное изобличение «собственной» буржуазии не имело ничего общего с тем осуждением империализма «вообще», сочетавшегося у оппортунистов с выгораживанием «отечественных» милитаристов, которые-де лишь обороняются от агрессии. Призыв к социалистической революции, к образованию «Румынской республики Советов рабочих, крестьян и солдат»¹⁴ был сформулирован со всей четкостью.

Здесь, в Петрограде, Бужор получил приглашение встретиться

¹⁰ См. «Правда» 4(17), 5(18), 6(19), 12(25), 18(31). I 1918, 20.I (2.II) 1918.

Cum s'a propădit țara. Iași, 1918. В том же году была перепечатана в Бухаресте.

¹² Царский министр иностранных дел во время вступления Румынии в войну.

¹³ «Правда», 18(31). I 1918.

¹⁴ Cum s'a propădit țara, p. 35—36.

ся с В. И. Лениным¹⁵ За Бужором прислали машину. Прибыв в Смольный, он вместе с шофером протолкался через толпу, запрудившую не только коридоры, но даже лестницу, и добрался до приемной. Шофер зашел в соседний кабинет.

Имя Ленина было у всех на устах. Но облика вождя Бужор себе не представлял. Поэтому, когда на пороге появился человек среднего роста с высоким лбом, одетый в скромный черный костюм, с бумагами в руке, Бужор принял его за секретаря. «Секретарь» приветливо пожал ему руку и пропустил перед собой в кабинет. Ожидаемое «представление» так и не состоялось...

Остановившись у небольшого круглого столика, Ленин начал разговор. Он — по-французски — обменялся с Бужором мнениями о положении на Балканах. В это время кто-то вошел и доложил о нападении бандитов на итальянское посольство.

Ленин, очень озабоченный, впервые за время беседы сел за письменный стол и стал отдавать необходимые распоряжения. Бужор попрощался.

В последний раз он видел Ильича после заседания Совнаркома, на котором было решено образовать Верховную автономную коллегия по русско-румынским делам¹⁶ Ленин лично вручил ему декрет о назначении в ее состав.

Румынские революционеры, прибывшие с юга, не задержались в столице. На Украину двигались немецко-австрийские части. Румынские захватчики вторглись в Бессарабию. И Бужор с товарищами поспешил в Одессу — навстречу новым трудностям, испытаниям и боям.



Мы не имеем возможности проанализировать в данной работе во всех подробностях положение, сложившееся в Бессарабии в конце 1917 г. Да в этом и нет нужды. Основные документы опубликованы. В трудах советских исследователей детально прослежен процесс установления Советской власти и борьбы против внутренней и внешней контрреволюции в этой области¹⁷

¹⁵ О беседе см. Amintiri., р. 99—102. Воспоминания М. Г. Бужора опубликованы в сб.: «Об Октябрьской революции». М., 1967.

¹⁶ Была создана в январе 1918 г. в Одессе из представителей местных советских организаций для ведения всех дел, касающихся взаимоотношений с Румынией.— «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 715.

¹⁷ Борьба за власть Советов в Молдавии. Кишинев, 1957; Большевики Молдавии и румынского фронта в борьбе за власть Советов. Кишинев, 1967; Н. В. Березняков. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев, 1957; Борьба за победу социалистической революции в Молдавии. Кишинев, 1957; Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Борьба трудящихся Молдавии за власть Советов.— «Коммунист Молдавии», 1957, № 10; Дыков И. П. Хроника событий в Бессарабии (Март 1917 — январь 1918 г.). Кишинев, 1957; С. Я. Афтеньюк и др. Революционное

Нам важно отметить, что к концу года Советская власть восторжествовала повсеместно и пользовалась поддержкой как рабочих, так и крестьян, получивших помещичью землю.

Созданный молдавскими буржуазными националистами и эсерами «Сфатул цэрий» — «Совет страны» (контрреволюция вовсю рядилась в «советские» одежды) оказался в изгнании. Само его существование объяснялось лишь чрезмерным либерализмом советских органов, которые, будучи сперва сбигы с толку маскировкой «Сфатул цэрия», стремились развить никогда не существовавшие в нем демократические тенденции; а раскусив его реакционную суть, решили подождать, пока он окончательно разоблачит себя в глазах масс. Директора («министры» Сфатул цэрия) по-своему использовали эту отсрочку. На тайном заседании 19 декабря они решили просить у Щербачева и «союзников» (практически — румын) помощи для противодействия «анархии». На следующий день на закрытом заседании «Сфатул цэрия» большинство против голосов депутатов крестьянской фракции и некоторых других одобрило это решение.

Учитывая слабость своих позиций, Директорат распустил густую завесу лжи. В специальном коммюнике «опровергались» слухи о сговоре с румынской олигархией. 24 декабря в вестнике «Сфатул цэрий» появилось интервью с председателем этой организации И. Инкульцом, который объявил «вздорными» слухи о надвигающейся интервенции, не скупясь на самые «лестные» эпитеты по адресу их распространителей («совершеннейший абсурд», «продукт сознательной провокации темных сил, подкапывающихся под устои Молдавской республики») ¹⁸.

В день появления этого «негодующего» интервью Инкульца, 24 декабря, румынский военный министр генерал Янковеску «согласился» на «просьбу» «Сфатул цэрия» о присылке войск в Бессарабию ¹⁹.

«Приглашение» застало интервентов, можно сказать, в пути. Уже были введены в некоторые пункты Бессарабии румынские войска, правда, в ограниченном количестве и якобы с целью охраны военных и продовольственных складов. Уже был спровоцирован кровавый эпизод в Леово и окружающих селах, где румынская военщина воспользовалась убийством одного офицера для занятия всей округи и расправы над населением. Вовсю

движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964; Е са ул ен ко А. С. Бессарабский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Коммунист Молдавии», 1957, № 5; К. О. Слуцкая. Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1962; М. С. Френкин. Революционное движение на румынском фронте. 1917 — март 1918 г. М., 1965 и др.

¹⁸ Цит. по: К. Слуцкая. Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1962, стр. 227.

¹⁹ Там же, стр. 222.

шло разоружение русских частей румынского фронта, которые могли защитить Советскую власть в Бессарабии.

«Приглашение» подшили к делу, как юридическую зацепку для оправдания захвата. Как-никак, американский президент Вильсон опубликовал «14 пунктов», в которых фигурировала и «свобода волеизъявления народов». За неимением лучшего можно было пустить в ход и прибывшую от «Сфатул цэрия» бумажку. Это и было сделано: вскоре в государственный департамент поступила нота, в которой сообщалось, что по соглашению с «правительством Молдавской республики Бессарабии и генералом Щербачевым и чтобы не дать армии умереть с голоду», румынские войска вступили в эту область²⁰.

Существовала еще одна инстанция, к содействию которой румынская олигархия пока считала нужным прибегнуть, а именно — Щербачев и его окружение. Обслуживаемый французскими офицерами, охраняемый румынскими егерями, «главком» не имел власти. Но внести определенную дезорганизацию, сбить с толку отдельных малоопытных в политике представителей Советов в войсках и Бессарабии он еще мог. Разумеется, Щербачев немедленно присоединился к просьбе «Сфатул цэрия»²¹.

Удар по Кишиневу румынская олигархия предпочла нанести с тыла, воспользовавшись услугами частей, сформированных в Дарнице под Киевом из пленных трансильванцев. В самом деле, какие подозрения мог вызвать эшелон волонтеров, направлявшийся на фронт? Такие переброски происходили и раньше. Однако эта попытка провалилась. Волонтеры были разбиты.

Днем 6 января призванные к ответу главари «Сфатул цэрия» клятвенно отрицали свою причастность к интервенции и даже подписали телеграмму «протеста» Щербачеву и румынскому правительству. Их отпустили с миром. На какое-то время «Сфатул цэрий» исчез с открытой политической арены. Как писал его орган, депутаты, «притаившись по углам, из безопасного далека наблюдали за развернувшимися историческими событиями»²².

Резиденция «Сфатул цэрия» была занята советскими частями. Румынские офицеры, члены «межсоюзнической продовольственной закупочной комиссии», занимавшиеся не столько своими прямыми обязанностями, сколько сбором агентурной информации и распространением слухов, взяты под стражу и направлены в Одессу.

Вечером 6 января стало известно о прибытии румын на стан-

²⁰ К. Ангелеску — Р. Лансингу, 25.I.1918 (н. ст.). — «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States», 1918, Russia, v. II. p. 707. Washington, 1933.

²¹ А. Рябинин - Скляревский. Оккупация Бессарабии Румынией. — «Летопись революции», 1925, № 1, стр. 109.

²² См. К. Слуцкая. Указ. соч., стр. 237.

цию Гидигич, откуда они собирались походным порядком двинуться на Кишинев. В 7 верстах, от города интервенты получили отпор советских отрядов и вооружившегося населения и, после боя, длившегося всю ночь, отступили к Пруту. Прибывшему на пограничную станцию Унгены румынскому бронепоезду красные части отрезали путь к отступлению. С помощью подоспевших из-за Прута подкреплений ему с трудом удалось вырваться из окружения²³.

Убедившись, что малыми силами Бессарабию не захватить, румынская главная квартира приступила к операции крупного масштаба. Через Прут были переброшены четыре дивизии. С 8 по 12 января на подступах к Кишиневу развернулись бои. И лишь исчерпав все возможности сопротивления, революционные части отошли. Сопротивление продолжалось в Новой Килии, у рыбацкого поселка Вилково и особенно под Бендерами. В этих операциях принимали участие румынские интернационалисты.



Первыми в Румынии восстали моряки. Еще в конце 1916 года, после отступления флот, военный и торговый, оказался разбросанным по многим портам, как румынским, так и русским. Основные морские силы сосредоточились в Сулине.

У моряков, в отличие от армии, рабочая прослойка была значительной. Изолировать их в портах от влияния русских революционных матросов никак не удавалось. Сигуранце оставалось лишь досадовать на «чрезмерно большую свободу» и предрекать, что это приведет «к неприятным последствиям»²⁴.

Февральская революция встретила на флоте живейший отклик. В августе местные власти доложили об образовании в Сулине комитета моряков. В порту появились написанные от руки листовки. «Час освобождения пробил,— говорилось в них,—...воспользуемся этим... Если мы будем трусливы и малодушны, то навсегда останемся в рабстве у бездельников и мироедов... Долой Фердинанда, долой правительство, долой войну, жандармов и полицию». «Да здравствует Румынская республика!»²⁵ Не сумев обнаружить авторов листовки, власти выпустили своего рода контрманифест. Моряки не остались в долгу.

²³ См. Н. В. Березняков. Указ. соч., стр. 109—110; К. Слуцкая. Указ. соч., стр. 243—244; С. Kirîţescu. Istoria războiului pentru întregirea României, v. III, p. 84—85.

²⁴ См. М. Роллер. Революционная борьба румынских моряков в конце 1917 — начале 1918 г.— «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 99; ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 155, ч. II.

²⁵ Цит. по: А. G. Vaida, N. Birdeanu. Pavilionul revoluţionar la catarg. Buc., 1959, p. 45.

Эта «памфлетная война» продолжалась недолго. Засланные на корабли тайные агенты выявили «подозрительных». Их списали на берег. В город ввели надежные части. Однако к арестам сигуранца решилась прибегнуть лишь после того, как Сулину покинули стоявшие там русские корабли.

Но и после этого командование не чувствовало себя спокойно. В начале нового 1918 г. в порт прибыли русские миноносцы «Живой» и «Звонкий» с грузом революционной литературы на борту. Вскоре румынские власти конфисковали у жителей и в доках пять различных революционных манифестов и номера газеты «Лупта». «Я принял меры,— телеграфировал командор Бэлэнеску,— чтобы не выпускать войска из казарм и с судов, где они находятся под наблюдением офицеров, чтобы удержать их в руках и не позволить им вступить на опасный путь». Он вызвал роту пехоты из Горговы, роту моряков с «Принца Кароля» и 100 человек из поселка Святой Георгий²⁶.

Движение в Сулине было подавлено в зародыше. Матросы не сумели наладить связей ни с рабочими в порту, ни с русскими революционными моряками. Но они явились зачинателями революционного движения в румынском флоте. Одесский комитет действия 11 января 1918 г. приветствовал их в специальной листовке: «Честь первым борцам за освобождение румынского народа!» Комитет обращался с горячим призывом ко всем морякам и солдатам: «Поднимайтесь как один человек против преступных правителей, погубивших Румынию»²⁷.

Вслед за выступлением в Сулине в январе 1918 г. произошло открытое восстание румынских моряков и рабочих в Новой Килии. Этот небольшой русокий рыбацкий городок на Дунае зимой 1916 г. преобразился. Сюда и в Измаил прибыла речная флотилия — корабли «Северин», «Домница Флорика», «Брэила», «Корабия» и др. В Килию же был эвакуирован арсенал из Галаца вместе с рабочими и солдатами, составлявшими его персонал.

На арсенале был введен режим, который официально именовался военным, а на деле был тюремным. Солдат били открыто. Избиения происходили не в припадке самоуправства «благородных» держиморд, а со знанием дела. Порка в 50 ударов именовалась на их языке «королевским гимном». Рабочие, моряки и солдаты бежали от террора кто в дельту Дуная, кто в глубь России. Посланный на монитор «Михаил Когэлничану» осведомитель сигуранцы докладывал: «Русские моряки оказывают всевозможную помощь дезертирам румынского флота и находят для них работу в Севастополе и Одессе». 18 ноября 1917 г. из Килии поступило еще более тревожное сообщение: «Социализм

²⁶ Телеграммы командора Бэлэнеску от 13—15.I 1918.—ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. III; пл. 155, ч. III.

²⁷ «Documente din istoria Partidului comunist din România», v. I, p. 33—34.

заронил в души идеи мятежа, породил антипатриотические и антидинастические течения. Лучшее свидетельство этого — дезертиры, которыми кишит дельта...»²⁸

2—3 декабря в городе произошли волнения в связи с дороговизной. Были подожжены лавки и дома нескольких торговцев-спекулянтов. Солдаты и моряки участвовали в «беспорядках» и даже содрали с одного офицера, пытавшегося прикрикнуть на них, нашивки. Это было в глазах румынского командования опасным симптомом: именно в это время в русской армии были отменены чины, и у тех офицеров, которые не желали расстаться с ними и с соответствующими регалиями добровольно, солдаты срывали погоны.

Румынское морское начальство переполошилось. На суда направляли опытных доносчиков. «Подозрительных» изъяли и отправили в армию. На яхте «Штефан Великий» расположился военный трибунал. В дельте Дуная усилили жандармерию.

Но предотвратить взрыва не удалось.

4 января 1918 г. в Новой Килии, на верфи, состоялось собрание рабочих, солдат и моряков. Из Одессы прибыла делегация во главе с солдатом К. Поповичем, скрывшимся из армии, и моряком с «Императора Траяна» Г. Строичем. Собрание высказалось за провозглашение республики, потребовало отречения короля и ликвидации «класса бояр» и избрало революционный комитет во главе со Строичем.

13 января флот в Новой Килии, Измаиле и Вилково восстал. На мачтах 13 судов взвились красные флаги. Ревком взял власть в свои руки. Спускавшиеся вниз по Дунаю суда задерживались. Восставшие обезоруживали офицеров и заменяли старый флаг революционным. Собравшиеся на митинг рабочие, матросы и солдаты горячо приветствовали переворот. К. Попович, Г. Строич, В. Василиу провозгласили: «Долой короля, долой правительство, смерть буржуазии, да здравствует революция и Румынская республика»²⁹.

А вскоре ревком обратился на двух языках с воззванием: «Мы, революционный социал-демократический румынский народ, вместе со всей русской армией и флотом объявили священную войну королю Фердинанту (так в тексте.— В. В) и румынской олигархии»³⁰,— говорилось в нем.

²⁸ Цит. по: N. Bîrdeanu. Despre participarea marinarilor români la mișcările revoluționare de la sfârșitul anului 1917 și începutul anului 1918 în porturile Dunărene, Ismail și Chilia Nouă.— «Studii privind relațiile româno-ruse». Buc., 1963, p. 342—343.

²⁹ Сообщение от 15.I 1918 унтер-офицера Оанча, вернувшегося из Новой Килии.— ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 155, ч. III; «Activitatea desfășurată de Mușetescu Gheorghe delegatul sindicatului muncitorilor din portul Galați și consilier comunal și alții în războiul pentru întregirea neamului Galați (f. a.), p. 8—9.

³⁰ ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 155, ч. II.

Неудача постигла повстанцев лишь в Старой Килии (на румынском берегу Дуная). Туда прибыл из Измаила революционный румынский монитор — поднимать на революцию экипажи стоявших здесь судов. «Остальные мониторы встретили его молчанием. Когда он вышел почти в середину, — все мониторы окружили его и предложили сдаться. Сопротивление было бесполезно»³¹. Оказалось, что командование произвело на флотилии чистку, удалило ненадежных, арестовало «подозрительных». К орудиям были поставлены офицеры.

Эти события совпали с организованным румынской реакцией вторжением в Бессарабию. Удержав в своих руках корабли, стоявшие в Старой Килии, командование использовало их для удара с Дуная по Измаилу, Новой Килии и Вилково, в то время как интервенты двигались сухим путем с севера и запада.

Несколько дней русско-румынские революционные отряды и восставшие суда давали отпор оккупантам, в том числе и военной флотилии. С тылу им угрожало румынское офицерство, сумевшее привлечь на свою сторону часть моряков. Повстанцы ограничились тем, что предложили офицерам подписать бумагу о присоединении к движению. Те, не колеблясь, подмахнули³². Пока матросы 15 января митинговали, новоявленные «революционеры» с помощью колеблющихся моряков захватили один из кораблей, — очевидно, чтобы бежать. В ответ ревком арестовал и их, и хозяев торговых судов. Под стражей их продержали всего сутки³³, а затем выпустили, и они беспрепятственно вели в городке подрывную работу. 25 января Новая Килия была занята.

Те, кому удалось спастись, отошли в Вилково. Этот небольшой рыбацкий посад оказал захватчикам упорное сопротивление.

«Население Вилкова, — писал в своих показаниях попавший позднее в плен к румынам офицер Владимир Мальчиковский, — было настроено крайне воинственно. Рыбаки боялись господства румын»³⁴. Местные жители и крестьяне создали красногвардейский отряд численностью в 500 человек. Вместе с десантом русских моряков и прибывшими из Новой Килии румынами они организовали оборону посада. Вторгшимся оккупантам пришлось приложить немало усилий, чтобы захватить прилегавшие к Вилкову села. 26 января они были заняты.

28 января начались бои с речной румынской флотилией. В тот же день поступила телеграмма от знаменитого матроса Анатолия Железнякова, посланного Совнаркомом со своим отрядом на помощь революционерам на юг России. Ее содержание

³¹ Л. Дегтярев. Указ. соч., стр. 276.

³² Телеграмма Бэляну от 15 января 1918 г. — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 155, ч. III.

³³ A. G. Vaida, N. Birdeanu. Op. cit., p. 60—61.

³⁴ Показания капитана II ранга В. Мальчиковского. — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 155, ч. III.

Мальчиковский по памяти передавал следующим образом: «Держитесь, товарищи. Помощь идет...» Вскоре на эсминце «Керчь» прибыл сам Железняков с 50 комендорами, а вслед за ним — транспортное судно с балтийцами на борту.

Четыре дня длилось сражение. И лишь после того, как кольцо врагов на суше и на Дунае почти сомкнулось, русские суда отошли по Очаковскому каналу, нанеся немалый урон противнику. Упомянутый Мальчиковский на допросе преуменьшил эффективность огня черноморских артиллеристов. Однако командующий румынским флотом Кослинский написал на протоколе: «Стрельба русских кораблей была гораздо более точной, чем пытается показать русский офицер»³⁵.



В те горячие дни Комитет действия в Одессе стал центром формирования вооруженных сил румынского пролетариата. В огне гражданской войны первые румынские коммунисты закалывали свою волю и проверяли правильность своей теории.

При вести о вторжении в Бессарабию комитет провозгласил: «Наша революция начинается!»³⁶ и приступил к формированию румынских частей. Непосредственной их целью был отпор интервентам. Но в то же время комитет считал эти части ядром вооруженных сил народа в своей стране. Отсюда — гордые слова о «нашей революции».

Вечером 9 января на митинге на Приморском бульваре собравшиеся горячо откликнулись на призыв сформировать революционный батальон³⁷. Вскоре в «Лупте» появилось извещение о том, что в казарме на Прохоровской улице, д. 46 производится запись добровольцев. Записалось более 1000 бойцов. Эта внушительная цифра свидетельствует о широком распространении идей пролетарского интернационализма. «В день, когда землю Бессарабии стали топтать захватнические войска олигархии, — писала газета «Лупта» в номере от 13 января, — румынские рабочие, крестьяне и солдаты, проживающие в Одессе, организовали демонстрации на улицах этого большого черноморского города и обратились в русские революционные организации за оружием, чтобы выйти на борьбу против правительства, которое, погубив страну, трусливо обратило оружие против русской революции»³⁸.

Батальон участвовал в изгнании из Одессы петлюровцев, пытавшихся захватить город. Одновременно шло наступление на

ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 155, ч. III.

Манифест: «Muncitori, țărani și soldați români din Odessa! Revoluția noastră începe» — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. III.

³⁷ В. Рожко. Дружба, закаленная в боях. Кишинев, 1965, стр. 30—31.

³⁸ Приведено у В. Рожко. Указ. соч., стр. 32—33.

собственную реакцию. 13 января³⁹ были захвачены стоявшие в порту румынские суда, с помощью их экипажей. При этом «в плен» попала большая группа румынских парламентариев, на свою беду прибывшая в это время в Одессу из Херсона. Под стражу были взяты члены межсоюзнической комиссии по снабжению продовольствием, высланные из Кишинева, а 2 млн. лей, бывшие на ее счету, конфискованы. Образованный еще 28 декабря 1917 г. румынский ревком, в который вошли М. Г. Бужор, И. Дик-Дическу, А. Николау, А. Залик, действовал как зародыш новой революционной власти, признанной всеми советскими организациями. Он располагал вооруженной силой, вел широкую пропагандистскую деятельность, по его распоряжениям производились аресты контрреволюционеров. Наряду с этим ревком контролировал работу верфи и других румынских предприятий в Одессе и следил за порядком в госпиталях, взял в свои руки руководство кооперативом, снабжавшим раньше продуктами лишь верхушку эмиграции, и наладил отпуск по твердым ценам продовольствия рабочим, раненым и бойцам. Части румынского батальона заняли помещения консульства и всех румынских учреждений и складов, захватили авиационную школу и много военного имущества, в том числе 30 только что прибывших из Америки автомобилей «Форд». По ходатайству ревкома Румчород секвестровал склады румынского военного имущества не только в Одессе, но и в Херсоне, Тирасполе, Раздельной, Николаеве и Севастополе. Конечно, забранное имущество не шло по количеству ни в какое сравнение с теми поистине гигантскими запасами, которые были захвачены румынской олигархией. Но его хватило на снаряжение румынских революционных частей, много вооружения было отправлено в Москву и другие места.

В конце января в Одессу прибыли члены Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам Раковский и Бужор. Они призвали всех румын, проживавших в городе и области, записываться в революционные отряды. Помимо сухопутного шел набор в морской батальон, ядро которого составили матросы, участники выступления в Сулине, боев под Измаилом и Вилковым, пополненные экипажами стоявших в порту судов. Штаб его располагался на корабле «Дуростор». Коллегия в особом декрете указывала, что на румынских бойцов распространяются положения о довольствии и льготах, принятые для советских военнослужащих⁴⁰.

Другая группа членов коллегии во главе с И. Диком отправилась в Севастополь, где стояло несколько румынских торговых судов, переоборудованных с началом войны во вспомогательные крейсера. На кораблях царило недовольство. Искрой для взры-

³⁹ Т. е. в день начала восстания в Новой Килии и Измаиле, что свидетельствовало об организованности революционеров.

⁴⁰ См. В. Р о ж к о. Указ. соч., стр. 51

ва послужило незначительное на первый взгляд обстоятельство: никто из матросов не желал служить в денщиках. 4 февраля прибывшие из Одессы бойцы морского батальона арестовали с помощью команд судов офицеров, известных реакционными взглядами и бесчеловечным обращением. На кораблях взвились красные флаги и были избраны ревкомы. На следующий день моряки и артиллеристы решили объединиться с восставшей на Дунае флотилией, подняться вверх по реке до Галаца и зажечь в Румынии огонь революции. Суда перешли в распоряжение коллегии. В. Спиро и М. Г. Бужор от ее имени в телеграмме «Всем, Всем!» сообщили, что суда переименованы, ибо их названия отражают «монархический дух, шовинизм задорный и воинственный там, в Румынии»⁴¹.

Приняв эту правильную меру, коллегия не провела в то же время должной работы среди команд кораблей. Матросы не знали русского языка. Далекое не все они понимали величие разворачивавшихся событий. Повторился «килийский вариант». Команды митинговали, обсуждая вопрос: что делать с офицерами? Лишь на «Короле Кароле» большинство высказалось за арест. На всех других судах офицеров решено было выпустить под расписку. Реакционеры, не задумываясь, подписали декларацию, в которой осудили монархию и объявили о своей приверженности революционным принципам (!!). Их возвратили на корабли. Они, правда, были отстранены от командования, но времени даром не теряли...⁴²

Этих сложных обстоятельств коллегия недоучла. Дик по настойчивому требованию Раковского в конце февраля выехал в Одессу, так и не доведя до конца разъяснительной работы⁴³. Моряки остались на перепутье, их сомнения и колебания кончились тем, что офицерам удалось позднее, во время отступления красных войск под натиском немецко-австрийских оккупантов, восстановить на кораблях «порядок».

Наконец, еще один член коллегии, Анатолий Железняков, отправился во главе отряда балтийцев, того самого, что разогнал «Учредилку», прямо на фронт, и, как уже говорилось, принял участие в боях под Вилковым.

Несмотря на неудачи в первых столкновениях с интервентами, общее положение на юге менялось в благоприятную для молодых советских войск, освободивших Киев и другие украинские города, сторону. И румынские интервенты скоро почувствовали это. 23 января началась операция — уже не оборонительная,

Сообщение коллегии от 5(18).II 1918.— «Борьба за власть Советов в Молдавии», стр. 314—315.

⁴² V. Liveanu. 1918..., p. 225. См. также «Acțiunea revoluționailor români în Rusia». — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 157, ч. I; «Activitatea desfășurată de Mușetescu Gheorghe...», p. 14—15.

⁴³ ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 128, лл. 20—21.

а наступательная со стороны советских войск — по освобождению Бендер. Вместе с красногвардейцами и матросским отрядом в ней приняли участие 300 бойцов румынского батальона под командой Кагана и Бузинова. Нелегкой была эта схватка. Переправиться под пулеметным огнем по мосту через такую реку, как Днестр — трудная задача даже для закаленных в боях воинов. Среди красногвардейцев же многие лишь получали боевое крещение. И все же они, под прикрытием бронепоезда, прорвались через мост, заняли вокзал и древнюю крепость на правом берегу. Началось очищение самого города. Много неприятностей причиняли пулеметные гнезда, особенно одно из них, расположенное на колокольне. Лишь к трем часам интервенты были выброшены из Бендер⁴⁴. В этом немалую помощь оказали местные жители. Они, признает К. Кирицеску, «перерезали телефонные провода и обстреливали отступающие из города румынские войска из винтовок и пулеметов, причинив им большие потери»⁴⁵.

В этом бою была основательно потрепана 22-я румынская бригада. Газета «Лупта» приветствовала победу статьей «Боевое крещение».

Через два дня, подтянув свежие силы и подвергнув город бомбардировке, интервенты во второй раз ворвались в Бендеры и предались мести, поразившей своей жестокостью даже такого благосклонного к ним наблюдателя, как сын и адъютант генерала Щербачева: «Излив свою злобу, они возвратились в город, и жестокости, учиненные ими там, не поддаются описаниям. Лица, почему либо не понравившиеся румынам, пропадали, и через несколько дней их находили в Днестре, под мостом»⁴⁶.

Попытки румынского командования прорваться дальше через Днестр на Тирасполь успехом не увенчались. На левом берегу был уже довольно крупный кулак красных частей.

С северо-востока приходили ободряющие вести: советские войска успешно наступали; Центральная рада бежала под их натиском из Киева. 1(14) февраля В. И. Ленин отдал распоряжение частям, освободившим город, действовать «как можно энергичнее на Румынском фронте»⁴⁷. В исполнение этого приказа вновь созданная Особая армия под командованием А. И. Егорова наголову разбила румынскую дивизию, пытавшуюся переправиться через Днестр у Рыбницы.

На севере Бессарабии интервенты натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Остатки старой 8-й русской армии, местное население и спешно формируемые отряды Красной гвардии

⁴⁴ Из воспоминаний В. Джорджеску.— «Amintiri», p. 81—82.

⁴⁵ С. Кігітеску. Op. cit., v. III, p. 92.

⁴⁶ А. Рябинин-Скляревский. Указ. соч., стр. 110.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 41.

дрались за каждую пядь земли⁴⁸. Командир румынской кавалерийской дивизии генерал Скина, неосторожно «оторвавшийся» от своих основных сил, попал в плен, и только подоспевшие кавалеристы отбили его.

В оккупированной Бессарабии оккупанты чувствовали себя как на пороховой бочке и всерьез опасались, как бы «охрану складов», — что являлось официальным поводом занятия области, — не пришлось прекратить в ближайшее время. Советские силы на Украине крепки.

Во время захвата Бессарабии немцы и их союзники держались благожелательного «нейтралитета» и фактически развязали румынской олигархии руки для действий не только против Советов, но и против революционного движения собственного народа. Подписание 14 января 1918 г. в Брэиле, в разгар восстаний на румынском флоте, дополнительной конвенции о перемирии на море, наглядно свидетельствовало об этом⁴⁹.

Теперь надо было уплачивать по этому векселю тяжелым унижительным миром, заключения которого фельдмаршал Макензен потребовал в ультимативной форме⁵⁰. Трудности подступали со всех сторон, и румынское правительство было вынуждено вступить в переговоры с Советами.

Первый зондаж был произведен по инициативе находившихся в Одессе парламентариев и влиятельных «буржуев» во главе с генералом Крэйничану⁵¹. Образованная ими неофициальная комиссия завязала сношения с представителями Советской власти. Последние потребовали объяснений в связи с захватом Бессарабии. Заверения Крэйничану, будто Румыния вовсе не воюет с Россией (!) нельзя было принимать всерьез. Стороны договорились о посылке смешанной делегации в Кишинев и Яссы.

Первая ее попытка добраться до Ясс успехом не увенчалась: она вернулась из Тирасполя, неподалеку от которого «не ведущие войны» интервенты сражались с красными войсками.

В дальнейшем наладить контакт, с помощью дипломатов Антанты⁵², все же удалось.

Условия советской стороны заключались в следующем: очищение Бессарабии; возврат захваченного имущества; пропуск отступающих с румынского фронта русских войск; выдача Щербачева и убийц С. Рошала и непосредственных участников учинен-

⁴⁸ См. М. Б. Иткис, Н. Д. Ройтман. Борьба за власть Советов на севере Бессарабии. В сб.: «Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии». Кишинев, стр. 27—60; М. С. Френкии. Указ. соч., стр. 296—360; К. Служкая. Указ. соч., стр. 271—276.

⁴⁹ ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 155, ч. II.

⁵⁰ Подробнее см. ниже.

⁵¹ Копия доклада генерального директора Вивеску от 21.I 1918.— ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. I.

⁵² «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 111, 715.

ного интервентами расстрела русских матросов и солдат в Измаиле⁵³.

В роли посредника выступил канадский полковник Бойль, находившийся по служебным делам на юге России⁵⁴. В течение февраля он путешествовал между Одессой и Яссами. 20 числа этого месяца (5 марта) новый председатель совета министров Румынии генерал Авереску подписал соглашение об очищении Бессарабии. 24 февраля (9 марта) этот документ был скреплен подписями советских уполномоченных. Основные положения соглашения сводились к следующему: Румыния обязывалась очистить Бессарабию в два месяца; оставлялся лишь 10-тысячный отряд для охраны железных дорог и румынских складов; административные и судебные функции немедленно переходили к местным выборным властям, а охрана должна была осуществляться милицией; оккупанты отказывались от вмешательства во внутренние дела и права производить аресты. Румынское правительство обязалось не предпринимать никаких неприятельских действий против Советской России и не поддерживать таковых, если они будут совершены с чьей-либо стороны⁵⁵.

Подписание соглашения явилось значительным успехом молодой советской дипломатии, особенно, если учитывать обстоятельства, при которых оно было заключено.

Бежавшая из Киева Центральная рада обратилась за помощью к германским милитаристам. Началось вторжение австро-немецких армий на Украину. Одновременно немцы нарушили перемирие с Советской Россией и двинули свои дивизии на Петроград. Преодолев сопротивление «левых коммунистов» во главе с Н. И. Бухариным, требовавших «революционной войны» в условиях, когда не было сил для ее ведения, большинство ЦК во главе с В. И. Лениным настояло на подписании тяжелейшего Брестского мира. Поэтому вырванное у румынского правительства обязательство — эвакуировать Бессарабию — следует расценивать как немаловажную победу Советской власти, хотя в результате пособничества международной реакции румынской олигархии удалось уклониться от выполнения условий соглашения.

Авереску пришлось пережить в парламенте немало неприятных минут, когда досье с документами перешло — после падения его правительства — в руки преемников. Новый министр иностранных дел К. К. Арион явился в палату депутатов во «всеоружии»⁵⁶ и «припер к стене» генерала, зачитав 1-й пункт соглаше-

⁵³ Сообщение органов Советской власти от 2(15).II 1918 г. о переговорах с представителями румынского генштаба о перемирии.— «Борьба за власть Советов в Молдавии», № 429, стр. 312—313.

⁵⁴ «L'indépendance roumaine», 3(16).IV 1918.

⁵⁵ «Документы внешней политики СССР», т. I, № 90, стр. 210—211.

⁵⁶ «Desbaterile adunării deputaţilor», 1917—1918, şediută 13.VI 1918, p. 153.

ния: «Румыния обязывается очистить Бессарабию в течение двух месяцев».

Авереску старался выкрутиться: он-де не то подразумевал: а канцелярия («бюро») взяла и написала черным по белому: очистить. Ариону пришлось вновь извлекать документы и зачитывать вслух генеральскую резолюцию: «Все статьи вышеприведенного предложения (т. е. советского.— В. В.) приняты, исключая условия, помещенного в статье 1, требующего немедленного эвакуирования Бендер»⁵⁷ «Вот, господин генерал, как вы стали жертвой бюро»⁵⁸ — не без ехидства добавил министр.

Во время перепалки Авереску с Арионом первый очень робко намекнул на подлинную причину своих действий. Цитируем генеральскую речь: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед»⁵⁹. Оставим в стороне генеральскую терминологию. Важен смысл: Авереску относился к тем немногочисленным представителям румынской олигархии, которые пусть даже из-за страха, сохраняли какие-то элементы здравого подхода к вопросу.

Но Авереску не дали привести свои доводы: стоял июнь 1918 г., его опасения казались необоснованными; от Советов Румынию отделяла широкая полоса занятых немцами и австрийцами территорий. Парламентарии петушились. Арион заявил апломбом: «Мы, господа, не боимся большевизма»⁶⁰



Во второй половине февраля 1918 г. советским вооруженным силам пришлось поворачивать фронт и от борьбы с румынскими интервентами перейти к боям против австро-германских захватчиков. Батальон румынских интернационалистов почти в полном составе был направлен под Слободку и Рыбницу.

Лишь исчерпав все возможности сопротивления, красногвардейцы, матросы Железнякова и интернационалисты отступили к Бирзуле. Румынский батальон потерял в этом сражении 60 человек, в их числе и отважного Иона Муштяну. После кровных боев под Бирзулой и Раздельной красные силы отступили к Одессе⁶¹.

В последний день февраля румынские революционеры погрузились на корабли «Социальная революция», «1907 год», «Дуро-

«Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 115.

⁵⁸ «Desbaterile adunării deputaților», 1917—1918, sed. 23.VI 1918, p. 227.

⁵⁹ Ibid., p. 224.

⁶⁰ «Desbaterile adunării deputaților», 1917—1918, sed. 13.VI 1918, p. 153.

См. воспоминания Г. Карана.— ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 137, л. 9—18; В. А. Рожков. Указ. соч., стр. 66—67; «Amintiri», p. 60.

стор», захватив с собой заложников — около сорока депутатов парламента и сенаторов, да многих офицеров. Когда их переправляли на пароход, некоторые пытались бежать. После предупредительных выстрелов депутаты обрели благоразумие, и посадка продолжалась без сопротивления. Флотилия взяла курс на Феодосию.

Румынский ревком разместился на «Дуросторе».

В Феодосии интернационалистов встретили с почетом. На пристани их ожидала большая толпа. Представитель местного Совета обратился к ним с приветственной речью. Затем бойцы под музыку отправились в казармы.

Румынские «буржуи» чувствовали себя неуютно под охраной соотечественников. Сопровождавший их полковник Бойль обратился с просьбой к местным властям сменить стражу. Его ходатайство было удовлетворено, на смену румынам пришли интернационалисты-китайцы⁶². Вскоре, в осуществление соглашения об очищении Бессарабии, советское правительство приступило к размену пленных. 19 марта пароход «Черномор» с сенаторами, депутатами и офицерами (всего — 92 человека) на борту прибыл в Сулину. Еще через три дня туда привезли русских революционеров — 15 офицеров и 58 солдат старой армии, арестованных на румынском фронте.

Парламентарии и, с их слов, — буржуазные историки не жалели впоследствии черных красок при описании перенесенных ими в плену страданий⁶³. Однако вот что рассказывает о размене захваченный румынами бывший выборный командующий IV армии И. Кондурушкин: «Достаточно было взглянуть при нашем обмене в Сулине на румынских сенаторов, привезенных из России: круглые слобные морды, цилиндры, тросточки, манишки, горы багажа, и сравнить с ними нас: грязные, оборванные, обовшивевшие, обросшие волосами, обобранные до последней лишней пары солдатских портянок, три месяца не выдавшие бани и свежего белья, чтобы сказать: «Какие звери большевики и какие просвещенные европейцы румынские бояре!»⁶⁴

И в плену «бояре» имели возможность вести подрывную работу. В Феодосии выяснилось, что им удалось разложить, а в отдельных случаях и подкупить некоторых добровольцев и матросов. Заговорщики планировали захват судов и пленение ревкома. Не последнее место в их расчетах занимало то обстоятельство, что в распоряжении комитета имелись крупные суммы румынских денег. Ревком вовремя вскрыл этот гнойник. Главари заговора были расстреляны.

⁶² Донесение генерального директора Вивеску от 1 апреля 1918 г. — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 154, ч. I.

⁶³ См. указанное донесение Вивеску: Gh. Proscopiu. Parlamentul în pribegie. Buc., 1926; S. Kirilescu. Op. cit., v. III, p. 56—57.

⁶⁴ «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 441.

Необходимо было решать вопрос о дальнейшей судьбе батальонов. Непосредственная цель, ради которой они создавались, — борьба с вооруженными силами румынской олигархии оказалась, по крайней мере временно, недостижимой. В России на смену отдельным красногвардейским отрядам создавалась регулярная армия. В этих условиях большинство ревкома, в том числе М. Г. Бужор, И. Дик, А. Николау, сочли целесообразным распустить румынские части⁶⁵.

Каждый доброволец получил на руки небольшой запас продовольствия, деньги и справку о том, что состоял в батальоне. Многие из них записались в вооруженные отряды Таврической республики и вели бои с немецкими оккупантами. Другие переправились в Новороссийск. Разошлись пути и членов ревкома. М. Г. Бужор и А. Залик остались в Крыму, а позднее перебрались в Одессу. В тяжелейших условиях немецкой, а затем французской оккупации они участвовали в работе знаменитой «иностранный коллегии» Одесского подполья⁶⁶ А. Николау, И. Дик-Дическу и В. Попович кружным путем, через Новороссийск, направились в Москву для работы по организации и сплочению румынских коммунистических сил.

Так закончил свою деятельность румынский ревком в Одессе, наиболее крупный центр румынского революционного движения в России в конце 1917 — начале 1918 г. Его деятельность охватывала широкий пояс на юге нашей страны. Ответвления, группы и секции одесской организации существовали в Херсоне, Николаеве, Севастополе, Кишиневе, Балте, Романовке, Кэлэраши, Новой Килии, Измаиле. Она подготовила и возглавила революционные выступления моряков. Под водительством комитета румынские революционеры с честью участвовали в сражениях с румынскими, немецкими и австрийскими оккупантами, с украинскими гайдамаками, анархистами и татарскими националистами в Крыму. В конце марта солдаты и матросы румынского военно-морского арсенала в Херсоне участвовали в восстании, в результате которого немцы на время вынуждены были убраться из города.

И в новых, изменившихся условиях румынские интернационалисты с честью несли знамя революции. В одиночку, группами, ротами и эскадронами они влились в Красную Армию. Накануне 40-летия Октября в Румынии проживало 645 ветеранов гражданской войны в СССР⁶⁷. А сколько их погибло в боях и в застенках сигуранцы, не дожило до часа освобождения, рассеялось по всему миру, обрело новую родину в Советском Союзе?

Воспоминания Г. Кагана, Т. Дьямандеску, И. Дика. — ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 126, лл. 13—15; д. 128, лл. 7—8, 26; д. 140, л. 26; д. 137, лл. 23—24.

⁶⁶ См. В. Г. Коновалов. Герои Одесского подполья. М., 1960, стр. 58—62.

⁶⁷ «Amintiri», р. 6.

В декабре 1917 г. в тысяче верст от Одессы, в Москве, где днем перепуганные «буржуи» отсиживались за семью замками в «барских квартирах», где на рабочих окраинах выстраивались длинные «хвосты» за хлебом, картошкой и селедкой, а по ночам кромешную тьму переулков освещали вспышки выстрелов, возникла «Организация румынских рабочих и крестьян».

Состояла она из печатников типографии и некоторых служащих эвакуированного в Москву национального банка. На первых порах к «рабочим и крестьянам» «примкнул» и королевский консул в Москве Герин, ставший ее почетным президентом. Однако фактическим главой «Организации» был трансильванский социалист Михаил Генсгарю. Видимо, «участие» консула в ее деятельности объяснялось стремлением последнего оказывать влияние на проживавших в Москве румын и быть в курсе событий. К своим «коллегам» он не питал ни малейшего доверия. Об этом свидетельствует засылка в «Организацию» провокатора Дрэничану⁶⁸. У консула оказались глаза и уши в группе, которая впоследствии превратилась в одну из ячеек румынского коммунистического движения. Но поначалу «Организация» не имела определенного политического лица. В ее «Уставе», помеченном 27 декабря 1917 г., говорилось о защите «социальных, хозяйственных и культурных интересов» и оказании «материальной и нравственной помощи» членам⁶⁹. Что касается последних, то указывалось, что в организацию может вступить «каждый румынский рабочий или крестьянин в России без различия пола, религии или политического кредо» при условии, что он будет подчиняться «программе работ» и решениям собрания и совета⁷⁰.

После разрыва отношений Советской власти с румынской олигархией перед эмигрантами встал выбор: на чью сторону встать. И к чести руководства «Организации» надо сказать, что оно действовало без колебаний⁷¹. Румынская типография в Москве по воле ее персонала была передана в распоряжение только что созданной Революционной крестьянской румынской партии, пришедшей на смену «Организации». Последняя сыграла свою роль как своего рода переходный этап к образованию более четко выраженной и массовой революционной партии. Ее основной базой служила передовая часть бывших военноплен-

⁶⁸ Români la Moscova. Memoriu al d-lui D. Drăniceanu dela CFR.—ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 157, ч. I.

⁶⁹ Устав был напечатан на русском и румынском языках: Устав румынской рабочей и крестьянской организации в Москве; Statutele Organizației lucrătorilor și țăranilor români din Moscova (б. м. и г. изд.), стр. 1 (русск. текста).

⁷⁰ Ibid., р. 3 (рум. текста). Тексты несколько расходятся.

⁷¹ Români la Moscova. Memoriu al d-lui D. Drăniceanu dela CFR.—ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 157, ч. I.

ных-румын, уроженцев Трансильвании, а выдающуюся роль в ее организации сыграли Харитон Пескариу и Михаил Гую.

Вместе с другими жителями Трансильвании — венграми и немцами сотни тысяч румын⁷² еще летом 1914 г. были обряжены в серо-зеленую австрийскую форму и отправлены на фронты против Сербии и России — проливать кровь во славу престарелого императора Франца-Иосифа и ради того, чтобы предотвратить развал его лоскутного государства. Разноплеменное воинство не обрело славы на полях сражений. Потери оно несло тяжелые — достаточно сказать, что во время русского наступления в Карпатах в августе — сентябре 1914 г. в 12-м полку Сатул-Маре, состоявшем в основном из румын, из 3500 человек осталось всего 550. 51-й Клужский полк фактически был уничтожен. Не желая сражаться, солдаты сдавались в плен.

Всего в Австро-Венгрии было мобилизовано в армию 4,5 млн. человек. Из них около 2 млн. «перекочевали» в русские лагеря⁷³ (на сентябрь 1917 г.). Трансильванские румыны «не отставали» в этом смысле от других: по данным русского генерального штаба, их насчитывалось в России 120 тыс.⁷⁴

Октябрь захватил и пленных. В революционную борьбу оказались вовлеченными прежде всего рабочие, занятые на предприятиях. Медленнее шло дело у пленных-крестьян. Офицеры упорно твердили то, что революция — явление исключительно русское. Но декреты о мире и земле разбили отчужденность и недоверие. Крестьяне потянулись к революции, и многие кровью своей, пролитой на полях гражданской войны, скрепили священный союз народов в борьбе против угнетения⁷⁵

⁷² Всего было мобилизовано около 500 тыс. трансильванских румын. — Т. V. Paсаŕian. Jertfele românilor din Ardeal, Bănat, Crişana, Sătmăr şi Maramureş aduse în războiul mondial din anii 1914—1918. Sibiu, 1923. p. 20.

V. Chereşteşiu. Pătrunderea ideilor revoluţiei din Octombrie în Transilvania. — «Anuarul Institutului de istorie din Cluj», I—II, 1958—1959, p. 264.

ЦГВИА, ф. 2003, д. 552, оп. 2, л. 137 Можно полагать, что эта цифра занижена: подсчет производился для того, чтобы выяснить, кто из них хочет воевать добровольно на стороне Антанты. Волонтеров набралось всего 10 тыс.

Рассказ о борьбе румын в интернациональных частях Красной Армии выходит за рамки нашей темы. Об интернационалистах и в СССР, и в СРР опубликовано много работ. Укажем некоторые (помимо приведенных в списках): Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. М., 1957; Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965; А. Н. Глуговский. Из истории румынских коммунистических организаций и интернациональных частей на территории Советской России (1918—1920). — «Новая и новейшая история», 1957, № 3, стр. 13. Яковлев Л. И. Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. М., 1964; Marea Revoluţie Socialistă din Octombrie şi România. Buc., 1967; Г Унк. Солидарность румынского рабочего и демократического движения с Великой Октябрьской социалистической революцией. Бухарест, 1968.

МАНЕВРЫ РУМЫНСКОЙ ОЛИГАРХИИ

Бухарестский мир

Фокшанское перемирие группировка центральных держав заключила не от хорошей жизни. Западный фронт поглощал все ее ресурсы. Поэтому на другой же день после разъезда делегатов началось нарушение того пункта соглашения, который запрещал переброску войск из Румынии. Чтобы сделать это незаметнее, немецкий штаб оставлял обычно какие-то, часто символические, части стоявших в Румынии соединений. Дивизий по-прежнему числилось много, но они «худели» на глазах.

С фронта поступали сообщения, которые еще полгода тому назад показались бы неправдоподобными: бежавшие из плена солдаты пересекали линии окопов, не встретив сопротивления. Так, в бюллетене румынской главной квартиры отмечалось, что двое русских прошли неприятельские позиции, не заметив часовых. Им оставалось лишь преодолеть слабые проволочные заграждения¹. Еще через неделю румынский солдат пересек фронт без всяких препятствий². Показания неприятельских пленных вполне подтверждали эти сведения. Так, дезертир 204-го ландштурмистского полка заявил, что в его части исключительно «хилые или больные конъюнктивитом» солдаты³. Перебежчик-австриец из 7-го уланского полка 3-й кавалерийской дивизии на допросе уверял, что в большинстве своем она состоит из 18-летних или пожилых, 45—50-летних людей. Лошадей они лишились. Настроение у солдат плохое⁴.

С начала нового, 1918 года, началась переброска стоявших в Румынии частей и в другом направлении: готовилось вторжение в Россию и Украину.

¹ Buletin de informațiune, dela 6(19).XII 1917.

² Ibid., 22.XII 1917 (4.I 1918).

³ Ibid., 9 (22).XII 1917.

⁴ Ibid., 19.XII 1917 (1.I 1918).

В распоряжении оккупационных властей на конец 1917 г. оставалось 11 батальонов и несколько отдельных рот ландштурма, 8 кавалерийских полков, 10 австрийских батальонов и вспомогательные части⁵. Численность их войск на фронте в разгар летних боев под Мэрэшешти достигла высшего уровня — 378 тыс. штыков, 10,5 тыс. сабель⁶. К началу 1918 г. окопы занимали 157 тыс. человек в первой линии и 92 тыс. во второй⁷.

Румынская армия после распада русского фронта располагала не меньшими силами⁸.

Союзные военные миссии полагали поэтому, что Румыния имеет серьезные шансы на успех в обороне, — если только ее командование пожелает защищаться.

Но румынское правительство сделало выбор, когда приняло решение о разоружении русских сил и о захвате Бессарабии. Немцы благосклонно взирали на то, как ясская олигархия все глубже влезает в антисоветскую авантюру. Четыре отборные дивизии оказались отвлеченными с фронта. И события конца января — начала февраля показали, что это лишь начало, что надвигаются более серьезные бои с крепнущими советскими силами.

Антисоветская авантюра связала румынских правителей в один узел с их официальными противниками. И. Брэгиану писал посланнику в Париж В. Антонеску: «Наши бои с максималистами делают для армии невозможным сопротивляться немецкому наступлению, если персемирис будет нарушено»⁹. Яссы с тревогой ждали, когда немцы предъявят свой бессарабский вексель к оплате. И этот момент не замедлил наступить. 25 января фельдмаршал Макензен в вежливой, но категорической по существу ноте потребовал в течение четырех дней дать ответ, намерена ли Румыния вступить в переговоры о мире.

В Яссах начались лихорадочные совещания: что делать? Подписать мир? Это значило нарушить заключенный с союзниками договор и потерять плоды двухлетних усилий по выторговыванию чужих территорий. Румынские правители и без того

⁵ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций в 1918 г. М., 1935, стр. 31.

⁶ Сведения русской разведки на конец июля 1917 г. — ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1221, л. 308.

⁷ Это — данные румынского генштаба. — V Liveanu. Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului dela Buftea. «Studii și materiale de istorie contemporană», v. I. Buc., 1956, p. 9.

⁸ В июле 1917 г. в армии числилось 700 тыс. человек, из них 458 тыс. в действующей. Она насчитывала 15 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, бригаду пограничников, группу тяжелой артиллерии. Еще 4 дивизии, не снабженные в достаточной степени вооружением, находились в резерве и использовались для замены уставших частей (H. Veithelot. Sur le front roumain en 1917, p. 697. Оттиск этой статьи имеется в библиотеке Академии СРР).

⁹ Цит. по: «Studii și materiale de istorie contemporană», v. I, p. 13.

уже котировались низко на антантовской бирже. Соединенные же Штаты, не входившие официально в Антанту, вообще не подписывали августовской конвенции 1916 г. На все старания румынских правителей выяснить отношение США к трансильванской проблеме следовали уклончивые ответы. Когда Брэттиану еще в августе 1917 г. настойчиво повеяло разведку в этом направлении, поверенный в делах Эндрюс заметил, что США находятся в состоянии войны лишь с Германской империей¹⁰

В известных «14 пунктах» — мирной программе, изложенной Вильсоном в январе 1918 г. — под номером 10 говорилось о дальнейших судьбах Австро-Венгрии. Президент заявил о желании сохранить это государство, обеспечив входящим в нее народам возможность автономного развития. О том ли мечтали в Яссах!

Наконец, в «пунктах» предусматривалась эвакуация и восстановление оккупированных территорий Румынии и установление дружеских отношений между балканскими государствами¹¹.

Немногим дальше Вильсона пошел британский премьер-министр Ллойд Джордж в своем выступлении на профсоюзной конференции в Лондоне 5 января 1918 г. «Мы не воюем ради распада Австро-Венгрии», — заявил он. Правда, глава английского кабинета подчеркнул необходимость «подлинного самоуправления на истинно демократических основах» для всех национальностей Габсбургской монархии и удовлетворения «законных желаний» «румын по крови и языку»¹². Но что общего имело это с притязаниями румынской олигархии на украинскую Северную Буковину, венгерские территории по Тиссе и сербский Западный Банат?

В этой обстановке Брэттиану пригласил к себе 15 января глав миссий Англии, Франции, Италии и Соединенных Штатов и сообщил им, что не исключена возможность сепаратных переговоров¹³. 20-го числа этого же месяца посланники сделали румынскому премьеру следующее заявление: «Наши правительства подтвердили... свою уверенность в том, что Румыния, верная своим благородным традициям и жизненным интересам, будет продолжать борьбу с той же энергией, как в прошлом, и не разделит своей судьбы от судьбы союзников»¹⁴.

Чтобы смягчить партнеров по переговорам, Брэттиану пришлось восхвалять свои заслуги в борьбе против Советов. Он напомнил, что по согласию с союзниками «предпринял полицейскую акцию против максималистских элементов румынского фронта». В обмен на это он просил державы считать Румынию «выполнив-

¹⁰ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1917, Suppl. 2. The World War, v. I. Washington, 1932, p. 728.

¹¹ Papers..., 1918. Suppl. I. The World War, v. I. Washington, 1933, p. 15.

¹² Ibid., p. 6, 9.

¹³ Ibid., p. 753.

¹⁴ Ibidem.

шей свой долг» даже в случае, если продолжение военных действий против немцев станет невозможным, и, в свою очередь, осуществить данные в августе 1916 г. обязательства. Свои заслуги в борьбе с Советами он явно хотел использовать как своего рода индульгенцию за выход из войны и призвал «укрепить солидарность союзников с Румынией» на этой основе¹⁵.

Тень антантовской дипломатии, можно сказать, витала над участниками совещаний в Яссах по вопросу о мире. А иногда эта тень облекалась в плоть,— случалось, что посланники собственными персонами присутствовали в соседней комнате, ожидая решения.

Брэтиану, верный своей тактике, предложил коллегам вступить в переговоры с тем, чтобы оттянуть время. План этот показался нереальным и в зале заседаний, и в миссиях союзников. Дипломаты заявили премьеру без обиняков: есть два решения — мир или война. «Так называемые медлительные переговоры могут привести лишь к быстрому заключению сепаратного мира»¹⁶.

Уклониться от решения не удавалось. Оставалось два пути: сопротивление или капитуляция. Министры-консерваторы во главе с Таке Ионеску высказались за первое. Формальный выход Румынии из войны давал Антанте повод для отказа от обязательств, принятых по договору 1916 г., она превратилась бы на мирной конференции из союзника в просителя.

Группа «сопротивленцев» пользовалась сильной поддержкой во дворце. Королева Мария и слышать не желала о мире.

На коронном совете 25 января 1918 г. Брэтиану заявил, что взять на себя ответственность за подобный курс не может. Если это сделают консерваторы, он окажет им поддержку и позаботится, чтобы «раскольники» из его собственной партии вошли в новый кабинет¹⁷.

«Храбрецу» Таке Ионеску пришлось раскрыть свои замыслы. Оказалось, что он вовсе не стремился занять кресло премьера. Одно дело — витийствовать, произнося декларации о готовности сопротивляться «с саблей в руке». А совсем другое — нести ответственность. Короче говоря, на прямой вопрос, согласен ли он сформировать правительство, Ионеску ответил отказом. В то же время он не считал возможным, чтобы «законная Румыния» сдавалась, и высказался за использование в создавшейся обстановке политиков во главе с Александру Маргилломаном, известных своей приверженностью Германии и оставшихся в занятой неприязнителям столице: пусть «те из Бухареста» заключат сепаратный мир¹⁸.

Ibid., p. 754.

¹⁶ Ibid., p. 755.

¹⁷ Ibid., p. 754.

¹⁸ «Studii și materiale de istorie contemporană», v. I. Buc., 1956, p. 22.

Либералы не возражали против подобной комбинации. Оба лидера, и Брэтиану, и Ионеску, можно сказать, рвались из правительства, стремясь предоставить сомнительную честь подписания договора кому-либо другому. Они были не прочь перетасовать карты в колоде румынских правителей, выдвинуть на первый план державшиеся до сих пор в тени силы, перевести основные кадры «исторических партий» в резерв и тем самым попытаться спасти их политический престиж. Тогда «вина» за «измену» союзу пала бы на отдельных лиц, а не на олигархию в целом. И в нужный момент можно было бы с помощью элементарной правительственной комбинации, путем прихода к власти «непоколебимо» верных антантофилов вернуться в прежний лагерь.

Однако высказаться за выход на авансцену бухарестской группировки было легче, чем осуществить это дело на практике. Совершить головокружительное антраша с передачей власти непосредственно в руки заведомых недругов Антанты не годилось ни по внутривполитическим, ни по внешнеполитическим соображениям. И тогда всплыла идея переходного правительства.

Наиболее подходящей кандидатурой в премьеры казался генерал Авереску. Он считал сепаратные переговоры в создавшихся условиях неизбежными, так что «опасности» отклонения от основной линии, намеченной олигархией, не существовало. После нескольких встреч в непринужденной домашней обстановке между Брэтиану и генералом вопрос был решен. 26 января король поручил формирование правительства Авереску.

Вопрос об отношении с союзниками так и не был решен. Те обещали молочные реки в кисельных берегах, и не заключать мира без Румынии, и предоставить ей все обещанное в 1916 г., и принять со всею ласкою королевскую семью, в случае ее эвакуации из Румынии,— но все это при условии сопротивления¹⁹. Авереску заявил посланникам, что и после сепаратного мира «Румыния будет считать себя связанной с Антантой» (?), и просил дать заверения, что на конгрессе, который покончит с европейской войной, условия договора с немцами будут пересмотрены. От просьб премьер переходил к угрозам: румынский народ, дескать, «разгневанный» непримиримостью Антанты, «бросится в объятия немцев» (!!). Ответ был один: посланники сослались на «прежние заявления о необходимости борьбы до конца»²⁰.

Приходилось решаться на капитуляцию без перестраховки на случай победы прежних союзников. Вторжение австро-германских войск на Украину положило конец колебаниям. Оно было воспринято скорее с облегчением, чем с тревогой: неприятный «контакт» с советскими вооруженными силами прекращался; отступать стало некуда; против захвата Бессарабии немцы не воз-

¹⁹ США воздержались от подтверждения договора 1916 г.— см. Papers..., 1918, Suppl. I, The World War, vol. I, p. 756—759.

²⁰ Ibid., p. 761—763.

ражали. Позиции сторонников соглашения с центральной группировкой усилились. Остальные стремились «сохранить лицо» в предвидении дальнейших комбинаций.

Авереску не встретил в парламенте оппозиции. Существование его правительства, не пользовавшегося официально поддержкой ни одной из партий, стало возможным благодаря молчаливому сговору между ними. При обсуждении декларации премьер-министра 1 февраля все обещали ему поддержку.

На новой, «мирной» волне всплыли находившиеся в глубоком резерве олигархии румынские германофилы, оставшиеся в Бухаресте во время захвата его врагом. Наступил их час. С чьей, как не с их помощью, можно было налаживать контакт с группировкой центральных держав?

В Бухаресте кипели страсти.

Сторонники Карпа полагали, что надо полностью примкнуть к германскому союзу. Тогда можно будет добиться снисхождения по мирному договору. Они считали нужным пожертвовать ради этого династией, устранить с престола Фердинанда, нарушившего верность семейству Гогенцоллернов, и его потомство²¹. Карп подыскал даже подходящего кандидата в короли в лице прусского принца Фридриха-Вильгельма и всю расхваливал его непревзойденные качества. А королева Мария с огорчением записывала в дневнике: «Увы, все, что говорилось о старом Петре Карпе, оказалось правдой. Он предал нас и всю старается, чтобы Нандо и я никогда не вернулись в Бухарест!»²²

Что касается планов включения Румынии в состав Австро-Венгерского государства, перестроенного на федеративных началах, то от них отказался сам автор, Константин Стере²³. Габсбургская монархия дышала на ладан; немецкие генералы и дипломаты, не исключая самых высокопоставленных, вроде фельд-маршала Макензена, в частных разговорах проявляли к своему союзнику плохо скрытое пренебрежение и давали понять, что при заключении мира будут не слишком считаться с его запросами²⁴. Тогда Стере придумал новый план: перекинуться не к Австро-Венгрии, а непосредственно к Германии. Мыслилось это в форме персональной унии с рейхом под скипетром Вильгельма.

Кайзер посадит в Румынии вице-короля. А когда Австро-Венгрия развалится, Вильгельм предоставит Румынии Трансильванию²⁵. К. Стере сокрушался: «Ясские мизерабли дошли до

²¹ C. Gane. P. P. Carp și locul său în istoria politică a țării, v. II. Buc., 1956, p. 558, 568.

²² Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life, v. III. London, 1935, p. 303.

²³ A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 232.

²⁴ Такое впечатление вынесли из бесед с Макензеном Маргиломан и Авереску (A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 370; A. Averescu. Op. cit., p. 291).

²⁵ A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 286.

крайности. Спасти короля и собственные персоны для них основная забота. Подпишут что угодно...»²⁶

До поры до времени немцы поощряли подобные рассуждения. Стере, при их благосклонном содействии, организовал выпуск газеты, название которой «Лумина» («Свет») в непроглядном мраке оккупационного режима звучало издевательски. Никто не мешал этому бывшему русскому народовольцу громить «коварных» румынских Гогенцоллернов и хлопотать о приглашении на престол более достойных кандидатов. В самой Германии существовала сильная группировка, полагавшая, что король и Брэттиану, если и заключат мир с центральными державами, то нарушат его при первом же удобном случае, и считавшая нужным примерно наказать Фердинанда. Восница и ее фактический глава Людсдорф придерживались этой точки зрения. Но политики во главе с канцлером Г. Гертлингом и статс-секретарем иностранных дел Р. Кюльмапом не давали увлечь себя подобными рассуждениями. Истощение людских и материальных ресурсов достигло такой степени, что капризничать насчет того, с кем вести переговоры, и сводить счеты за монархические обиды они не могли.

Существовало и другое веское соображение. Казалось нецелесообразным и даже опасным наносить в условиях революционного подъема в Европе удар по монархическим принципам. Особенно тревожились австрийские реакционеры. «Уже тогда,— писал министр иностранных дел Оттокар Чернин,— на европейском рынке господствовало определенное понижение цен на королей, и я боялся, что если мы станем еще выбрасывать королей на рынок, то доведем это понижение до паники»²⁷ Наконец, для заключения мира,— а к нему центральные державы стремились всерьез,— нужен был «полноценный контрагент». Упорство в требовании изгнать Фердинанда могло породить династический кризис в Румынии, обострить столкновения соперничавших политических группировок и еще более накалить атмосферу. Существовала также надежда на то, что Германия и ее союзники, «сменив гнев на милость» и сохранив Фердинанда на троне, сделают румынское правительство более уступчивым при заключении договора.

В конце концов точка зрения «политиков» возобладала. Австрийский император Карл втихомолку от своих союзников направил в Яссы полковника Ранду, бывшего военного атташе в Румынии, с соответствующими заверениями. Узнав об этой «конспирации», руководители немецкого ведомства иностранных дел не огорчились.

Карп, Лупу, Стере и прочие «борцы» против румынских Го-

²⁶ A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 342.

²⁷ O. Czernin. Im Weltkriege, S. 356.

генцоллернов оказались в глупом положении. Карп собрался было в Берлин. Но оттуда, после некоторых раздумий сообщили, что в визите нет надобности²⁸.

Официальный лидер консерваторов Маргиломан считал вредным и небезопасным поднимать в такое тревожное время сложный вопрос о престоле.

В конце концов на него пал выбор и центральных держав, и яесского правительства как на человека, более других подходящего для установления контакта.

1 января 1918 г (по новому стилю) у губернатора фон Тюльфа состоялся торжественный обед. По правую руку хозяина восседал Маргиломан, по левую — Костика Арион. Когда поднялись из-за стола, фельдмаршал Макензен вступил с Маргиломаном в беседу. Он уверял, что желает сохранения сильной и целой Румынии. Вопрос о династии относится к числу внутренних: «Ни один немецкий король никогда не станет гнать с престола короля румынского». Было бы целесообразно, чтобы король Фердинанд назначил регентство, которое заключит мир и разрешит вопрос о династии. Последник Кароль, по словам фельдмаршала, оставил плохие воспоминания о себе в Потсдамском полку, где он проходил стажировку перед войной. Маргиломан тотчас же подсказал другую кандидатуру на престол — младшего королевского сына Николае²⁹⁻³⁰

А еще через несколько дней другой высокопоставленный представитель немецкой военной администрации выразился еще определеннее: «В интересах монархического принципа, подвергающегося угрозе со стороны русских, не может быть и речи о том, чтобы лишить династию трона»³¹.

1 февраля в Бухарест прибыли уполномоченные из Ясс. Немцы просили Маргиломана внушить им: нужно «серьезное» правительство³². В частных беседах они подчеркивали, что кое в чем существует общность интересов. «Русская анархия, — заявил один из видных деятелей их военной администрации, — привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевизма в Бессарабии; мы вступим на Украину с той же целью»³³

Правда, немцы и австрийцы не скрывали, что собираются прижать вновь обретенных «братьев». Переговоры велись на основе, ни в какой степени не напоминавшей равенство сторон. Румынам с трудом удавалось добиться отсрочки перемирия. Угроза, что вот-вот на них обрушатся неприятельские дивизии, и в 3—4 недели «все будет кончено»³⁴, довлела над ними.

²⁸ A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 244.

²⁹⁻³⁰ Ibid., p. 281—284.

Ibid. p. 312.

³² Ibid., p. 342.

³³ Ibid., p. 356.

³⁴ Desbaterile adunării deputatilor 1917—1918, ședința, 12.VI 1918, p. 102.

5 февраля состоялась встреча Авереску с фельдмаршалом Макензеном. Победитель был изысканно вежлив. В обсуждение пунктов договора он вступить отказался, сославшись на свою неосведомленность, но успокоил собеседника насчет двух вещей: румынская армия может сохранить определенный контингент для использования в Бессарабии против большевиков и заверил, что на переговорах вопрос о династии затронут не будет³⁵. Через четыре дня генералы встретились вновь. Макензен, после разговора по прямому проводу с кайзером, просил Авереску не беспокоиться о династии³⁶. Затем румынский премьер из резиденции фельдмаршала в Буфте приехал в Бухарест и встретился с министрами иностранных дел Германии и Австро-Венгрии, Кюльманом и Чернином. Здесь Авереску ожидал холодный душ. Ознакомившись с предъявленными требованиями³⁷, он напомнил собеседникам, что их правительства с парламентских трибун провозгласили себя сторонниками мира без аннексий и контрибуций³⁸. Подобное заявление в устах представителя румынской олигархии, которая два года торговалась с Антантой ради захвата чужих земель, звучало по меньшей мере странно. Собеседники дали понять это премьеру³⁹. Они усиленно соблазняли Авереску добычей в Бессарабии. Тот, чтобы сбить цену, делал вид, что не так уж заинтересован в ней: «И вообще Бессарабия заражена большевизмом и присоединять ее к королевству опасно». Ответ Кюльмана говорил сам за себя: «Вам достаточно расстрелять каждого десятого и восстановить порядок»⁴⁰. (Отметим, что когда Авереску позднее привел этот разговор в палате депутатов, эти слова встретили бурное одобрение, раздались возгласы: «Прекрасно сказано»⁴¹.)

Натолкнувшись на непреклонность противника, в Яссах решили прибегнуть к редко применяемому средству, а именно, воспользоваться услугами короля. Решено было организовать его беседу с австрийским министром Оттокар Чернином, поскольку тот раньше занимал пост посланника в Бухаресте.

³⁵ A. Averescu. *Notite zilnice*, p. 291—292.

³⁶ *Ibid.*, p. 293.

³⁷ Требования эти в развернутом виде были изложены в Бухарестском договоре. О нем см. стр. 289—290.

³⁸ Из выступления Авереску на заседании коронного совета 17.II 1918 («*Consiliile de coroană din februar 1918*».— «*Revista istorică*», 1932, № 7-9, p. 195). Необходимо подчеркнуть, что протоколы заседаний, которые были после войны вручены И. Брэтиану проф. П. Йорге и опубликованы последним, не являются официальными. Подписали их (с пометкой «ознакомился») лидеры либеральной оппозиции. Однако сравнение их с дневниковыми записями Авереску позволяет прийти к выводу, что общую картину хода прений они дают.

³⁹ «*Desbaterile adunării deputaților*», 1917—1918, ședința, 12.VI 1918, p. 101.

⁴⁰ «*Desbaterile adunării deputaților*», 1917—1918, ședința 23.VI 1918, p. 223.

⁴¹ Там же.

Встреча состоялась 14 февраля на маленькой станции Рэчэ-чуни. Фердинанд вернулся со свидания мрачнее ночи. Чернин, правда, благосклонно выслушал заверения короля насчет действий в Бессарабии, этом «рассаднике большевистских доктрин»⁴², но не смягчился ничуть. Не помогли и августейшие слезы, которые пролил Фердинанд. «Это было ужасно, действительно ужасно,— записывала в своем дневнике королева Мария. Чернин не оставил у Нандо никакой надежды; условия мира абсолютно неприемлемы; но если мы с ними не согласимся, то нас, по смыслу их заявлений, сотрут с лица земли»⁴³.

16 февраля Авереску отправил телеграмму, выражая согласие принять выставленные требования как основу переговоров, но не как условие *sine qua non*. Ответ пришел немедленно: если они не будут признаны безусловно к двенадцати часам следующего дня, перемирие прерывается.

17-го утром собрался коронный совет.

Выйдя из правительства, Брэтиану осмелел и предложил сопротивляться. Если премьер сочтет это невозможным, пусть подписывает любые условия, советовал он, не торгуясь и даже не вступая в переговоры, чтобы подчеркнуть насильственный характер мира. Тогда, при смене обстановки, его будет легче разорвать. Таке Ионеску также склонялся к сопротивлению. Авереску отверг эти советы и предложил обоим лидерам взять на себя бремя правления. Те поспешили отклонить эту честь⁴⁴. Оба предпочитали не занимать в столь критический момент официальных постов. И тот и другой хотели выбраться чистенькими из той пропасти, в которую завлекли страну. Брэтиану, отмежевываясь от действий правительства, заявил, что не окажет ему никакой поддержки, но «как румын» не будет ему мешать⁴⁵. Закончил он свое выступление советом передать власть Маргиломану. Решение так и не было принято.

18 февраля с утра — новое совещание. Не успели разгореться прения, как королю принесли пакет от неприятеля — немцы сообщали, что срок ультиматума истек. В качестве условия продления перемирия они требовали содействия румынских властей в переброске их войск на Украину, демобилизации пяти румынских дивизий, уступки Добруджи и «пояса» вдоль границы с Австро-Венгрией.

Совет был прерван.

19-го утром его участники встретились вновь. Фердинанд, чуть не плача, обрисовал положение. Затем выступил глава правительства. Предъявленные условия тяжелы; сопротивление

⁴² A. Marghiloman. Op. cit. v. III, p. 380.

⁴³ Marie, Op. cit., v. III, p. 332.

⁴⁴ A. Averescu. Op. cit., p. 296—297; «Revista istorică», 1932, № 7-9, p. 194—198.

⁴⁵ «Revista istorică», 1932, № 7-9, p. 198.

гибельно — таков был смысл его речи. Он привел самые веские аргументы: мир «сохранит династию и обеспечит Бессарабию, ибо граф Чернин обещал оказать дипломатическую поддержку»⁴⁶. Ему так и не удалось вырвать согласия у присутствующих: всякий спешил отмежеваться от капитуляции и с «честью» выйти из положения.

24 февраля в Буффе (под Бухарестом) открылись переговоры. Через несколько дней были подписаны предварительные условия. Румынские делегаты отказались от Добруджи (как Южной, захваченной у болгар в 1913 г., так и Северной), пошли на территориальные уступки в пользу Австрии и «соответствующие» экономические условия⁴⁷.

На этом миссия Авереску заканчивалась. Его правительство сделало свое дело — установило контакт с неприятелем. Для подписания мира нужен был человек, которому центральные державы доверяли бы больше и — помощью которого, следовательно, можно было рассчитывать на более значительные уступки. Во время беседы короля с Чернином последний высказал пользу Маргиломана.

Вскоре этот деятель по просьбе короля и при содействии нецаря пересек линию фронта, явился в Яссы и был немедленно принят. В беседе Маргиломан напирал на необходимость «чистосердечно перейти на сторону центральных держав». Фердинанд колебался: «Я не могу делать курбетов... Однако посмотрим... Закончился разговор формальным предложением Маргиломану сформировать кабинет. Тот в принципе дал согласие, но попросил дать ему возможность посоветоваться со своими сторонниками, немцами и австрийцами»⁴⁸. Поскольку Авереску не жаждал ставить свою подпись под готовившимся унижительным договором, он быстро условился с королем об отставке. Когда премьер доложил о своем решении на заседании правительства, «у всех вырвался вздох облегчения». А военный министр Янковеску положил перед главой кабинета лист бумаги и сказал: «Прошу тебя, напиши немедленно об отставке, чтобы не передумать»⁴⁹.

15 марта Маргиломан взял в свои руки бразды правления.

В области внешней политики ему оставалось лишь завершить дело, начатое его соперниками, с такой готовностью расчистившими ему путь к власти. Договор в Буффе включал все основные положения, которых добивалась группировка центральных держав. Из бесед с Кюльманом и Чернином Маргиломан убедился, что короля они оставят в покое, а в Бессарабии «не будут мешать». Новый румынский премьер узрел и другое,

⁴⁶ «Revista istorică», 1932, № 7-9, p. 202.

⁴⁷ «Desbaterile adunării deputaților», 1917—1918, ședința, 12.VI 1918, p. 102.

⁴⁸ A. Marghiloman. Op. cit., vol. III, p. 401--402.

⁴⁹ A. Averescu. Op. cit., p. 307—308.

что его оппоненты никак не могут поделить добычи, и лишь деминирующее положение германского хищника мешает им пергрызться между собой.

Мы не будем заниматься здесь вопросом о противоречиях в стане держав центра⁵⁰. Отметим лишь, что глубокие расхождения среди противников помогли румынской стороне смягчить, правда в очень незначительной степени, условия мира. А глава германской делегации Кюльман заработал даже выговор от Вильгельма II за то, что недостаточно твердо давал отпор сепаратным стремлениям союзников. Кайзер посоветовал своему уполномоченному поменьше охотиться на уток и побольше заниматься делами.

24 апреля (7 мая) 1918 г. в Бухаресте были подписаны, наконец, многочисленные акты, в совокупности своей составившие мирный договор.

Его политические и военные условия сводились к следующему. Румыния обязалась демобилизовать значительную часть своей армии. Всего она могла оставить под ружьем 20 тыс. солдат и офицеров в пехоте, 3,2 тыс. — в кавалерии и 9 тыс. в артиллерии.

Но эти жесткие условия не относились к Бессарабии. Здесь румынским правителям предоставлялся полный простор: они получали право содержать в оккупированной области две пехотные дивизии по штатам военного времени, усиленные сгерскими батальонами, и две кавалерийские. Их численный состав вообще не был зафиксирован, а вооружение не ограничивалось. Более того, «впредь до установления порядка в Бессарабии», морские и речные румынские силы сохранились в целостности и неприкосновенности⁵¹.

Румыния теряла всю Добруджу, ей гарантировали лишь свободный провоз товаров по железной дороге Чернавода — Констанца и пользование этим портом. Австро-Венгрия получала полосу по границе с Трансильванией, общей площадью в 6 тыс. кв. км с населением в 100 тыс. человек, исключительно важную в стратегическом и хозяйственном отношении: Румыния теряла проходы Карпатских гор, 600 тыс. га ценнейших лесов, рудники Сучавы, золотые прииски на Олте, нефтяные месторождения Молдовы и становилась открытой для вторжения.

Обязательства немцев и их союзников ограничивались сокращением оккупационных войск до шести дивизий, не считая так называемых хозяйственных формирований, и обещанием пере-

⁵⁰ В советской литературе он подвергся всестороннему анализу в исследовании Ф. И. Нотовича. См. Ф. И. Нотович. Бухарестский мир 1918 г. М. 1959.

А. Авереску считал, а он был человеком сведущим, что Румынии удалось сохранить армию почти в 200 тыс. человек («Desbaterile adunării deputaţilor», 1917—1918, şedinţa 23.VI 1918, p. 217).

дать — после ратификации договора — гражданское управление в румынские руки. Армия центральных держав оставалась на содержании румынского народа вплоть до заключения общего мира. Разграбив Румынию, победители обязали ее не только отказаться от каких-либо прав на возмещение, но и дополнительно оплатить их «расходы», выкупив все оккупационные деньги (а таких банкнот было отпечатано на сумму в 1300 млн. лей), компенсировать убытки компаний и отдельных граждан держав центра, понесенные в ходе войны, уплатить за содержание пленных (умиравших с голоду в лагерях)⁵². Весь этот грабёж был ими назван «миром без контрибуций». А румынские чиновники подсчитали, что стране придется в течение шести месяцев после ратификации договора выплатить почти 3 млрд. лей.

Сам Маргиломан суммировал финансовое положение кратко: доходы — 8 млн. лей в месяц; расходы — 8 млн. лей в день. Но немцев и их союзников это ни в малой степени не тревожило, ибо давало возможность «на законном основании» обойти те немногие ограничения, которые они на себя наложили, вроде отказа от реквизиций после ратификации договора.

Особые статьи договора посвящались судоходству по Дунаю. Прежние конвенции отменялись, великая река превращалась в открытый путь германо-австрийского экономического и военного проникновения на Черное море.

Составной частью в договор вошли целых три германо-румынских соглашения: общее, о нефти и по вопросам сельского хозяйства. В совокупности они превращали Румынию в сырьевой придаток германского рейха. Немцы советовали своим румынским партнерам по переговорам не слишком печалиться: «Вы получаете Бессарабию, и не жалуйтесь. Благодарите бога, что отделались так легко...» Подписывая первые акты договора, Маргиломан еще раз обратился к самой тревожной для румынской олигархии теме: «А теперь вы дадите мне свободу рук в Бессарабии?» Кюльман ответил, улыбаясь: «Не имею ничего против». Вскоре он письменно подтвердил это согласие⁵³.

Правительство высоко оценивало немецкую поддержку. Министр иностранных дел К. Арион вопрошал в парламенте: «...Уж не воображаете ли вы, что в условиях оккупации австрийцами севера (области.— В. В.) и прохода немцев по югу на основе перемирия, заключенного генералом Авереску⁵⁴, можно присоединить Бессарабию без благосклонного отношения Австрии и Германии? А благосклонность Австрии и Германии была завоевана мною»⁵⁵.

⁵² A. Marghiloman. Op. cit., vol. III, p. 417.

⁵³ Ibid., p. 435, 438, 445.

⁵⁴ Правительство Авереску согласилось на переброску немецких войск на Украину через Румынию и Бессарабию.

⁵⁵ «Desbaterile adunării deputaților», 1917—1918, ședința 12.VI 1918, p. 107.

Но услуга за услугу: Маргиломан по требованию держав центра согласился на поставку им бессарабского зерна, на первых порах — 12,5 тыс. вагонов. Он направил генералу Хыржэу телеграмму с приказом приступить к секвестру хлеба у молдавских крестьян⁵⁶. Затем была произведена инсценировка голосования в марионеточном «Сфатул цэрия» по вопросу о присоединении к Румынии. В порядке подготовки к «волеизъявлению» пятеро его членов, известных как противники оккупации, были расстреляны. Та же участь постигла руководителей III Бессарабского губернского крестьянского съезда, который собрался в захваченном Кишиневе и единодушно высказался за Советскую власть и против отторжения Бессарабии от России. В городе ходили страшные слухи о застенке, устроенном в духовной семинарии.

27 марта здание, в котором собрался «Сфатул цэрия», было окружено густым кордоном... «почетной» стражи, вооруженной не только винтовками, но и пулеметами. В небе кружились самолеты. В зале заседания присутствовали многочисленные румынские офицеры. Руководители «Сфатула», вопреки выступлениям отдельных депутатов, настояли на открытом голосовании. Но даже в этих условиях оккупантам не удалось добиться у «очищенного» и запуганного соборща единодушного голосования⁵⁷. Через восемь месяцев охвостье «Сфатул цэрия» распустило за его полной ненадобностью⁵⁸.

Главной заботой румынских властей было выкачать из Бессарабии продовольствие. Реквизиции следовали одна за другой. Был наложен запрет на торговлю не только с Украиной, нельзя было отвезти мешок даже в соседний город. К осени 1918 г. Бессарабия была приведена к «общерумынскому» голодному уровню.

Существует интереснейший документ о положении в оккупированной области. Это — архисекретная записка, присланная в декабре 1918 г. руководителями уже не существовавшего тогда «Сфатул цэрия» П. Халипой, И. Кодряну и др. румынскому правительству.

Вот что они писали: «Интервенция румынской армии создала в Бессарабии режим военной оккупации... Командование совершенно не считается с гражданскими властями... В то же вре-

⁵⁶ A. Marghiloman. Op. cit., v. III, p. 425, 427.

⁵⁷ В. Дембо. Никогда не забыть! Кровавая летопись Бессарабии. М., 1924, стр. 34.

⁵⁸ Многие депутаты бежали или были высланы румынскими властями как недостаточно покорные. О бегстве депутатов «Сфатула», офицеров и чиновников из Бессарабии сообщал «Buletin de informațiune», dela 17—24.XI 1918. На последнем заседании присутствовало 54 человека из 162. Собравшиеся в Одессе беглецы составили акт «в интересах разоблачения невиданного и недопустимого шантажа, насилия и фальсификации». — «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 589—592.

мя в результате Бухарестского мира возросли в неслыханной степени реквизиции, осуществление которых в большинстве случаев проводилось в условиях полного произвола».

Целый раздел этого документа посвящен румынским жандармам, насилия которых, по словам авторов, «превосходят всякое воображение». «Своей абсурдной жестокостью они сеяли и продолжают сеять ненависть. Все крестьянство горит негодованием...». За малейшее неподчинение, проявление протеста человека объявляют большевиком, «русским шпионом» и бьют беспощадно. Согбенных старцев хлещут кулаками по лицу за то, что они не могут стоять навтыжку перед «господином жандармом».

«Мы не говорим уже о грабеже, которому подвергается все население», — продолжали подручные оккупантов. «Нет такого крестьянина, который не платил бы нескончаемых податей в виде всякого рода взяток этим сатрапам сел».

«Во всех областях администрации господствуют террор, издевательства и коррупция». Запрета на торговлю не существует для богатых. За взятку позволят везти товар хоть на край света. А у крестьян сгнил урожай фруктов — их некуда было сбывать. Население стонет от дороговизны. Нет соли, дров, одежды. Керосин ценится чуть ли не на вес золота. Транспорт дезорганизован, поезда ходят как попало. Письма и телеграммы путешествуют по 3—4 недели. В денежном обращении полный хаос. Учителя и чиновники не получают жалованье месяцами.

В Румынии, говорится в записке, «поспешно собрали, без всякого отбора», чиновников, поставили их во главе бессарабской администрации, и они «с яростью набросились на несчастную провинцию как на добычу, лишённую всякой защиты. Страсть к быстрому обогащению — вот чем руководствуется большинство из них...». И как вывод: «...Все классы населения объаты негодованием»⁵⁹.

Заключение записки никак не вяжется с ее содержанием. Авторы предлагали пресечь кое-какие злоупотребления. Сейчас, писали они, не время протестовать, дабы не давать оружия в руки врагам (т. е. большевикам). Еще бы! Ведь приводимый материал с головой выдавал и захватчиков и их подручных.

Кризис верхов

Подписание мира не положило конец резким столкновениям в среде румынской олигархии. Напротив, кризис верхов расширялся и углублялся. Проглотив Бессарабию, влиятельные круги ру-

⁵⁹ Буквальный перевод: «кипят от негодования». «Onorat consiliu de miniștri» — «Arhivele Statului, București. F. Președinția consiliului de miniștri, 1918, dos. 19, f. 7—9.— ЦГАОР, КМФ-14, за 32, пл. 84, ч. I.

мынской олигархии не потеряли веру в конечное торжество Антанты и не собирались связывать свою судьбу с Германией. Избрав Маргиломана козлом отпущения за собственные грехи, они удрали с правительственного корабля и пересели в оппозиционную лодку.

Чуть ли не на следующий день после прихода Маргиломана к власти либералы выпустили громовой манифест. «Забыв» о своем участии в подготовке договора, они громили грабительский мир и не щадили деятелей, решивших поставить под ним свою подпись.

Выборы в Национальное собрание дали повод для следующего фарса. Сторонники Брэтиану и Таке Ионеску объявили о том, что будут их бойкотировать. В «патриотическом негодовании» они отвергли всякую мысль о том, чтобы заседать в палатах, в которых не представлена Добруджа⁶⁰. На самом деле они не хотели участвовать в ратификации Бухарестского мира.

Договор по существу в парламенте не обсуждался. Несколько невыразительных речей по принципу: «Мир тяжел, но...» Многие кресла пустовали. Результаты голосования: 135 за. Присутствовало 164 человека, стало быть, 29 воздержались⁶¹.

После ратификации текст мира отправили на подпись королю. Тот тянул и медлил. А ведь стоял июнь 1918 г. и поражение немцев и их союзников было не за горами!

Иной была реакция на другой парламентский акт-закон о принудительном труде. В тяжко пострадавшей от войны деревне рабочих рук, скота и инвентаря едва хватало для возделывания собственных крестьянских участков. Помещичьим полям грозило запустение. А действие чрезвычайных законов военного времени кончалось. И правительство пришло на выручку боярам, предоставив властям право отправлять на работу крестьян от 14 до 60 лет, а женщин — до 50 лет⁶². Чтобы было кому «следить» за осуществлением закона, жандармский корпус увеличили до 35 тыс. человек. Никаких протестов, никаких ссылок на неправомочия парламента со стороны Брэтиану и Таке Ионеску не последовало.

Зато когда Маргиломан попытался выдворить своего основного соперника, И. Брэтиану, с политической арены, он потерпел полное фиаско. Премьер действовал по наущению немцев, не доверявших хитрецу даже тогда, когда тот находился в оппозиции. На домогательства дипломатов центральных держав, требовавших выслать членов бывшего правительства из Румынии, Маргиломан не мог ответить ничего утешительного: не существова-

⁶⁰ «L'indépendance roumaine», 5.V 1918.

⁶¹ «Dezbaterile adunării deputaților», 1917—1918, ședința 15.VI 1918, p. 164—173.

⁶² «L'indépendance roumaine», 31.V, 2.VI 1918.

до закона, на который можно было бы сослаться. Он подошел к вопросу с другой стороны и решил инспирировать судебный процесс над Брэтиану и его коллегами, обвинив их не в том, что они втянули Румынию в войну, а в том, что плохо к ней готовились. Король дал санкцию на процесс только после уверения Маргиломана, что «политика» будет исключена⁶³

Обвиняемые отказались предстать перед комиссией маргиломановского парламента, отрицая его представительный характер и, стало быть, право суда⁶⁴. Правительство, сознавая свое бессилие, не решилось довести дело до конца. Оно арестовало только бывшего министра внутренних дел А. Константинеску и несколько видных чиновников полиции. Брэтиану и его ближайшие сотрудники, отыскав какой-то древний закон, объявили, что их коллега должен быть заточен не в общую тюрьму, а в монастырь⁶⁵. Посланники Антанты двинулись в темницу к Константинеску — демонстрировать свою солидарность. Через две недели его выпустили на свободу. Все это происходило осенью 1918 г., в газетах мелькали сообщения об англо-французских победах, и дело против правительства Брэтиану угасло само собой.



Если Брэтиану оставался в Яссах, то Таке Ионеску в июле 1918 г. перебрался во Францию. Ехал он с полным комфортом, не только с согласия правительства, но и немцев, пропустивших его через оккупированную территорию. В Париже скопились десятки парламентариев и профессоров, которые опубликовали много книг и брошюр, прочли сотни лекций и докладов, стараясь привлечь симпатии французской общественности к своей стране. Это им удалось в полной мере: ведь никто из ученых мужей и политиков не говорил о захватнических поползновениях румынской олигархии на чужие земли. Все они защищали право румынского народа на национальное объединение и обличали жестокий оккупационный режим⁶⁶.

С приездом Ионеску культурно-пропагандистская миссия была реорганизована. По образцу организаций чешских, хорватских, польских эмигрантов она провозгласила себя «румынским национальным советом» и взяла на себя представительство «подлинных настроений и интересов» румын, в том числе трансильванских. Так наиболее последовательные антантофилы создали свое запасное правительство.

⁶³ A. Marghiloman. Op. cit., v III, p. 551.

⁶⁴ «L'indépendance roumaine», 22.VII 1918.

⁶⁵ «L'indépendance roumaine», 8, 21, 23.IX 1918.

⁶⁶ Пропагандистской деятельностью в США занимался В. Стойка (Activitatea românească în America. Memoriu de Vasile Stoica. Biblioteca Ac. RSR, Arhiva palatului, LVI, var. 6).

Румынская олигархия застраховалась на все случаи: внутри страны существовала оппозиция, «гонимая» и преследуемая по суду за свою верность союзникам; «в изгнании» (никто не выставил того же Ионеску с родины) появилась организация, готовая в случае нужды взять управление страной на себя.



Не было упущено из виду и такое испытанное средство отвлечения трудящихся от революционного движения, как раздувание националистических страстей.

История румынского народа — это история долгой и тяжелой борьбы за национальное освобождение. Молдова и Валахия столетиями томились под турецким игом. Трансильванские румыны испытывали более цивилизованный, но не менее горький гнет венгерских магнатов и габсбургской бюрократии. Каждый шаг в отстаивании национальных прав давался громадным трудом и зачастую кровью.

Тяжелый путь румынского народа к независимости привел к обострению в стране национального чувства. Это — вполне закономерное и объясняемое исторически явление. После завоевания независимости и до 1-й мировой войны его обратная сторона, а именно, тенденция к проповеди национального превосходства и расовой исключительности — не находила благоприятной почвы для своего развития, хотя и существовали отдельные националистические группировки, а жившие в стране болгары, сербы, турки, не говоря уже о евреях, подвергались не только социальному, но и национальному гнету.

С наступлением войны это отравленное оружие было в полной мере принято на вооружение румынской олигархией. Когда же обнаружилось военно-политическое банкротство румынских правителей и на народ обрушилось тяжкое бедствие поражения и оккупации, сорняки национализма начали бурно развиваться, тормозя развитие классовой борьбы и отравляя сознание довольно значительных прослоек мелкой буржуазии, в том числе деревенской интеллигенции, студентов, учеников старших классов гимназий и лицеев, деклассированных элементов, некоторых отсталых рабочих.

Национализм тесно связан с антисемитизмом. А в этом отношении в Румынии существовали давние традиции; евреи были лишены здесь гражданских прав.

От этого не слишком страдали крупные предприниматели, торговцы и банкиры еврейского происхождения — деньги и связи помогали им отстаивать свои интересы. При желании и нужде они без большого труда, «за особые заслуги», добивались парламентского акта о натурализации. Но масса, очень значительная, особенно в Молдове, еврейских ремесленников, мелких

лавочников, владельцев крошечных мастерских тяжело страдала от национального гнета. Она несла все обязанности — платила налоги, отбывала воинскую повинность, — но ее и на пушечный выстрел не подпускал к избирательным урнам. И, главное, румынская олигархия систематически стремилась направить социальное недовольство городской мелкой буржуазии, крестьян и отсталых рабочих в антисемитское русло.

Особенно раздувался антисемитизм в годы первой мировой войны. Парламентарии, газетчики, публицисты распространяли сведения о «предательстве» и «шпионаже» евреев, на которых под шумок старались взвалить вину за военные поражения. Той же вывеской прикрывалось правительство для расправ над социалистами. «Хуже» для правящей олигархии обстояло дело с социальной демагогией. Тут она могла записать в свой актив лишь создание корпораций (1902 г.), включавших как рабочих, так и предпринимателей, которые, по замыслу, должны были вытеснить профсоюзы и служить одним из приводов для подчинения трудящихся буржуазному влиянию. Но пролетарии перед войной неохотно шли на эту идеологическую приманку, и корпорации влачили жалкое существование. Между тем именно в идеологическом и политическом воздействии олигархия ощущала наибольшую потребность. Расистские крикуны вроде проф. А. К. Кузы или черносотенные громилы наподобие Зея Кодряну этой потребности не отвечали. Необходимо было найти фигуру иного масштаба, «вождя», за которым слепо должна была следовать масса.

Таковой был обретен в лице Авереску. До поры до времени официальное положение командующего армией и премьер-министра сдерживало его сторонников. Их пыл прорвался наружу после выхода правительства Авереску в отставку и организации «Народной лиги» (апрель 1918 г.), которую их кумир согласился возглавить. В печати стали появляться восторженные панегирики вроде статьи Константина Аржетояну под заглавием «Чистая душа»⁶⁷.

Правда, «народный вождь» обогрил руки кровью при подавлении крестьянского восстания 1907 г. Но эта пора его деятельности тщательно обходилась прессой. Не упоминалось также о его тесных связях с деятелями «исторических партий», и, в частности, с Брэтиану.

Генерал выступил со «смелыми обличениями» своих бывших политических коллег. «Долгие, долгие годы те, кто на основе нашей фальсифицированной конституции держал власть в своих руках, вместо того, чтобы представлять нацию и заботиться о ней, превратились в хозяев страны и всю пользуются этим», —

⁶⁷ «Indreptarea», 28.IV 1918.

писал он. Народ же даже в дни мира гибнет от болезней и эпидемий⁶⁸.

Негодующий генерал не ограничился этим обращением. Он продолжал обличать и дальше,— и в парламенте, и в прессе. «В груди каждого,— сообщал он,— клокочет законный гнев против режима, который под маской прогресса во всех областях скрывает унижительное и удушливое загнивание». «Дальше идти так нельзя, надо решительно порвать с прошлым и избрать новый путь»⁶⁹.

Разоблачать в те дни было нетрудно: нужда выглядывала из каждого угла убогих жилищ крестьян и городской бедноты. Гр. Н. Филипеску жаловался, что цены повысились в 5—10 раз⁷⁰. Некто, скрывшийся под псевдонимом Агриппа, дал обстоятельный анализ отчаянного положения с продовольствием осенью 1918 г.⁷¹ П. Негулеску громил «невежество внизу и коррупцию в высших сферах»⁷².

Еще дальше шел специальный листок под названием «Рабочий», издаваемый лигой. «Паразиты общества издеваются над чистыми чувствами трудящихся»,— говорилось в передовой, озаглавленной «Одни работают, другие развлекаются». Автор жаловался: «Яссы веселятся. В центре города гремит музыка и царит разврат». Настало время выскочек, полагающих, что «мужики» могут умирать с голода⁷³. Позднее газета завела даже особую рубрику «О страданиях простых людей»⁷⁴, в которой сотрудничал «сам» генерал Авереску.

Судя по степени негодования, охватившего лидеров «Народной лиги», можно было ожидать от них решительных мер для борьбы с бедствиями народа. Но при выработке позитивной программы они теряли весь свой пыл. Авереску предупреждал: «Хотя зло и проникло глубоко, я все же верю, что желаемых улучшений можно достичь без волнений и потрясений, на согласованных путях при господстве законов»⁷⁵.

Генерал отдавал себе отчет в том, что по части программы лига небогата, но оправдывал это тем, что в политической жизни Румынии программы сперва составлялись, а затем игнорировались. То же самое происходит и с разрешением аграрного вопроса: партии «легкомысленно» вписали его в свои программы, но вместо конкретных мер «бесконечно блуждают на ощупь, превратив вопрос, нуждающийся в немедленном решении, в поли-

⁶⁸ Către toți românii.— «Indreptarea», 14.IV 1918.

⁶⁹ A. Avereșcu. Și toți.— «Indreptarea», 10.X 1918.

⁷⁰ «Indreptarea», 14.VI 1918.

⁷¹ «Indreptarea», 13.X 1918.

⁷² «Indreptarea», 13.V 1918.

⁷³ «Muncitorul», 19.VIII 1918.

⁷⁴ «Muncitorul», 12.VIII 1918.

⁷⁵ «Indreptarea», 14.IV 1918.

тическую свистульку, используемую время от времени в избирательной борьбе».

Вместо подобной показной программы у лиги есть линия поведения. Ее лозунг — «Труд, честь, законность!» Правда, оговаривался Авереску, можно сказать, что под подобной расплывчатой формулой может подписаться любая партия. Но зло не в плохих законах, а в том, что законы не выполняются⁷⁶. Лига же в отличие от всех прочих будто бы собирается действительно претворить в жизнь свои принципы.

Не могла лига игнорировать и рабочее движение. Генерал Авереску выразил полное сочувствие тем, «кто с 2 января до 31 декабря с перерывом лишь в праздники... трудится в поте лица своего». Справедливость и интересы общества требуют, чтобы рабочие не погрузились в нищету. Он обещал указать путь, как им улучшить свою судьбу⁷⁷.

Лига, случалось, «разъясняла» публике, что рабочие живут тяжело и их бедам надо помочь. Когда в упорной борьбе удавалось вырвать у хозяев или государства уступки, ее газета комментировала это в одобрительном духе. «Мунчиторул» давал информацию об экономическом движении⁷⁸. Составлялись проекты создания кооперативов ремесленников⁷⁹, развертывания жилищного строительства⁸⁰.

Все это было демагогией самого дешевого сорта. «Лига» находилась в оппозиции, число ее членов с трудом удалось довести до 14,5 тыс. человек⁸¹, и ее выпады против «скупщиков-вампиров» сами скупщики всерьез не принимали. Да и как можно было реагировать иначе, когда ее руководители выступили против отдачи под суд членов правительства Брэтиану, а попытка ввести дополнительный налог на оптозую продажу зерна вызвала с их стороны гневный отпор: у помещиков пропадет охота к занятиям сельским хозяйством⁸².

Зато другая сторона деятельности лиги, ее борьба с социализмом, высоко оценивалась в буржуазно-помещичьих кругах.

«Реформы — да, большевизм — нет»⁸³, провозглашали «лигисты». Иными словами, реформы рассматривались как оружие против большевизма, против распространения революции на Румынию.

Что же касается большевиков, писала газета «Мунчиторул», — это «опасные люди». Никто не станет расхваливать царскую

⁷⁶ A. A v e r e s c u. Program.— «Indreptarea», 26.IX 1918.

⁷⁷ Обращение генерала Авереску.— «Cinste, muncă, legalitate!».— «Muncitorul». Foaie pentru susținerea cauzei muncitorești a «Ligei Poporului», 28.VI 1918.

⁷⁸ «Muncitorul», 28.VI, 13.VII, 12.VIII 1918.

⁷⁹ «Muncitorul», 13.VII 1918.

⁸⁰ «Muncitorul», 30.VIII 1918.

⁸¹ К 5 сентября 1918 г.— «Muncitorul», 10.IX 1918.

⁸² «Indreptarea», 6.VII, 14.VI 1918.

⁸³ «Indreptarea», 15.VI 1918.

Россию. «Но можно же было провести в России обдуманые реформы, сделать многое, не разрушая всего»⁸⁴. Газета призывала не поддаваться на уловки «фантазеров и анархистов». Главное же «работать серьезно, по-румынски, с тем, чтобы поднять значение производительных классов», и не попасться на удочку Раковского и прочих любителей ловить рыбку в мутной воде. Генерал Авереску развернул знамя демократии. Рабочие и крестьяне должны сплотиться вокруг него, чтобы «мирно, на основе законов, принять участие в возрождении страны»⁸⁵.

До сих пор рабочие почти ничего не сделали для улучшения своей судьбы. «У нас не было единства, — взывал К. Чехал-Раковица. — У нас не было капитана, который бы вами руководил. Ко всеобщему счастью, ныне он появился: это — генерал Авереску. Следуйте за ним! Он поведет вас к победе!»⁸⁶.

Что же подразумевалось под «единством трудящихся» видно из призыва «В единении — сила». Он был обращен к «ремесленникам, рабочим фабрик, заводов и мастерских, рабочим-предпринимателям (разрядка наша. — В. В.) и получающим зарплату»⁸⁷. Выходило, что «лигисты» замыслили создание корпораций, куда входили бы рабочие и капиталисты (вроде тех, что были созданы вскоре в фашистской Италии) с целью не разрывания, а тушения классовой борьбы. Само собой разумеется, что корпорации должны были находиться под политическим руководством «Народной лиги», вожди которой, «рабочие умственного труда (!!), знают, чем заняться, им хорошо знакомы страдания трудящихся классов, составляющих народ»⁸⁸. От лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» «лигисты» отворачивались, считая его опасным для себя.

Трескучая демагогия, обращенная прежде всего к мелкобуржуазным слоям, ярко выраженный национализм, оголтелая вражда к марксизму, культ «сильной личности», за которой без раздумий и оглядки должна следовать толпа — все это имело место в лиге. Всем этим собирались воспользоваться монополисты и латифундисты во главе с Константином Аржетояну, стоявшие у рычагов новой организации. Растерянность и озлобление мелкобуржуазного и люмпен-пролетария, доведенного до отчаяния разорением и лишениями, они хотели употребить для борьбы с социализмом.



Со временем олигархия убеждалась все больше, что группировки, которые ушли с официальных постов, были правы. Сторонники Маргиломана держались за тень прежнего немецкого

⁸⁴ «Muncitorul», 6.IX 1918.

⁸⁵ «Muncitorul», 28.VI 1918.

⁸⁶ «Muncitorul», 6.VII 1918.

⁸⁷ Unirea face puterea. — «Muncitorul», 10.IX 1918.

⁸⁸ «Muncitorul», 19.VIII 1918.

могущества. 8 августа (н. ст.) 1918 г. вошло в историю как «черный день германской армии». Самые упрямые милитаристы во главе с Людендорфом признали, что надежд на победу нет. Сентябрь ознаменовался крушением коалиции центральных держав. Вышла из строя Болгария. Ее правительство подписало акт о перемирии, царь Фердинанд отрекся от престола. Вслед за нею капитулировала султанская Турция. Последние дни доживала габсбургская держава. С Балкан к Дунаю двигалась, почти не встречая сопротивления, армия генерала Франше д'Эспере, состоявшая из французских, британских, сербских и греческих дивизий.

В этих условиях существование правительства Маргиломана становилось, с точки зрения наиболее влиятельных слоев румынской буржуазии и помещиков, анахронизмом. Сам премьер прекрасно понимал, что для него пути к отступлению отрезаны и что для возвращения румынской олигархии в лоно Антанты будут использованы другие фигуры.

Королевская подпись под Бухарестским миром нужна была Маргиломану и его коллегам как воздух. Это связало бы круговой порукой всю румынскую олигархию. В противном же случае, справедливо говорил один из министров, Костика Арион, консерваторы войдут в историю как правительство оккупации, а их преемники выступят в качестве «кабинета освобождения»⁸⁹

Прекрасно зная окружающую его среду, Маргиломан разговаривал с ней единственно доступным для нее языком, языком политического торговца. Можно ли добиться от Антанты большего, чем от немцев? — таков был смысл его демаршей в парламенте и в беседах с королем. Он, Маргиломан, оформил захват Бессарабии и надеется выторговать обратно Добруджу и полосу по границе с Трансильванией, отошедшую к Австро-Венгрии. Антанта же твердо ничего не обещает. Премьер вместе с королем изучал «14 пунктов» Вильсона. После этого Фердинанд приуныл: ни слова, свидетельствовавшего в пользу признания сделки, заключенной в августе 1916 г., они не нашли. Правда, посланники проявляли сочувствие к румынским требованиям, но ни разу не обещали, что Антанта «все забудет, все простит».

Однако и не получив от Антанты формальных обязательств, румынские правители питали надежды — вполне обоснованные, — что возвращение в покинутую было группировку даст куда большую выгоду, чем верность трактату с побежденным. Маргиломан чувствовал как власть выскальзывает у него из рук. О его неудаче с попыткой избавиться от Бретиану мы уже говорили. «Подсудимый» исправно присутствовал на заседаниях коронного совета и с помощью дипломата Мишу, бывшего по-

⁸⁹ A. Marghiloman. Op. cit., v. IV, p. 96.

сланника в Лондоне, поддерживал связь с миссиями Антанты. Маргиломан, по своему положению — первый советник короны, ясно чувствовал, что Фердинанд все не его советам. Дело дошло до того, что король разговаривал с главой кабинета по шпаргалке: он вынимал из стола меморандум и по нему излагал «свои» мысли и идеи.

В начале сентября произошел эпизод, показавший, что соотношение сил в правящей верхушке снова склонилось в пользу антантофилов. События развернулись совсем как в детективном романе. Среди бела дня исчез наследный принц Кароль. Полиция сбилась с ног, разыскивая королевского сына.

Через несколько дней Кароль объявился сам, прислав отцу телеграмму... из Одессы. Он сообщил, что сочетался браком с мадемуазель Зизи Ламбрино.

Разразившийся скандал вышел далеко за «светские» рамки. В момент, когда трон держался на волоске, наследник дезертировал из армии и женился на девице, отнюдь не имевшей репутации добродетельной.

Вокруг Кароля и завязалась борьба между Маргиломаном и Брэтиану. Принц был известен своими симпатиями к Антанте и его наказание укрепляло политические позиции консерваторов-германофилов. Премьер требовал поэтому судить Кароля по всей строгости закона и лишить прав на престол в пользу его младшего брата Николае, которому следует дать «суровое и серьезное воспитание»⁹⁰

Брэтиану этому воспротивился. По его мнению, «незаконный» парламент не мог касаться вопросов, затрагивавших династию⁹¹.

Фердинанд упрямылся и не поддавался на нажим Маргиломана. Поступок сына он объяснял свойственным молодости легкомыслием. Ему самому не чужды были в юности сердечные порывы, говорил Фердинанд премьер-министру. И не секрет, что рвался он в те годы все не к голубоглазой Мэри, внучке британской королевы Виктории, которой суждено было стать его женой.

Маргиломан прекрасно знал, что сердечные увлечения не покидали его монарха и в годы, когда у того борода серебрилась от седины. Разумеется, он не стал напоминать об этом.

В политических и военных кругах Маргиломан не нашел поддержки своему «твердому курсу» в отношении династии. Авереску заявил, что подчинится любому решению короля. Генерал Еремия Григореску сперва признавал, что за любой из двух про-

⁹⁰ A. Marghiloman. Op. cit., v. IV, p. 21.

⁹¹ Лично И. Брэтиану не питал к Каролю ни малейших симпатий. Впоследствии, опасаясь, что воцарением Кароля его могущество пошатнется, либеральный лидер настоял на лишении принца прав на престол под тем же предлогом недостойного поведения.

ступков — дезертирство и женитьбу без разрешения — Кароль подлежит исключению из полка. Но, поговорив с французскими дипломатами и лично с королем, он изменил мнение: принц отсутствовал «всего» 8 дней и «подал признаки жизни», телеграфировав отцу. Брак — не в счет, ибо «совершен по большевистским формам» (!! — это в оккупированной австрийцами и немцами Украине!).

Король рыдал в присутствии Маргиломана, возмущался нераспорядительностью властей, прозевавших беглеца, но отдавать сына под суд не хотел. Новобрачного засадили на 75 дней под арест. На гауптвахте Кароль «проявил сознательность» и выразил согласие на аннулирование брака.

17 сентября Маргиломан записывал в дневнике: «Общее впечатление: предвидят возможность моей отставки»⁹². Его кабинет явно изжил себя, с ним просто-напросто перестали считаться.

8 октября в Молдове приземлился французский военный самолет, управляемый младшим лейтенантом Ноэлем. Оказавшийся на месте посадки румынский офицер и не подумал об интерпривировании пилота. Напротив, Ноэлю предоставили автомобиль, и он покатил... прямо во французскую миссию, отвозить пакет, адресованный Сент-Олеру

Первому министру, извещенному пост-фактум о случившемся, оставалось лишь воскликнуть: «Вот как несут у нас службу!» Он вызвал к себе француза. Тот был в самом радужном настроении: через месяц на Дунае будут союзные силы, 15 французских, 5 английских, 7 греческих, 6 сербских дивизий: «Мы вас спасем, сидите только смирно», — заверил лейтенант Маргиломана⁹³. По совету начальника генерального штаба Кристеску отлету Ноэля не чинили препятствий.

Глава правительства даже не подозревал, что жизнерадостный французский лейтенант прилетел не один. Он тайком привез в Яссы бывшего румынского посланника в Париже, ставленника Брэтиану Виктора Антонеску.

Тот получил от Клемансо документы на имя капитана французской службы Антуана Луи и поручение — сообщить Брэтиану и королю, что пора выступать. Укрывшись во французской миссии, Антонеску вступил в контакт с бывшим премьер-министром. Тот, в свою очередь, дал знать Фердинанду, что час настал⁹⁴.

13 октября в Яссы поступило сообщение, что немцы в одиночку, — ибо их союзники уже прекратили борьбу, — готовят оборону по Дунаю. Через несколько дней началась революция в Венгрии. В Вене и Будапеште в полках были избраны советы. 24 октября стало известно, что немцы начали отходить из Брэй-

⁹² A. Marghiloman. Op. cit., vol. IV, p. 42.

⁹³ Ibid., p. 81.

⁹⁴ V. Antonesco. Un courrier de guerre.— «Hommage à monsieur de Saint-Aulaire», Buc., 1930, p. 16—20.

лы и Фокшан, оставив мысль о защите оккупированной территории Румынии. Австро-венгерская армия, в состоянии полного развала, эвакуировала Северную Бессарабию, а затем бежала из Буковины. Украинские повстанцы заняли Черновцы. Маргиломан поспешил двинуть в эти районы румынские войска.

Но дни его правительства были сочтены. Дипломаты Антанты зачастили во дворец. 24 октября Маргиломана неожиданно вызвали к королю. Фердинанд, взволнованный и красный, сказал ему: «Должен сообщить Вам нечто неприятное. Вчера, после Вашего визита, меня посетили посланники Антанты и сообщили, что не питают доверия к правительству»⁹⁵

Аудиенция у короля состоялась в 11 часов. В 2 часа Маргиломан направил официальное заявление об отставке, не преминув упомянуть, что отказывается от власти по требованию держав. А вечером новое правительство было уже сформировано генералом Коандой.

Даже самые простодушные люди понимали, что генеральские мундиры премьера и еще нескольких министров лишь прикрывали возвращение Брэтиану к власти. Кабинету прочили быстрый конец. Лидер либералов, не скрываясь, вел переговоры с посланниками Антанты, которые посещали его «частный» дом гораздо охотнее, нежели официальную резиденцию правительства. Первая встреча произошла в конце сентября, т. е. еще за месяц до отставки Маргиломана. «Опальный» лидер держался уже как подлинный владыка Румынии и приступил к очередному торгу, добываясь забвения грехов и признания договора 1916 г.⁹⁶

Но собеседники не торопились. В военную мощь Румынии они не верили, да и не нуждались в ней: организованное сопротивление на Балканах по сути дела прекратилось. Дипломаты Антанты поэтому не скупились на дружеские излияния, но формальных обязательств не подтверждали.

23 октября (5 ноября) президент Вильсон направил в Яссы послание. «Правительство Соединенных Штатов, — говорилось в нем, — не относится с безразличием к пожеланиям румынского народа как в королевстве, так и вне его границ». И далее: «Правительство Соединенных Штатов глубоко сочувствует духу национального объединения и стремлениям румын повсеместно и в соответствующее время не будет пренебрегать ими...»⁹⁷

Это была уступка национальному движению народов. Чехи, сербы, румыны Австро-Венгрии требовали самоопределения. Загнать их обратно в монархию Габсбургов при США, ни державы Антанты не могли, даже, если бы захотели это сделать. Им оста-

⁹⁵ A. Marghiloman. Op. cit. v. IV, p. 117—118.

⁹⁶ Sh. D. Spector. Rumania at the Paris Peace Conference. N.—Y. 1962, p. 61.

⁹⁷ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States», 1918, Suppl. I, The World War, v. I. Washington, 1933, p. 785.

валось лишь признать дело, начатое самими народами. Послание Вильсона и содержало признание этого факта — признание права трансильванских румын на образование своего государства и на объединение с Румынией.

Не такого ответа ждала от союзников румынская олигархия. Конвенция 1916 г., подтверждения которой она добивалась, грубейшим образом нарушала принцип самоопределения народов, ибо санкционировала насильственное включение в Румынию украинских, венгерских, сербских районов.

Однако Брэттиану, как реальный политик, понимал, что большего пока что не добьешься. Румынской олигархии оставалось прицепиться к требованиям народов и попытаться приписать себе заслугу в объединении Румынии и Трансильвании.

Лидер либералов немедленно информировал короля, что момент для смены вех настал. Его сигнал совпал с советами посланников Антанты. На следующий же день после получения ноты Вильсона кабинет Маргиломана пал.

В дальнейшем цепь доказательств румынского правительства строилась следующим образом: Бухарестский мир не ратифицирован; стало быть он не действителен; значит Румыния не вышла из Антанты и августовская конвенция 1916 г. сохраняет силу. Ничего ведь не произошло!

Но в Лондоне, Париже и Вашингтоне сидели достаточно искусственные деятели, чтобы их можно было провести подобными формалистическими доводами. Румыния на деле вышла из войны, румынская олигархия фактически заключила мир и нарушила свои обязательства, принятые в 1916 году. Значит, нет никаких причин для Антанты сохранять свои обязательства. Поживем — увидим, как сложится обстановка.

А ясским правителям медлить было нельзя: до перемирия союзников с немцами оставались считанные дни. Надо было «вытаскивать саблю из ножен», чтобы лучи победы озарили и их. Они долго не могли решиться, — как говорят, обжегшись на молоке, дуешь на воду. В середине октября французский военный атташе в Яссах получил заверения, что Румыния выступит, «как только опасность не будет слишком велика»⁹⁸.

Колебания кончились, когда стало известно, что дивизии доброго знакомого ясских правителей генерала Бертело начали 27 октября (9 ноября) переправу через Дунай. Макензен просил французов приостановить наступление, чтобы он мог вывести свои войска без кровопролития.

Медлить далее было нельзя. Вечером в тот же день румынское правительство направило немецкому командующему ноту. В девять часов она была вручена представителю вермахта в Яссах полковнику Бранденштейну⁹⁹. В 2 часа 20 минут следую-

⁹⁸ «Papers», 1918, Suppl. I, The World War, v. I, p. 784.

⁹⁹ «L'indépendance roumaine», 30.X 1918.

шего утра (28 октября) ясский телеграф отстукал это же сообщение в Бухарест генералу Еремие для передачи в немецкий штаб.

Союзные армии, говорилось в нем, вступили на территорию Румынии. Вопреки данным заверениям¹⁰⁰, командование центральных держав увеличило число своих войск на оккупированной территории и возвело новые укрепления, «что вынудило армии союзников сконцентрировать свои войска на Дунае и подвергнуть бомбардировке румынские города, где немецкое командование намеренно расположило батареи». Чтобы Румыния не стала полем новой битвы, германским войскам необходимо покинуть ее в 24 часа. «По истечении этого срока войска должны сложить оружие и воздерживаться от каких-либо разрушений или насилий, за которые германское правительство будет нести ответственность». Ответ будет ожидаться до 9 часов вечера; затем будет применена сила. Подпись: председатель совета министров генерал Коанда¹⁰¹.

В этом документе что ни слово — то загадка.

Непонятна его форма, — глава правительства посылает ультиматум, — а это несомненно ультиматум, — не конституционной власти другого государства, а генералу, не уполномоченному решать политических вопросов.

Далее, вопрос о сроке: на эвакуацию предоставлялось 24 часа. Это, разумеется, невыполнимое условие: вывести целую армию из страны за сутки невозможно. Наконец, выдвигая этот жесткий срок, ясские правители знали, что не смогут привести свои угрозы в исполнение: на подготовку собственной армии им требовались не сутки, и даже не неделя, а больше.

В канцелярии генерала Коанды, видимо, отчаянно торопились, чтобы «вступить в действие» до того, как кончится война. Они поспели, что называется, в последнюю минуту. Срок румынского ультиматума истек вечером 10 ноября (по новому стилю); утром следующего дня вступило в силу заключенное в Компьенском лесу перемирие между Антантой и Германией.

Запоздалая храбрость генерала Коанды и его коллег никого не обманула. Бывший депутат парламента Василе Канчиков, остававшийся всю войну в Бухаресте, записал в своем дневнике, когда узнал о ноте: как «добрый румын» он вроде бы должен гордиться ее энергичным тоном. «В этом есть, однако, что-то смешное... Немец, побитый на западе, скованный по рукам и ногам, молит столько времени о перемирии»¹⁰², — а в Яссах вдруг проявляют необыкновенную воинственность.

¹⁰⁰ Речь идет об обязательстве центральных держав по Бухарестскому договору сократить свои вооруженные силы в Румынии.

¹⁰¹ Arhiva ministerului afacerilor externe (MAE), 71/1914 E₂, nepaginat.

¹⁰² V. Th. Căpăcioc, Impresiuni și păreri personale, v. 2, Buc., 1921, p. 655.

Никакого ответа от Макензена Коанда не получил. Фельд-маршал спешно выводил из Румынии свои расстросненные части.

Но о ноте немцы еще вспомнили. Они никак не могли взять в толк, что же она означает с точки зрения международно-правовых норм. 12(25) декабря через Швейцарию поступил запрос германского министерства иностранных дел: рассматривает ли Румыния себя в состоянии войны с Германией или, после отступления армии Макензена, считается, что мир (Бухарестский) не нарушен?

К тому времени генерала Коанду сменил на посту премьера Ионел Брэтиану. Поскольку в Компьенском акте Румыния значилась среди держав-победительниц, новый премьер дал следующий ответ: «Королевское правительство, являясь союзником Франции, Англии и Италии, солидарно с этими державами в своем отношении к Германии, т. е. находится в состоянии перемирия»¹⁰³.

Может показаться, что ясские правители «пересторожничали». Они так долго тянули время, что говорить о каком-либо эффекте их выступления против армий Центральных держав просто беспредметно¹⁰⁴. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Военные действия на фронтах прекратились. Но борьба на внутреннем, революционном фронте разгоралась все более. В военных союзниках Антанта не нуждалась. Но каратели ей были нужны! Поэтому услуги румынской олигархии были приняты с готовностью. Румынская армия мобилизовывалась не против оккупантов, а против «всемирного большевизма» и собственного народа. Но буржуазия и помещики воспользовались ненавистью к захватчикам и стремлением освободить родную землю для того, чтобы снова загнать сотни тысяч людей в казармы и подчинить их палочной дисциплине. Новобранцы не занимались подсчетом, сколько немецких сил осталось в Румынии и не подозревали, что на внешнем фронте воевать не с кем. Призыв удалось осуществить.

¹⁰³ Телеграмма румынской миссии в Швейцарии и ответ Брэтиану от 15(28) декабря 1918 г.— Arhiva MAE, 71/1914 E₂, nepaginat.

¹⁰⁴ Мобилизация началась 28 октября. На следующий день войска получили приказ остановиться.— «Lumea politică și socială». Iași, 29.X, 3.XI 1918.

КЛАССОВЫЕ БОИ НАКАНУНЕ ОКОНЧАНИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После подписания договора в Буфте Маргиломан считал, что у него развязаны руки для расправы с «врагом внутренним». Его предшественник генерал Авереску, хоть и был военным человеком, предпочитал не идти напролом. Да и роль народного вождя, которую он не без удовольствия разыгрывал, не вязалась с жестким курсом.

Маргиломан, напротив, попытался перейти к крутым мерам. Он подтвердил, что военное положение на железных дорогах сохраняется. Это был отказ не только от предоставления прав рабочим, но и от ведения переговоров. В ответ 16 марта вспыхнула стачка в железнодорожных мастерских Ясс, Пашкан, Галаца, к которой присоединились многие путейцы. Штрейкбрехеров можно было сосчитать по пальцам. Ходило всего три пары поездов.

Рабочие выдвинули на первый взгляд чисто экономические требования. Но их действия срывали переброску войск в Бессарабию и грозили погрузить в хаос и без того более чем беспорядочную хозяйственную жизнь страны, и правительство взволновалось. Лишение железнодорожников и их семей карточек желаемого эффекта не имело. Не помогла и демонстрация силы в виде посылки войск на станции.

И власти уступили. В яские железнодорожные мастерские явился вылощенный джентльмен с тросточкой в руке и моноклем в глазу — сам Маргиломан. Впервые в румынской истории премьер-министр вел переговоры со стачечниками. 29 марта, получив обещание дирекции увеличить зарплату, железнодорожники вышли на работу. А 2 апреля началась забастовка на военных предприятиях: громадном «Арсенале», ремонтных и пошивочных мастерских, типографии генерального штаба, пороховых заводах в Ботошани. Рабочие здесь считались мобилизованными (на месте) и получали меньшее жалованье, чем их товарищи. Этим и объясняется специфика их требований: помимо увеличения зарплаты, они настаивали на демобилизации. К ним присоединились обманутые железнодорожники.

В прежние времена подобный «бунт» не остался бы безнаказанным. Но теперь правительство начало маневрировать. Оно пошло на отмену военного положения в промышленности (но не на железных дорогах). Зато путейцам увеличили зарплату в среднем до 7,5 лей в день. Стачное движение пошло на убыль.

Первомайский праздник, по настоянию реформистов, был перенесен на воскресенье. Он сопровождался кратковременными стачками. Угрозами, уступками, лавированием властям удалось избежать более крупных для себя неприятностей. Сказалось и то обстоятельство, что впервые после вступления Румынии в войну министерство внутренних дел санкционировало проведение 1 Мая. Это была значительная брешь в той стене запретов, которая окружала рабочих с августа 1916 г.¹

В мае 1200 железнодорожников подписали протокол о воссоздании профсоюза. 17-го числа общее собрание приняло резолюцию, в которой говорилось, что нет иного пути улучшения жизни помимо организации в союзы. И тут же знакомое, реформистское: «Будем бороться всеми легальными путями...»².

Впрочем, надо сказать, что на деле рабочие прибегали к акциям, которые, с точки зрения властей, в понятие закона никак не укладывались. Железнодорожники начали тщательную подготовку к новой забастовке. Сперва был организован стачечный комитет машинистов и кочегаров. Затем в него вошли делегаты проводников и других категорий рабочих. Действовал он нелегально, но очень энергично. Его представители объезжали станцию за станцией, готовя забастовку.

25 мая сообщение прекратилось. У подъездных путей станции Пашкани пришлось остановить два специальных состава — королевский и правительственный. Встревоженное начальство сбилось с ног, чтобы пропустить хотя бы Маргиломана и королеву Марию, но без успеха. Не помогли ни угрозы военным судом, ни привод под охраной машинистов и кочегаров. Все они разбежались³. Часовые, видимо, не слишком серьезно относились к навязанным им жандармским обязанностям.

Встревоженное правительство заняло важнейшие станции войсками. Были произведены аресты. Дирекция железных дорог пригрозила даже вмешательством немецкой армии: забастовка мешала переброске оккупантов на Украину. Но вскоре тактика была изменена. Рабочие добились повышения зарплаты и демобилизации. Стачка продолжалась всего семь дней.

Пример железнодорожников побудил выступить кожевников Бакэу. Готовились к забастовке телеграфисты и почтовики.

¹ О развитии рабочего движения в марте — октябре 1918 г. см. V. Liveanu. 1918..., p. 266—305.

² «Social-democrația», 27.V 1918.

³ L. Eșanu. Unele materiale în legătura cu greva dela C. F. R.— Pașcani.— «Analele», 1957, № 2, p. 157.

В июле произошли конфликты на судах, стоявших в порту Галаца, и на возвращенной из Одессы верфи «Ферник». Стачки перебросились на сравнительно небольшие предприятия Ясс, Галаца и Бакэу.

1 июля забастовали печатники восьми крупнейших типографий в столице Молдовы. Это выступление примечательно тем, что его участники впервые в румынской истории потребовали и завоевали 8-часовой рабочий день, Того же добились печатники Галаца, Рóмана и других городов.

Это был серьезный успех. Вторым, не менее значительным завоеванием, явилась фактическая легализация профсоюзов. На первых порах они создавались с трудом и были невелики по численности.

Рабочее движение росло и ширилось. В июле комитет железнодорожников представил парламенту меморандум из 14 пунктов, в который предусматривал отмену сдельщины, увеличение зарплаты, надбавку на дороговизну, предоставление отпусков, урегулирование рабочего времени⁴ и т. д. В день подачи петиции рабочие не брали в руки инструментов, показав, что не собираются ограничиться просьбами.

Администрация тянула с ответом. Парламент безмолвствовал. А реформисты из «Сочил-демократии» начали даже обелять буржуазное государство: оно-де не заинтересовано в эксплуатации и само думает о нуждах рабочих. Тем временем «заботливое» правительство готовилось к локауту. 31 июля с утра ворота предприятий оказались запертыми и рабочим пригрозили увольнением, если они не откажутся от своих требований и не выйдут из профсоюза. И снова против забастовщиков был применен весь арсенал имевшихся в распоряжении властей средств: войска, аресты членов комитета, запугивания, попытки внести раскол. А стачка охватила тем временем важнейшие транспортные узлы Молдовы. В знак солидарности забастовали металлисты Ясс. Во время манифестации у здания парламента под лозунгами «Хлеба! Долой реакцию! Долой правительство!» солдаты не стали разгонять демонстрантов. Это был уже совсем тревожный для властей признак.

Правительство пошло на компромисс. Не без помощи трудящихся и «Народной лиги» ему удалось отколоть от движения железнодорожников Галаца и Бырлада. Оно согласилось изучить меморандум комитета, отказалось от требований о выходе рабочих из союза и сократило продолжительность рабочего дня с десяти до девяти часов. Ответ на остальные требования был «отложен». После этого оставшиеся на свободе члены стачечного комитета по совету реформистских лидеров решили прекратить стачку. Сами железнодорожники отнеслись к делу иначе и

⁴ «Social-democrația», 14.VII 1918.

вернулись в мастерские лишь тогда, когда арестованные были освобождены, а уволенные — восстановлены на предприятиях⁵.

Забастовки летом и осенью 1918 г. свидетельствуют не только о нарастающем размахе движения, но и о многоплановом характере борьбы. С каждым месяцем, наряду с экономической струей, крепла политическая, направленная на признание прав рабочих организаций. Успех, достигнутый в этой области, нельзя недооценивать. Рабочие добились большего, чем имели до войны. Власти, хотя и не отменили официально «Закон Неницеску» (1910 г.), запрещающий создание профсоюзов на государственных предприятиях, должны были примириться с их существованием. О 8-часовом рабочем дне мы уже говорили.

Что же касается повышения заработной платы, то завоевания, достигнутые в этой области дорогой ценой, были очень непрочными. Рост дороговизны сводил их на нет.

Железнодорожникам, которым удалось организовать первыми и с которыми считались больше, чем с кем-либо, — стачка на стальных артериях страны грозила гибелью всего хозяйственного организма, — добились заработка в среднем в 7,5 лей в день. На эту сумму они могли купить 170 г сливочного масла, либо фунт сахара, или полтора кило картошки. Нужно учитывать, что сплошь и рядом товаров по утвержденным правительством ценам достать было невозможно и они приобретались по двойной и тройной стоимости у спекулянтов. Из Пятра-Нямца сообщали: рабочим нечего есть; хлебная норма — 400 г. Но в хлеб подмешаны солома, ячмень, горох. Кукурузы в лавках нет. Сахар не появляется месяцами. На мясо — невероятные цены, дрова удается раздобыть с трудом. Керосина нет. К одежде страшно подступиться, так она дорога.

Примарь Ясс признавал, что 60% населения систематически недоедает. Перебои в снабжении мукой, в том числе кукурузной, не прекращались. Из Галаца и Фокшан поступали сообщения о самой черной нужде.

Лето принесло засуху и неурожай. Надвигалась третья тяжелая зима. В октябре дирекция по продовольствию доносила премьеру Маргилomanу: «Армия, горожане, персонал железных дорог и различных учреждений лишены хлеба. Со всех сторон поступают тревожные сообщения и не исключена возможность движения, потрясающего общественный строй»⁶.

Демобилизация части войск еще более обострила положение.

Префект уезда Арджеш Григоре Коанда в следующих словах характеризовал создавшееся положение в докладе, представленном в августе 1918 г. премьер-министру: «Мы идем с невероятной быстротой к революции, к жакерии, к большевизму. Почва...

⁵ «Social democrația», 28.X 1918.

⁶ Цит. по: V. Liveanu, 1918..., p. 248.

подготовлена. Семена занесены и продолжают заноситься с каждым новым демобилизованным из Молдовы.

Все ругают и проклинаят «бояр»».

«...В деревнях, как и в городах, причины для недовольства глубоки и многочисленны. Реквизиции производятся без всякой меры. Нет ни продовольствия, ни одежды. Жандармы заставляют демобилизованных работать на бояр. Дороговизна невыносима...»

«Имейте в виду,— предупреждал Коанда премьера,— наши крестьяне и городское плебейство так же темны и придавлены, как и русские. Поэтому их движение неизбежно будет таким же ужасным и жестоким, как и в России.

Государственная власть и щит иноземных войск не дают необходимой гарантии. Авторитет государства поколеблен. Люди, которые жертвовали жизнью и терпели всевозможные лишения на фронте, уже ничего не боятся. Не раз мне приходилось слышать: «Из-под земли достанем оружие, когда оно понадобится!»

Заканчивал свою записку Коанда многозначительно: «Вы не хотите революции? Тогда мы должны произвести ее сами... Поспешим!»⁷

Но не только демобилизованные и рабочие доставляли много хлопот властям.

Росли тревога, беспокойство и недовольство мелкой буржуазии — владельцев небольших лавок, которым нечем было торговать, чиновников, получавших на руки обесцененные бумажки, разорявшихся ремесленников и бедствующего крестьянства — об этом свидетельствовала активность «партии труда».

«То подобие реформы, которому... постарались придать видимость заботы о народе,— должно убедить и самых доверчивых, что от наших исторических партий нельзя требовать ни понимания, ни способности решать великую проблему!» — писал орган трудовиков газета «Трибуна»⁸.

Для консерваторов и либералов «характерно полное пренебрежение ко всему, что есть прекрасного, возвышенного на свете, и презрительная улыбка по отношению к тому, что кажется бескорыстным. ...Повсюду господствует самый скотский и грязный эгоизм. Повсюду сделки и предприятия...»⁹. Трудовики выступили против снижения жалования государственным служащим, требовали (в общих выражениях, без конкретных цифр) улучшить положение железнодорожников, настаивали на усовершенствовании законодательства о ремеслах и т. д.¹⁰

Существовала, однако, другая сторона деятельности трудови-

⁷ Цит. по: П. П. Вандель. Крестьянское движение и аграрная реформа 1921 г в Румынии. Канд. дисс. М., 1961, стр. 97—98.

⁸ «Трибуна», 1.III 1918.

⁹ «Трибуна», 7.III 1919.

¹⁰ «Трибуна», 3.IV, 3.IX, 27.X, 2.XI 1918.

ков, заставлявшая олигархию не только мириться, но и относиться к ним с известным бережением. А именно,— ярый антикоммунизм лидеров партии и их неустанные усилия свернуть революционное движение. «Трибуна» ставила вопрос так: «Большевизм или свобода?»¹¹, объявляла, что диктатура пролетариата означает конец мировой цивилизации, пугала своих читателей «красным террором», «проницательно» предрекала: «Советское правительство шатается. День его падения близок».

Главными виновниками «беспорядков» в Румынии, по мнению партии труда, являлись... либералы (!). Они-де хотят «спровоцировать всеобщий катаклизм, чтобы скрыться в дымящихся руинах, как вор... спасается от преследования, используя переполох и панику, вызванные им же...»¹². «Трибуна» советовала рабочим и крестьянам быть начеку, чтобы не попасть в «когти» либеральных «подстрекателей»!

Что и говорить, либералам и во сне не снились такие вещи. Но кампания рождала у доверчивых людей предубеждение и страх перед революцией, что в конце концов было на руку одной лишь олигархии.

В условиях революционного подъема столпы румынской реакции могли лишь приветствовать призывы трудовиков к соблюдению демократии всегда, везде, во всем и при всех условиях. Так, в мае они осудили стачку на железных дорогах: Маргиломан пошел на уступки, зачем же бастовать? Во-вторых, почему рабочие не дождались, пока администрация изучит предъявленные им требования, нарушили срок, с которым согласилась их же комиссия?¹³

Недовольство партии вызвала и ноябрьская стачка яссских печатников. Забастовщики помешали штрейкбрехерам продолжать работу. Это было воспринято трудовиками, как нарушение священных принципов демократии и вызвало с их стороны суровую отповедь. «Все, что зиждится на ненависти и насилии, неминуемо падет. Сила, злоупотребляющая силой, обречена на исчезновение. Поймите эту истину, вы, рабочие-печатники Ясс»¹⁴.

Трудовики играли двойственную роль. Их разоблачительная агитация не только способствовала росту недовольства, но и рождала у политически отсталых рабочих, а тем более крестьян и городской мелкой буржуазии веру в то, что наконец-то появился подлинный защитник их интересов.

Между тем ни кампания в печати, ни выступления в парламенте не могли принести ощутимого облегчения населению. Они, конечно, раздражали олигархию, и все же открытым преследо-

«Tribuna», 21.III, 27.IX, 16, 12.X 1918.

«Tribuna», 11.IV 1918.

¹³ «Tribuna», 6.V 1918.

¹⁴ «Tribuna», 12.XI 1918.

ваниям трудовики не подвергались. Им угрожали только ножицы цензора, свирепствовавшего на страницах их изданий.

Достаточно гибкая тактика проявлялась и по отношению к возродившемуся социалистическому движению. Румынские правители не сваливали в одну кучу реформистов, центристов и представителей революционного крыла социал-демократии. К октябрю 1918 г. секции партии имелись уже в 10 городах Молдовы. 27 мая 1918 г. в Яссах появился первый номер еженедельника «Социал-демократия», представляющего, по его словам, «раздробленную на части партию».

Сам по себе факт возобновления газеты знаменовал крупный успех рабочего движения — приветствия пришли и из оккупированной зоны¹⁵.

Редакционная статья, открывавшая первый номер «Социал-демократии», содержала противоречивые утверждения. В ней говорилось, что газета полностью стоит на марксистских позициях. И тут же разъяснялось, что имелось в виду: «Социал-демократия» не отступит от испытанной и освященной тактики нашего движения, являющейся плодом многолетних усилий, сплочения и борьбы». Тут же говорилось об основной задаче восстановления социалистического интернационализма, что может обеспечить длительный мир и привести к мирному разрешению назревших экономических и национальных проблем¹⁶.

Цензоры пропустили эту программную декларацию, и неслучайно: она выражала старые, реформистские догмы II Интернационала. Революция не поколебала мировоззрения ясских оппортунистов. По-прежнему всеобщее избирательное право рисовалось им венцом политических достижений¹⁷.

Возникает вопрос: почему же оппортунистам вновь удалось встать во главе возрождающегося рабочего движения Молдовы?

В этом сказывались и старые, «довоенные» факторы, такие, как слабость крупной промышленности в этой области, и широкое распространение мелкой, а, стало быть, и ремесленного пролетариата. Сказывалось и наличие многочисленной мелкобуржуазной прослойки и связанных с этим и ушедших корнями еще в XIX век «традиций» оппортунизма.

Имелись и новые, рожденные войной обстоятельства, позволявшие оппортунистам удержаться на поверхности. Рабочее движение оказалось отброшенным, с точки зрения организационной, на десятки лет назад. Если партия рассыпалась на мелкие ячейки, то с профсоюзами дело обстояло еще хуже. Они просто прекратили существование. Рабочие нуждались в этих организациях, и в трудной борьбе, через промежуточные ступени, вроде упо-

¹⁵ «Documente din istoria mişcarii muncitoreşti din România». Buc., 1966, p. 91.

¹⁶ «Social-Democraţia. Foaie săptăminală», 27.V 1918.

¹⁷ «Social-Democraţia», 27.V 1918.

мянутых выше делегаций, возрождали свои синдикаты. В этих условиях они приветствовали появление всякого центра, выступавшего в защиту их непосредственных интересов, и всякого органа, поддерживавшего их экономические требования. Поэтому они справедливо усматривали в появлении «Сочиал-демократии» свое большое достижение.

Румынский рабочий в то время был, употребляя выражение Энгельса, революционером по инстинкту и по своему социальному положению. Но не больше. В довоенной Румынии не существовало последовательно марксистской партии. Левые социал-демократы, мучительно пробивавшие путь к ленинизму, были слишком слабы, чтобы повести за собой пролетариат.

Октябрьская революция открыла эпоху, когда месяц борьбы давал больше, чем десятилетия прежней «мирной» деятельности не только для революционной практики, но и для теории.

Но в Молдове в критический момент самым пагубным образом сказалась нехватка закаленных опытных кадров революционных руководителей.

Наиболее выдающиеся деятели революционного крыла социал-демократии уехали на юг России, и тем самым поневоле ослабили его позиции в Молдове¹⁸, что помогло оппортунистам утвердиться на руководящих постах в восстанавливаемой партии.

Революционерам, возвращавшимся тайком из России, пришлось скрываться от полиции, которая преследовала их по пятам. Над ними тяготело обвинение в государственной измене — они ведь не только в печати, но и с оружием в руках выступали против интервентов в Бессарабии.

7 апреля 1918 г. власти забили тревогу. В циркуляре, подписанном секретарем военного министерства генералом Разу, сообщалось о приезде в Румынию 146 рабочих с верфей в Одессе.

Все они — синдикалисты, значительная часть сражалась в рядах революционных батальонов. «За этими элементами, опасными для внутреннего спокойствия, должны быть установлены пристальное наблюдение и контроль», — писал Разу. Для этого при комендатурах Ясс и Галаца организуется специальная служба безопасности, «укомплектованная отборным составом»¹⁹. Он предлагал сигуранце направить в оба города своих наиболее опытных осведомителей, что было немедленно исполнено. Вот какой переполох вызвало возвращение из России революционеров во

¹⁸ Признания такого рода раздавались на вечерах воспоминаний румынских интернационалистов 17 октября 1930 г. и 27 марта 1934 г. — ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 127, 151.

¹⁹ Генерал Разу — в министерстве внутренних дел, 7.IV 1918. — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, п.л. 157, ч. I. Опубликовано: *Marea Revoluție Socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România*. Buc., 1967, № 14, p. 22—23.

главе с Георге Строичем и Константином Поповичем! Правда, произошла неувязка: одни администраторы получили приказ о немедленном аресте всех руководителей движения и участников революционных батальонов, а другие — нет²⁰. В результате Строичу и некоторым другим вожакам удалось на время скрыться. Но они вели жизнь преследуемых изгнанников.

Оппортунисты не внушали олигархии такого страха, им в известных пределах разрешали действовать, и из 10 секций партии, восстановленных в Молдове к октябрю, девять находились под их руководством. Исключение составляла галацкая секция, т. е. как раз та, в которую вошли возвратившиеся из Одессы судостроители.



1 июля руководители ясской секции созвали — без консультации со своими коллегами из Бухареста — региональный конгресс партии и профсоюзов Молдовы. Сообщение с оккупированной зоны было затруднено, но не представляло непреодолимых препятствий. Ясские лидеры явно спешили, стремясь навязать партии и рабочему движению вообще свою линию, о чем свидетельствовало приглашение профсоюзов, чего не случалось с 1912 г. (всего присутствовало 28 делегатов из 10 городов).

Рабочие воспользовались конгрессом, чтобы во весь голос заявить о своих нуждах и требованиях. Колоссальный рост цен, острая нехватка товаров первой необходимости, разгул спекуляции обрекали их на постоянное недоедание. Конгресс принял решение о развертывании движения за повышение заработной платы и улучшение снабжения продовольствием. Он потребовал реквизировать продовольствие, наворованное и припрятанное спекулянтами и частными лицами, и установить строгий рацион. Конгресс высказался в пользу целого ряда важных мероприятий: законодательного признания профсоюзов как юридических лиц и коллективных договоров; установления 8-часового рабочего дня и минимума зарплаты; предоставления еженедельного отдыха в 36 часов; охрану труда женщин и детей; отмену сдельщины; реорганизации на демократической основе касс взаимопомощи; отмену акцизов, введение прогрессивно-подходного налога при освобождении от него всех лиц с годовым доходом, не превышавшим 3 тыс. лей.

Конгресс коснулся и политических вопросов. Он выступил с программой реформ, предусматривавших отмену чрезвычайного режима, свободу распространения идей, предоставление гражданских прав евреям, введение равноправия женщин, национализацию страховых обществ и Национального банка, признание

²⁰ См. телеграмму префекта уезда Ковуркуй подполковника А. Сидери в министерство внутренних дел от 20 апреля 1918 г.—Ibid., p. 19.

права рабочих на стачку. Конгресс потребовал экспроприации помещичьей земли и передачи ее крестьянам.

Решений было принято немало. И все же при знакомстве с его материалами бросается в глаза не то, что было сделано, а то, что было опущено. Выдвинутая программа не выходила за рамки буржуазно-демократических преобразований. Уже в те годы существовали государства, в которых разработанные яскими реформистами мероприятия были осуществлены полностью или в значительной степени.

Конгресс не предпринял даже попытки проанализировать сложившуюся в Румынии социально-политическую обстановку,— в этом случае всплыл бы вопрос о перспективах революции, чего реформисты всячески старались избежать. Главной задачей по-прежнему выступало всеобщее избирательное право. Одним словом, оппортунисты остались верны себе и знамени II Интернационала, к возрождению которого они призывали.

Конгресс затронул животрепещущий вопрос о мире и призывал социалистов воюющих и нейтральных стран «с общего согласия предпринять быстрые и могучие акции в национальном и международном масштабе для навязывания длительного мира без аннексий и контрибуций при уважении права каждого народа самому распоряжаться своей судьбой»²¹.

Цензура пропустила эту декларацию без изъятий. Еще бы! Ведь против аннексий и контрибуций — если от них страдала Румыния — высказался «сам» генерал Авереску. Иное дело, когда в роли захватчика выступала румынская олигархия, как это произошло незадолго до этого с Бессарабией. Но реформисты и не думали протестовать против этой агрессии, хотя в Бессарабии право народа распоряжаться своей судьбой было растоптано самым бесцеремонным образом.

Решения конгресса в Яссах известны лишь в газетном, т. е. подцензурном варианте. Однако то обстоятельство, что после него не появилось каких-либо подпольных изданий, проливающих свет на какие-то стороны его деятельности, о которых нельзя было сообщить открыто, позволяет считать, что таких сторон вообще не существовало. Воспользовавшись сложившейся в Молдове обстановкой, яские лидеры попытались восстановить довоенную стратегию и тактику почти во всей полноте. Конгресс завершился избранием ранее не существовавшего органа — регионального комитета из пяти человек во главе с И. Сионом, который «в случае нужды должен был представлять и защищать движение» всей страны (хотя его никто на это и не уполномочивал).

Подобные далеко идущие планы Сиону и его коллегам осуществить не удалось. В самой Молдове нашлись силы, выступив-

«Social-democrația», 8 (21). VII 1918.

шие против оппортунистических лидеров. Некоторые участники движения в Фокшанах с помощью германских солдат — социал-демократов наладили связи с нелегальным центром в Бухаресте. На собрании молодежи в Яссах были одобрены манифесты «максималистов». А революционеры из Галаца, среди которых была сильная прослойка возвратившихся из России судостроителей, игнорируя «региональный комитет», установили сотрудничество с Алеку Константинеску²². Но так реагировали лишь передовые и пока очень немногочисленные отряды пролетариата.

Позиция «ни с места по сравнению с довоенным уровнем», занятая яскими реформистами, имела и другую сторону. Буржуазия, подчиняясь веяниям времени, восприняла, хотя и с оговорками, пункт, являвшийся гвоздем программы социал-реформистов.

Многие рабочие не разбирались, чем отличается всеобщее избирательное право в интерпретации реформистов от такого же требования в интерпретации буржуазной. Они упорно отстаивали свои экономические интересы, упрямо боролись за демократические права, не жалели усилий ради восстановления профессиональных организаций. Но необходимость свержения капиталистического строя для них еще не стала ясной. И в этом рука об руку действовали буржуа и социал-реформисты. Первые преследовали и расправлялись с революционерами. Вторые старались не допустить проникновения в рабочие организации революционной идеологии и отстоять свое руководящее положение в них. При этом, так сказать, по ходу дел, буржуазия подрывала положение оппортунистов, стремясь распространить свое влияние среди отсталых слоев пролетариата, тех, кто не возвышался еще над уровнем тред-юнионистской идеологии.

Буржуазия перехватила у социал-демократов и лозунг земельной реформы — с тем большей легкостью, что работа в деревне была у тех всегда «запущенным участком». Трудовики и даже либералы усвоили социалистическую терминологию и смело называли готовящийся выкуп части боярской собственности экспроприацией помещичьих земель. Поэтому провозглашенный региональным конгрессом в Молдове лозунг не прозвучал как нечто принципиально отличное от программы буржуазных партий. А поскольку систематического и планомерного разоблачения характера подготавливаемой реформы, показа не только ее ограниченности, но и выгоды для помещиков и буржуазии не велось, вера крестьянства в королевские обещания не была подорвана. Оно продолжало борьбу за землю, но без руководства рабочего класса это движение не переросло в классовую борьбу против помещичьего землевладения в целом.

²² V. Liveanu. 1918..., p. 270—271.

Революционеры, оставшиеся в оккупированной зоне, ставили своей главной целью разъяснить трудящимся смысл происшедших в соседней стране событий. Русский народ, говорилось в воззвании, появившемся весной 1918 г., «установил демократическую республику, при которой не будет ни князей, ни бояр, когда управлять будет лишь народ, лишь трудящиеся». Характерно, что аграрный вопрос занимал в этом документе главное место:

«Крестьяне! Насильственная экспроприация мироздов — захват находящихся в их руках земель — должна быть осуществлена нами со всей решительностью и любыми средствами! Экспроприация... должна быть осуществлена силой!» Интересно, что в оригинале слово «сила» повторяется дважды, причем употребляются два бытующих в румынском языке варианта, один из которых славянского, а другой — латинского происхождения: («*cu sila, cu forta*»). Заканчивается воззвание энергично: «Будьте готовы к тому, чтобы действовать самим, действовать любой ценой и, в случае необходимости, с оружием в руках!»²³.

На 1 Мая кружки откликнулись боевыми лозунгами. Они провозгласили войну «собственной буржуазии» и братство трудящихся всех стран: «Да, класс богачей и консервативные политики пользуются всеми свободами и под крылышком завоевателей. Рабочие же испытывают двойной гнет собственных толстосумов и вооруженных лаксеев Вильгельма II», — говорилось в листовке. Но существуют две Германии, и Германия Либкнехта и Розы Люксембург знает о том, что творится в Румынии. «Нет, международная солидарность трудящихся не умерла, и не может умереть», — убежденно провозглашали румынские революционеры²⁴.

Праздник ознаменовался и другим важным событием, а именно, совещанием руководящих деятелей социал-демократической партии.

28 апреля и 1 мая 1918 г., еще тайком, в саду частного дома на шоссе Котрочени, собрались оставшиеся в живых и на свободе члены довоенного Исполкома социал-демократической партии, генеральной комиссии профсоюзов, союза молодежи, представители Бухареста, Плоешти и Бузэу.

Почти два года в оккупированной зоне лишь в глубоком подполье встречались немногочисленные единомышленники. Но оказалось, что «затишье» не прошло даром для движения.

Военный крах и политическое банкротство румынской олигархии, страшная оккупационная пора, две русские революции привели к перевороту в умах передовых рабочих. Совещание вышло в пользу большевистских принципов. Ни одного голоса не

²³ Текст воззвания: «*Țărani și lucrători.*» — «*Documente din istoria partidului comunist*», v. I, p. 42—43.

²⁴ «*Documente din istoria partidului comunist*», v. I, p. 47.

раздалось за сохранение старой программы — и это явилось показателем сдвига, происшедшего среди старых кадров социал-демократии.

Но это вовсе не значило, что румынские реформисты исчезли с лица земли или хотя бы сложили оружие. Будучи ослабленными и численно, и с точки зрения престижа, они пришли к выводу, что настало время лавирования. Три «довоенных» течения в социал-демократии продолжали существовать — и при обсуждении вопросов о текущем моменте, о положении дел в России и в Европе выявились разногласия²⁵.

Оппортунистов «представлял» Титель Петреску, отстаивавший «умеренную» тактику и советовавший заменить «Комитет действия» (явно не отличавшийся умеренностью) другим органом.

Центристы качнулись влево. Их представитель, Илие Москович, выступивший с докладом, с оговорками заявил о своем согласии с революционными принципами и даже в крайнем случае допускал нелегальные средства.

Румынский историк В. Ливяну приходит к выводу, на наш взгляд, обоснованному, что центристы хотели ограничиться провозглашением программы социалистических преобразований, без борьбы за их реализацию²⁶. Во всяком случае, когда они сталкивались, но не на словах, а на деле с необходимостью нелегальной революционной борьбы, их реакция была резко отрицательной. Тот же Илие Москович в 1919 г. наотрез отказался привести тактику в соответствие с коммунистическими принципами²⁷.

Но в мае 1918 г. почвы для такого резкого столкновения революционеров и центристов еще не существовало.

Некоторые участники совещания высказались против деятельности в парламенте, советовали отказаться от программы минимум, — она-де лишь отвлечет рабочих от великих целей, — и от работы в профсоюзах. Это было опасным признаком того, что «детская болезнь «левизны»» не миновала и Румынию.

Алеку Константинеску требовал немедленных действий: «Русская революция нам поможет... Не надо думать о длительной подготовке, надо шагать в ногу с мировой революцией». Поддержанный несколькими делегатами, он возражал сторонникам автономии профсоюзов и антипарламентаристам.

²⁵ Протокола совещания не сохранилось, исследователи основываются поэтому на воспоминаниях участников. Отсюда — неполнота, порой даже фрагментарность в воссоздании событий в оккупированной зоне, которую автор, из-за малого числа имеющихся в его распоряжении источников, не в силах преодолеть.

²⁶ V. Liveanu, 1918, p. 264—265.

²⁷ Доклад генеральному директору сигуранцы, октябрь 1919 г. — ЦГАОР, КМФ-14, за 32, п.л. 157, ч. III.

Очень важным и многообещающим было решение совещания «постараться проникнуть в деревню»²⁸.

Вскоре на участников совещания обрушились репрессии оккупантов. В руки немцев попал протокол заседания, все 13 выступивших в прениях были арестованы, в том числе члены исполкома партии, за исключением одного, случайно отсутствовавшего.

«В рабочей среде,— вспоминала Е. Арборе,— наш арест вызвал сильное волнение, около тюрьмы все время устраивались демонстрации»²⁹. 4 июня узников должны были привезти на допрос в здание трибунала. Вокруг собралась толпа. Появились румынские полицейские и их «коллеги» — немецкие патрульные с собаками. Демонстрацию разогнали³⁰. Но провезти социалистов по городу так и не решились — следователи сами явились в их камеры³¹.

С помощью болгарских тесняков и находившихся в рядах немецкой армии социал-демократов узникам удалось установить связь с депутатами от Независимой СДП Гаазе и Ледебуром, которые выступали с запросом в рейхстаге по поводу ареста и узники были выпущены без суда.

На Бухарестский мир оставшиеся в оккупации социалисты откликнулись воззванием, в котором резко осудили его империалистическую сущность. Никто не стремится к миру больше, чем рабочие,— говорилось в воззвании. Но за этот договор пролетарии не отвечают. «Мы берем на себя обязательство бороться рядом с социалистами всего света за социальную революцию...»³²

К возвращавшимся в родные места демобилизованным солдатам был обращен манифест «Добро пожаловать!». Не к спокойной жизни звали революционеры солдат: «Будете готовы к великой борьбе. Пусть русская революция служит нам примером и образцом. Румыния должна стать социалистической республикой! Не забывайте, что вы, когда захотите, становитесь самой страшной силой на земле!»³³

В дни инсценировки парламентских выборов, осуществленной Маргиломаном, коммунисты провозгласили: «Лишь революция уничтожит прогнивший капиталистический строй»³⁴.

²⁸ Е. Арбарри - Ралли. Социалистическое движение в Румынии.— «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7-8, стр. 1029.

²⁹ Там же, стр. 1030.

³⁰ Призыв к демонстрации см. в листовке «Максималистской федерации Румынии».— «Documente din istoria mișcării muncitorești din România», p. 86.

³¹ Манифест. «Tovarași și muncitori».— Documente, v. I, p. 58. С. Cușnir-Mihailovic. Op. cit., p. 160.

³² «Documente din istoria partidului comunist...» v. I, p. 51—52. Подпись: «Федерация максималистов Румынии».

³³ «Documente din istoria partidului comunist...», v. I, p. 54—55. Подпись под манифестом гласила: «Совет рабочих и солдат максималистов».

³⁴ Ibid., p. 57.

Призывы к вооруженному восстанию стали обычными в революционных документах лета 1918 г.: «...Так будем же верить в собственные силы и в оружие, имеющееся в наших руках, и повернем его против подлинных наших врагов!

К делу, товарищи, долой капиталистическую тиранию!»³⁵.

Тогда же стало употребляться пока еще взятое в кавычки слово большевизм: «Завтра,— говорилось в листовке, подписанной «рабочие-социалисты»,— господам Маргиломану, Авереску, Брэтиану, и Стере придется дать ответ румынскому «большевизму», и генералу Авереску не удастся справиться с ним так легко, как с крестьянством в 1907 году...»

«...Румынский народ в селах и городах должен знать, что единственное спасение лежит на пути, по которому пошел русский народ и по которому готовятся идти все народы Европы. Румынский народ должен быть готовым к тому, чтобы вырвать власть из рук вчерашних и сегодняшних господ, отобрать у них фабрики и земли для того, чтобы покончить с бедностью, нищетой и невежеством, установить господство трудящихся и превратить Румынию в социалистическую республику, входящую в Федерацию Социалистических Республик Европы»³⁶.

Революционеры решительно и гневно выступили против захвата Бессарабии. Румынская армия пересекла Прут, чтобы потопить в крови завоевания русской революции, говорилось в специальной листовке. «Страх перед румынской социальной республикой довлеет над олигархией. Богачи опасаются раздела своего имущества, а политические шарлатаны уже видят себя в роли кельнеров в далеком Чикаго». «На могильной плите правительства Брэтиану румынские рабочие должны написать: «После разгрома и унижения оно выступило против русской революции».

«Румынский народ будет самым презренным среди народов, если после кровавой веспы (1)907 года, когда было убито 11 тысяч крестьян, будет терпеть издевательства румынской олигархии»³⁷

Революционеры много внимания уделяли событиям на заводах и фабриках. Возникавшие на предприятиях конфликты отражались в подпольной литературе. Еще весной появилась специальная листовка с протестом против ареста двух рабочих с металлургического завода «Траян Раховей», «вина» которых заключалась в том, что они потребовали платы за выполненное ими же задание³⁸.

³⁵ «Documente din istoria partidului comunist...», v. I, p. 61.

³⁶ Ibid., p. 62—64. Это воззвание в СССР имеется в коллекции Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 1019, оп. 2, д. 307, л. 1.

Manifeste adresate muncitorilor români după revoluția socialistă din Octombrie 1917.— Biblioteca Academiei R.S.R., Secția de manuscrise, Arhiva D. A. Sturdza, VIII, acte 144—160.

Листовку, подписанную «рабочие социалисты», см. *ibid.*, Acte 144—166, f. 145

Приведенное нами выше воззвание, говорившее «о высшей справедливости большевизма» клеймило в то же время варварскую эксплуатацию рабочих на железных дорогах и заводах «Вулкан», «Вольф», «Лэмэтр».

Из-за скудости имеющихся источников трудно судить о размахе стачечного движения в оккупированной зоне в последние месяцы войны. Угроза оказаться за малейший протест за тюремной решеткой или колючей проволокой концлагеря пугала многих. Но по отрывочным данным можно прийти к выводу о том, что конфликты не прекращались, а скорее даже множились. В июле бастовали столичные печатники; позднее — металлисты; бросили работу нефтяники Қымпины и оккупанты арестовали их руководителей.

Вот что говорилось в листовке: «В столице металлурги и железнодорожники брошены в немецкий карцер потому, что требовали увеличить заработную плату, потому, что не хотят работать и дальше голодными, потому, что не могли дальше смотреть, как их семьи и дети умирают с голоду... В Қымпине арестован 71 рабочий. Причины те же... Один товарищ, совсем еще мальчик, умер в темнице. Этого забыть нельзя!...

Рабочие!

Нельзя больше терпеть подобные преступления. Готовьтесь к борьбе! Поймите, что господствующий класс черпает силу в отсутствии у вас смелости и организованности... Надо привыкать говорить по-русски»³⁹.

После заключения мира началось возрождение профсоюзов. Вполне открыто действовало лишь общество взаимопомощи «Мунка». Другие организации, еще очень слабые и разрозненные, не признавались и как-то даже не замечались. Но их и не преследовали. В сентябре — октябре, когда оккупанты готовились укладывать чемоданы, профсоюзы и социалисты стали уже регулярно проводить заседания.

Интересные воспоминания о воссоздании крупнейшего в столице союза металлистов оставил Георге Марин. Предварительно в одном из парков собрались делегаты различных фабрик и заводов. Решено было действовать быстро и бесшумно, чтобы не всполошить немцев и не очутиться в пользовавшейся мрачной славой тюрьме Жилава. Само собрание состоялось среди бела дня в центре города в социалистическом клубе на улице Сфынтул Ионика. Клуб был закрыт, но у коменданта здания сохранился ключ, которым и воспользовались активисты.

Рабочие явились празднично одетые, как на большое торжество. За окнами раздавались шаги патрулей.

Было избрано временное руководство союза во главе с видным деятелем коммунистических групп Панделе Бекяну.

³⁹ «Documente din istoria mişcării muncitoreşti din România», p. 99—100.

С того дня на улицу Сфынтул Йоника началось паломничество рабочих. Вслед за металлистами воссоздали свои организации плотники, сапожники, железнодорожники⁴⁰. Столь же «самоchinно» возникли союзы железнодорожников в Плоешти, железнодорожников и судостроителей в Турну-Северине.

Одновременно усилилось стачечное движение. Рабочие требовали увеличения зарплаты, уважения их человеческого достоинства, признания права на организацию. Лишившись помощи оккупантов, которым стало не до стачек, хозяева шли на уступки.

Правда, рост зарплаты мало облегчал положение: цены росли, продукты исчезали даже с черного рынка, на получонные «лишние» бумажки почти ничего нельзя было приобрести. Бóльшее значение имело признание властями в Брэиле и Констанце рабочих делегаций и сокращение на ряде предприятий продолжительности рабочего дня.

Но даже и эти скромные успехи в сплочении рабочих и в их повседневной борьбе восстанавливали веру пролетариата в собственные силы.



Летом и осенью 1918 г. окрепли связи между румынскими революционерами на родине и теми, кого война забросила в Россию⁴¹.

Интернационалисты в нашей стране получали не только фронтовую выучку. Здесь из их среды ковались те кадры пролетарских революционеров, которые впоследствии вошли в золотой фонд национальных коммунистических партий.

Революционная крестьянская румынская партия, связанная многотысячной массой бывших пленных, приобрела прочную базу. 24 марта 1918 г. (н. ст.) стала издаваться газета «Фоайа țэранулуй» («Крестьянский листок»). На первых порах ее внимание, естественно, было приковано к положению в Трансильвании. С ее страниц звучал славный лозунг Великой Французской революции XVIII в. — «Мир хижинам, война дворцам»⁴². В газете печатались статьи и доклады видных большевиков о задачах и целях РКП⁴³.

Первые номера были пронизаны духом боевого революционного крестьянского демократизма. Лозунг, провозглашенный Марксом и Энгельсом, был дополнен и звучал так: «Крестьяне и

⁴⁰ Gh. Marin. Crimpee de viața. Tiraspol — Balta, 1934, p. 18—19.

⁴¹ А. Константиеску в 1918 г. дважды, в августе и октябре, был в Москве (R. Deutsch. Op. cit., p. 450).

⁴² «Foaia țaranului», 28.IV 1918.

⁴³ Напр., А. Коллонтай. Кто такие коммунисты и что они хотят («Foaia țaranului», 12.V 1918).

рабочие всех стран, объединяйтесь». На собраниях обращались друг к другу со словом «брат». Явно приспособившись ко взглядам крестьянства, руководители партии объявили: «Мы хотим мира, который проповедовал господь наш Иисус Христос»⁴⁴. Но программа партии носила социалистический характер⁴⁵. Ее заслугой явился полный и решительный разрыв с оппортунизмом. Она сбросила груз парламентских иллюзий, десятилетиями тяготивший над австро-венгерским социалистическим движением. «Не нужно больше парламента! — писала газета в дни, когда кайзер Карл, пытаясь предотвратить распад своих владений, созвал рейхсрат. — Парламентская борьба кончилась. Долой болтовню! Теперь говорит улица, говорит толпа, говорят факты!»⁴⁶. Алексей Генегарю в речи перед трансильванцами — делегатами конгресса бывших военнопленных (14—18 апреля 1918 г.) говорил: «К вам обращаюсь я, братья... не возвращайтесь домой с пустыми руками. Вступайте в румынские отряды интернациональной армии. Те, кто уже не способен носить оружие, пусть расскажут по возвращении домой, что они видели здесь, пусть говорят, что к ним относились как к братьям, что они были свободными, а дома застали рабство. Графы и бароны попытаются обольстить вас красивыми словами, направить против венгерских рабочих и крестьян. Не повторяйте ошибок прошлого! Помните, что в единении сила!»⁴⁷ В тяжелые для Советской России дни, когда кольцо блокады сжималось все туже и армии белогвардейцев и интервентов подбирались к важнейшим центрам страны, со страниц газеты звучал призывный набат: «Румыны! Русская революция, залог нашей революции, в опасности! Защищайте ее с оружием в руках, везде, всегда и против любого врага, будь то даже любимый брат!»⁴⁸.

По мере того как приближался крах австро-германской военной группировки, проблемы мира все больше занимали трансильванских революционеров, сгруппировавшихся вокруг «Крестьянского листка». Они со вниманием и пониманием отнеслись к развернувшемуся на родине национально-освободительному движению и особо отметили принятые на конференции угнетенных народов Австро-Венгрии (чехов, южных славян, поляков, итальянцев и румын) решения об их праве самим определять свою судьбу, о том, что мир не может быть прочным без их освобождения⁴⁹.

⁴⁴ «Foaia țaranului», 24.III 1918.

⁴⁵ Основные требования: вся земля крестьянам; вся власть советам крестьянских и рабочих депутатов; обеспечение прав национальных меньшинств; национализация всех банков, фабрик, предприятий, неустанная борьба против капитализма и империализма (ibidem).

⁴⁶ «Foaia țaranului», 2.VI 1918.

⁴⁷ «Foaia țaranului», 28.IV 1918.

⁴⁸ «Foaia țaranului», 2.VI 1918.

⁴⁹ «Foaia țaranului», 2.VI 1918.

Благотворно сказались на деятельности трансильванских революционеров вступление их руководителей в РКП(б).

13 апреля 1918 г. Алексей Генегарю, Михаил Гую и Харитон Пескарю сообщили ЦК РКП(б) об образовании румынской группы, действующей «строго в рамках программы партии и ее устава» с целью подготовки социальной революции «среди рабочих и крестьян, говорящих по-румынски и живущих в нескольких странах»⁵⁰. Такие же заявления поступили от венгерских, чешских, югославских революционеров. В мае стала функционировать федерация иностранных групп при ЦК РКП(б), во главе которой стал Бела Кун.

Румынская группа была немногочисленна, в ее состав входили два-три десятка людей⁵¹. Ее руководители пытались даже теоретически обосновать это: «Румынская группа основана на принципе малочисленности», — ей нужно не количество, а убеждение и дисциплина, ибо группе предстоит конспиративная деятельность.

Приходится изумляться той огромной работе, которую проводила эта горстка людей. В соответствии с основной задачей федерации она развернула широкую агитацию среди соотечественников, обращая особое внимание на вербовку в ряды Красной Армии⁵². К сентябрю 1918 г. ячейки группы были образованы в Смоленске, Саратове, Астрахани, Алатыре, Перми, Орле и Воронеже и ее руководители сообщали ЦК, что собираются основать новые в Курске, Твери, Тамбове и Балашове с помощью людей, оканчивающих созданную федерацией школу агитаторов⁵³.

Группа вела интенсивную издательскую деятельность, стремясь познакомить не только пленных, но и румынских рабочих и крестьян как с общими принципами научного коммунизма, так и с конкретным положением в Румынии, Трансильвании и Бессарабии, с развитием революции в России и ходом гражданской войны. За неполный год (до февраля 1919 г.) было выпущено 43 номера газеты «Фойа цэранулуй» тиражом по 10 тыс. экземпляров и 16 брошюр (всего 225 тыс. экземпляров). Среди последних — «Конституция РСФСР», несколько работ В. И. Ленина и Бела Куна. Наиболее деятельным румынским пропагандистом

⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 103, л. 1.

⁵¹ 25 человек на 7 сентября 1918 г. См. письмо А. Генегарю и Х. Пескарю в ЦК РКП(б). — ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 5, л. 42; в декабре группа насчитывала 31 человек (вся федерация 109). Список см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 11, л. 4.

⁵² Инструкция для Федерации иностранных групп. — ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 7, л. 9. Поскольку эта сторона деятельности широко освещена в появившихся в последнее время работах, мы на ней не останавливаемся.

⁵³ А. Генегарю, Х. Пескарю. — ЦК РКП(б), 7. IX 1918. — ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 5, л. 42. В отчете группы за декабрь 1918 г. говорилось о ячейках в Саратове, Астрахани, Тамбове, Воронеже, Курске, Минске (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 43, л. 8).

был А. Николау (брошюры «Революция и Бессарабия», «Годовщина социальной революции»). Особо надо отметить выпуск воззваний (общим числом 9), обращенных к румынским и молдавским рабочим и крестьянам, к румынским солдатам на Украине, в Бессарабии и Трансильвании, к бывшим военнопленным трансильванцам в России⁵⁴.

Уже сама тематика издававшейся группой литературы показывает, что она оставалась верна поставленной цели — распространять идеи социальной революции повсюду, где есть румыны. Первым «эмиссаром» в Румынию и Трансильванию для связи с тамошними коммунистами был отправлен Шофрон Котеску⁵⁵. В сентябре группа информировала ЦК РКП об отъезде одного из своих руководителей Михаилу Гую. Она сообщала также, что через Румынию курьерами отправлены письма «надежным товарищам» в Будапешт. Поскольку ответ задерживался, туда направили двух делегатов⁵⁶. В ноябре расходы группы составили 39 тыс. руб., из них 5 тыс. было затрачено на агитацию на родине⁵⁷. Надо при этом учесть, что последняя цифра не включала стоимость переправлявшихся в Румынию и Трансильванию агитационных материалов, которая проходила по другой статье сметы.

Формы распространения литературы были различными. В России почта работала с перебоями, поэтому группа не всегда решалась вверять газеты, листовки и брошюры этому ненадежному ведомству и отправляла их с курьерами, каждый из которых был нагружен двумя, тремя и даже пятью пудами печатной продукции⁵⁸. Обратно в голодную Москву они везли продовольствие. Однако такого снабжения не хватало и время от времени румынские коммунисты посылали кого-либо из своих товарищей за хлебом и картошкой. Время было трудное...

Для посылки коммунистических изданий в Румынию и Трансильванию почта не годилась. Курьеры с риском для жизни переправляли ее через границу. Позже, в конце года, в Одессе и Раздельной были созданы даже особые агентства⁵⁹ для переправки литературы. В Трансильвании, где в октябре 1918 г. вспыхнула революция, издания группы распространялись открыто. В эту сбросившую иго Габсбургов провинцию хлынул из России поток бывших военнопленных, тысячи из которых прошли революционную закалку в славных интернациональных частях

Список изданной румынской группой к февралю 1919 г. литературы см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 6, лл. 80—81.

Извещение группы от 27.V 1918.— ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 103, л. 2.

Извещение от 7.IX 1918.— ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 5, л. 42.

Смета группы за ноябрь 1918 г.— Там же, л. 72. В феврале 1919 г. из 21 агитатора группы 5 работали на родине (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 6, л. 77).

См. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 12.

⁵⁹ В отчете группы за декабрь 1918 г. они названы «агентурами».— ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 43, л. 4.

Красной Армии. Многие солдаты везли в своих вещевых мешках, рядом с пехитрыми пожитками, пачки прокламаций и газет.

Но румынская группа, развернувшая такую кипучую деятельность, составляла лишь один из отрядов коммунистического движения этой страны. Ее агитаторы вступали в контакт с единомышленниками на родине. Сплачивались и румынские коммунисты, разбросанные гражданской войной по бескрайней России. В перечне литературы, изданной группой, мы упоминали о брошюрах Александра Николау, — того самого, с которым мы расстались в Феодосии⁶⁰. Дело в том, что в мае «южане» прибыли в Москву. Нелегким был их путь. Из Крыма, где они с трудом вырвались из рук самозванных атаманов, в Новороссийск, затем — Царицын. Во время этой одиссеи по охваченной гражданской войной России было утрачено, очевидно, безвозвратно, много ценных документов... Двадцатого числа того же месяца в «Правде» появилась статья за его подписью⁶¹, в которой он с партийной страстью описывал «политическую трагикомедию и шантаж» в лагере румынских правителей, грабительские условия Бухарестского мира и предрекал: «Рабочие, крестьяне, солдаты Румынии рано или поздно соединятся, чтобы свергнуть короля и олигархию»⁶².

6 августа в разделе «Партийная жизнь» в «Правде» было напечатано сообщение об образовании Румынского революционного комитета из членов бывших Верховной автономной коллегии и военно-революционного комитета, «стоящего на платформе революционного коммунизма и власти Советов». Своей важнейшей задачей новая организация считала «официальное представительство румынской социал-демократической партии за границей, осведомление революционной России о положении дел в Румынии». Она рассматривала себя как связующее звено между двумя революциями, — русской и надвигающейся румынской, и в то же время указывала, что является «высшим органом румынского революционного движения в России», и, как таковой, объединит «социально-политическую деятельность» своих соотечественников.

Так в Москве возник второй центр румынских коммунистов. Этот нелогичный на первый взгляд факт объяснялся сложившейся обстановкой. Группа, входившая в РКП(б), действовала летом 1918 г. главным образом как трансильванская организация и ее внимание было приковано к событиям, происходившим в Австро-Венгрии. Комитет обращал свои взоры в первую очередь к тогдашней Румынии.

Постепенно, по мере приближения конца войны, стали вырисовываться контуры новых или изменившихся государственных

⁶⁰ См. стр. 275.

⁶¹ В газете по ошибке было написано Николаи.

⁶² «Правда», 20.V 1918.

образований в центре и на юго-востоке Европы. Выявилось, что движение за создание и укрепление национальных государств пользуется прочной поддержкой народных масс, в том числе и румынских. Тогда существование двух румынских организаций стало анахронизмом и они объединились.

■

За год, от Октябрьской революции до окончания войны, левые румынские социалисты превратились в коммунистов. Они сделали громадный шаг вперед в теоретической области, усвоив идеи диктатуры пролетариата и Советской власти, как формы ее претворения в жизнь. В тогдашней обстановке это был правильный вывод. Возможность мирного перехода к социализму исключалась: буржуазия, только что без всяких «заслуг» со своей стороны приобщавшаяся к лагерю победителей, разумеется, не склонилась бы перед пролетариатом без яростного вооруженного сопротивления. Парламент служил конституционным прикрытием ее господства. О постепенном преобразовании его и использовании в народных интересах не могло быть и речи. Взорванную восстанием старую государственную машину следовало немедленно заменить новой. Опыт России подсказал ее конкретный облик: Советы рабочих, крестьянских, солдатских депутатов.

Ярче всего эти взгляды выразил Алеку Константинеску в брошюре с выразительным заголовком: «Книга рабов». В брошюре отвергался присущий реформистам II Интернационала взгляд на крестьянство как на реакционный класс. «Пока рабы земли не объединят свои мысли и действия с рабочими фабрик, с голодными рабочими, нельзя добиться справедливости, ибо лишь в единении и борьбе можно это сделать»⁶³. Трудно переоценить значение этих выводов для аграрной страны.

С работой Константинеску перекликается книга А. Николау, «Социалистическая революция в Румынии», написанная в августе 1918 г. «Лишь организованная сила рабочего класса и беднейшего крестьянства, а именно, их Советы, могут спасти Румынию от несчастья»⁶⁴, — писал он.

Николау выдвигал конкретную программу свержения вооруженным путем буржуазно-помещичьего режима и установления диктатуры пролетариата. Укрепление партии он по справедливости считал первым условием успеха⁶⁵.

■

Идеологическая пропасть между революционерами и оппортунистами обозначилась к концу войны с полной четкостью. Ясские реформисты — за «испытанную и освященную тактику... движе-

⁶³ Цит. по: V. Liveanu. 1918, p. 260—261.

⁶⁴ Al. Nicolau. *Revoluția socialistă în România*. Moscova, 1919, p. 6.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 86.

ния» (т. е. легальную), за восстановление старого, провалившегося Интернационала⁶⁶; за то, чтобы судьбы мира решались «западными демократиями, имеющими ныне решающий голос в подготовке нового устройства наций»; социализм маячит перед ними как цель, к которой надо стремиться; они не снимают с повестки дня классовую борьбу⁶⁷, но ведь борьба борьбе рознь...

Революционеры провозглашают: «...Революция русского народа — это и наша революция... Освободиться нам поможет одно: революция! Только с оружием в руках, как русские рабочие и крестьяне, мы сможем стать хозяевами своей судьбы... Да здравствует Румынская Социалистическая республика!»⁶⁸

Они с нетерпением ждут решающего часа:

«Когда же прозвучит сигнал к битве, когда мы увидим, что в одном месте произошло восстание, тогда, товарищи, приступим к делу.

Возьмем оружие. Захватим арсеналы. Не будем разрушать ничего из богатств, которые завтра станут нашими. Не будем жечь хлеб и разрушать вокзалы, выводить из строя телефоны и телеграф, — они станут нашими. Захватим министерства, станции, почту, казармы. Выгоним полицию, жандармов, префектов, примарей, сборщиков налогов, депутатов и королей.

Создадим Советы рабочих, крестьян и солдат, Советы, в которых капиталистам и мироедам будет нечего делать»⁶⁹.

Но было бы ошибкой при подведении итогов пройти мимо одного обстоятельства: отмежевавшись от тактики реформизма, революционеры в Румынии не только не порвали с его носителями организационно, но даже не поставили вопрос об этом. Возможно, в этом в какой-то степени отразились два года подполья при отсутствии не только широких действий, но и широких дискуссий, стремление не допустить раскола в узком кружке. Наконец, реформисты и центристы оккупированной зоны признали на майском совещании необходимость новой программы. И в то же время они проводили — в рамках единой партии — свою линию, стараясь притупить остроту лозунгов левых и мешая выработке революционной тактики.

В идеологическом плане коммунисты выступали прежде всего против корифеев II Интернационала. Идеологи же румынского реформизма оставались по сути дела вне критики. Самый маститый из них, Константин Доброджану-Геря, продолжал пользоваться большим влиянием в партии. Это сказалось и на

⁶⁶ «Social-democrația», 27.V 1918.

⁶⁷ «Social-democrația», 28.X, 4.XI 1918; «Documente din istoria mișcării muncitorești din România», p. 105—106, 107—109.

⁶⁸ «Documente din istoria Partidului Comunist din România...», v. I, p. 109—111.

⁶⁹ Из брошюры: Un an de la revoluția rusă. (Год русской революции), подписанной: «Рабочие-коммунисты Румынии». — «Documente din istoria Partidului Comunist din România», v. I, p. 88.

брошюре Александра Николау «Социалистическая революция в Румынии»⁷⁰. Автор не просто подчеркивал заслуги Гери перед социалистическим движением Румынии, но и попытался сделать революционные выводы из его взглядов, что уже невозможно, не насилуя элементарной логики.

Геря утверждал, что отсталые страны входят в орбиту передовых: «Вся их жизнь, развитие, социальное движение в них определяются переживаемой исторической эпохой». Революция в России нанесла смертельный удар этой теории. А. Николау полагал, что достаточно заменить в формуле Гери термин «капиталистические страны» на социалистические, а «отсталые страны» на капиталистические, и «проблема будет решена»⁷¹.

На самом деле оттого, что «передовой» Запад устранился из формулы, ее реформистское нутро ни в малой степени не менялось. В самом деле, основная сущность ее заключалась в проповеди пассивности: если заимствование передового строя является всеобщим, неизбежным, неотвратимым и автоматическим законом, зачем беспокоиться и готовить революцию?

Правда, этого вывода Николау не делал. Напротив, он писал: вступление Румынии в «концерт Соединенных штатов социалистической Европы может произойти... лишь при неустанной деятельности революционных масс»⁷² и выдвигал программу социалистической революции из 22 пунктов.

Но сам факт не критического отношения к Гере был налицо.

Создается впечатление, что в глазах румынских коммунистов свет Великого Октября как бы погрузил в тень Февральскую революцию. Восприняв душой и сердцем Октябрьскую революцию, они игнорировали то обстоятельство, что ей предшествовал целый этап в развитии революционного процесса, буржуазно-демократический по своему содержанию.

Разумеется, нельзя ставить на одну доску царскую Россию и старую Румынию с ее конституцией, парламентом, ограниченной властью короля. Но анализ исторического развития своей страны должен был бы привести румынских коммунистов к мысли о необходимости завершения буржуазно-демократического процесса, опираясь на рабочий класс и ведя за собой широкие слои общественности — крестьян, городской мелкой буржуазии, демократически настроенной интеллигенции. Этого анализа они в сколько-нибудь развернутой форме не сделали.

Недооценка этого этапа влекла за собой нигилистическое отношение к реформам. В проникнутой революционным пафосом брошюре «Год со времени русской революции» есть строки, свидетельствующие о том, что героический порыв отвлек ее авторов

⁷⁰ См. стр. 328 настоящей работы.

⁷¹ Al. Nicolau. *Revoluția socialistă în România*, p. 58.

⁷² *Ibid.*, p. 68.

от земных расчетов, а они были так нужны для трезвой оценки сил, как собственных, так и противника: «Все наши вчерашние требования мы забыли. Сегодня реакционные партии заимствовали наши вчерашние требования. Но сейчас мы имеем другие. До последнего дня мы требовали лишь крохи с обильного стола имущих, сегодня нам нужны не остатки, а все».

«Мы не хотим больше реформ, а хотим осуществить целиком нашу программу-максимум. Мы не просим ни у кого милости, а заберем все сами»⁷³.

Поставив знак равенства между реформизмом и борьбой за реформы, революционеры не заметили, что не только крестьянство, но и значительная часть рабочих живет в мире иллюзий и сдвинуть их с места можно не призывами, какими бы страстными, революционными и чистосердечными они ни были, а упорной борьбой за их повседневные требования, в ходе которой блекнет вера в классовое сотрудничество и благоволение «сильных мира сего» и крепнут ростки революционной сознательности.

Коммунистические манифесты содержали призыв быть готовыми взять оружие по первому знаку.

Но чтобы прозвучал сигнал, нужна тщательная подготовка. К сожалению, плана подобных действий в манифестах и других коммунистических документах мы не находим. О забастовках, как средстве развертывания массового революционного движения, не говорилось. Программа по крестьянскому вопросу отсутствовала. Призыв к захвату помещичьих владений не давал ответа на волновавший деревню вопрос о формах земельной собственности. Идея необходимости создания партии нового типа не стала еще достоянием коммунистов, действовавших в Румынии.

Не избавились еще от теоретических заблуждений и румынские коммунисты в России. Брошюра Николау, написанная по поручению румынского революционного коммунистического комитета, свидетельствует об этом с достаточной очевидностью.

Николау в ней утверждал категорически: «Революция в Румынии будет социалистической, или ее не будет вовсе»⁷⁴. Буржуазно-демократический этап в развитии революционного процесса он сводил к мимолетному эпизоду: «Быстрое движение к социалистической революции неизбежно на другой же день после свержения монархии и провозглашения республики».

Вопросами стратегии и тактики в ходе этого этапа Николау не занимался. Ленинское указание: «Мы намерены руководить... не только пролетариатом, организованным с.-д. партией, но и этой мелкой буржуазией, опоспособной идти рядом с нами»⁷⁵, —

⁷³ «Documente din istoria Partidului Communist...» v. , p. 86, 87.

⁷⁴ Al. Nicolau. Op. cit. p. 7

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., . 11, стр. 34.

Николау игнорировал. Да он и не мог поступить иначе, ибо считал ее сплошь реакционной силой, «столь же виноватой в несчастье родины, как и олигархия».

Социалистическая революция представлялась ему не ожесточенной борьбой с буржуазно-помещичьими властителями Румынии, а схваткой между пролетариатом и мелкой буржуазией, которые останутся «лицом к лицу»⁷⁶.

Николау совершенно правильно писал о передаче власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Но предусмотренное им решение аграрного вопроса не могло привлечь крестьян (а, стало быть, и солдат) на сторону революции. Десятый пункт помещенной в его книге «Немедленной программы революции» говорил о конфискации поместий и национализации всей земли с передачей ее в распоряжение крестьянских советов⁷⁷.

Сельская община в Румынии давно распалась, крестьяне владели своими участками на правах частной собственности и боролись за передачу им боярских угодий именно в собственность. Иного решения вопроса они не принимали, и лозунг национализации земли наталкивался в деревне на холодок и отчуждение, если не на открыто враждебное отношение.

Вопрос о союзниках пролетариата, жизненно важный в условиях слаборазвитой страны, какой оставалась Румыния, был ахиллесовой пятой выдвинутой в брошюре «Социалистическая революция в Румынии» программы. И здесь, помимо воли автора, на первый план выдвигался тезис о социалистическом окружении: «Социалистический пролетариат окружающих стран» «окажет братскую помощь рабочим и беднейшему крестьянству Румынии», пролетарский интернационализм из резолюций, принимаемых единогласно и с энтузиазмом, превратится в практическое дело. «И мы объявляем уже сейчас, что мы — за эту интервенцию»⁷⁸.

Мы так подробно остановились на брошюре Николау потому, что в ней отчетливо выступают недостатки молодого румынского коммунистического движения, не преодолевшего еще полностью идеологическое влияние оппортунизма и в то же время поддавшегося уже «детской болезни левизны».



В ноябре в значительной части Валахии, включая Бухарест, создалось исключительное, если не сказать уникальное положение: она на какой-то срок, различный в разных местах, но исчис-

⁷⁶ Al. Nicolau. Op. cit., p. 79.

⁷⁷ Al. Nicolau. Op. cit., p. 84.

⁷⁸ Ibid., p. 67. Отметим, что преувеличенные надежды на помощь извне возлагались и в двух «Докладах-обращениях румынской социал-демократии к русской революции».

лявшийся неделями, оказалась «ничейной» зоной: немцы ушли, а союзники застряли около Дуная.

В Бухаресте еще 21 октября начались открытые столкновения населения с оккупантами. Поводом послужил слух, что в отеле «Атенэу-палас» находятся французские офицеры, прибывшие для переговоров о капитуляции немцев. С утра на площади у гостиницы собралась толпа, нетерпеливо поджидавшая мнимых парламентариев. Раздавались румынские и французские песни. Прибывшего коменданта города генерала Коха демонстранты освистали. Тогда немецкая полиция разогнала толпу, арестовав 67 человек. Характерно, что румынские сбирьы, до тех пор тесно сотрудничавшие с оккупантами, от участия в этом уклонились⁷⁹.

Следующую неделю Бухарест питался слухами. Связи с Молдовой оборвались. Премьер Маргилومان, раньше то и дело посещавший столицу, не появлялся; об его отставке узнали с запозданием. Между тем немцы поспешно выводили свои части из города. В воскресенье 28 октября (10 ноября) стало известно о румынском ультиматуме. Миссия связи ясского правительства выехала из столицы. Одновременно в префектуру полиции прибыло последнее распоряжение коменданта — сдать имевшееся оружие (некоторые полицейские имели револьверы). Это была излишняя предосторожность: опасность угрожала оккупантам никак не со стороны полицейских. Впрочем, комендант быстро согласился на компромисс: оружие было разрешено хранить в префектуре полиции. Городские власти призвали жителей соблюдать спокойствие.

На следующий день сведения о разрыве ясского правительства с Германией подтвердились. Во многих окнах появились национальные флаги. На центральной улице Каля Викторией собравшаяся толпа освистала уходившие колонны. На улице Сфынтул Ионика войска стреляли в демонстрантов. Были убитые и раненые.

Префект полиции Цигара-Самуркаш получил разрешение раздать полицейским оружие. Санкцию на это дал лично Макензен, оговорив, что оно может быть использовано лишь для «охраны порядка» в городе.

Тем временем в столице продолжались волнения. Горели авиационные ангары в Котрочени, склады продовольствия и дров. Ненависть к оккупантам прорвалась наружу. Цигара-Самуркаш сообщал впоследствии о нападениях и столкновениях на аэродроме в Котрочени, у казарм 4-й кавалерийской дивизии, королевских казарм, казармы Мальмезон⁸⁰. «По всему горо-

⁷⁹ A. Stoeneșcu. Din vremea ocupației. Buc., 1927, p. 141—142.

⁸⁰ V. A. Varga. Retragerea armatei germane din România la sfârșitul anului 1918.— «Studii», 1951, № 4, p. 885.

ду, — рассказывал свидетель, — стреляли из пулеметов и винтовок, слышались разрывы ручных гранат...»⁸¹ Сперва нападали на замешкавшихся одиночек, позднее — на небольшие группы и даже отдельные взводы солдат.

Надо представить себе обстановку тех дней. Прежней дисциплины в немецкой армии уже не существовало. Хотя вести с родины доходили в оккупационные части с трудом, газеты поступали с перебоями, а по письмам от родных гулял карандаш военного цензора, солдаты понимали, что наступил крах. Участились случаи неподчинения приказам, некоторые даже бросали оружие.

Дала трещину и немецкая организованность. Много имущества не удалось вывезти, в том числе и оружие. Лишь на Северном вокзале Бухареста было оставлено три вагона с военным снаряжением, которое моментально разошлось по рукам⁸².

Тысячи изголодавшихся, озлобленных людей толпились вокруг складов. Интенданты в эти критические минуты старались нажиться, спуская по дешевке все что угодно, вплоть до подготовленных в Германию солдатских посылок, называвшихся «дарами любви» («Liebesgaben»). В большинстве из них было несколько початков кукурузы, немного зерна, иногда бутылка растительного масла или вина. «Нищета сегодняшней Германии, как в зеркале, отражается в жалком содержании этих собранных с любовью маленьких подарков», — замечал мемуарист⁸³.

Постыдный торг, развернувшийся в Бухаресте, не обошелся без спекулянтов. Те предложили немцам свои услуги и скупали товары на складах оптом, надеясь перепродать их впоследствии втридорога. Озлобленная беднота выступила против спекулянтов. «Как только грузовик появлялся в воротах (склада. — В. В.) начиналась атака; мешки с сахаром, мармеладом, сухофруктами, мылом, тюки с бельем, дрова — все расхватывалось мгновенно»⁸⁴. В людей стреляли, они разбегались, но затем собирались вновь. В таких условиях происходила эвакуация. Утром 30 октября столицу покинули последние патрули.

Армия генерала Бертело не появлялась: французский командующий избегал стычек и не хотел наступать уходящим немцам на пятки.

Префектура ввела в столице осадное положение и обратилась к жителям с воззванием: «Военные и полицейские власти следят за безопасностью... Предлагаем вам не предаваться уличным беспорядкам...»⁸⁵ Но это было легче сказать, чем сделать:

⁸¹ V. N. Draghiceanu. 707 zile sub cultura pumnului german. Buc., 1920, p. 359.

⁸² A. Stoiculescu. Op. cit., p. 146.

⁸³ V. N. Draghiceanu. Op. cit., p. 360.

⁸⁴ Ibid., p. 359.

⁸⁵ A. Stoiculescu. Op. cit., p. 146.

в Бухаресте осталось 74 жандарма и совсем немного полицейских.

Не существует полного описания событий этих дней, да и вряд ли оно когда-нибудь появится. Очевидцы рисуют лишь отдельные эпизоды. Власти не имели сколько-нибудь исчерпывающей информации, да и были заинтересованы скорее не в выявлении, а в сокрытии истины.

Развернувшееся движение носило очень сложный характер. Его движущей силой являлась народная ненависть к оккупантам и стремление вышвырнуть захватчиков с родной земли. Поэтому основные столкновения происходили там, где скапливались немецкие войска.

Явственно проявилось стихийное стремление масс, изголодавшихся и озлобленных, добыть хлеб, продовольствие. При этом не обошлось без эксцессов.

Как всегда в дни народных волнений, на поверхность всплыла всякая нечисть, предававшаяся грабежу и буйству. В городе были разбиты витрины магазинов, в основном принадлежавшие немцам и евреям. Антисемитизм вновь выполз наружу.

Отчетливо ощущалось в те дни нетерпеливое ожидание многими прихода войск Антанты. Толпы людей собирались ежедневно на Каля Викторией, высматривая, не появились ли французы. Одни собирались приветствовать их как избавителей, другие жаждали поскорее обрести твердую власть.

Интересны с этой точки зрения записи в дневнике бывшего депутата Василе Канчикова.

29 октября (ст. ст.): «Окраины выплеснули население в центр». Днем произошло столкновение взвода баварцев с толпой. Солдаты расстреляли жителей, открыв огонь.

Потом пронесся слух, что стреляли холостыми патронами. Люди осмелели, стали собираться вновь.

«Боюсь,— пишет Канчиков,— как бы эксцессы в пригородах не выродились в большевизм... Полиция — беспомощна, она — абсолютный нуль». И вывод: «Вся наша надежда — на вступление в город французской армии»⁸⁶.

Ночь не принесла Канчикову покоя. «Сплошные нервы,— записывает он на следующее утро в дневнике.— Всю ночь события вчерашнего дня мелькают в голове, как кадры кинематографа, рождая тревогу перед перспективой большевистской катастрофы. Небо — красное от пожаров. Сгорели казармы в Котрочни, склады в Оборе, фабрика Каца в пригороде Филарст». «Нашей администрации не существует, военных властей в городе нет, телефонная и телеграфная связь прервана немцами, и мы находимся в изоляции и состоянии неуверенности»⁸⁷.

⁸⁶ V Th. Căncicov. Impresiuni și păreri personale, v. II. Buc., 1921, p. 636.

⁸⁷ Ibid., v. II, p. 638.

«Беспорядки» на окраинах продолжались. Здания немецких газет разгромлены. Утром маргиломановский листок «Стягул», до этого верой и правдой служивший оккупантам, вышел с призывом: «Добро пожаловать, сыны Франции! Добро пожаловать к нам!». После этого возмущенная толпа ворвалась в редакцию.

«А французов все нет и нет», — меланхолически заканчивает Канчиков записи этого дня.

1 ноября он сетует: изменилась погода. Холодно, льет дождь. Цветы и знамена с балконов исчезли — надоело ждать избавителей.

3 ноября наконец прибыл ненадолго англо-французский патруль. Он принес приказ генерала Бертело. В первом его параграфе властям предписывалось вооружить надежных людей, установить посты и «немедленно арестовывать всех агитаторов». Канчиков приободрился: хотя с нетерпением ожидаемые силы Антанты еще не явились, но их приход уже не за горами. В приказе видно «понимание обстановки и железная рука, что должно способствовать быстрому искоренению зла»⁸⁸.

Итак, буржуазия хотела «железного кулака».

Гораздо труднее выявить по имеющимся материалам позицию рабочих — труднее потому, что никто не выделял их из общей массы участников событий. Можно с полной определенностью сказать, что они не оставались пассивными созерцателями, а играли самую активную роль в народном выступлении против оккупантов. Не случайно основные столкновения разыгрались не в центре города, а на трудовых окраинах, и в пригороде Обор происходили подлинные схватки с оккупантами. Газета «Трибуна» сообщала, что при разгроме складов с одеждой она была роздана беднякам. Население участвовало в тушении пожара на подожженных цементами при отступлении фабрике кожаных изделий «Мандря», хлебопекарни на Каля Плевней, складов в Оборе⁸⁹.

Но в дни безвластия сказались и отсутствие подлинно революционной марксистской партии, и примиренческое отношение к оппортунистам в рядах социал-демократии, и малочисленность революционных кружков и недостаточное еще их влияние в рабочей среде.

Одной из первых мер префектуры полиции после ухода немцев было введение 30 октября цензуры и запрещение собраний. Слова революционеров она боялась пуще огня.

Уже на следующий день состоялось «недозволенное» собрание в столичном социалистическом клубе и появилась газета «Трэяскэ Социализмулуй» («Да здравствует социализм»). Это был пламенный призыв к революции: «Троны шатаются, приви-

⁸⁸ V. Th. Căncicov. Op. cit., p. 647.

⁸⁹ «Трибуна», 12.XI 1918.

легиям наступил конец, революция распространяется, угрожая самому существованию капиталистического режима везде и всюду».

Но манифест носил общий характер; конкретные задачи перед румынскими революционерами не выдвигались, план немедленной борьбы отсутствовал. Вполне определенно говорилось лишь об отпоре хулиганам, и рабочие это делали.

Создается впечатление, что стремительный ход событий застал революционеров врасплох. А времени для раздумий не оставалось. Реакция понимала, как важно не допустить укрепления их связей с массами.

В буржуазной прессе, явно с целью запугать обывателя, появилось сообщение о том, что социалисты во главе с Фриму и Кристеску хотели создать свое правительство. Газета «Трибуна» с торжеством передавала: жандармскому капитану Круцеску удалось арестовать обоих руководителей⁹⁰.

Информация оказалась вымыслом. Полиция в те дни вела себя смирно и не решалась на подобные акции. Сам Кристеску говорил впоследствии: «...Мы легко могли бы наложить руки на столицу. Вместо этого мы организовали гражданскую гвардию, в связи с чем нас поздравил полковник Кондееску, тогдашний примарь и префект»⁹¹.

В социалистическом клубе выявились серьезные разногласия. Префектура столичной полиции с удовлетворением докладывала правительству: «В результате совещаний в социалистической партии произошел раскол по вопросу о возможностях движения, развернувшегося в настоящий момент»⁹². Оппортунисты и центристы, оставшиеся в составе единой партийной организации, можно сказать, добровольно сдали позиции, согласившись изменить название газеты⁹³ и представлять ее в цензуру, что исключало появление на ее страницах открытых революционных призывов. Некоторые рабочие предлагали не подчиняться цензуре⁹⁴, благо «цензурный комитет» состоял из одного чиновника и двух жандармов. Но руководители не вняли этому совету. Ценность органа социалистов снизилась наполовину, если не больше.

Екатерина Арборе, свидетельница и участница этих событий, писала: «После ухода немецких войск фактически в течение двух недель столица Румынии оставалась без всякой власти,— если бы пролетариат Румынии был в достаточной степени сознателен и если бы рабочие были в достаточной степени орга-

⁹⁰ «Трибуна», 12 (25).XI 1918.

⁹¹ V. Liveanu. 1918, p. 371.

⁹² Цит. по: A. Varga. Op. cit., p. 887.

⁹³ Она стала называться «Социализм» («Socialismul»).

⁹⁴ V. Liveanu. 1918, p. 373.

низованы, они без всякого труда могли бы захватить власть в свои руки и провозгласить диктатуру пролетариата»⁹⁵.

Эти «если» многозначительны.

Массам в России в 1917 г., в Венгрии в 1919 г., чтобы прийти к советской республике, понадобился этап буржуазно-демократической революции. Он длился всего несколько месяцев, но по насыщенности событиями и накопленному политическому опыту этот отрезок времени превосходил десятилетия «спокойного» развития.

Можно ли сказать, что румынские трудящиеся в ноябре 1918 г. были политически более зрелыми, чем русские в феврале 1917 г.? Вне всякого сомнения, нет. Миновать этап завершения буржуазно-демократической революции Румыния не могла.

Война затормозила нарастание революционного подъема. Ненависть к оккупантам, стремление изгнать их с родной земли приводили к ослаблению борьбы против «врага внутреннего».

3 и 4 ноября, в дни «безвластия», столичные железнодорожники решили восстановить профсоюзы и бороться за достижение всех требований, выставленных во время июльских и августовских стачек. Они рассчитывали вырвать у существующего государства. Все это не свидетельствовало о том, что путейцы, шедшие в авангарде пролетариата, восприняли идею захвата власти.

Румынская олигархия действовала в эти дни достаточно гибко. Король перед своим отъездом в Бухарест издал 10 ноября декрет о предстоящих выборах в Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права. В столицу румынский Гогенцоллерн желал вступить как реформатор, а не как каратель.

Рабочие сильно подпортили настроение королевской чете. В то время как Фердинанд и его супруга гарцевали па конях перед выстроенными для парада войсками, у резиденции социалистической партии на улице Сфынтул Йоника происходила антимонархическая манифестация. В ней приняли участие и французские солдаты, отказавшиеся пройти строем перед королем.

Во второй половине ноября — начале декабря по всей стране шли рабочие собрания. Лишь в Бухаресте металлисты, плотники, табачники, персонал «Арсенала» и электрики восстановили легально свои профсоюзные организации и избрали делегатов в Советы (которые мыслились не как орган власти, а как руководитель движения, в основном еще экономического).

⁹⁵ Е. А р б а р и - Р а л л и. Указ. соч., стр. 1031.

В одной столице число членов профсоюзов в несколько недель перевалило за десять тысяч⁹⁶. Наиболее частые конкретные требования той поры — повышение зарплаты в 5—6 раз и установление 8-часового рабочего дня. 17 ноября началась первая после ухода оккупантов стачка на государственной табачной фабрике. Поскольку табачники требовали не только повышения зарплаты, но и признания профсоюза, выступая против закона 1909 г. запрещавшего профсоюзы на государственных предприятиях, она имела и политический оттенок.

26 ноября в Бухаресте состоялась политическая забастовка под лозунгами свободы собраний и печати. В этот и последующие дни происходили манифестации, участники которых несли транспаранты «Да здравствует русская революция!» «Да здравствует република!», «Да здравствует диктатура пролетариата!». Одна из колонн преградила путь королевской автомашине. На настоятельные требования охраны — пропустить «его величество» — рабочие ответили: «Пусть король пропустит его величество народ!». А 30 ноября (13 декабря) мостовые Бухареста облили кровью участников рабочей манифестации, расстрелянной полицейскими и солдатами.

Как только захватчики покинули Румынию, классовая борьба вырвалась на простор со стремительностью горного потока.

Движение развивалось вширь и вглубь. Рабочие от экономических требований в какие-нибудь полтора-два месяца пришли к мысли о необходимости глубоких политических преобразований.

События в Румынии развивались обычным в те годы для Европы путем. В 1918 г. число стачечников составляло 18 тыс., в следующем году выросло почти вдесятеро, до 150 тыс., а в 1920 г. бастовало 350 тыс.⁹⁷ Быстро поблекло сияние всеобщего избирательного права. Оказалось, что, располагая военной силой и господствующими позициями в экономике страны, помещики и капиталисты прекрасно чувствовали себя под его сенью. Самые скромные экономические требования рабочих встречали растущее противодействие. Конституционные свободы растаптывались без всякого стеснения, когда ими хотели воспользоваться профсоюзы и социалисты. Реформистские иллюзии таяли. Революционное движение ширилось и крепло и достигло кульминационного пункта в дни всеобщей декабрьской политической стачки 1920 г.

Но, возвращаясь к ноябрю 1918 г., можно, нам кажется, со

⁹⁶ V. Liveanu. Aspecte ale avîntului mișcării sindicale din România sub influența imediată a Mării Revoluții Socialiste din Octombrie.—«50 de ani de la crearea comisiei generale a sindicatelor din România», Buc., 1958, p. 243.

⁹⁷ П. П. Вандель. К истории крестьянского революционного движения в Румынии в 1917—1921 гг.—Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 205. М., 1964, стр. 126.

всей определенностью сказать, что пролетарские массы не были тогда подготовлены к настолько широким революционным действиям, чтобы взять и удержать власть.

Отметим, что и румынский историк Клара Кушнир-Михайлович, говоря об «исключительно благоприятной обстановке для развязывания прямой борьбы за власть», создавшейся в ноябре, тут же делает ряд серьезных оговорок: пролетариат «не признавал полностью стратегические цели революции и пути ее осуществления»; марксистско-ленинская партия отсутствовала; коммунистические группы не пользовались должной популярностью и не имели широких связей с массами⁹⁸.

Наконец, в аграрной стране восстание пролетариата могло быть победоносным лишь в случае поддержки его крестьянством.

А что происходило в то время в деревне?

В 1918 г. было зафиксировано довольно много случаев отказа вносить арендную плату, попыток запахивать помещичью землю (причем в коммуне Сухарэу уезда Прахова крестьяне даже выставили охрану), выпаса скота на боярских лугах и иногда — нападений на усадьбы. Но особенность года составлял отказ от принудительных работ. В коммуне Хорджешти (уезд Бакэу) жители избили и обратили в бегство жандармов. В коммуне Бороая (уезд Сучава) на бурной сходке раздавались угрозы «даже по адресу его величества короля, который вместо закона о наделении земель навязал им закон о принудительном труде». Крестьяне изгнали из села примаря, писаря (не говоря уже о жандарме) и, что случалось исключительно редко, священника⁹⁹.

В занятых немцами районах произошло много столкновений с отступавшими войсками и с сельской жандармерией. Дело в том, что торопившиеся оккупанты бросали на месте собранное у крестьян зерно и реквизированный скот. Жандармы и полиция, на правах новой власти, и не думали возвращать крестьянам их имущество. Тогда жители сел начали осуществлять это сами, благо иногда они вооружались брошенным немцами при отходе оружием. В коммуне Берчени (уезд Прахова) жители обзавелись даже пулеметами. В Слобозии (недалеко от Калараша) крестьяне отбили у жандармов скот. В уезде Влашка было захвачено несколько продовольственных складов. На станции Костешти крестьяне отбили у полиции три вагона с зерном. Были случаи разгрома помещичьих усадеб и выступлений против помещиков (села Сурдила-Гэйсянка, Стапка, Кочырлянка, Кэужа-

⁹⁸ C. Cușnir-Mihailovici. Mișcarea muncitorească din România între anii 1917—1921. Crearea P. C. R. Buc., 1961, p. 165—166.

⁹⁹ О крестьянском движении 1918 г. см.: «Relații agrare și mișcări țărănești în România», Buc., 1967, p. 220—241; L. Eșanu. I. Saizu. Date noi privind lupta pentru pământ a țăranilor din Moldova în anii 1918—1921.— «Analele», 1968, № 1.

ни). Жандармы в эти дни попрятались, некоторые вообще бежали из деревень, где должны были наблюдать за «порядком», не имея, как они жаловались, «никаких средств устрашить жителей, настроенных достаточно дерзко»¹⁰⁰. Население самолично устраняло сотрудничавших с немцами примарей. Оставшиеся на своих местах встречали прибывшие румынские войска просьбой снабдить их винтовками, «дабы подавить любой заговор».

Но крестьянское движение являлось и стихийным, и локальным. Выступления в отдельных деревнях и селах происходили без всякой связи друг с другом; добившись своего, их участники расходились по домам. И главное,— оно не поднялось до требования отмены помещичьего землевладения вообще.

Несомненно, обещание аграрной реформы продолжало воздействовать на деревню. Румынская олигархия отдавала себе отчет в том, что сохранение власти в опасный период возвращения в столицу и «восстановления в своих правах» на большей части страны зависит прежде всего от настроения в деревне. Стоит состоянию недовольства в ней перейти в открытый взрыв, стоит крестьянству объединиться с рабочими городов — и все здание буржуазно-помещичьей коалиции развалится. Поэтому декрету о мобилизации предшествовало новое торжественное королевское обещание о наделении крестьян землей. «Мое правительство без промедления примет надлежащие меры для того, чтобы эти реформы претворить в жизнь», — говорилось в манифесте¹⁰¹.

Имеющиеся данные о крестьянских выступлениях позволяют прийти к выводу, что движение в деревне не достигло своей высшей точки. Крестьянство в массе своей выжидало.

Его терпение не было бесконечным. Королевское обещание провести «без промедления» реформы оказалось надувательством. Партии завязали казавшийся бесконечным спор о сроках и условиях ее проведения. Стало ясно, что без солидного выкупа помещики не расстанутся с частью своих владений. И кривая крестьянских выступлений в 1919—1920 гг. пошла вверх.

Наконец, никак нельзя сбрасывать со счетов такой фактор, 1918 г., как «опьянение победой», охватившее не только буржуазию, не исключая мелкой, но и значительные массы крестьянства и часть рабочих.

Революционная ситуация не созрела тогда еще для взятия власти. Поэтому среди причин, по которым был «упущен момент», по нашему мнению, должны быть решительно выдвинуты на первый план объективные.

¹⁰⁰ V. Liveanu. 1918, p. 362.

¹⁰¹ V. Th. Sapcișov. Op. cit., v. II, p. 624—625. П. П. Вандель. Крестьянское движение и аграрная реформа 1921 г. в Румынии. Канд. дисс. М., 1964; его же. К истории крестьянского революционного движения в Румынии в 1917—1921 гг.— Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 205, 1964.

Иное дело — не использованные полностью возможности для развертывания революционной деятельности по всем линиям — агитационно-пропагандистской, тактической, организационной, непосредственной подготовки к восстанию. Тут недостатки очевидны.

В утро ухода немцев Георге Марин зашел в клуб социалистов. Здание было «почти пусто». Малочисленная группа рабочих и профсоюзных деятелей взволнованно обсуждала вопрос: «Где исполком партии? Почему партия не возьмет в свои руки инициативу и не организует рабочие массы?»¹⁰². Разошлись они, так ничего и не выяснив.

На другой день — та же картина. «Зал почти пуст... Большинство рабочих бесцельно бродит по городу или сидит, запершись, по домам». «Исполком социал-демократической партии Румынии, как сквозь землю провалился. Возможно, что он, скрывшись где-то, прилагал какие-то усилия, но что он собирался делать, было ведомо лишь ему одному»¹⁰³.

Вероятно, Марин, рвавшийся к действию, судил слишком строго. Свидетельством того, что исполком не «провалился сквозь землю» явился выпуск газеты всего через несколько дней после ухода оккупантов. Да и сам Марин пишет, что вскоре клуб социалистов бурлил.

Но то что наступил какой-то миг растерянности — это несомненно.

В дальнейшем маневр центристов с подчинением газеты цензуре лишил революционеров драгоценной возможности говорить с массами откровенно в печати в те дни, когда власти не имели возможности подавить силой их голос.

Те же самые люди ставили палки в колеса подготовке вооруженного восстания.

В массе своей рабочий класс в ноябре 1918 г. к нему не был готов. В Бухаресте, по имеющимся сведениям, энтузиастами была предпринята лишь одна попытка создать отряд рабочей гвардии. Десятка полтора людей проводили в социалистическом клубе военные занятия¹⁰⁴.

Но отсутствие предпосылок для выступления сегодня не означало, что они не возникнут в будущем, и не исключало подготовки к восстанию. Центристы же приложили немало усилий для того, чтобы сбить с толку тех рабочих, которые сознавали необходимость вооружаться. Илие Москович вспоминал десять лет спустя: «В первые дни после ухода оккупантов ко мне явилась делегация важного провинциального центра из трех товарищей, которые спросили, как собирать оружие и снаряжение,

¹⁰² Gh. Marin. Op. cit., p. 24.

¹⁰³ Ibidem.

¹⁰⁴ Gh. Marin. Op. cit., p. 23—24.

когда прозвучит сигнал к революции и каков будет пароль? На мой вопрос, кто им внушил подобные глупости, они застыли в изумлении»¹⁰⁵.

В результате подобной деятельности значительная часть оружия, разобранного населением, оказалась возвращенной на склады румынской армии. А оно могло очень и очень пригодиться в грядущих боях.



В брошюре «Годовщина русской революции» есть такая фраза: «Для этой борьбы нам нужен дух самопожертвования. Для нас не должно существовать личных интересов, семьи, забот, страха. Как личности мы больше не существуем. Все мы ныне образуем одно тело и одну душу»¹⁰⁶.

Высоким чувством самоотвержения, преданности революции до последнего дыхания, до последней капли крови веет от этих строк. Зачинатели румынского коммунистического движения были подвижниками и героями. И не их вина, что, скованные условиями исторического развития своей страны, они не всегда умели правильно разобраться в сложных перипетиях классовых отношений. Горячее сердце революционера звало их в бой. Из всех видов борьбы они отдавали предпочтение штурму, не замечая, что даже рабочие в большинстве своем не были еще готовы к открытому натиску.

Жизнь поправляла первых румынских коммунистов. Движение развивалось закономерным путем: стачки экономические перерастали в политические, множились выступления в деревне, крепили связи труженников города и села, рассеивалась вера в возможность вырвать реформы у правителей и на смену ей приходила революционная решимость. Изживая «левацкие» увлечения в собственной среде, выкорчевывая остатки реформистских взглядов, разоблачая оппортунистов в рядах пока еще единой социалистической партии, коммунисты шли во главе масс.

¹⁰⁵ Цит. по С. Cușnir - Mihailovici. Op. cit., p. 165.

¹⁰⁶ «Documente din istoria Partidului Comunist din România», ed. II, v. I, p. 68—69.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Румынский народ в годы первой мировой войны прошел, можно сказать, все круги ада. Страна потеряла 800 тыс. человек, десятую часть населения «Старого королевства». Пожалуй, ни одно государство, за исключением Сербии, не понесло таких тяжелых, невосполнимых жертв.

Румынские правители преследовали в войне откровенно захватнические цели.

Конечно, надо учитывать, что, по словам В. И. Ленина, «государственное строительство»¹ на Балканах еще не закончилось, и миллионы румын проживали вне своего отечества. Разумеется, само по себе стремление к объединению румынского народа — глубоко справедливо и прогрессивно. Однако господствующая буржуазно-помещичья клика мыслила себе это объединение лишь империалистически, а именно, путем присоединения чужих территорий, притеснением и угнетением других народов.

Изучение внутренней борьбы в буржуазно-помещичьем лагере в 1914—1916 гг. показывает, что противников подобной политики в нем не было. Спорили, как ее осуществить, к кому примкнуть и когда выступить. Но ни разу не раздалось ни одного предостерегающего голоса против поползновений на земли соседних народов. Напротив, дух безудержного территориального стяжательства обуял сторонников правительства и оппозицию. И Ленин с полным основанием ставил достойного представителя этой клики, короля Фердинанда, в один ряд с такими «коронованными разбойниками», как Вильгельм и Николай II². «Тайный договор с Румынией есть,— писал Ленин,— и он состоит в том, что Румыния получит целый ряд чужих народов, если будет воевать на стороне союзников»³. Вмешательство румынской

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 355.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 395—396, 405.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 91.

реакции в мировой конфликт вызвало гневную ленинскую реплику: «Я вне себя от объявления войны Румынией!! Караул!!»⁴

Громадный пропагандистский аппарат разных стран умело выделял отдельные моменты в завязавшейся хищнической схватке. Мы боремся за свое отечество, ставшее жертвой преступного нападения прусской военщины, твердили бельгийцам. Англия бескорыстно выступила в защиту попранного нейтралитета маленькой Бельгии, говорили британцам. Подобные заявления, рассчитанные на сочувствие общественности, с вариациями, соответствовавшими местным условиям, делались во всех воюющих государствах.

Заслуга большевиков и интернационалистов заключалась в том, что они проанализировали первую мировую войну во всех ее проявлениях и разоблачали ее хищническую, империалистическую сущность.

Говоря о «примере Бельгии», В. И. Ленин указывал: «На почве теперешней войны *нельзя* помочь Бельгии *иначе*, как помогая душить Австрию или Турцию и т. д.! При чем же тут «защита отечества»? В этом-то и состоит особенность империалистской войны, войны между реакционно-буржуазными, исторически пережившими себя, правительствами, ведомой ради угнетения иных наций»⁵.

Так же обстояло дело с Румынией. «Национальное объединение», по выкройке бухарестских правителей, было неразрывно связано с порабощением соседних нерумынских территорий.

Румынский пролетариат и социал-демократическая партия не поддались шовинистическому угару и сумели за искусной мнимопатриотической пропагандой разглядеть захватнические замыслы «собственной» буржуазии, и как в дни мира, так и в дни войны выступали против них. Империалистическим устремлениям революционеры противопоставили свой план, основанный на объединении румынского народа в рамках демократического государства, «когда пробьет последний час» капитализма⁶.

Как приблизить этот час — вот основной вопрос, стоявший перед рабочим движением все эти годы.

Левые силы в социал-демократии, закаляясь в пламени классовой борьбы, преодолевая собственную теоретическую отсталость, приближались к ленинской идее превращения войны империалистической в гражданскую.

Быстрый разгром румынской армии, показавший полную неспособность олигархии отстоять национальную независимость страны, массовая гибель не только солдат, но и мирного населе-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 283.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 317.

⁶ «România muncitoare», 15.VII 1914.

ния, возросшая до невероятной степени нужда — все это привело к созданию в начале 1917 г. революционной ситуации. «Низы» не желали жить по-прежнему: «верхи» не могли оставить в неприкосновенности систему своего господства.

Весть о Февральской революции в России попала в Румынии на благоприятную почву. Отсюда — участие населения в революционных демонстрациях русских солдат; резкое усиление массового движения рабочих; обострение положения в деревне. Свидетельством кризиса «верхов» явилась речь короля в марте 1917 г., одобренная всеми без исключения буржуазными политическими деятелями, с обещанием аграрной реформы и всеобщего избирательного права.

Октябрьская революция с ее лозунгами мира, земли крестьянам и социализма привела к дальнейшему обострению и углублению политического кризиса в Румынии. Рухнула прежняя двухпартийная система; в правящем лагере стала еще ожесточеннее борьба вокруг основных внешнеполитических и внутренних вопросов; образовались многочисленные крупные и мелкие партии и группировки, лихорадочно искавшие путей спасения; в течение одного только 1918 г. сменилось пять правительств.

Эпизодические выступления рабочих в защиту своих прав интересов превратились в широкую забастовочную кампанию ясно выраженным политическим оттенком. Под натиском пролетариата не только предприниматели, но и власти и даже правительство вынуждены были не раз идти на уступки. Активизировалось и крестьянство, особенно с возвращением в деревню демобилизованных солдат. В связи с массовым отказом от работы на помещиков парламент летом 1918 г. принял драконовский закон о принудительном труде.

Румынская буржуазия всеми средствами старалась не допустить перерастания кризиса в революцию, стараясь использовать в своих интересах особенности сложившегося положения.

Румыния стояла на пороге завершения буржуазно-демократической революции, победа которой была немыслима без союза рабочих и крестьян. Поэтому первый удар был направлен против этого союза обещанием аграрной реформы королем, которому крестьяне продолжали верить.

Второй удар имел целью расчленив рабочее движение, оторвать от революционного авангарда тех, в ком еще сильна была вера в реформу. В течение десятилетий пестовала социал-демократия в пролетариате убеждение во всемогуществе всеобщего избирательного права. Теперь правительство само общало его. В умы многих рабочих закрадывалась мысль: зачем бороться, когда враг и так отступает?

Даже сам факт оккупации большей части страны в какой-то степени помог румынским правителям. Стремление крестьян-

солдат вернуться домой,— а дом лежал за линией неприятельских позиций,— препятствовало разложению армии. Летние бои 1917 г. показали, что румынский солдат стойко борется за освобождение родины от захватчиков.

Не только из патриотизма масс пыталась извлечь выгоду олигархия. В тяжелых условиях национального унижения она старалась использовать оскорбленные национальные чувства для распространения националистических настроений, особенно среди мелкой буржуазии и интеллигенции.

Наконец, еще в одном направлении шли усилия румынской реакции, а именно, в стремлении разобщить русскую армию, находившуюся в 1917 г. в процессе революционного брожения, и румынский народ. Неизбежные для населения трудности, порожденные пребыванием на клочке земли миллиона солдат, служили питательной средой для раздувания антирусской кампании.

В обстановке 1917—1918 гг. румынские революционеры развернули интенсивную деятельность по всем направлениям — организационную, пропагандистскую, теоретическую, а для тех из них, кто оказался в России,— и военную в рядах славных интернационалистов. Это был важный этап перехода к ленинизму, зарождения в недрах социал-демократии коммунистического крыла.

Разумеется, эти боевые годы принесли коммунистам не только достижения, но и неудачи, объяснявшиеся как сложностью обстановки, силой и опытом классового врага, так и собственной малочисленностью и недостаточной теоретической зрелостью. В условиях войны, оккупации большей части страны, осадного положения и небывалых даже для Румынии полицейских преследований на «свободной» территории процесс организационного размежевания реформистов, центристов и революционеров задержался. Революционная ситуация наступила при отсутствии марксистско-ленинской партии, способной объединить вокруг себя рабочий класс и крестьянство и повести их за собой. Сами зачинатели румынского коммунистического движения, увлеченные борьбой, воодушевленные примером своих русских братьев, не всегда могли холодно и трезво проанализировать сложившуюся в Румынии обстановку, выявить закономерность и неизбежность завершения в стране буржуазно-демократической революции как этапа революционного процесса. Отсюда — ошибки в учете расстановки классовых сил, прежде всего по отношению к крестьянству. Его революционный потенциал недооценивался, выработка аграрной программы достаточного внимания не уделялось. Мелкая буржуазия неправильно рассматривалась как сплошь реакционная сила. Ее ставили чуть ли не на одну доску с олигархией. Фактическое отрицание частью румынских революционеров реформ отшатнуло от них не

только мелкую буржуазию, но и некоторых рабочих, чем не замедлили воспользоваться враги.

Все сказанное выше о деятельности первых румынских коммунистов ни в коей мере не означает умаления их роли. Им порой было трудно теоретически осмыслить явления огромной исторической значимости, с которыми их сталкивала ежедневно и чуть ли не ежечасно действительность. Это были люди необычайного героизма и самопожертвования, не шадившие жизни ради революции, пламенные пролетарские интернационалисты, гордость румынского народа.

Совокупность объективных и субъективных причин привела к тому, что на большей части нынешней Румынии, в так называемом «Старом королевстве», революционная ситуация не переросла в годы войны в революцию⁷, хотя движение продолжало находиться на подъеме и после перемирия. В дальнейшем румынская олигархия, приобщившись к лагерю победителей и значительно расширив сферу своего господства, укрепила свое внутреннее положение и использовала это в борьбе против рабочих и крестьян.



«Большая четверка» в лице глав делегаций США, Англии, Франции и Италии, заправлявшая делами на конгрессе в Париже, была вынуждена считаться с волей народов к национальному освобождению. Австро-венгерская монархия рассыпалась, и не было такого гончара, который мог бы склеить черепки. На обломках габсбургских владений возникли новые прочные, жизнеспособные государства.

Но Ионел Брэтиану, вновь взявший в свои руки бразды правления, отправился во Францию вовсе не для того, чтобы отстаивать право народов жить в границах своих стран или оформить совершившийся 1 декабря 1918 г акт объединения Трансильвании с Румынией. Он поехал хлопотать об осуществлении империалистического августовского договора 1916 г. и о признании захвата Бессарабии и Северной Буковины.

В Париже румынский премьер использовал весь свой немалый дипломатический опыт. Он отчаянно бился за «законное», санкционированное соглашением 1916 г. обоснование границ, выходивших за рамки национальных требований. Он доводил собеседников до белого каления своими домогательствами. Известна холодная реплика Клемансо: «Господин Брэтиану, Вы здесь для того, чтобы слушать, а не рассуждать»⁸. В за-

⁷ Исключение составляла Трансильвания, население которой вместе с другими народами, входившими в Австро-Венгерскую империю, в октябре 1918 г. свергло иго Габсбургов.

⁸ Sh. D. Spector. Rumania at the Paris Peace Conference. New York, 1962, p. 67.

писях мемуаристов зафиксированы еще более недвусмысленные высказывания. Британский дипломат Гарольд Никольсон, которому не раз приходилось иметь дело с румынским премьером, под конец возненавидел его всей душой: «Братиану — борода-тая баба, страшный лицемер, провинциальный интеллигент из Бухареста, исключительно неприятный субъект. Смазливый и болтливый, он закидывает голову и ловит отображение своего изящного профиля в зеркале. Произносит надуманные каламбуры, воображая себя почти парижанином по остроумию»⁹.

Ни попытки сколотить блок недовольных, ни интриги не смогли выручить Брэтиану. Соглашение 1916 г. так и не было признано. «Большая четверка» поручила разобраться в вопросе особой «румынской территориальной комиссии», не дав ей никаких инструкций. И оценка, данная этому решению американским историком Шерманом Дэвидом Спектором: «Союз¹⁰ превратился в клочок бумаги»¹¹, — представляется нам бесспорной. Притязания румынской олигархии в части, касавшейся венгерских и сербских земель, не встретили в Париже одобрения.

Но такой многоопытный политический наездник, как Брэтиану быстро обнаружил, что на коньке антикоммунизма и ярой вражды к Советской России он сможет отыгаться и возместить «потерянное».

Первая же разведка в этом направлении привела к самым ободряющим результатам. Брэтиану просил, чтобы державы Антанты дали Румынии возможность «сопротивляться большевизму» «не только в собственных интересах, но и в интересах всей Европы и даже, не преувеличивая, в интересах мировой цивилизации»¹². Кто из заседавших в Париже мог возражать против столь «благодетельных» намерений!

Брэтиану не составило большого труда доказать, что оборонять «мировую цивилизацию» куда сподручнее на Днестре, чем на Пруте. Он напомнил делегатам, что удар в спину союзной русской армии и захват Бессарабии были совершены не только с ведома, но и «по предложению представителей Антанты, заявивших, что операция будет последним военным сотрудничеством, которое они вправе ожидать от Румынии»¹³. Никто не опроверг этого заявления. Оккупация Бессарабии получила единодушную санкцию.

А когда в Венгрии весной 1919 г. произошла пролетарская революция, акции румынской олигархии на европейской политической бирже резко поднялись. В самом деле, кого можно

⁹ Г. Никольсон. Как делался мир в 1919 г. М., 1945, стр. 198.

¹⁰ Подразумевается союзный договор 1916 г.

¹¹ Sh. D. S p e c t o r. Op. cit., p. 96.

¹² Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М., 1949, стр. 308.

¹³ Там же.

было двинуть против венгерских рабочих и крестьян? Ведущие капиталистические державы крепко увязли в России. С антисоветской интервенцией у них явно не клеилось. «Наступление большевизма в Центральной Европе стало скоро диктовать многие решения совета»¹⁴, — свидетельствует Спектор. Предложенная румынской реакцией помощь была поэтому принята с признательностью, а маршал Фош, которому поручили «навести порядок» в этом районе, превратился в ее основного заступника и ходатая. Результаты известны: «всемирно-могущественные разбойники империализма» задушили венгерскую революцию «руками румынских палачей»¹⁵.

Но за услугу платят услугой. Союзники санкционировали не только объединение с Румынией земель, населенных по преимуществу румынами и по праву отошедших к ней, но и захват Бессарабии, украинской Северной Буковины и болгарской Южной Добруджи.

А затем, урегулировав с выгодой для себя внешние дела, олигархия двинулась на «врага внутреннего», обрушив тяжкие удары на революционное движение. Но это — тема особого исследования.

¹⁴ Sh. D. Spector. Op. cit., p. 106. Подразумевался «совет пяти», вершивший дела на Парижской конференции.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 131

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11.
- В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе. Полн. собр. соч., т. 15.
- В. И. Ленин. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне).— Полн. собр. соч., т. 26.
- В. И. Ленин. Конференция заграничных секций РСДРП.— Полн. собр. соч., т. 26.
- В. И. Ленин. Война и российская социал-демократия.— Полн. собр. соч., т. 26.
- В. И. Ленин. Крах II Интернационала.— Полн. собр. соч., т. 26.
- В. И. Ленин. Проект резолюции левых социал-демократов к Первой международной социалистической конференции.— Полн. собр. соч., т. 26.
- В. И. Ленин. Вопрос о мире.— Полн. собр. соч., т. 26.
- В. И. Ленин. Первый шаг.— Полн. собр. соч., т. 27.
- В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.
- В. И. Ленин. К постановке вопроса о защите отечества.— Полн. собр. соч., т. 30.
- В. И. Ленин. Статистика и социология.— Полн. собр. соч., т. 30.
- В. И. Ленин. Защита нейтралитета.— Полн. собр. соч., т. 30.
- В. И. Ленин. Поворот в мировой политике.— Полн. собр. соч., т. 30.
- В. И. Ленин. Задачи левых иммервальдистов в швейцарской с.-д. партии.— Полн. собр. соч., т. 30.
- В. И. Ленин. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) 14—22 апреля (27 апреля—5 мая) 1917 г. 8. Проект резолюции о войне.— Полн. собр. соч., т. 31.
- В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции.— Полн. собр. соч., т. 31.
- В. И. Ленин. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. 9. Речь в защиту резолюции о войне 27 апреля (10 мая). 11. Резолюция о войне.— Полн. собр. соч., т. 31.
- В. И. Ленин. Война и революция. Полн. собр. соч., т. 32.
- В. И. Ленин. Тысяча первая ложь капиталистов.— Полн. собр. соч., т. 32.
- В. И. Ленин. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.
- В. И. Ленин. Задачи нашей партии в Интернационале (По поводу III Циммервальдской конференции).— Полн. собр. соч., т. 34.
- В. И. Ленин. Тяжелый, но необходимый урок.— Полн. собр. соч., т. 35.
- В. И. Ленин. Заметки публициста.— Полн. собр. соч., т. 40.
- В. И. Ленин—К. Б. Радеку (август 1915 г.).— Полн. собр. соч., т. 49.

- В. И. Ленин — А. М. Коллоптай (4 августа 1915 г.).— Полн. собр. соч., т. 49.
- В. И. Ленин — Г. Е. Зиновьеву (между 27 и 31 августа 1916 г.).— Полн. собр. соч., т. 49.
- В. И. Ленин. В Народный Комиссариат по военным делам. 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.).— Полн. собр. соч., т. 50.
- В. И. Ленин — Дэвиду Р. Фрэнсису, американскому послу, 1 (14) 1918 Полн. собр. соч., т. 50.
- В. И. Ленин. Комиссару Петропавловской крепости, 1 (14) января 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 50.
- В. И. Ленин. Телеграмма Л. М. Карахану, 3 (16) января 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 50.
- В. И. Ленин. Телеграмма М. А. Муравьеву, 14 февраля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 50.
- В. И. Ленин. Телеграмма В. А. Антонову-Овсеенко, 17 февраля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 50.
- В. И. Ленин. Главнокомандующему М. А. Муравьеву, Румынской верховной коллегии, Народному секретариату Украинской республики, В. А. Антонову-Овсеенко. 17 февраля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 50.
- Texte din lucrările lui V. I. Lenin cu privire la România. Buc., 1960.

* * *

- Георгиу-Деж Г. 40 лет борьбы под всепобеждающим знаменем марксизма-ленинизма.— Статьи и речи, Бух., 1963.
- Сеауșеску N. Partidul Comunist Român — continuator al luptei revoluționare și democratice a poporului român, al tradițiilor mișcării muncitorești și socialiste din România.— «Analele», 1966, N 2—3.
- Cuvîntarea tov. N. Сеауșеску.— «Scînteia», 13.VIII 1967.

АРХИВЫ

- Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17 (секретариат ЦК); ф. 72.
- Архив внешней политики России (АВПР), ф. Политархив, 1902, 1914—1917; ф. Канцелярия, 1914—1917; ф. Отдела печати и осведомления, 1914—1917; ф. Секретный архив 1914—1917.
- Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 125.
- Центральный Государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 1001 (А. А. Мосолова); Коллекция микрофильмов из Румынии (КМФ-14, за 32).
- Центральный Государственный Военно-исторический архив. Фонд Главного управления генерального штаба (ГУГШ). (2000); ф. Ставки (2003); ф. Военно-ученый архив (800).
- Центральный Государственный Архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 28361.
- Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 1019 (З. К. Арборе-Палли).
- Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (ОРФ), Д-14, 1918 г. ЭР УП, оп. 1, д. 1; д. 29-а, Балканы.
- Arhiva Institutului de studii istorice și social politice pe linga С. С. al Р. С. R. Некоторые документы фонда королевского дворца за 1914—18 гг. рукопись С. Argetoianu. Pentru cei de mîine.
- Arhivele statului Bucuresti, f. Presedintia consiliului de miniștri, 1914—1916.
- Arhiva ministerului de externe, 71/1914 E 2.
- Biblioteca Ac. R. S. R. Secția de manuscrise. Arhiva D. A. Sturdza, mapa VIII; Arhiva N. Iorga; Corespondența N. Iorga; Arhiva A. Averescu; Arhiva palatului.
- Biblioteca centrală de stat. Filiala N. Bălcescu. Fond Brătianu.

ДОКУМЕНТЫ

- Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. М., 1957.

- Борьба за власть Советов в Молдавии. Кишинев, 1957.
 В огне гражданской войны. Одесса, 1962.
 Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.—«Красный архив», т. 32 (1929 г., т. 1)
 Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1957, т. 7. М., 1963.
 Записки генерала А. М. Зайончковского о Добруджанской операции 1916 г.—«Красный архив», т. 58, 1933.
 Международные отношения эпохи империализма, серия 3, т. II—X. М., 1931—1938.
 Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г., М., 1940.
 Румынская сигуранца.—«Красный архив», т. 57, 1933.
 Р я б и н и н - С к л я р е в с к и й А. Оккупация Бессарабии Румынией.—«Летопись революции», 1925, № 1.
 Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел, вып. 1, 3, 7. Пг., 1917—1918 гг.
 Ставка и министерство иностранных дел.—«Красный архив», т. 26—29 (1928).
 Царская Россия в мировой войне, т. I. Л., 1925.
 Activitatea desfășurată de Mușetescu Gheorghe și alții în războiul pentru întregirea neamului românesc. Galați (f. a.).
 Agricultorii și repartizarea pământului cultivat în 1913. Buc., 1915.
 Ancheta industrială din 1901—1902, v. I—II. Buc. 1904.
 Anuarul statistic al României, 1909.
 British Documents on the Origins of the War. 1898—1914, XI, London, 1926.
 Cartea roșie austro-ungara. Buc., 1917.
 Consiliile de coroana din februar 1918.—«Revista istorică», 1932, № 7-9.
 Cum s'a propădit țara. Buc., 1918.
 Desbaterile Congresului de constituire al partidului socialdemocrat și al Congresului sindical. Buc., 1910.
 Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. IX. Charlottenburg, 1919.
 Documente din istoria mișcării muncitorești (1916—1921). Buc., 1966.
 Documente din mișcarea muncitorească 1872—1916. Buc., 1947.
 Documente din istoria Partidului Comunist din România, v. I (1917—1922). Buc., 1956.
 Documente din istoria Uniunii tineretului comunist din România 1917—1944. Buc., 1958.
 I g n a t P. Unele documente privind sărbătorirea zilei de 1 mai în România în anii 1917, 1918 și 1919.—«Analele», 1956, № 3.
 I o n e s c u M. Documente din arhiva V. G. Mortun.—«Studii», 1957, № 3.
 Marea Revoluție Socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România. Buc., 1967.
 Osterreich-Ungarns Aussenpolitik von dem Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914, Bd. 8. Wien und Leipzig, 1930.
 Osterreich-Ungarns Ministerium des äussern. Rapports entre l'Autriche-Hongrie et la Roumanie. Vienne, 1916.
 Osterreich-ungarisches Rotbuch. Diplomatische Aktenstücke betreffend die Beziehungen Osterreich — Ungarns zu Rumänien. Wien, 1916.
 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1917. Suppl. 2. The World War, v. I. Washington, 1932; 1918, Russia, v. II; 1918. Suppl. 1. The World War, v. I. Washington, 1933.
 Razboiul României. Buc., 1921.
 Statutele Organizației lucrătorilor și țăranilor români din Moscova, 1917.
 P o p e s c u E., C a z ă n i s t e a n u C. Documente privitoare la unele forme de rezistență ale maselor populare din teritoriu vremelnic ocupat.—«Studii», 1967, № 4.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ

- Desbaterile adunării deputaților, 1914—1918.
 Desbaterile Senatului, 1914—1918.

ПЕРИОДИКА

- «Голос революции», 1917.
«Известия армейского комитета IX армии», 1917 (отдельные номера).
«Известия 2-го армейского съезда 6 армии», 1917.
«Известия Кишиневского совета рабочих и солдатских депутатов», 1917.
«Известия Одесского фронтового и областного съезда Советов солдатских, матросских, офицерских и рабочих депутатов», 1917
«Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», «Известия ВЦИК и Петроградского совета», 1917—1918.
«Правда», 1917—1918.
- «Acțiunea» (Бухарест), 1916.
«Adevărul» (Бухарест), 1914—1916.
«Buletin de informațiuni. Marele cartier general», 1917—1918. (отдельные номера).
«Convorbiri sociale» (Яссы), 1916.
«Dunărea Socialistă», 1914 (отдельные номера).
«Ероса» (Бухарест), 1914—1916.
«Foaia țaranului» (Москва), 1918 (отдельные номера).
«L'indépendance roumaine» (Яссы), 1918.
«Indreptarea» (Яссы), 1918.
«Lumea politică și socială» (Яссы), 1918.
«Lupta zilnică», «Lupta» (Бухарест), 1914—1916, (Одесса), 1917—1918.
«Moldova», (Бухарест), 1915—1916.
«Muncitorul» (Яссы), 1918.
«La politique» (Бухарест), 1916.
«Poporul», 1915 (отдельные номера).
«România muncitoare» (Бухарест), 1914.
«La Roumanie» (Бухарест), 1916.
«Social-democrația» (Яссы), 1918.
«Trăiasca Socialismului», «Socialismul» Бухарест, 1918.—отдельные номера.
«Tribuna» (Яссы), 1918.
«Universul» (Бухарест), 1914—1916.
«Viitorul» (Бухарест), 1916.
«Viitorul social» (Бухарест), 1916; (Яссы), 1908.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

- Великая Октябрьская социалистическая революция и подъем революционного движения в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии. М., 1959.
Октябрь и революционное движение в странах Центральной Юго-Восточной Европы. М., 1968.
Е. И. Спиваковский, В. Я. Окунь, В. И. Ленин и румынское революционное движение (1900—1924 гг.). Воронеж, 1968.
Constantinescu-Iasi P., Chereșteșiu V., Iordaki L. Lucrări și publicații din România despre Marea Revoluție Socialistă din Octombrie (1917—1944). Buc., 1967

ПУБЛИЦИСТИКА, МЕМУАРЫ

- Арбари-Ралли Ек. Социалистическое движение в Румынии. — «Коммунистический интернационал», № 7-8 (ноябрь-декабрь 1919).
Берти Ф. За кулисами Антанты. М.—Л., 1927.

- Б р у с и л о в А. А. Мои воспоминания. М., 1963.
- Б у ж о р М. Воспоминания о встречах с Лениным.— «О Ленине. Воспоминания зарубежных современников». М., 1962.
- Б ю л о в Б. Воспоминания. М.—Л., 1935.
- В и л ь г е л ь м. Мемуары германского кронпринца. М.—Пг., 1923.
- Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922.
- Д е г т я р е в Л. Октябрь румынского фронта.— «Летопись революции», 1923, № 6.
- Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918—1920 гг.). Сборник воспоминаний участников гражданской войны. Кишинев, 1964.
- Л ю д е н д о р ф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1923.
- Н и к о л ь с о н Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945.
- Об Октябрьской революции. Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М., 1967.
- П а л е о л о г М. Царская Россия во время мировой войны. М.—Пг., 1923.
- П у а н к а р е Р. На службе Франции, т. 1—2. М., 1936.
- Ч е р н и н О. В дни мировой войны. Пг., 1923.
- Э р ц б е р г е р М. Германия и Антанта. М.—Пг., 1923.
- A l b a n i T. Douazeci de ani dela unire. Oradea, 1938.
- Amintiri ale foștilor voluntari români din Armata Rosie în timpul Mării Revoluții Socialiste din Octombrie și al războiul civil.— Buc., 1957.
- A s l a n Th. C. Pregătirea economică, financiară și socială a României față de evenimentele actuale. Buc., 1915.
- A v e r e s c u A. Notițe zilnice din războiul 1914—1916 (Neutralitatea). Ed. I-a, v. I. Buc., 1927.
- A v e r e s c u A. Notițe zilnice din războiul (1916—1918). Ed. II-a.
- A v e r e s c u A. Răspunderile (Iași), 1918.
- B a c a l b a s a C. Capitala sub ocupația dușmanului. Brăila, 1921.
- B e c e s c u - S i l v a n Gh. Politica externă a guvernului. Ploești, 1916.
- B e c e s c u - S i l v a n Gh. Război sau neutralitate. Buc., 1915.
- B e l d i m a n E. Schițe și impresiuni din grelele vremuri. Buc., 1918.
- B i b e r i S t u r d z a M. Creșterea influenței economice germane în România. Buc., 1915.
- B r a u n s t e i n E. F. Que fera la Roumanie. Paris, 1915.
- B r ă t i a n u G. I. File rupte din cartea războiului. Buc., (f. a.).
- B r ă t i a n u V. I. Crize de stat 1901—1907—1913. Buc., 1913.
- B r ă t i a n u V. I. Interesele României în actualul război. Buc., 1914.
- B r ă t i a n u V. I. Politica financiară a statului. Buc., 1916.
- B r ă t i a n u V. I. Pentru conștiința națională. Buc., 1915.
- B u c h a n a n G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memories, v. 1—2. London—New York, 1923.
- B u j o r M. Gh. Războiul european și social-democrația. Buc., 1914.
- B u j o r M. Gh. Amintiri privind aniversarea a 40 de ani de la lupta eroică pentru pace a muncitorilor galațeni.— «Analele», 1956, N 4.
- C a n c i c o v V. Th. Impresiuni și păreri personale, v. 1—2. Buc., 1921.
- C a r o s s a H. A. A Rumanian Diary. London, 1929.
- Feldmarschall Conrad (Conrad von Hotzendorf F.) Aus meiner Dienstzeit, Bd. 4. Wien, 1923.
- C o r t e a n u A. Războiul european și interesele noastre. Buc., 1915.
- D h u m a s Ch., R a c o v s k i C. Les socialistes et la guerre. II ed. Buc., 1915.
- D i a m a n d y G. România și conflictul european. Buc., 1914.
- D j u v a r a T r a n d a f i r G. Mes missions diplomatiques 1887—1925. Paris, 1930.
- D o b r o g e a n u - G h e r e a C. Război sau neutralitate. Buc., 1915.
- D r ă g h i c e a n u V. N. 707 zile sub cultura pumnului german. Buc., 1920.
- F i l i p e s c u N. Pentru România Mare. Cuvântari din războiul 1914—1916. Buc., 1925.
- F i l i t t i I. D. Politica externă a României și atitudinea ei în conflictul european. Buc., 1915.
- F r a n k W. Der Siegeszug durch Rumänien. Leipzig, 1917.

- G a u l t i e r P. La tragedie roumaine. Paris, 1919.
 Hommage a monsieur de Saint-Aulaire. Buc., 1930.
 I l i e s c u D. Documente privitoare la războiul pentru întregirea României. Buc., 1924.
 I o n e s c u T. Amintiri. Buc., 1918.
 I o r g a N. Memorii, v. I—II, f. a.
 I o r g a N. Războiul nostru în note zilnice, 1914—1916, v. I. Craiova, f. a.
 J o n e s c u T. Some personal impressions. London.
 J o n e s c u T. The Policy of National Instinct. London, 1916.
 J o n e s c u T. La question romaine. Paris, 1919.
 J o s r a s b o i u l. (Italia și România). Buc., 1915.
 L u p a ș c u A. I. «Răspunderile» d-lui gen. Averescu. Buc., 1919.
 M a n i u I. Unirea Ardealului. Cluj, 1934.
 M a n i u I. Ardealul în timpul războiului. Cluj, 1921.
 M a r g h i l o m a n A. Note politice, v. I—IV. Buc., 1927.
 M a r i e, Queen of Roumania. Story of My Life, v. III. London, 1935.
 M i h a l a c h e I. Discursul rostit în camera deputaților în ziua de 28 iulie 1920. Buc., 1920.
 M a n d r e a R. H. Politica national-economică a României în timpul războiului mondial. Buc., 1916.
 M a r i n G h. Crîmpee de viața. Tiraspol — Balta, 1934.
 N i c o l a u A. Revoluția socialistă în România. Moscova, 1919.
 N i c o l a u A. Le crime de l'oligarchie roumain. Paris, 1916.
 P e t r e s c u C. M. Omul dezastrului. Opera lui Ionel Brătianu (f. a.)
 P e t r e s c u C. M. Cazul generalului Ilicscu (f. a.)
 P a t r a ș c a n u D. D. Vinovații. Buc., 1918.
 P e t i n V. E. Le drame Roumaine 1916—1918. Paris, 1932.
 P r o c o p i u G h. Parlamentul în pribegie. Buc., 1926.
 S c h u l t z e - B a h l k e G. Mit Schwert und Pflug durch Rumänien. Berlin, 1918.
 S t e r e C. Discursul d-lui Take Ionescu. Iași, 1916.
 S t e r e C. Marele războiu și politica României. Buc., 1918.
 S t o e n e s c u A. Din vremea ocupației. Buc., 1927.
 S a z o n o v S. Les années fatales. Paris, 1927.
 U r s u I. Pourquoi la Roumanie a fait la guerre. Paris, 1918.
 V e l b u r g G. Rumänische Etappe. Berlin — Leipzig, 1930.
 V i d r a ș c u R. Jurnalul de campanie. Buc., 1920.

ЛИТЕРАТУРА

- А й р а п е т я н М. Э., К а б а н о в П. Ф. Первая мировая война. М., 1964.
 Б а з а р е в с к и й А. Влияние держав Согласия на выступление Румынии и невыгоды этого выступления для России. В сб.: «Кто должник?», М., 1926.
 Б е р е з н я к о в Н. В. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев, 1957.
 Б и р м а н М. А. Борьба левых социал-демократов Балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг. и образование Балканской рабочей социал-демократической федерации. М., 1966.
 Б о е в о е с о д р у ж е с т в о т р у д я щ и х с я з а р у б е ж н ы х с т р а н с н а р о д а м и С о в е т с к о й Р о с с и и (1917—1922). М., 1957.
 В а н д е л ь П. П. К истории крестьянского революционного движения в Румынии в 1917—1921 гг.—«Ученые записки МГПИ им. Ленина», № 205, 1964.
 В а н д е л ь П. П. Крестьянское движение и аграрная реформа 1921 г. в Румынии. Канд. дисс. М., 1965.
 В е к о в а я д р у ж б а. Кишинев, 1961.

- Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое освободительное движение, т. I. М., 1958.
- Верховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война. М., 1964.
- Виноградов В. Н. Внешнеполитическая ориентация правящих кругов Румынии накануне первой мировой войны.— «Новая и новейшая история», 1960, № 1.
- Виноградов В. Н. Внутривластная борьба в Румынии накануне ее вступления в первую мировую войну.— «Новая и новейшая история», 1962, № 6.
- Виноградов В. Н. Рабочее движение в Румынии (август 1914 г.— август 1916 г.).— «Новая и новейшая история», 1967, № 1.
- Виноградов В. Н. Русско-румынские отношения в годы первой мировой войны. В сб. «Новая и новейшая история Румынии». М., 1963.
- Виноградов В. Н. Два обращения румынских социал-демократов к революционной России.— «Вопросы истории», 1967, № 12.
- Виноградов В. Н. Румыния в международных отношениях (ноябрь 1917—ноябрь 1918 гг.). «Вопросы истории», 1968, № 10.
- Виноградов В. Н. Страницы из истории румыно-русских революционных связей.— «Новая и новейшая история», 1969, № 1.
- Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.
- Влияние Великой Октябрьской Социалистической революции на Румынию. М., 1958.
- Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
- Георгиу И. Русско-румынские отношения в период первой мировой войны. Канд. дисс. М., 1953.
- Гринвальд К. И. Румыния (экономический очерк). Пг., 1917.
- Гросул Я. С., Мохов Н. А. Борьба трудящихся Молдавии за власть Советов.— «Коммунист Молдавии», 1957, № 10.
- Глуговский А. Н. Из истории румынских коммунистических организаций и интернациональных частей на территории Советской России.— «Новая и новейшая история», 1957, № 3.
- Дембо В. Никогда не забыты Кровавая летопись Бессарабии. М., 1924.
- Дыков И. Хроника событий в Бессарабии (март 1917—январь 1918). Кишинев, 1957.
- Дыков И. Г. Румчерод и борьба за установление Советской власти на румынском фронте.— «Исторические записки», т. 57 (1956 г.).
- Емец В. А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916 гг.).— «Исторические записки», т. 56, 1956.
- Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.
- Зайончковский А. М. Мировая война 1914—1918 гг., т. II, III. Л., 1938—1939.
- Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии. Кишинев.
- Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965.
- Интернационалисты. М., 1967.
- История внешней политики СССР, ч. I. М., 1966.
- Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967.
- Иткис М., Ройтман Н. В. И. Ленин и события 1917 г. и начала 1918 г. в Бессарабии и на румынском фронте.— «Ниструл», Кишинев, 1965.
- Колкер Б. М. Из истории вступления Румынии в первую мировую войну.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1950, № 3.
- Копою Н. Рабочее движение в Румынии накануне первой мировой войны (1910—1914). Канд. дисс., Л., 1957.
- Кросс Б. Б. Констанцское свидание.— «Ученые записки Шуйского педагогического института», вып. VIII. Шуя, 1959.

- Кр о с с Б. Б. Румыния и вторая Балканская война.— «Славянские исследования». Л., 1966.
- Кр о с с Б. Б. Русско-румынские дипломатические отношения в период июльского кризиса 1914 г.— «Ученые записки Шуйского педагогического института», вып. IX. Шуя, 1960.
- Ку ль ф о н и Д е л ь б р ю к Г. Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935.
- Ку ш п и р - М и х а й л о в и ч К. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционная ситуация в Румынии в 1917—1921 гг.— «Вопросы истории», 1957, № 11.
- Л и с е ц к и й А. М. Из истории пролетарского интернационализма.— «Труды Харьковского политехнического института», серия истории КПСС, т. XIII. Харьков, 1961.
- Лу к и н Н. М. (А н т о н о в). Как был продан румынский народ.— «Социал-демократ», т. 16, 1917, № 12.
- Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968.
- Мо ш а н у А. К. Борьба рабочего класса Румынии за социальное страхование и демократическое законодательство о труде в 1911—1914 гг.— «Ученые записки Молдавского филиала АН СССР», 1961, № 5.
- Мо ш а н у А. К. Борьба двух течений в рабочем движении Румынии накануне первой мировой войны.— «Балканский исторический сборник». Кишинев, 1968.
- Мо ш а н у А. К. Новые материалы о положении и борьбе трудового крестьянства Румынии в 1914—1916 годах.— «Колониальная политика и национально-освободительное движение». Кишинев, 1965.
- Н а р ц о в В. Н. Румыния в первой мировой войне. Кишинев, 1959.
- Н о т о в и ч Ф. И. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959.
- Н о т о в и ч Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. I. М.— Л., 1946.
- П а р х о м ч у к С. М. Революційні піднесення в Румунії під впливом Великої Жовтневої соціалістичної революції.— «Наукові записки» (Ін-т історії АН УРСР, 1957, т. 10).
- П о л е т и к а Н. П. Возникновение мировой войны. М., 1964.
- П о п е с к у - П у д у р ь И., С т о й к а Г., Р э д у л е с к у И. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционное и рабочее движение в Румынии. М., 1967.
- Р а в а ш Г. Из истории румынской нефти. М., 1958.
- Р о ж к о В. Дружба, закаленная в боях. Кишинев, 1965.
- Р о ж к о В. М. Из истории участия румынских революционеров в борьбе за власть Советов на юге России (1917—1918).— «Известия Молдавского филиала АН СССР». Кишинев, 1968, № 6.
- Р о ж к о В. М. Участие румынских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР. Канд. дисс. Кишинев, 1964.
- Р о л л е р М. Революционная борьба румынских моряков конца 1917 — начала 1918 г.— «Вопросы истории», 1956, № 11.
- С и з о н е н к о А. И. Очерк истории коммунистической печати Румынии. М., 1961.
- С л е п о в Л. А., Т е м к и н Я. Г. Международная конференция социалистов в Циммервальде.— «Новая и новейшая история», 1965, № 5.
- Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт. М., 1922.
- С л у д ц к а я Қ. О. Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1962.
- С п и в а к о в с к и й Е. И. В. И. Ленин и румынское революционное движение (в дооктябрьские годы). М., 1966.
- С п и в а к о в с к и й Е. И. Из истории борьбы левых социалистов Румынии за победу ленинизма в рабочем движении страны, за создание Коммунистической партии Румынии. М., 1967.

- С п и в а к о в с к и й Е. И. Новые материалы о связях В. И. Ленина с румынским революционным движением и пропаганде ленинизма в Румынии.— «История СССР», 1966, № 2.
- С п и в а к о в с к и й Е. И. Великий Октябрь и Румыния.— «История СССР», 1968, № 6.
- С у в о р о в И. Вилковские бои.— «Красная Бессарабия», 1935, № 1.
- Т е м к и н Я. Г. Ленин и международная социал-демократия. М., 1968.
- У н к Г. Солидарность румынского рабочего и социалистического движения с Великой Октябрьской социалистической революцией. Бухарест, 1968.
- Ф е д о р о в В. Русская военная миссия в Румынии во время первой мировой войны.— «Вопросы истории», 1947, № 8.
- Ф р е н к и н М. С. Революционное движение на румынском фронте. М., 1964.
- Ф р о л о в Н. П. Аграрные отношения в буржуазно-помещичьей Румынии. Кишинев, 1958.
- А п е с ц у V. Rolul monarhiei în jefuirea și exploatarea poporului român, în așevirea economică a țării fața de puterile imperialiste.— «Analele», 1962, N 6.
- А н т и р а Gr. L'occupation ennemie de la Roumanie et ses consequences économique et sociales. Paris, 1929.
- В а н е с ц у N. Ion I. C. Brătianu. Craiova, f. a.
- В е р и н д е у А. La situation économique et financière de la Roumanie sous l'occupation allemande. Paris, 1921.
- В і р д е а н у N. Despre participarea marinarilor români la mișcările revoluționare dela sfârșitul anului 1917 și începutul anului 1918 în porturile dunărene.— «Studii privind relațiile româno-ruse». Buc., 1963.
- В а с и л е с ц о N. La Roumanie dans la guerre et dans la paix. Paris, 1919.
- С а д е р е V. G. Politica României în marele războiu.— «Arhiva pentru știința și reforma socială», an. VII, (1929), № 1—3.
- Calendarul muncii pe anul 1914, 1915.— Buc., 1914, 1915.
- С а л и н А. В. Rascoalele marinarilor români din flota Marii Negre (1918).— «Analele», 1968, № 1.
- С а м п у с Е. La lutte pour l'achevemeut de l'unité nationale roumain (1914—1918). «Revue roumaine d'histoire», 1965, № 4.
- С е р е с т е ș и у V., С о р о і у N. Participarea oamenii muncii din România la apărarea și sprijinirea Mării Revoluției Socialiste din Octombrie.— «Analele», 1967, № 5.
- Chronique des evenements politiques et économiques dans le bassin Danubien 1918—1936. P., 1938.
- С и м п о н е р и у Е. Contribuții la cunoașterea acțiunilor de solidaritate ale oamenilor muncii din România în Marea Revoluție Socialistă din Octombrie (1918—1921).— «Studii», 1967, № 4.
- 50 de ani dela crearea comisiei generale a sindicatelor din România. Buc., 1958.
- С о н с т а н т и н е с ц у М. Date noi cu privire la unirea Transilvaniei cu România.— «Viața românească», 1966, № 12.
- С о н с т а н т и н е с ц у N. N., А х е н ц и у С. V. Capitalismul monopolist în România. Buc., 1962.
- С о н с т а н т и н е с ц у N. N., В о г з а V. Situația clasei muncitoare în perioada participării României la primul război mondial.— «Probleme economice», 1959, № 7.
- С о н с т а н т и н е с ц у - І а с і P. Influența Marii Revoluției Socialiste din Octombrie asupra mișcării revoluționare din România în anii 1917—1921. Buc., 1957.
- С о н с т а н т и н е с ц у - І а с і P. 40 de ani dela asasinarea lui Max Vexler.— «Analele», 1957, № 4.
- С о н с т а н т и н и , col. La mission Berthelot en Roumanie, 1916—1918.— «Revue historique de l'armée», 1967, № 4.
- Contribuții la istoria capitalului străin în România. Buc., 1960.
- Contribuții la studiul influenței Marii Revoluției Socialiste din Octombrie în România. Buc., 1957.

- Copoiu N. Afirmarea aripii de stînga din partidul socialdemocrat din România în anii 1914—1916.— «Analele», 1964, № 4.
- Copoiu N. Refacerea Partidului social-democrat din România 1900—1910. Buc., 1966.
- Copoiu N. Lupta clasei muncitoare împotriva intrării României în primul război mondial.— «Studii», 1960, № 6.
- Copoi N. Partidul social-democrat român în ajunul izbucnirii primului război mondial.— «Studii», 1958, № 4.
- Copoiu N. Revoluția din Octombrie și opinia publică progresistă din România.— «Analele», 1967, № 5.
- Copoiu N. Poziția clasei muncitoare din România față de războaiele balcanice.— «Analele», 1956, № 2.
- Copoiu N. Din istoria organizațiilor profesionale ale clasei muncitoare din România în anii 1910—1914.— «Studii», 1962, № 4.
- Cosma A. Generalul Berthelot și dezrobirea românilor. Buc., 1932.
- Creanga G. D. Grundbesitzverteilung und Bauernfrage in Rumanien. Teil. Leipzig, 1907.
- Crearea Partidului Comunist din România. Buc., 1960.
- Cupșa I. Mărești, Mărășești, Oituz. Buc. 1967.
- Cușnir-Mihailovici C. Mișcarea muncitorească din România între anii 1917—1921. Crearea P. C. R. Buc., 1961.
- Cușnir-Mihailovici C. Lupta pentru crearea partidului comunist din România (1917—1921).— «Lupta de clasă», 1955, № 11.
- Daicoviciu C., Banyai L., Cheresteșiu V., Liveanu V. Lupta revoluționară a maselor—factor hotărîtor în unirea Transilvaniei cu România.— «Studii», 1958, № 6.
- Decușara E. C. România sub ocupațiunea dușmanului. Buc., 1920.
- Desăvîrșirea unificării statului național român. Buc., 1968.
- Deutsch R. Din activitatea și lupta grupurilor revoluționare române din Rusia pentru apărarea puterii sovietice.— «Studii și materiale de istorie contemporană», II. Buc., 1962.
- Deutsch R. Despre activitatea unor grupe revoluționare românești pe teritoriul Rusiei Sovietice.— «Analele», 1957, № 5.
- Deutsch R. Din lupta pentru apărarea revoluției ruse.— «Analele», 1956, № 9.
- Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România pînă la primul război mondial. Buc., 1959.
- Din istoria Transilvaniei, v. II. Buc., 1961.
- Djuvara M. La guerre roumaine 1916—1918. Nancy, 1919.
- Dobrogeanu Gherea C. Neobiogăia. Buc., 1910.
- Dobrogeanu-Gherea C. Post-scriptum sau cuvinte uitate.— «Viitorul social», mai 1908.
- Dragne Fl. Momente din activitatea desfășurată la sate de militanții aripii revoluționare a mișcării muncitorești în frunte cu grupurile comuniste (1917—1921).— «Studii și materiale de istorie contemporană», v. II. Buc., 1962.
- Dudu V. Misiunea secretă a unui nobil polon la curtea regelui Carol I.— «Revista istorică română», v. VIII, 1938.
- Eroii de la Galați, 13 iunie 1916.— «Analele», 1958, № 3.
- Eșanu L. Unele materiale în legătura cu greva dela C. F. R.— Pascani, 7—12, VI. 1918.— «Analele», 1957, № 2.
- Eșanu L., Saizu I. Date noi privind lupta pentru pămînt a țăranilor din Moldova 1918—1921.— «Analele», 1968, № 1.
- Fotino G. Une seance historique au conseil de la couronne.— «Revue de deux mondes», 30.VIII 1930.
- Gaultier P. La tragedie roumaine. Paris, 1919.
- Gane C. P. P. Carp și locul său în istoria politică a țării, v. I—II. Buc., 1936.
- Georgescu T., Liveanu V. Ideile leuinismului—fără călăuzitor în lupta pentru crearea partidului comunist din România.— «Studii și articole de istorie», IV. Buc., 1962.

- Gheorghiu I. Unele aspecte ale ajutorului militar acordat de Rusia României în timpul campaniei anului 1916. Buc., 1956.
- Gheorghiu I. Relațiile româno-ruse în perioada neutralității României (1914—august 1916).—«Studii și referate privind istoria României», p. II. Buc., 1954.
- Hitchins K. The Russian Revolution and the Rumanian Socialist Movement, 1917—1918.—«Slavic Review», June 1968.
- Iacoș I., Petrișor V. Lupta clasei muncitoare din Romania împotriva corporațiilor (1902—1908).—«Analele», 1962, № 5.
- Ionescu Gh. Communism in Rumania. London—New York, 1964.
- Iorga N. Istoria românilor, v. X. Buc., 1939.
- Iorga N. La «Livre rouge» autrichien. Jassy, 1917.
- Iorga N. Comment la Roumanie s'est détachée de la Triplice. Buc., 1923.
- Iosa M. Despre situația clasei muncitoare din România între 1900—1918.—«Studii», 1956, № 4.
- Iosa M. Despre dezvoltarea industriei în România la sfârșitul secolului al XIX-lea și începutul secolului al XX-lea (1880—1914).—«Studii și materiale de istorie moderna», v. 3. Buc., 1963.
- Jancovici D. Take Jonesco. Paris, 1919.
- Kiritzesco C. La Romanie pendant la guerre mondiale. Paris, 1934.
- Kiritescu C. Istoria războiului pentru întregirea României. Ed. II-a, v. I—III. Buc., 1927.
- Kirițescu C. Preludiile diplomatice ale războiului.—«Viața românească», 1940, № 6.
- Kirițescu C. Unele probleme financiare ale României în perioada neutralității armate (1914—1916).—«Finanțe și credit», 1964, № 10.
- Lecții în ajutorul celor care studiaza istoria. P. M. R. Buc., 1960.
- Liveanu V. Armistițiul de la Focșani.—«Studii», 1954, № 4.
- Liveanu V. Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului dela Buftea.—«Studii și materiale de istorie contemporana», v. I. Buc., 1956.
- Liveanu V. Unele probleme privind România în timpul primului război mondial în lumina lucrărilor lui V. I. Lenin.—«Studii», 1960, № 2.
- Liveanu V. Despre situația revoluționara din România.—«Studii», 1957, № 3.
- Liveanu V. Evenimentele premergătoare armistițiului dela Focșani.—«Studii și referate privind istoria României», p. II. Buc., 1954.
- Liveanu V. Influența revoluției ruse din februarie 1917 în România.—«Studii», 1956, № 1.
- Liveanu V. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. Buc., 1960.
- Liveanu V. «Pravda» despre mișcarea revoluționara din România (1917—1921).—«Studii», 1967, № 5.
- V. L. Despre broșura «Cum s'a prapădit țara».—«Analale», 1957, № 3.
- Loghin A. Aspecte ale avântului mișcării revoluționare din Moldova în anii 1917—1918.—Analele științifice ale Univ. «Al. I. Cuza» din Iași, sect. 3, 1962.
- Lupta pentru refacerea și dezvoltarea mișcării muncitorești între 1900 și 1917. Buc., 1956.
- Marea Revoluție socialistă din Octombrie și România. Buc., 1967.
- Matei P., Ion T. Despre situația revoluționara din România între anii 1918 și 1922.—«Studii», 1957, № 2.
- Matichescu O. Acțiunile revoluționare din Iași desfășurate în cursul lunii mai 1917.—«Studii», 1967, № 5.
- Mitrany D. The Land and the Peasant in Rumania. London—New-Haven, 1930.
- Mihailescu P. M. România în calea imperialismului rus. Buc., 1944.
- Mișcarea muncitorească din România în primele decenii ale secolului al XX-lea (1900—1917).—«Lupta de clasă», 1963, № 11.
- Mocanu C. Raspândirea unor lucrări ale lui V. I. Lenin în mișcarea muncitorească din România în perioada noiembrie 1917—mai 1921.—«Analele», 1963, № 6.

- Pacafian T. V. Jertfele românilor din Ardeal, Banat, Crișana, Satmar și Maramureș în războiul mondial. Sibiu, 1923.
- Pentru aplicarea consecvența a teoriei marxist-leniniste în cercetările istorice.— «Studii», 1968, № 6.
- Pingaud A. Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre, t. II. Paris, 1939.
- Polizu-Micșunești N. Nicolae Filipescu. Buc., 1936.
- Popescu-Puțuri I. Rădulescu I. România și Marea Revoluție Socialistă din Octombrie.— «Analele», 1967, № 4.
- Relații agrare și mișcări țărănești în România. Buc., 1967.
- Renouvin P. La crise europeene et la grande guerre. Paris, 1939.
- Roller M. Avântul revoluționar din România în anii 1917—1921.— «Analele», 1957, № 6.
- Roller M. Despe răscoala flotei române din decembrie 1917 — aprilie 1918 și lupta marinarilor române pentru revoluție din Octombrie.— «Lupta de clasă», 1955, № 12.
- Roller M. În legatura cu mișcarea muncitorească din România. Buc., 1945.
- M. R. Unele materiale noi privind frământările revoluționare din Moldova în 1917.— «Analele», 1956, № 5.
- Situația clasei muncitoare din România 1914—1944. Buc., 1966.
- Seton-Watson R. W. Rumania and the Great War. London, 1915.
- Spector Sh. D. Rumania at the Paris Peace Conference. A Study of the Diplomacy of Ioan I. C. Brătianu. New-York, 1962.
- Stienon Gh. Le mystere roumain et la defection russe. Paris, 1918.
- Tudoran G. Luptele muncitorilor dela Galați din 13 iunie 1916 și acțiunile de solidaritate din țara.— «Analele», 1958, № 3.
- Tudoran G. 13 iunie 1916. Buc., 1966.
- Toaca I. Din acțiunile revoluționare ale ostașilor armatei burghezo-mosierești (1917—1921).— «Studii», 1958, № 6.
- The Times History of the War, v. 11, 17. London, 1917, 1918.
- Torrey G. E. The Rumanian—Italian Agreement of 23 September 1914.— «The Slavonic and East-European Review», July, 1966.
- Vaida A. C., Bîrdeanu N. Pavilionul revoluționar la Călugăreni. Buc., 1959.
- Varga V. A. Avântul mișcării muncitoare din România în anii 1917—1921.— «Analele», 1961, № 1—2.
- Varga V. A. Retragerea armatei germane din România în sfârșitul anului 1918.— «Studii», 1961, № 4.
- Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 11, 13. Berlin, 1938, 1942.
- Xenopol N. La richesse de la Roumanie. Buc., 1915.
- Xeni C. Take Ionescu 1858—1922. Buc., 1933.
- Zaharia D. Unele acțiuni revoluționare în regiunea Bacău în perioada februarie—octombrie 1917.— «Studii și articole de istorie», IV. Buc., 1962.
- Unc Gh. Solidaritatea maselor muncitoare din România cu Rusia Sovietică (1918—1920).— «Analele», 1961, № 1—2.

- Авереску А. 60, 67, 69, 70, 175, 181,
 182, 187, 189, 196, 197, 199, 212,
 216, 217, 246, 272, 273, 282, 283,
 286—290, 296—299, 301, 307, 316,
 321
 Аксенов 240
 Аксенчук В. 20, 34
 Алексе Г. 110
 Алексеев М. В. 141, 142, 150—157,
 166, 167, 179, 181, 182, 184—186,
 199
 Ангелеску К. 79, 262
 Андрееску Н. 97
 Антипа Г. 228, 229
 Антонеску В. 279, 302
 Арборе-Ралли Е. 107, 108, 217, 232—
 234, 320, 337
 Аржетояну К. 44, 45, 48, 55, 58, 64,
 65, 69, 81, 97, 158, 165, 215, 296, 299
 Арион К. К. 272, 273, 290, 300
 Арсеньев Б. 52, 127
 Арц фон 182
 Аслан Т. К. 33, 35
 Аслан (генерал) 179
 Афтенюк С. Я. 260
 Багратион Д. 188
 Базаревский А. 152, 154
 Базилеску 54
 Базили А. 155, 156
 Бакапов 242
 Балкалбаша К. 226
 Бантя Е. 205
 Барклай 76, 140—143
 Бебяну П. 322
 Белдиман 45
 Белдиман Э. 18, 52, 81
 Беляев М. В. 187
 Бенкендорф А. К. 133, 138, 139, 141,
 142
 Березняков Н. В. 260, 263
 Бериндей А. 229
 Бернштейн Э. 111
 Бертело К. 186, 187, 216, 279, 304,
 336
 Берхтольд Л. 130
 Бетман-Гольвег Т. 100
 Беческу-Сильван Г. 35, 53
 Бибеску В. 82
 Бибеску Г. 225
 Бирман М. А. 108
 Бисмарк О. Э. 12, 31, 32
 Благоев Д. 107
 Блондель 128, 137, 155, 158
 Богдан Н. 254
 Богза В. 195
 Бойль 272, 274
 Большаков 205, 214
 Браду М. 96, 97
 Бранденштейн 305
 Брешко-Брешковская Е. К. 201
 Бриан А. 154, 159
 Брусиллов А. А. 61, 70, 73, 153, 160,
 178, 186—188, 202
 Брэтешану 95
 Брэтиану В. 15, 16, 27, 28, 53, 159,
 219, 248, 249
 Брэтиану Ионел (старший) 15, 32
 Брэтнану Ионел (младший) 15, 29,

- 38, 40, 42, 43, 45—47, 52—55, 57, 59, 62, 63, 65, 67, 69, 71, 73, 77, 80—83, 85, 87, 92, 94, 110, 121—123, 126—144, 147—149, 151; 153, 154, 157—168, 174, 184, 186, 188, 193, 198, 199, 203, 210, 212, 246, 279—282, 286, 287, 293, 294, 296, 298, 300—304, 306, 321, 348, 349
- Брэтиану К. 15, 16
- Бужор М.-Г. 26, 27, 109, 110, 119, 204, 205, 207, 211, 212, 218—220, 223, 252, 257—260, 268, 269, 275
- Бузинов 270
- Бургель 196
- Буриан 84, 146, 148, 164
- Бухарин Н. И. 272
- Буше фон 59, 145, 147, 160, 161, 163
- Быков 242
- Бырдяну Н. 263, 265, 266
- Бэлэнеску 264
- Бэнеску Н. 165
- Бэляну 266
- Бюлов Б. 37
- Вайда А. Г. 263, 266
- Вайда-Воевод А. 145, 147
- Вальдхаузен 47
- Вандель П. П. 311, 339, 341
- Варга В. А. 333
- Василеску-Вася 204, 205
- Векслер М. 204, 205, 209, 210, 246
- Велбург Г. 227—229
- Веселкин 80, 85
- Вивеску 274
- Виктория (английская королева) 55, 301
- Вильгельм (германский кронпринц) 36, 37
- Вильгельм II (германский император) 42, 47, 70, 85, 283, 289, 318, 344
- Вильсон В. 280, 300, 303, 304
- Влахуцэ А. 194
- Володарский В. 240
- Вольтер Ф.-М. 223
- Врынчану С. 118
- Гаазе Г. 111, 256, 320
- Гагарин М. 192, 194, 197, 213
- Гане К. 41, 283
- Гегель Г. В. 267
- Гелертер 100, 219
- Генегарю А. 325
- Генегарю М. 276, 324
- Геннадий (митрополит) 59
- Георге П. 247
- Георге М. 247
- Георгиу И. 35, 158
- Георгиу Ш. 26, 49
- Герин 276
- Гертлинг Г. 284
- Гетцендорф К. фон 121
- Гинденбург П. фон 113, 178—180, 182
- Глуговский А. Н. 277
- Гога О. 39, 70, 146
- Голдиш В. 146
- Горький А. М. 256
- Грей Э. 128, 132, 134, 138
- Григореску Е. 301
- Гринвальд К. К. 14
- Гриффитс Н. 193, 196, 225
- Гросул Я. С. 260
- Грэдиштяну М. 45
- Гурко В. И. 188
- Гучков А. И. 206
- Данилов 65
- Дегтярев Л. 242, 245
- Делавранча Б. 17, 30
- Дельбрюк Г. 228, 279
- Делькассе Т. 128, 134, 135
- Дембо В. 291
- Джорджеску В. 270
- Джорджеску Т. 117
- Диамадеску Т. 217, 275
- Диаманди Дж. 54, 59, 125, 126, 132, 133, 137, 140, 144, 152, 214, 220, 244, 245
- Димитров Г. 107
- Динку 253
- Дитерихс 237
- Дическу-Дик И. 205, 257, 258, 268, 269, 275
- Добреску Г. 36, 68, 92
- Доброджану-Геря А. 211
- Доброджану-Геря К. 24, 25, 99, 108, 207, 212, 218, 329, 330

- Дойч Р. 207, 246, 323
 Драгичану В. Н. 334
 Дрэничану Д. 276
 Дука И. Г. 43, 199
 Думитреску И. 208
 Думитреску К. 205
 Духонин Н. Н. 238, 240
 Дыков И. Г. 200, 238, 240, 260
 Дьяконеску Э. 31
 Дюма Ш. 104

 Егоров А. И. 270
 Емец В. А. 128
 Енашеску 72
 Еремия 305
 Ерусалимский А. С. 31, 32
 Есауленко А. С. 261
 Ешану Л. 308, 340

 Жанен 182, 185, 186
 Железняков А. Г. 266, 267, 273
 Жилинский 152
 Жоффри Ж. 154, 155, 157, 158, 190

 Зайончковский А. М. 174, 179, 180, 182, 183
 Залик А. 268, 275
 Заславский П. С. 218
 Засядко 188, 192
 Захария Д. 194, 209
 Захария П. 118
 Зотту В. 174

 Игнат Г. 217
 Игнатъев 173
 Извольский А. П. 131, 136, 141, 142, 153, 159
 Илиеску Д. 156, 173—175, 177, 180, 182, 185
 Инкулец И. 261
 Ионеску П. 253
 Ионеску Таке 17, 18, 41, 45, 46, 61, 62, 70, 85, 140, 163, 198, 215, 281, 282, 287, 293—295
 Ионеску Тома 36, 70
 Истрати К. 59
 Иткис М. Б. 271

 Йорга Н. 60, 123, 167, 192, 194, 196, 207, 213, 246, 286
 Каган Г. 270, 273, 275

 Калин О. 111, 112, 204
 Кантакузино 192
 Канчиков В. 305, 335, 336, 341
 Карл (эрцгерцог), затем (император австрийский) 178, 183, 284, 324
 Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген 12, 13, 42—44, 48, 226
 Кароль (румьнский принц) 40, 209, 285, 301, 302
 Карп П. 37, 41, 44, 45, 53, 54, 68, 144, 163, 197, 234, 283—285
 Каутский К. 111, 256
 Кауфман 179
 Кельчевский 239
 Керенский А. Ф. 201, 211, 223, 237, 238, 256
 Кидерле-Вехтер 36, 37
 Кирицеску К. 56, 145, 174, 239, 240, 249, 263, 270, 274
 Клейн 111
 Клемансо Ж. 302, 348
 Коанда (генерал) 184, 186, 256, 303, 305, 306
 Коанда Г. 310, 311
 Кодряну И. З. 291, 296
 Кожокару Г. 98
 Коллонтай А. М. 323
 Коман К. 98
 Кондееску 337
 Кондурушкин И. 274
 Коновалов В. Г. 275
 Конрад фон Гетцендорф Ф. 46
 Константины 187
 Константинеску Алеку 26, 108, 109, 114, 115, 233, 234, 246, 254, 317, 319, 328
 Константинеску А. (министр) 294
 Константинеску М. 30
 Константинеску Н. Н. 20, 34, 195, 225
 Константинеску О. 20
 Копюю Н. 24, 48
 Корнев 240
 Корнилов Л. Г. 211, 212
 Короленко В. Г. 212
 Кортяну А. 54, 113
 Кослинский 267
 Костинеску Р. 81
 Костинеску Э. 16, 17, 63, 73, 81, 83, 95, 142, 148, 162

- Котеску Ш. 326
Крафт фон Дельмензинген 183, 184
Кристеску Г. 109, 232, 337
Кросс Б. Б. 38, 123
Круцеску 337
Крыленко Н. В. 243, 244
Крэйничану 135, 197, 271
Крянга Дж. 10
Ксенопол А. 58
Ксенопол Н. 14, 34
Кудашев Н. 124, 133, 134, 142, 151, 166
Куза А. И. (князь) 12
Куза А. К. 296
Куль фон 228, 279
Кун Б. 325
Кушнир-Михайлович К. 320, 340, 342
Кээништяну К. 231
Кульман Р. 284, 286, 288—290
Кюне 183
- Лагиш 149
Ламбру 197
Лапда Н. 201
Лансинг Р. 262
Лаховари И. 45, 154
Лаховари Я. 64, 65
Левицкий 238
Ледебург 11, 320
Ленин В. И. 10, 14, 23, 36, 48, 99, 102, 109, 110, 113—117, 169, 201, 203, 244, 245, 256, 258, 260, 270, 272, 325, 332, 344, 345, 350
Либер А. 208
Либкнехт К. 108, 114, 318
Ливяну В. 36, 117, 123, 208, 213, 215, 219, 231, 246, 248, 249, 269, 279, 308, 310, 317, 319, 328, 337, 338, 340
Лисецкий А. М. 220
Ллойд Джордж Д. 154, 280
Луи А. см. Антонеску В.
Лукач В. 146
Лукомский 212
Лукрециу Г. 114
Лупу К. 227
Лупу Н. 95, 194, 213, 214, 284
Людендорф Э. фон 177—179, 182, 183, 190, 284, 300
- Люксембург Р. 51, 108, 114, 318
- Маврокордато 164
Майореску Т. 29, 163, 164, 197
Макензен А. фон 65, 160, 181, 183, 184, 216, 227, 228, 271, 279, 283, 285, 304, 306, 333
Мальчиковский В. 266, 267
Мангра (епископ) 39
Маниу Ю. 146
Маргиломан А. 30, 41, 45, 46, 54, 57, 58, 63—65, 68, 73, 81, 83, 113, 129, 145, 147, 160—164, 197, 226, 230, 231, 233, 234, 281, 283—285, 287, 290, 291, 293, 294, 300—304, 307, 308, 310, 312, 320, 321, 333
Марин Г. 254, 322, 323, 342
Маринеску Д. 107—109
Мария (румынская королева) 55, 61, 184, 191, 192, 212, 217, 226, 281, 283, 287, 301, 308
Маркиш 259
Маркс К. 323
Матикеску О. 206
Милле К. 41, 61, 62, 84, 85
Милюков Н. 213
Милюков П. Н. 205
Митрани Д. 14
Михаил (русский великий князь) 199
Михали Т. 145
Мишу 300
Молдовану Л. 196
Морген фон 239
Морковеску А. 98
Морцун В. 90, 148
Москович И. 319, 342
Москович К. 208
Мосолов А. А. 188, 189, 191, 196, 199, 203, 205—207, 212
Мостовенко П. Д. 195, 196
Мохов Н. А. 260
Мошану А. К. 27, 98
Мунтяну И. 273
Муравьев 156, 166
Мустац 226
Мушетеску Г. 266, 269
- Негосску П. П. 215
Негойца К. А. 213

- Негулеску Н. П. 297
Нератов 84, 85, 158, 159
Николае (румынский принц) 212, 285, 301
Николай II 38, 69, 70, 85, 153, 344
Николау А. 127, 218, 219, 221, 268, 275, 326—328, 330—332
Никольсон Г. 349
Никулеску-Доробанц И. 15, 82
Никуляну 149
Нотович Ф. И. 43, 122, 123, 133, 134, 289
Ноэль 302
- О'Берн 138**
Оствальд П. 31
- Пакацян Т. В. 61, 277
Палеолог М. 153—155, 158, 159
Палицин 197, 251
Палчевский 239
Панайтеску 197
Панайтеску Ш. 208, 211
Пескариу Х. 277, 325
Петси 186
Петреску Т. 319
Петреску Э. 89, 226
Петришор В. 24
Пилат И. 15
Пинго А. 152, 154, 158
Пишон 149, 177
Подвойский Н. И. 244
Поклевский-Козелл С. А. 38, 41—43, 46, 66, 75, 84, 85, 124—126, 131—133, 135, 137—140, 142—144, 149—151, 154, 155, 157, 180, 188, 210, 212, 213
Покровский М. Н. 123
Покровский Н. 197
Пол Т. 20
Поливанов А. А. 133
Полизу-Микшунешть Н. 62, 69
Попа М. Н. 40
Попеску Е. 231, 232
Попеску К. 22
Попович В. 195, 275
Попович Г. К. 265, 315
Презан (генерал) 190, 242
- Презан (майор) 226
Принцип Г. 5
Прокопиу Г. 53, 160, 274
Пуанкарэ Р. 143, 153
Пуришкевич В. М. 69
Пую В. 247
Пэтэн (полковник) 240
- Раваш Г. 77, 78**
Радович А. 105
Разу 314
Раковский Х. 101—104, 113, 116, 205, 207, 211, 212, 218, 220, 222, 223, 256, 258, 268, 299
Ранду 284
Рожко В. М. 218, 267, 268, 273
Ройтман Н. Д. 271
Роллер М. 263
Ромало 209
Ромейко-Гурко В. И. 186
Росетти Р. 113
Росетти Т. 44
Рошаль С. М. 240, 242, 271
Рябишин-Скляревский А. 240, 262, 270
- Сазонов С. Д. 38, 66, 69, 75, 122, 124—126, 128, 131—134, 136—144, 149—156, 158, 166
Сайзу И. 340
Сакс 84
Сапников 193
Сахаров 186, 188, 189, 200
Семенов 38, 132, 149, 176
Сеп-Олер 158, 302
Сечеляну 83
Сидери А. 315
Симпсон Ф. Г. 225
Сион И. 219, 316
Скина 271
Слуцкая К. 261—263, 271
Софронис 81
Спектор Ш.-Д. 165, 303, 348—350
Спиро В. 269
Стоенеску А. 226, 227, 334
Стойка В. 294
Стронч 208
Стронч Г. 265, 315
Стурдза (полковник) 197

- Стурдза Д. А. 113, 252, 321
Стурдза И. 85
Сухомлинов 83
- Татаринов 149—151, 155—157, 180, 181
Теклу И. 216
Темкин Я. Г. 114
Терещенко М. И. 212
Тизенгаузен 210, 212, 237
Тисса И. 40, 145—147
Томпсон 225, 226
Торри Г. Е. 59, 123
Троицкий Л. Д. 256
Тудоран Д. 119
Тюльф фон Чепе 228, 285
- Унк Г. 277
Уотерс 154
- Фалькенгейн фон 182
Фашиотти 57
Федоров В. 177
Фердинанд (румынский король) 55, 144, 162, 163, 174, 181, 189, 199, 206, 212—215, 242, 251, 263, 265, 283—285, 287, 288, 300—303, 338, 344
Фердинанд (болгарский царь) 300
Ферекиде М. 46, 57
Филипеску Г. 17, 82, 297
Филипеску Н. 17, 41, 45, 58—60, 62—69, 82, 140, 163
Филитти И. Ф. 56
Филотти 88
Флориан И. 205
Фонеску П. 96
Фотино Дж. 43, 44
Фош Ф. 350
Франк В. 183
Франц-Иосиф (австрийский император) 41, 42, 70, 85, 147, 148, 277
Франц-Фердинанд 5
Френкин М. С. 200, 261, 271
Фридрих II 198
Фридрих-Вильгельм (пруссский принц) 283
Фриму И. К. 26, 108, 110, 232, 234, 337
- Фрунзе А. 113
Фрэнсис 245
- Халипа П. 291
Ханенфогель 82
Хенч 239
Химсон Т. 233, 253
Хоссу 146
- Цигара-Самуркаш А. 226, 333
- Чернин О. 40, 44, 47, 84, 85, 124, 125, 130, 145, 147, 148, 160—163, 284—288
Черчилль У. 56, 62
Чехан-Раковица К. 299
Чиалдеа Л. 31
Чинку Н. 194
Чубук 209
Чхеидзе Н. С. 111
- Шиллинг М. Ф. 126, 134, 136, 137, 145, 152, 154, 158, 159
Шингарев 193
Шишкевич 42
Шлиффен 55
Шмелц 92
Штейн Б. Е. 349
Штернберг Г. 233, 253
Штирбей 147
Штюрмер Б. В. 158, 259
- Щербачев Д. Г. 200, 202, 206, 210—212, 238—243, 262, 270, 271
- Эберт Ф. 50
Эминеску М. 16
Энгельс Ф. 100, 314, 323
Эндрюс 280
Эрцберггер М. 146, 147
- Яковлев Л. И. 277
Якош И. 24
Ян В. см. Янцевецкий В.
Янковеску 288
Янушкевич Н. Н. 133, 134
Янцевецкий В. 66, 76, 188

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МЕЖДУ ДВУМЯ ЛАГЕРЯМИ	Глава первая Страна исторических контрастов	9
	Глава вторая Июльский кризис 1914 г. и Румыния	31
	Планы и расчеты правителей	31
	Коронный совет в Синае	40
	Первые антивоенные выступления пролетариата	48
	Глава третья Олигархия и война	52
	Споры о том, когда и к кому примкнуть	52
	Спекулятивная лихорадка во внешней торговле	71
	Глава четвертая Трудящиеся и война	86
	Обострение нужды и лишений народных масс	86
	Румынское рабочее движение и вопросы войны, мира и революции	98
	Глава пятая Дипломатический торг Иоиела Брэтиану с Антантой	121
	Русско румынская конвенция (18 сентября — 1 октября 1914 г.)	121
	Конец 1914 и 1915 год	130
	Решающий 1916 год	148
ЧАСТЬ ВТОРАЯ в огне войны	Глава шестая Кампания 1916—1917 гг.	173
	Глава седьмая Февральская революция 1917 года в России и Румыния	191
	Разруха, эпидемии и голод	191
	Румынский фронт, февраль — октябрь 1917 г.	199
	Классовая борьба в несоккупированной Румынии	203
	На пути к ленинизму	217
	В оккупированной зоне	224

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУМЫНИЯ	Глава восьмая	
	Первые отклики	237
	Румынский фронт после Октябрьской революции	237
	Развертывание массового движения в Румынии	245
	Глава девятая	
	Румынские интернационалисты в Одессе и в Москве	256
	Глава десятая	
	Маневры румынской олигархии	278
	Бухарестский мир	278
	Кризис верхов	292
	Глава одиннадцатая	
	Классовые бои накануне окончания мировой войны	307
	Заключение	344
	Источники и литература	351
	Указатель имен	363

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
42	5 стр.	Bd. I 1912—1923 гг. 18 человек них в 4 часа дня 1 (11)	Bd. VIII 1912—1913 гг. 118 человек войны в 4 дня 1 (11) января
48	23 св.		
94	6 св.		
114	16 стр.		
158	19—20 св.		
352	6 св.		

В. Н. Виноградов. Румыния в годы первой мировой войны.

Редактор издательства *Г.*
 Художник *А. Г. Кобрик*
 Технический редактор *О. Г. Ульянова*

Сдано в набор 8/V 1969 г.
 Подписано к печати 12/VIII 1969 г.
 Формат 60×90^{1/16}. Бумага: № 2
 Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 23,6
 Т-11250. Тип. зак. № 5661. Тираж 1100 экз.

Цена 1 р. 61 к.

Издательство «Наука»,
 Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21
 2-я типография Издательства «Наука»,
 Москва Г-99, Шубинский пер., 10